Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН)

УДК 947.088(572.6)
№ НИОКТР 01201152561

УТВЕРЖДАЮ
директор ИИАЭ ДВО РАН,
д.и.н., чл.-корр. РАН
_____ Н.Н. Крадин
«_8_» _февраля_ 2021 г.

ОТЧЕТ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

по теме

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

(заключительный)

Руководитель НИР,
главный науч. сот.,
проф. д-р ист. наук _____ А.С. Ващук

Владивосток 2021

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель НИР,
главный науч. сот.,
проф., д-р ист. наук — 8.02.21 — А.С. Ващук
подпись, дата — (Реферат, введение, основная часть, (разделы 1.1., 1.3-1.7, 1.9, 2.2, 2.3, заключение)

Исполнители:

вед. науч. сотр.
д-р ист. наук, — 8.02.21 — Е.Н. Чернолуцкая
подпись, дата — (Разделы 1.2, 2.1., 2.3)

ст. науч. сотр.
канд. ист. наук, — 8.02.2021 г. — Ю.Н. Ковалевская
подпись, дата — (Раздел 1.8)

науч. сотр.
канд. ист. наук, — 8.02.2021 — Е.С. Волкова
подпись, дата — (Приложения)

ст. лаборант — 8.02.2021 г. — Н.В. Заровнева
подпись, дата — (Список использованной литературы, общее техническое оформление)

Нормоконтролер — 8.02.2021 г. — Ж.М. Баженова
подпись, дата

РЕФЕРАТ

Отчет 419 с., табл.14, илл. 14.

РОССИЯ, ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ТРАНСФОРМАЦИЯ, РЕФОРМЫ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ИСТОРИОГРАФИЯ, КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Объектом исследования являются общество и власть на российском Дальнем Востоке. Цель: получение новых знаний о социальном и политическом процессах, протекавших в СССР во второй половине XX в., и в России в 1990-е годы – начале XXI в. с учетом регионального фактора; выявление места и роли Дальнего Востока в развитии российского цивилизационного комплекса как в условиях стабильности социально-экономической системы советского типа, так и её кризиса. В Программе были поставлены главные задачи: установление этапов и основных тенденций трансформации регионального сообщества и власти на протяжении почти 60-летнего отрезка истории; анализ влияния радикальных реформ 1990-х годов на дальневосточное сообщество; выявление роли региона в обеспечении социально-политической безопасности России в контексте трансформационных процессов. Проект выполнялся в три этапа, и каждый из них имел свои задачи, но связанные между собой. Первые два этапа программы были реализованы в 2011–2016 гг. Задачи третьего этапа (раскрыть влияние рыночных реформ на дальневосточный социум в объективном и субъективном измерениях по следующим направлениям: трудовые ресурсы и миграция, молодежь и служба в армии, социальные обязанностей государства, кризис повседневности, модели адаптации населения, криминальная сфера, система образования, сфера культуры, конфессиональное пространство) были решены в 2017-2020 гг.

Использовался общий методологический инструментарий исторической науки: принцип историзма, проблемно-хронологический, системный, причинно-следственный, структурно-функциональный, историко-типологический, количественный методы, микроанализ, антропологический и конструктивистский подходы. Широко применялся метод компаративистики в региональном историческом исследовании, а также концепция трансформации, использовался отдельный инструментарий интеллектуальной истории, теории повседневности, отдельные методы социологической, политологической отраслей знаний.

Научная новизна. Исследование выполнено на базе разработанной научным коллективом концепции «социальной многослойности» советской и постсоветской истории, которая вытекает из парадигмы трансформаций. Введены новые типы источников. Разработаны параметры процесса трансформации советского общества. Выделены ее нескольких уровней. Первый – параллельный анализ эволюции властных отношений и изменений в обществе, второй – это формат сопоставления структурной, демографической и социально-антропологической динамики с учётом регионального развития

событий. Третий уровень – выявление отражений трансформационных проявлений в культурной и духовной сфере. Достигнут новый уровень фундаментальных знаний о дальневосточном обществе, политических и культурных процессах, их региональной специфике на структурном уровне и в области повседневности, культурной сфере. Установлены последствия одновременного процесса смены форм собственности и перехода к программно-целевому методу развития территории, их последствий в регионе. Сделан вывод об усложнении дальневосточного сообщества и неустойчивости сферы повседневности в трансформационный период. Установлена специфика государственно-конфессиональных отношений. Доказано, что в период радикальных реформ дальневосточники находились в поиске своего места и роли в социуме, и продолжали находиться в кризисном состоянии в начале 2000-х гг.

Степень внедрения и апробации: в 8 монографиях (4 коллективные и 4 индивидуальные), в 3 сборниках, в 1 энциклопедическом издании, 377 статьях (в журналах и изданиях базы WoS –Scopus – 12, ВАК – 109, РИНЦ – 238, зарубежных изданиях – 12, других изданиях – 17), в 277 докладах, из них на международных конференциях – 97 (в том числе 13 за рубежом), на всероссийских – 60, на региональных – 120. Результаты использовались в курсах лекций, аналитических записках к докладу Секретаря Совета Безопасности Президенту РФ «О состоянии национальной безопасности Российской Федерации и мерах по её укреплению»: раздел «Социально-демографическая обстановка на Дальнем Востоке России в контексте безопасности», а также в экспертных заключениях по просьбе органов власти и вузов.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АОН при ЦК КПСС – Академия общественных наук при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион

АТЭС – Форум экономики Азиатско-Тихоокеанского региона по сотрудничеству в области региональной торговли

БАМ – Байкало-Амурская магистраль

БЕЛАЗ – Белорусский автомобильный завод

БСМ (Бригадмил) – Бригада содействия милиции, общественная организация в СССР, оказывавшая помощь милиции в охране общественного порядка в 30–50-х гг.

ВВП – Валовый внутренний продукт

ВНП – Внутренний национальный продукт

ВПШ – Высшая партийная школа

ВСО – Вооруженный Военно-строительный отряд

Главлит – Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР и его подразделения на местах (край-, обл-, гор-, райлиты)

ГО МГБ – Городское отделение Министерства государственной безопасности.

Госплан – Государственный плановый комитет

ГТК – Государственный таможенный комитет

ГУ ОБХСС – Главное управление Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности

ГЭС – гидроэлектростанция

Дальстрой – Главное Управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР

ДВГТУ – Дальневосточный государственный технический университет (до 1992 г. – Дальневосточный политехнический институт им. В.В. Куйбышева, он же – ДВПИ, с 2010 г. – в составе ДВФУ)

ДВГУ – Дальневосточный государственный университет (с 2010 г.– в составе ДВФУ)

ДВНЦ – Дальневосточный научный центр

ДВО АН СССР – Дальневосточное отделение Академии наук СССР

ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук

ДВФО – Дальневосточный федеральный округ

ДДП – Демократическое движение за перестройку

ДГП – Долгосрочная государственная программа

ДНД – Добровольная народная дружина, общественная организация в СССР, оказывавшая помощь милиции в охране общественного порядка в 1959–середине 1980-х гг.

ДС – Дальстрой

ЕАО – Еврейская автономная область

ЗАТО – Закрытое административно-территориальное образование, город закрытого типа

ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии

ИТЛ – Исправительно-трудовой лагерь

ИТР – Инженерно-технические работники

КАМАЗ – Камский автомобильный завод

КГБ – Комитет государственной безопасности

КНДР – Корейская Народная Демократическая Республика

КНР – Китайская Народная республика

КоАП – Кодекс об административных правонарушениях

КПГК – Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

Крайком – Краевой комитет Коммунистической партии Советского Союза

Крайунху – Краевое управление народнохозяйственного учёта

ЛТП – Лечебно-трудовой профилакторий, учреждение, в котором проходили медикаментозное и трудовое лечение алкоголики и наркоманы

МАЗ – Минский автомобильный завод

МАИ – Московский авиационный институт

МВД – Министерство Внутренних дел

МХГ – Московская Хельсинская группа (правозащитная организация)

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности

НКО – Некоммерческая организация

НМО – Научно-методический отдел

НТР – Научно-техническая революция

ОБХСС – Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности

ОВД – Органы внутренних дел

ОРС – Отдел рабочего снабжение

ПРИМТАСС – Приморское отделение ТАСС

ПТУ – профессионально-техническое училище

РАО «ЕЭС России» – Российское акционерное общество «Единые энергосистемы России»

РО МГБ – Районное отделение Министерства государственной безопасности

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СМ СССР – Совет Министров Союза Советских Социалистических республик

СМИ – Средства массовой информации

Совнархоз – Совет народного хозяйства

СРВ – Социалистическая Республика Вьетнам

СЦДНИ – Сахалинский центр документации новейшей истории (современный Государственный исторический архив Сахалинской области)

СЭЗ – Свободная экономическая зона

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза

ТОЗ – Тихоокеанская звезда

ТОФ – Краснознамённый Тихоокеанский флот (ТОФ) — оперативно-стратегическое объединение Военно-Морского Флота России (ВМФ РФ)

ТЭК – Теплоэнергетический комплекс

УДМ МВД – Управление по делам миграций Министерства внутренних дел Российской Федерации

УК – Уголовный кодекс

УМВД – Управление Министерства Внутренних дел

УМГБ – Управление Министерства государственной безопасности

УСВИТЛ – Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей

ФМС МВД – Федеральная миграционная служба Министерства внутренних дел Российской Федерации

ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Демографическое поведение – это сложный результат взаимодействия физиологических и психологических характеристик индивида, условий его жизнедеятельности, а также духовных норм и ценностей окружающих его социальных групп и общества в целом, совокупность действий индивидов и межличностных отношений, направленных на изменение или сохранение демографического статуса или состояния (брачность, разводимость, рождаемость, смертность, миграция)

Идиографический подход (от греч. ἴδιος – особенный, своеобразный, странный, необычный, неслыханный) занимается описанием отдельных, уникальных фактов, имеющих качественное своеобразие.

Криминализация общественных отношений – социальный процесс, характеризующийся ростом преступности и обострением криминогенной обстановки; интенсивным втягиванием в преступную деятельность представителей различных слоёв населения, до сих пор не имевших подобного опыта; проникновением преступных элементов во властные и общественные структуры и подчинением последних влиянию преступных группировок; трансформацией системы ценностей и норм поведения, бытующих в обществе, под воздействием криминальной субкультуры; проникновением уголовного жаргона в повседневную речь широких слоёв населения.

Новые религиозные объединения – все религиозные феномены, впервые появляющиеся в данный исторический период на данной территории (термин не предполагает наличия у них однотипных признаков содержания вероучения и однозначной хронологической привязки).

Номотетический подход *(от греч. νομοθετική – законодательное искусство)* – генерализующий способ познания, имеющий целью установление общего (сходного, родственного) в явлениях, которое рассматривается как объективная закономерность (закон природы/общества). В пределе номотетический метод стремится свести каждое явление к его причине (детерминизм) и численным параметрам, а взаимодействие между явлениями – к формуле.

Потенциал государства – данное понятие (адаптированное к задачам нашего исследования) понимается как способность центральной власти проводить решения в жизнь. Чем выше потенциал государства, тем более вероятно прямое правление и, наоборот, при низком потенциале, как правило, возможно лишь непрямое правление, осуществляемое с опорой на местных носителей власти, т.е. региональных правителей

Трансформация – это процесс, раскрывающий доминирующий вектор изменений. Любое качественное изменение, даже если оно будет нести неоднозначные последствия, такие, например, как смена ценностных ориентаций.

Экстрактивные институты – формы политического и экономического господства, препятствующие извлечению выгоды из участия в экономических

отношениях большинством граждан и перераспределяющие собственность и доходы в пользу узкой привилегированной группы (элиты).

Прекариат — социальный слой, который представлен значительными социальными группами, имеющими особые характеристики, в частности неформальную, временную или частичную занятость, негарантированный характер трудоустройства и нестабильный, неустойчивый заработок.

«Ржавый пояс» − территория с высокой концентрацией технологически устаревших промышленных производств, где формируются специфические социально-экономические условия: снижение доли промышленности (особенно обрабатывающей) в ВВП (ВРП); уменьшение доли занятых в промышленности (преимущественно — в обрабатывающих производствах) среди общего числа работников; депопуляция («сжимающиеся города»), безработица, застойная бедность, деградация социокультурной среды.

Региональное конкурентное преимущество − ведущее понятие, объясняющее региональное неравенство, а также главный фактор развития регионов в экономической географии. С точки зрения экономгеографии, развитие регионов должно опираться на конкурентные преимущества, к которым относятся природные ресурсы, выгодная логистика, наличие крупных городских агломераций, квалифицированных или дешевых трудовых ресурсов. На базе локального конкурентного преимущества может возникнуть экономический кластер – кооперация связанных между собой производств и сервиса

Политическая повестка понимается как широкий спектр региональной тематики, которая обсуждалась в Москве на высшем уровне, с акцентом выявления отношения президентов России к возникающим ситуациям на Дальнем Востоке в период начала и развития радикальных преобразований.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 13

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ОТЧЕТА О НИР 38

1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1960 — 1980-Е ГГ. 38

1.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ С СССР. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПО ЛИНИИ ЦЕНТР – РЕГИОН 38

1.1.1. Состояние партийно-государственной власти в первой половине 1960-х годов и дальневосточная внутренняя политика. 38

1.1.2. Влияние «брежневского политического консенсуса» на дальневосточный курс 44

1.2. НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ЭТАПА. 46

1.2.1. Демографические изменения 46

1.2.2. Национальный состав дальневосточного населения 52

1.3. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1960—1985 ГГ. И ИЗМЕНЕНИЯ В ИСТОЧНИКАХ И ФОРМАХ ТРУДОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНА 68

1.4. ИСТОЧНИКИ ТРУДООБЕСПЕЧЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНЕРЦИОННЫХ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ 78

1.4.1. Внутренние ресурсы формирования трудового потенциала: традиционные и новые источники и формы 78

1.4.2. Иностранная трудовая миграция 113

1.5. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. ВКЛАД ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР 122

1.6. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ СООБЩЕСТВЕ (1960- НАЧАЛО 1980-Х Г.) 134

1.6.1. Специфика регулирования общественных отношений и социальной структуры в СССР 135

1.6.2. Изменения в региональном партийно-административном аппарате как части политического класса управленцев 142

1.7. ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ 186

1.7.1. Роль социальной политики в регулировании уровня жизни дальневосточников в первой половине 1960- х 186

1.7.2. Политика уравнительности и ее влияние на уровень жизни дальневосточников (вторая половина 60-х – первая половина 80-х годов). Дальневосточный социум на пути к потребительскому обществу 211

1.8. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО СОЦИУМА И КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ 224

1.8.1. Система образования как отражение как отражение развития советского общества 225

1.8.2. Модель культуры советского общества и ее развитие в регионе 252

1.8.3. Генезис неофициальной культуры: инакомыслие как признак усложнения социокультурной системы 277
1.8.4. Государственно-конфессиональные отношения 288
1.9. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ И РАЗРУШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ДИНАМИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ (1980-Е) 294
1.9.1. Ситуация во властных структурах Центра и региона. Социальные настроения населения в годы Перестройки 295
1.9.2. Кризис социальной политики советского типа, назревание социальной напряженности в регионе 310
1.9.3. Дальневосточное сообщество в «зеркале правонарушений» 315
2. ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 335
2.1. ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 337
2.1.1. Изучение трансформационных процессов на Востоке России в отечественной литературе 337
2.1.2. Основные результаты изучения зарубежной литературы 339
2.2. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ РОССИИ И ОТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ К РЕФОРМАМ 342
2.2.1. Дальний Восток в политической российской повестке 342
2.2.2. Реформы собственности в России и отношение региональных политиков к ней 345
2.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РЕГИОНЕ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ СТРУКТУР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 349
2.3.1. Вопросы развития дальневосточной территории в российской политике 349
2.3.2. Влияние реформ на социальные процессы. Трансформация структур повседневности 356
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 371
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 387
ПРИЛОЖЕНИЯ 411

ВВЕДЕНИЕ

Целью Программы «Трансформация общества и власти на Дальнем Востоке России (вторая половина XX – начало XXI в.)» является получение новых знаний о социальном и политическом процессах, протекавших в СССР во второй половине XX в., в России в 1990-е годы – начале XXI в. с учетом регионального фактора, выявление места и роли Дальнего Востока в развитии российского цивилизационного комплекса как в условиях стабильности социально-экономической системы советского типа, так и её кризиса. В Программе был поставлен ряд задач, среди которых, прежде всего, следует выделить:

- установление этапов и основных тенденций трансформации регионального сообщества и власти на протяжении почти 60-летнего отрезка истории;
- анализ влияния радикальных реформ 1990-х годов на дальневосточное сообщество;
- выявление роли региона в обеспечении социально-политической безопасности России в контексте трансформационных процессов.

Десятилетний проект выполнялся в три этапа, и каждый из них имел свои задачи, но связанные между собой. Первые два этапа реализации программы пришлись на 2011–2016 гг. Третий этап был выполнен в 2017–2020 гг., в русле уточненных задач.

1. Выявить региональную специфику постсоветских трансформаций в понимании отечественным и зарубежным научным сообществом.

2. Проанализировать реорганизацию власти в дальневосточном регионе России и реформу управления дальневосточными территориями с учётом места Дальнего Восток в политической повестке России. Определить первые результаты внедрения рыночных механизмов и новой модели управления развитием Дальнего Востока.

3. Раскрыть влияние рыночных реформ на дальневосточный социум в объективном и субъективном измерениях по следующим направлениям:

трудовые ресурсы и миграция, молодежь и служба в армии, социальные обязанностей государства, кризис повседневности, модели адаптации населения, криминальная сфера, система образования, сфера культуры, конфессиональное пространство.

Основная часть Отчёта состоит из двух разделов. Первый посвящен результатам исследования, полученным на первых двух этапах – в частности, исследованию трансформационных процессов в региональном измерении в период с 1960-х годов до 1991 г. включая период перестройки, который условно можно назвать генезисом переходного периода к новой общественной системе в России. Второй раздел раскрывает итоги изучения коренных изменений во властном пространстве и обществе в годы радикальных реформ. Учитывая специфику исследования периода радикальных реформ, методологическая часть, связанная именно с этими годами, дается более подробно во втором разделе Отчёта. В общем введении представлены общие методы и принципы.

Актуальность проекта. Обращение к анализу социально-политического процесса является фундаментальным универсальным приемом объяснения социального опыта в любой исторической эпохе с тех пор, как появилось государство. И в этом плане тема «Трансформация общества и власти в СССР во второй половине XX в. – начале XXI в.» занимает важную нишу в гуманитарных областях знаний.

Хронологические рамки проекта охватывают период 1960-х – начало XXI в., это время имеет важное значения для понимания одного из основных аспектов исторической науки. В частности, в поиске ответа на вопрос: по какому сценарию может развиваться общество при государственной форме собственности и в условиях системы управления, ядром которой является единственная политическая партия типа КПСС, а также созданная система государственно-территориального управления в СССР. Исследование трансформации власти и общества в региональном измерении дает возможность историку установить главные тенденции, объясняющие

углубление социально-политических противоречий, присущих обществу с особым типом социальных отношений и политическим регулированием во всех сферах жизнедеятельности.

Изучение истории Дальнего Востока в позднесоветский период дает широкие научные возможности для раскрытия особенности менталитета советской политической элиты и общества, его роли в распространении идей либерализма в конце 1980-х годов, понять вектор проведения реформ в регионе в 1990-х – начале 2000-х.

Проект создал базу для повышения качества фундаментальных и прикладных исследований в области общественных и гуманитарных наук. Он выполнил важные функции: развитие связей между научным сообществом и органами власти в новых постсоветских условиях, мобилизацию интеллектуальных и профессиональных ресурсов подразделения ИИАЭ ДВО РАН, установление научных связей с учёными других учреждений с целью завершения фундаментального издания «История Дальнего Востока» (Т. 3. Кн. 5). Способствовал выходу научного коллектива на уровень подготовки новой коллективной монографии. Программа создала условия для тесной интеграции российских учёных в мировое научное сообщество. В ходе выполнения проекта формировалась экспертная деятельность Отдела.

Характеристика историографической ситуации. Проблема социальной трансформации общества и власти в период СССР и в условиях новых системных реформ в России как в отечественной, так и зарубежной литературе до сих пор остается достаточно дискуссионной. Основная особенность отечественной историографии проблемы, которую мы начинаем с конца 1980-х годов (советский этап в историографии в данном случае не рассматриваем, эта тема подробно изложена в коллективной монографии [193, с. 23-29]), состоит в том, что, определение сути советского периода часто появлялось под влиянием разных идеологических установок, связанных с обоснованием неэффективности советской системы, порой публицистики, которая в 1990-е годы стала доминирующей в оценочных суждениях

относительно позднесоветской истории. Более того, появлялись выводы и с «лёгкого слова» пришедшего к власти политического лидера.

Поэтому новизной нашего историографического анализа является выявление так называемых прорывных концептуальных подходов и создание нового понятийного аппарата [193, с.23-29; 11]. Специальный раздел в упомянутой коллективной монографии посвящен зарубежной историографии [193, с. 54-84]. Авторы пришли к заключению, что на современном этапе в западной науке сформировалось новое поколение исследователей, точки зрения отличаются большим спектром подходов, в публикациях начала XXI в. прослеживается понимание того, что позднесоветская эпоха – более сложное, многослойное явление, чем это представлялось ранее. Говоря о достижениях современных англоязычных авторов относительно проблематики позднего социализма, нельзя это достижение отнести к изучению Дальнего Востока. В дисциплинарном отношении основную роль в изучении региона играют экономисты и географы, но волна этих трудов после пикового подъема в период строительства БАМа резко схлынула с уходом с исторической арены СССР. Другой пласт литературы, который был проанализирован участниками программы, был создан на теоретической платформе западных либеральных идей, когда поздняя советская история рассматривается либо с позиций тоталитаризма, либо в рамках рыночной экономики. Частным проявлением второго можно рассматривать теорию ресурсного проклятия Сибири [41].

Подобные концептуальные подходы и заданные характеристики социальных и политических реалий, экономического развития значительно упрощают исторический процесс. С позиций сегодняшнего дня наиболее корректной является теория трансформации советского общества, которая органично включает и анализ изменений во властном пространстве. Она позволяет преодолеть идеологическую зависимость от прежних конструкций и выйти на другой уровень системного понимания развития исторического процесса в СССР с учётом не только новых источников, но и ранее известных, если им поставить новые вопросы в рамках теории трансформации.

В китайской литературе, как было установлено авторами проекта, преобладала сначала доктрина Центра на деструктивные тенденции в политической жизни СССР, но с развитием нового федерализма многие авторы обратили свои взоры к анализу причин крушения СССР [193, с. 65-74].

Важно заметить, что в отечественной литературе до сих пор создаются работы, в которых исторический процесс в поздний период советской эпохи и «перестроечный» отрезок времени рассматривается с априорных позиций, имевших методологический характер еще в прошлом веке. Так, относительно второй половины 50-х гг. XX в. проблемы советского общества анализируются в рамках формата «оттепели» или «хрущевского волюнтаризма», а 60–70-е годы XX в. – не иначе как в рамках концепции «застоя», которая появилась в условиях перестройки [193, с. 23-84].

Авторы программы подчеркивают: во второй половине 1980-х годов, несмотря на объявленную гласность, вся перестроечная общественно-политическая литература имела четкую идеологическую ориентацию: дать историческое и идеологическое обоснование необходимости реформирования советского общества и ускорить совершенствование «развитого социализма». И вполне понятно, что, когда появилось упомянутые оценочные суждения в литературе, наука не смогла предвидеть, какой путь трансформации ожидает Россию уже в русле ценностей капиталистического общества, и что этот период необходимо будет квалифицировать с учётом новых знаний о нелинейности общественного развития [60].

Важная характеристика современной историографической ситуации регионального уровня – это избрание авторами какой-либо конкретной сферы жизнедеятельности в качестве объекта исследования [17], и в меньшей степени – определение вектора общего исторического процесса. Это также объясняет долгожительство термина «застой», когда историки используют его при рассмотрении экономического состояния СССР, часто им пользуются и при изучении партийно-идеологической сферы и советской культуры. Как показало наше исследование, этот термин упрощает многослойное советское

прошлое. Причем в книгах, особенно в учебных пособиях, можно встретить одновременно разные определения стадиального измерения исторического процесса того времени – от «развитого социализма» в закавыченном варианте до «застоя» [49; 50].

Авторы, проделав историографический анализ, пришли к следующему фундаментальному выводу: в период своего существования советская система не была видна полностью, как некое совокупное целое, ни из одной точки наблюдения — ни извне, ни изнутри системы, о чем говорят даже исследования времени перестройки. Основной чертой литературы был подход к советской истории второй половины XX вв. в формате ликвидация «белых пятен» под воздействием идеологии гласности. Эту систему стало возможно увидеть и проанализировать как нечто единое только позже, ретроспективно, после того как она исчезла [61]. Следовательно, и региональная история как часть советского целого становится более понятной только в XXI в.

Из зарубежной литературы обращают на себя внимание работы, написанные в русле так называемой «школы тоталитаризма». Не останавливаясь подробно на её идеологической подоплеке, сделаем одно примечание. Для этой зарубежной исторической «школы» характерно распространение понятия тоталитаризма на все советское пространство, включая период 70-х годов и даже начало 80-х годов XX в.

В последние годы очень много пишут о роли бюрократии в советской истории, ее социальном облике. При этом немало попыток всё свести к негативному образу партийного и государственного руководителя, что также искажает историю. Параллельно наблюдается стремление историков попробовать разобраться в природе советской бюрократии, партноменклатурной элиты, выяснить, как влияли на неё поздние советские реформы и постсоветские. В этом плане выделяются труды отечественных авторов О.В. Крыштановской, А.В. Шубина, В.А. Шестакова, которые использованы и в данном исследовании. Из зарубежных авторов близок к

такой постановке вопроса М. Малиа[1]. Такой аспект, по мнению авторского коллектива, является перспективным, и он также апробирован в проекте. Роль государственной бюрократии в современной России существенно усилилась, особенно на фоне трансформации ряда политических и социально-экономических явлений.

Что же касается изучения регионального исторического процесса, то многие дальневосточные учёные идут преимущественно традиционным пуём, известным еще со времен советской школы: через экономическую историю и отраслевое измерение. Например, исследуются высшая школа на Дальнем Востоке (В.Г. Макаренко), театр (Э.В. Осипова), транспорт (А.В. Лаврентьев) [См. подробно: 17].

Период второй половины XX в. сведён преимущественно к экономическому развитию, и региональное пространство представлено в виде прошлого отдельных отраслей экономики. Анализ проблемы управления территорией и политического пространства стал производиться только в XXI веке [27; 116; 209; 240].

Проблемы духовной культуры часто сводились предшественниками главным образом к религиозной жизни. Следует отметить и другой историографический факт: в целом история дальневосточного общества 60–80-х годов XX в. у исследователей «не в почёте», по-прежнему в центре их внимания период сталинизма, идет углубление и детализация событий и фактов, что показала проведённая в рамках проекта конференция «Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи». Лишь в последние годы появились труды по политической и социальной регионалистике (в том числе и авторов данного проекта, например, А.С. Ващук, Е.А. Савченко, А.П. Коняхиной, С.Г. Коваленко, Л.А. Крушановой).

На современном этапе остаётся дискуссионной проблема трансформации общества и власти в России под влиянием позднесоветских

[1] Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991 / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2002. 584 с.

реформ – перестройки и либеральных реформ[48].

Отметим общую характерную черту историографии. Среди отечественных и зарубежных гуманитариев при изучении периодов второй половины 1980-х и 1990-х гг. используются два основных подхода. Первая группа исследователей рассматривает этот временной отрезок как единое целое, в основе которого лежит разрушение советской системы государственных институтов, повлекшее за собой упадок в экономике и крах советских социальных отношений. При этом 1990–1991 гг. трактуются как годы, связующие временное пространство двух эпох. Это время, когда достигает пика внедрение либеральных ценностей в сознание не только политической элиты, но и всего общества, время наступления общественного раскола в России и борьбы за власть, в том числе и в регионах, как начало идеализации законов рынка и разрушения государственной собственности, трансформации политических элит на российских территориях. Авторы, использующие в своих работах второй подход, не отрицают преемственности, но делают акцент на специфике социальной, политической, религиозной экспрессии 1990-х гг., своеобразии проведения радикальных реформ в регионах России и других постсоветских государствах [193] (Приложения А, Б).

И тех и других исследователей объединяет поиск ответа на вопрос о сущности глобального сдвига в истории бывшего партийно-советского государства и социалистического общества на рубеже двух веков. Сущность трансформации, происходившей в российских регионах, в литературе определяется по-разному. Современные исследователи, выдвигая свои критерии, опираются на такие концепты как «радикально-либеральные реформы», «либеральная революция», «строительство капитализма», «антисоветская революция».

Как видим, специальных комплексных работ, выполненных в рамках концепции «трансформации общества и власти» в заявленных

хронологических и территориальных рамках, как это было запланировано в данном Проекте, пока нет.

Методология и концепция программы. Теоретико-методологические подходы к исследованию советской истории Дальнего Востока подробно изложены в коллективной монографии отдела (2016 и 2018) [193, с.11-20; 194]. В проекте использовались классические методы исторической науки: системный, хронологический, историко-генетический, сравнительный, причинно-следственный методы, микроанализ, антропологический подход, структурно-функциональный метод, историко-типологический метод, конструктивистский подход. Широко применялся метод компаративистики в региональном историческом исследовании, а также использовался отдельный инструментарий социологической, политологической отраслей знаний. Научная программа выполнена на базе разработанной научным коллективом концепции «социальной многослойности» советской истории, которая вытекает из парадигмы трансформаций. Понятие трансформации пришло в исторические работы из социологии, заметим, что в трудах представителей этой науки оно употреблялось ещё в СССР в 1960-е годы[2]. Но в творческую лабораторию историков оно активно входит только в конце 1990-х – начале 2000-х.

Под трансформацией можно понимать любое качественное изменение, даже если оно будет нести неоднозначные последствия, такие, например, как смена ценностных ориентаций. В основу определения положены идеи П. Штомки и его последователей. Такая трактовка не несёт в себе оценочных суждений насчёт того, позитивные или негативные изменения приносит трансформация. Это – процесс, раскрывающий доминирующий вектор изменений, а второй элемент, важный для историка – определение конкретных результатов этих изменений. При этом «власть» мы рассматриваем не только

[2] Станевич А.Ю. Процесс трансформации в российском обществе: теоретические подходы отечественных социологов// Вестник московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 761. С. 200-210.

в институционально-функциональном измерении, но и через характеристики её носителей, то есть как часть общества. При выполнении проекта авторский коллектив учитывал и характеристики, предложенные Ю.В. Яковцом: «Трансформация — преобразование общественной (социальной) системы того или иного масштаба, глубины, направленности, вызванное внутренними или внешними факторами или их комбинацией. Трансформация может быть случайной, вызванной каким-либо внешним фактором (стихийным бедствием, крупной техногенной катастрофой типа чернобыльской, войной) или закономерной, обусловленной циклично-генетическими закономерностями динамики общества. С позиций теории трансформации исследовательское поле может быть разделено на автономные сферы социальных действий. По сфере действия трансформация может преобразовывать всё общество или отдельные его подсистемы: функциональные (демографические, экологические, технологические, экономические, государственно-политические, социокультурные) или территориально-пространственные (точечные, региональные, национальные, цивилизационные, глобальные)»[3].

Такой подход апробирован в двух коллективных, четырёх индивидуальных монографиях, большой серии статей [151; 182; 193, с. 36-55; 194; 238]. В тематическом ряду большое внимание было уделено событиям, комплексу факторов, определившим вектор трансформации и социально-культурной динамики, а также выявлению черт позднего социализма в одном из геополитически важных регионов СССР.

Советская система была полна внутренних парадоксов, и даже непредсказуемостей и неожиданных возможностей, включая потенциальную тенденцию довольно быстро трансформироваться при введении определенных условий (что и происходило в период реформ конца 50-х – начала 1960-х гг., а также позднесоветских, получивших название Перестройка), при смене

[3] Яковец Ю.В. Закономерности трансформации общества в ритме циклично-генетической динамики // Экономическое возрождение России. Санкт-Петербург. URL: http://ekvr.narod.ru/revival5.htm (дата обращения 11.10.2013).

политических лидеров, сдвигах в социальной структуре и внешних вызовах.

Участники проекта пришли к согласованной точке зрения, что термин «период застоя», давно ставший знакомым ярлыком для брежневского времени, возникший и распространившийся в годы горбачевских реформ, то есть через несколько лет после окончания брежневской эпохи, не совсем корректен, он применяется в тексте коллективной монографии только к кадровой политике (термин «*застой*» был введён политиками в середине 1980-х гг. для обозначения брежневского периода по аналогии с термином «*оттепель*», вошедшим в общественный дискурс во второй половине 1950-х гг.).

Анализируя советскую систему в трансформационной парадигме, коллектив исследователей учитывал важнейшую методологическую посылку: советская система – это комплексная система, и она имела свои особенности. Как известно, проблемы комплексных систем были исследованы еще Н. Луманом [См. подробно: 193, с.13]. В историческом пространстве советская, как и другая комплексная система, приспосабливалась к различным формам и темпам социальных, культурных и политических, экономических изменений. Формы общественной трансформации во второй половине XX в. – начале XXI в. содержали и некоторые ответы на внешние вызовы.

Термин «советская система», как и любой другой, при чтении имеет некоторые проблемы трактовки. В данном случае позиция авторского коллектива оказалась очень близка к ёмкой и фундаментальной формулировке А. Юрчака[4]. Советская система – это конфигурация идеологических, политических, социально-культурных, экономических, юридических, официальных, неофициальных, публичных, личных и других видов отношений, институтов, а также идентификаций и смыслов, из которых слагается пространство жизни граждан. В таком понимании система не эквивалентна государству, поскольку она включает в себя элементы,

[4] Юрчак А. Это было навсегда…. С.36.

институты, отношения и смыслы, которые выходят за рамки государства и подчас ему не видны и неподконтрольны[5]. Не тождественна она и понятиям общество или культура в том смысле, в каком они традиционно используются в социальных науках или в обыденной речи, поскольку к системе относятся способы существования и виды деятельности и занятий людей, которые выходят за пределы этих понятий. Предложенная трактовка «советской системы» не принижает методологического значения категорий «общество» и «власть» в историческом исследовании. В своей основе советское общество было политическим.

Политика выступала главным условием развития хозяйственного комплекса территории, управления, основным инструментом регулирования общественных отношений, социальной структуры и в целом регионального развития. В отличие от процесса модернизации в обществах другого типа, в СССР происходила *стимуляция* экономического и социального политическим. Исходным посылом была гипотеза, что трансформация может проходить по разным сценариям, путём отдельных реформ, не затрагивающих социально-экономических и политических основ, в виде частичной модернизации, а также в результате коренных преобразований.

В центр исследования поставлены люди, дальневосточное сообщество и социальные процессы.

В данном проекте теория «социальной многослойности» дополняется концепцией трансформации советской действительности, которая разработана и апробирована в трудах авторского коллектива. Объединяющей теоретической платформой участников программы при анализе периода Перестройки и радикальных реформ стала концепция трансформации кризисного социума, включая власть и политическую элиту, её социальную опору – управленцев, а также концепт кризисной экономики, то есть деиндустриализации и путей выхода Дальнего Востока из этого состояния Для

[5] Юрчак А. Это было навсегда…. С.36.

уяснения региональной специфики и общемирового контекста социальной трансформации в 1960 – 1990-е годы в публикациях по проекту использовались концепции А. Юрчака, Г. Дерлугьяна, Н. Зарубиной, М. Буравого, П. Бурдье, И. Крастева, Д. Поукока, Н. Коровициной, И. Каспэ и др. Анализ трансформации власти проводился на базе синтеза социальной политологии и социальной антропологии. В качестве одного из основных критериев был взят уровень образования и качественный учет позднесоветской номенклатурной элиты, как исходной предпосылки формирования новой постсоветской элиты в регионе и её социальной опоры – бюрократии. Трансформация власти исследовалась также на базе методики самоопределения элиты. Использовалась гипотеза, что в переломные этапы становления социума она имеет исключительную важность, поскольку напрямую связана с видоизменением моделей поведения. Для глубокого изучения самоидентификации и поведенческих моделей элиты в годы трансформации России была опробована методика Кошарной Г.Б. и доработана методология гайд-интервью.

Составной частью концепции исследовательской программы является исходный тезис о политических установках пришедшей к власти команды реформаторов на разрушение экономической и социальной модели советского типа. Учитывался фактор наличия мощного натиска либеральной идеологии, распространения ценностей потребительского общества, а также использования федеральной властью разнообразных ресурсов для реализации на территории региона политических и законодательных инициатив в русле рыночного реформирования.

Составной частью концепции трансформации является положение о характере модернизации в России, в частности, как неорганичной, осуществляемой традиционно для страны «сверху». Неотъемлемым элементом концепции является положение о временных рамках реформ, которые важны при изучении предпосылок и состояния социума. Социальная жизнь в России, особенно начиная с середины 1980-х годов, складывалась в

условиях постоянных реформ, представляющих собой попытки власти получить быстрый результат от перестройки и первых радикальных реформ [200; 201; 202].

Участники проекта очень высоко оценивают современные идеи А. Юрчака, развивают ряд его тезисов на дальневосточном материале, в частности, о шоковой реформе, ядро которой – приватизация, определившая социальную и политическую трансформацию, а также вектор изменения структур повседневности. Процесс приватизации был прожит всеми, но последствия для россиян были различными.

Было использовано положение, высказанное П. Бурдье: деиндустриализация, радикальное изменение социальной политики, рост неравенства являются следствием внутриполитических решений, которые отражают изменение баланса сил в пользу владельцев капитала.

Следующий исходный тезис вытекает из теории повседневности. В интерпретации участников проекта повседневность чаще всего понимается как процесс жизнедеятельности индивидов, который развёртывается в общеизвестных ситуациях, в рамках определенных структур и практик на базе самоочевидных ожиданий. Повседневность понимается как такой «мир опыта», в котором человек эмпирически действует ради достижения своих целей, строит картину реальности, исходя из своего «я» как из субъективно ощущаемого центра, погружен в эмоции, занят трудовой деятельностью и размышляет об этом.

Таким образом, центральными категориями, которыми оперируют участники проекта в своих публикациях и тексте научного отчёта, являются понятия «социальный процесс», «власть», «общество», а также тесно связанные с ними понятия «социальная/территориальная общность» или «дальневосточное сообщество», «структура регионального/дальневосточного сообщества», «властное региональное пространство».

В данном проекте исследование прошлого, недавно пережитого дальневосточным сообществом, объясняется как итог непрерывного

исторического процесса трансформации всех звеньев советской системы, испытавшей вызов радикальных преобразований, под влиянием пришедших к власти в Центре новых элитных группировок. Новый общественный порядок оценивается не только в рамках экономики, смены политического режима, но и с позиций гуманитарных проблем и социальных рисков.

Понятие **«социальный процесс»** служит для описания хода последовательно идущих друг за другом взаимообусловленных изменений советской социальной системы, что согласуется с теоретическим положением П. Штомпки[6]. Общество рассматривается в двух смыслах: 1) как структура, состоящая из ряда общностей, которые объединены интересами и определенным уровнем жизни; 2) как социальный организм, состояние которого можно идентифицировать набором ценностных ориентаций, настроений и практик. Под региональным сообществом понимается социально-территориальная общность людей, связанная экономическим, политическим единством и ментальным комплексом в специфических культурно-бытовых и материальных условиях. Анализ структуры советского общества ведётся в рамках концепции политической стратификации, разработанной О. Крыштановской для общества советского типа[7].

Следует также пояснить, чт**о** мы вкладываем в понятие **партноменклатурной элиты**. Для участников проекта это не только властный слой политически господствующего класса (есть ещё его социальная база – административно-управленческий аппарат) в СССР, но и такая социальная группа, которая создавала общественно-значимые смыслы. Смыслы существования общественных отношений, сохранения институтов или реформирования управления и безопасности, а также сохранения идеологии, советской культуры и пределы их реформирования, внедрения новых ценностей, стандартов, дальневосточной политики и всех ее

[6] Штомпка П. Социология анализ современного общества/пер. с польского. М.: Логос, 2005. С.128-130.
[7] Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С.37–43.

составляющих.

При изучении темы большое внимание было уделено анализу исторических документов с точки зрения целостного понимания, единства явлений и качеств партийно-советской системы и регионализации российского исторического пространства. Проблема трансформации власти требовала и обновления понятийного аппарата: в исследование вводится категория властного пространства, имеющая методологическое значение.

Властное пространство – объективная реальность, в которой приходится действовать властям, охватывающая определенные территории, регионы, в пределах которых данная власть эффективна или, по меньшей мере, на которые она формально распространяется[8].

Это понятие даёт возможность воспроизводить одновременно и общие трансформационные тенденции, и региональную специфику властных отношений (в том числе по линии Центр–регион). Его теоретические возможности особенно проявляются в контексте обоснования новых выразительных средств, фиксирующих целостность обществоведческого знания, независимо от его дифференциации на социологическую, политологическую и историческую науку. Исследование системы управления по линии Центр–регион дает репрезентативный исторический событийный ряд, который дополняет и корректирует знания о системе взаимоотношений внутри органов власти и управления, о механизмах достижения компромиссов между интересами Центра и территорий.

При формировании структуры и текста отчёта мы учитывали как плюрализм современной историографической ситуации, в которой присутствует неоднозначность понятийного аппарата, так и разные оценки исторических событий, отражающих тему исследования, предлагая свою аргументацию.

[8] Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М.: Луч, 1996. URL: http://politike.ru/dictionary/840/word/vlastnoe-prostranstvo (дата обращения 03.12.2013).

Научная новизна программы состоит в разработке новых параметров процесса трансформации советского общества и выделении её нескольких уровней. Первый уровень предполагает параллельный анализ эволюции властных отношений и изменений в обществе. Второй уровень – это формат сопоставления структурной, демографической и социально-антропологической динамики с учётом регионального развития событий. Третий уровень – выявление отражений трансформационных проявлений в культурной сфере.

Научная новизна состоит и в том, что для изучения культурной динамики на Дальнем Востоке использована концепция «репрезентативной культуры» Ф. Тенбрука. «Культура является социальным фактом, так как она репрезентативна, т.е. производит значения и ценности, которые действенны в силу их фактического признания. Она охватывает те убеждения, представления, картины мира и идеологии, которые влияют на социальное действие, так как активно разделяются или пассивно принимаются»[9]. Эта концепция позволяет выявить как консервативное, так и инновационное измерения культуры [193, с. 551-616]. Доказано, что советская система в целом и в региональном измерении включала в себя не только строгие принципы, нормы и правила, а также заявленные во многих официальных документах идеологические установки и ценности, но и множество внутренних противоречий этим нормам, правилам, установкам и ценностям. В представленном проекте социальная реальность показана в динамике на основе метода истории повседневности, разработанного в науке для исследования общества советского периода и постсоветского этапа. Таким образом, новизной исследования является преодоление количественной региональной истории, характерной для предшествующей историографии, где эволюция советского общества рассматривалась преимущественно через числовые параметры социальной структуры и отдельные показатели развития

[9] Тенбрук Ф. Репрезентативная культура // Социологическое обозрение. 2013. Т.12. № 3. С.101.

социально-бытовой инфраструктуры в сравнении с центральными и другими территориями страны.

В проекте сделаны шаги и по преодолению количественного метода в анализе демографической составляющей социальной трансформации, который в течение длительного времени был свойственен историко-демографическим исследованиям в дальневосточном регионе, отражавшим преимущественно его трудовой *потенциал*. Широко привлекая новые источники по количественному анализу в данной работе, авторы вводят понятие демографического поведения.

Особое внимание в работе уделено таким аспектам, которые не находили отражения в трудах предшественников. Среди них – влияние явления алкоголизации на демографические показатели, а также роль внешних (в том числе политических) факторов (отмена уголовной ответственности за производство абортов, облегчение процедуры развода, «сексуальная революция» в СССР) в эволюции демографического поведения дальневосточников [193, с. 175-191].

В данном проекте впервые в отечественной литературе комплексно исследован вопрос об источниках пополнения трудовых ресурсов в трансформационной парадигме. Подробно проанализирован такой источник трудовых ресурсов как военнослужащие. Новизной отличается введение в подсистему трудовых ресурсов так называемых пенитенциарных форм трудовой занятости [193, с.226-245].

Территориальное сообщество представлено в формате комплексного исследования, оно рассматривается в нескольких ракурсах, отражающих основные взаимосвязи в политическом и социальном пространстве (социальная политика и структурные изменения в обществе, социальная политика и изменения в системе ценностей, приобщение к новым ценностям и повседневность). Проект отличается тем, что анализ общественных процессов включает как традиционные характеристики, так и выявленные новые. Например, включение анализа изменения форм и характера

преступности в проблематику проекта «трансформация общества и власти» позволяет определить точки «социально-психологического напряжения» в обществе и использовать динамику преступности как определенное «мерило» трансформации общества[193, с. 465-497].

В данном проекте отличается новизной анализ миграций, выполненный в рамках концепции структурной социальной демографии, которая дополнена концептом определения «вклада» конкретных групп мигрантов в трудовой потенциал и реализацию конкретных экономических проектов, осуществлявшихся в 1960–1980-х гг., что позволило раскрыть роль миграционного фактора в изменении исторического регионального пространства. [12; 16; 53; 127, с.78-80, 81-83, 89-98, 99-156; 193, с. 198-245].

Рассмотрение дальневосточной политики содержит не только традиционное исследование изменений во властных отношениях в СССР, но и специфики ментальности дальневосточной партноменклатурной элиты, через устойчивые ментальные комплексы и «стратегии поведения» в отношениях с вышестоящим уровнем власть держащих. В работах авторов проекта доказано, что советское политическое пространство прошло через определенные этапы изменений в 1960–1980 гг., которые определены через типы стратегий (стабилизационный и динамический), установлена взаимосвязь политических стратегий власти и циклов дальневосточной политики в середине – конце XX в. [126, с. 36-73].

Комплексный подход региональной истории сопровождён новой методикой исследования отношений по линии Центр–регион. В рамках исторической науки впервые в историографии вводится понятие «*вклада»* Дальнего Востока в социально-политическое развитие страны в период, охватывавший тридцать лет советской эпохи, в том числе и время вхождения в «точку бифуркации». Данная категория позволила осуществить в единстве цивилизационную и геополитическую идентификацию Дальнего Востока, с учётом исторического времени. Она дает основания для критики распространенной в зарубежной и отечественной литературе концепции

«ресурсного проклятия», которая упрощает роль региона в российском историческом процессе и сводит историю к установлению одной лишь позиции – стала ли Россия богаче с момента вхождения Дальнего Востока в состав России. Авторы проекта пошли по другому пути.

Для историка сама оценочная концепция «вклада» предполагает необходимость предварительных суждений, которые ориентируют исследователя на так называемый «набор» составляющих, позволяющих видеть место дальневосточного сообщества в трансформационном процессе России. Понятие «вклада» органически включает анализ объективных и субъективных преимуществ, ресурсов региона, а также объективных и субъективных ограничений по отношению к внутренней и внешней среде.

Признавая приоритет экономистов в анализе экономической сферы на Дальнем Востоке, научный коллектив показал её непосредственно через деятельность человека, концепт Центр–регион, через гуманитарный аспект – влияние отношения человека к малой родине.

В проекте, несмотря на трудности с источниками, авторы значительно продвинулись по установлению реальной социальной структуры дальневосточного сообщества и доказали стратификацию советского общества как особый тип этакратической системы, которая была пронизана административным и политическим контролем.

Основу научного поиска составляет обращение к концепции политической стратификации. Такой подход в дальневосточной историографии раньше не применялся. Формат именно этой концепции создает познавательные условия для анализа трансформации общества и власти, когда власть исследуется в социальном измерении. И в этом контексте впервые исследована проблема отношений власти и общества на Дальнем Востоке в период перестройки. Показаны особенности процессов делегитимизации партийных структур, трансформации системы региональной власти, утверждения и становления новых практик прямого внеинституционального участия со стороны социальных движений, населения

региона в период перехода от одной системы к другой – капиталистического типа.

Что касается новизны результатов, полученных на третьем этапе, то они заключаются в следующем. Выявлены основные подходы и малоизученные аспекты регионального процесса периода радикальных реформ. Дана характеристика особенностям осмысления англоязычным научным сообществом проблем трансформации общества и власти на Дальнем Востоке под влиянием постсоветских кардинальных реформ. Сделан вывод о формировании в мировой гуманитарной науке специального направления — российской пореформенной регионалистики. Установлено что в России на территориях к востоку от европейской части страны сложились научно-тематические центры этого направления — уральская историческая школа, сибирская и дальневосточная научные группы. Показано понимание исследователями региональных различий в истоках, характере, скорости и интенсивности реформирования [4; 6; 9; 15; 20; 27; 33; 42; 56; 63; 114; 119; 130; 131; 146; 186; 197; 209; 213; 219; 221; 226; 227; 228; 229; 231; 236; 243; 244; 245].

Определено влияние рыночных реформ на качественную и отраслевую динамику трудовых ресурсов Дальнего Востока — их перераспределение из государственного сектора экономики в частный, отток трудоспособного населения из региона [28; 31; 69; 115; 185; 233; 234; 235; 237; 240; 246]. Раскрыты противоречивые последствия привлечения иностранной рабочей силы в региональную экономику, а также особенности правовых условий и адаптации мигрантов из стран «традиционного» и «нового» зарубежья на Дальнем Востоке [18; 22; 25; 26; 36; 54; 55; 69; 229].

Установлено влияние межгрупповой борьбы реформаторских сил в Центре на ход политических и социально-экономических трансформаций на Дальнем Востоке в 1990-е гг. Показано неоднозначное отношение к планам приватизации со стороны регионалов и разрушительные последствия приватизации для дальневосточного сообщества [20; 32; 37; 51, 231]. На

примере приграничных территорий доказана низкая эффективность введения специальных механизмов управления, таких как федеральные долгосрочные и целевые программы развития, свободные и особые экономические зоны, свободный порт, «точки роста» [27; 31; 70; 115; 233; 234; 235; 237; 240; 245; 246].

Научная новизна заключается также в нахождении теоретических концептов, которые позволяют выявить чёткие качественные критерии и количественные параметры изучаемых феноменов и процессов. Так, концепт «регионального конкурентного преимущества» использован для анализа границы со странами АТР как главного фактора изменений повседневности и региональной идентичности дальневосточников. Впервые в историографии проанализированы практики адаптации отдельных групп дальневосточного сообщества к системным изменениям на уровне повседневности. Они выявлены в двух профессиональных сферах — художественной деятельности и городской оптово-розничной торговле [108; 135]. Определено влияние пореформенных условий на масштабы и специфику коррупции и браконьерства на Дальнем Востоке. Установлены направления социальной деятельности религиозных объединений в регионе в постсоветский период. При исследовании основных особенностей конфессионального разнообразия показаны не только сам процесс изменения конфессионального пространства российского Дальнего Востока, но охарактеризованы место и значение религиозного фактора в трансформации региональной идентичности дальневосточников, выявлены особенности религиозной жизни Дальнего Востока в рамках первого постперестроечного десятилетия [224].

Впервые в мировой литературе на базе разнообразного корпуса источников (в том числе новых объективных и субъективных параметров) раскрыт многослойный процесс постсоветской трансформации дальневосточного социума, суть которого обозначена как пореформенный «травматический шок» и поиск выхода общества из него.

Научная новизна проекта также состоит в комплексе использованных источников, большинство которых впервые вводятся в научный оборот или трактуются с учётом новых заданных вопросов по всем разделам. Особо надо подчеркнуть, что впервые собраны, обобщены и проанализированы источники по неофициальной культуре Дальнего Востока. Решение поставленных задач осуществлено на репрезентативной базе источников, представленных несколькими их типами. Привлечены традиционные для историков архивные материалы, опубликованные официальные документы, статистические данные, материалы в СМИ. Вместе с тем, в условиях сужения информационного содержания и номенклатуры документов архивохранилищ определен эвристический потенциал источников другого типа, сыгравших существенную роль в реализации исследовательской программы, в большинстве своём они были впервые введены авторами в научный оборот. Это текущий документооборот политических партий и госучреждений, материалы личного характера (личные письма, фотографии, дневники, воспоминания и т.п.), полуформализованные интервью с бывшими политиками, результаты анкетирования школьников, студентов вузов и бывших контрактников, литературные тексты, видеоряд произведений художников, биографические данные писателей, поэтов, художников [34; 107; 111; 112; 142; 146; 153; 189]. Своей спецификой отличались источники по проблеме конфессионально-государственных отношений: помимо традиционных архивных и опубликованных документов, а также литературы религиозных организаций, использовались дневники исследователей-участников проекта, созданные ими в процессе включённого наблюдения в 1990-е гг., а также собранные в личных архивах авторов копии документов и материалов Экспертно-консультативных советов по свободе совести и вероисповеданиям при администрации Приморского края и Амурской области [220].

Анализ имеющейся литературы, связанной с темой программы, выявил важный историографический факт: отечественные историки, поначалу

проявлявшие большую осторожность в изучении реформ конца XX – начала XXI вв., постепенно преодолевают ее. В последнее десятилетие произошла активизация их внимания к ряду аспектов данной проблематики. Этому способствует расширение временн***о***й дистанции, отделяющей историков от бурных и тяжёлых для общества событий, а также подвижки в накоплении необходимой источниковой базы.

Структура отчёта. Отчёт состоит из введения, основной части, заключения и приложения. Основная часть научного отчёта включает в себя два раздела. Первый раздел посвящен дальневосточной истории советской эпохи и выстроен по проблемно-хронологическому принципу. Он содержит анализ состояния трансформации общества и власти в условиях реформ начала 1960-х, стабильности 70-х-80-х годов, начала системного кризиса советской системы в региональном измерении**.** Во втором разделе изложены основные научные достижения и результаты по исследованию политических, экономически, социальных и культурных трансформаций в дальневосточном регионе в общероссийском контексте в 1990-е – начале XXI в.

Основные показатели: выход на новый уровень фундаментальных знаний о дальневосточном социуме, политических и культурных процессах, их региональной специфике в рамках синтеза теории трансформации и повседневности; углубление знаний о социальной ситуации, социальных угрозах в регионе.

Степень внедрения и апробации: в 8 монографиях (4 коллективные и 4 индивидуальные), в 3 сборниках, в 1 энциклопедическом издании, 377 статьях (в журналах и изданиях базы WoS –Scopus – 12, ВАК – 109 , РИНЦ – 238, зарубежных изданиях – 12, других изданиях – 17). Результаты использовались в курсах лекций, Аналитических записках к докладу Секретаря Совета Безопасности Президенту РФ «О состоянии национальной безопасности Российской Федерации и мерах по её укреплению»: раздел «Социально-демографическая обстановка на Дальнем Востоке России в

контексте безопасности», а также при подготовке экспертных заключений по просьбе государственных и общественных органов.

Область применения: Отечественная история.

Значимость работы: Комплексное исследование.

Прогнозные предложения. Подготовка текста коллективной монографии и разработка проблемы «Общество и власть на Дальнем Востоке России в условиях радикальных реформ и новой модели дальневосточной политики».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ОТЧЕТА О НИР

1. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1960 — 1980-Е ГГ.

1.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ С СССР. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПО ЛИНИИ ЦЕНТР – РЕГИОН

1.1.1. Состояние партийно-государственной власти в первой половине 1960-х годов и дальневосточная внутренняя политика.

Основным трудом, где были апробированы результаты по вопросам политической и социальной трансформации в 1960-1980 гг., стало фундаментальное издание коллективной монографии[193], в которой приняли участие все сотрудники Отдела социально-политических исследований.

Дальний Восток в период конца 1950-х — начала 1960-х г. как и в предшествующее время, испытывал на себе всё разнообразие импульсов советской цивилизации, прежде всего – это ставка на централизованную хозяйственную стратегию и доминирующую роль партийной вертикали. Управление территорией осуществлялось партийными органами разного уровня, Советами народных депутатов и совнархозами, последние появились в результате реформ, связанных с именем Н.С. Хрущева и командой политиков и интеллектуалов, на которых опирался новый лидер. Политическая централизация скреплялась экономической системой на основе плановой организации.

В ходе решении научных задач Программы доказано, что ядром политического регулирования отношений в обществе выступали все звенья базовой социальной распределительной модели. Она в свою очередь также опиралась плановую организацию всех отраслей и на соответствующие формы коллективного труда.

На основе многочисленных источников доказана и другая черта советского цивилизационного комплекса: развитие производительных сил в стране сопровождалось модернизацией их на Дальнем Востоке России. Политический курс на модернизацию в регионе был реализован путем сочетания экстенсивных и интенсивных инструментов. В первую очередь за счет регулирования органами власти централизованных капиталовложений в регион, во-вторых, внедрения элементов материальной заинтересованности привлекаемых кадров и путем контроля за трудовыми ресурсами в регионе, в-третьих, Центр пошел на создание условий для повышения образовательного уровня, но с опорой на инструменты идеологии. Все эти основные меры обеспечивались политикой регулирования общественных отношений в регионе [49; 151; 193, с. 87-92, 397-428]. Руководство страны по-прежнему опиралось на мощную партийную номенклатурную систему, контролировавшую советский бюрократический аппарат, созданный для обслуживания планового централизованного хозяйственного комплекса и промышленным и сельскохозяйственных предприятий, которые были основаны на базе государственной собственности [152]. Партийно-советская номенклатурная вертикаль, не смотря на отельные реорганизации и активное развитие новых материальных ценностей у бюрократии обеспечивала стабильность органов управления [35]. В центре партийного контроля были плановые структуры, они анализировали выполнение плановых показателей и выявляли проблемные точки в развитии регионов. При этом партийный Центр всегда учитывал геополитическую динамику и значение Дальнего Востока для укрепления обороноспособности страны[6; 30; 89].

Модернизация территориального управления подробно изложена в двух коллективных монографиях (2016, 2018) [193; 194]. В них рассмотрен и проанализирован большой событий ряд, раскрывающий политический процесс: обстановки в высших эшелонах власти и в обществе (конец 1950-х — 1970-х гг.). Дана характеристика номенклатурному сословию в дальневосточном регионе, как носителю властно-распорядительных и

контролируемых органов по развитию территории. Особое внимание было обращено на выявление главных тенденций в региональном пространстве власти в контексте дальневосточной политики, обеспечения управляемости и попыток модернизации регионального управления.

Выявлено, что дальневосточная номенклатура поддержала идею, создания совнархозов. Центр принял такой вариант реформирования, который сохранял иерархию подчиненности, диктат управленцев центрального уровня; идеология и роль партийных руководителей выполняли функцию контроля за бюрократией, обеспечивали стабильность системы в дальневосточном регионе [56; 193, с. 94-100].

События, происходившие во второй половине 1950-х – 1970-х гг., создали общую глубинную общественную атмосферу и хозяйственную ситуацию, в её недрах и вызревала дальневосточная повестка [50; 126, с. 36-55; 151; 183; 193, с. 87-92], в центре которой были вопросы безопасности региона, хозяйственного развития в рамках централизованного планирования. Именно в этих сферах особенно ярко проявлялись все системные признаки партийно-советской власти, а также изменения внутри властных отношений, катализатором которых часто выступали реформы советского типа в различных сферах жизнедеятельности общества. Этот постулат подробно раскрывается в серии статей в 4 коллективных монографиях, в том числе и в книге, посвященной вопросам социально-политической безопасности [126; 127; 193; 194].

Учитывая значительный набор публикаций, выделим лишь некоторые яркие и определяющие события. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. партийные, советские и хозяйственные органы продолжили реализацию комплекса мероприятий по дальнейшей интеграции Сахалина и Курильских островов в советскую социально-политическую и хозяйственную систему в условиях совнархозовской системы.

Важное направление в политической повестке партийно-государственного Центра составляла система мер по управлению и

обеспечению безопасности на Северо-Востоке, где был расположен Дальстрой – особый сектор не только пенитенциарной системы, но и его управленческое звено [59; 163; 193, с. 92-100; 238]. Модернизация состояла в том, что эта организация была включена в совнархозовскую систему.

В серии публикаций участников проекта установлено, что состояние верховной партийной власти и на всей территории Дальнего Востока во второй половине 1950‑х — начале 1960-х гг. с большой натяжкой можно назвать «оттепелью»*, который до сих пор используется некоторыми историками, послабления были разве что в смысле мягкого варианта устранения политических соперников и отразились в первой кампании по реабилитации части репрессированных граждан в 1930- и 1940-е годы. Это был период послесталинских реформ, направленных на ослабление карательно-репрессивных мер и внедрения разных поощрительных мер не только для социальной базы номенклатуры-управленцев, но и других групп общества- экономически активного населения [59; 163; 193, с. 92-100; 238].

Партийно-государственная власть предпринимала разные меры по обеспечению лояльности общества, постепенно избавлявшегося от страха, для чего и начала проводить курс на очевидный социальный запрос – повышения благосостояния (а значит — и на соответствующий экономический рост). Взамен прежних репрессивно-карательных мер она искала новые формы мотивации труда, прежде всего в деятельности руководящей партийно-государственной бюрократии; пыталась найти пути развития экономики без разрушения её базовых принципов и всей идеологии [5; 59; 198].

В условиях частичной десталинизации к началу 1960‑х гг. высшая партийная номенклатура по-прежнему ставила задачу сохранения социально-политической стабильности, поэтому тема развития производительных сил Дальнего Востока и индустриализации в регионе, а также выравнивания социально-экономических условий жизни становились главными

* Термин, который был использован советским писателем И. Эренбургом, опубликовавшим повесть «Оттепель» в журнале «Новый мир» в 1954 г.

политическими тезисами, начиная с 1960-х годов. Стержнем же дальневосточной всей внутренней политики была идея развития производительных сил за счет увеличения финансирования многих отраслей, особенно строительства новых объектов.

В книге «Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX в. – начало XXI в.)»[126, с. 36-153], статьях [216; 217] представлена идея чередования двух стратегий динамической и стабилизационной. Такое чередование в большой степени отражали изменения в партноменклатурной элите и в её отношении к проблеме внутренней и внешнеполитической безопасности на Дальнем Востоке. Первый тип стратегии пришелся на середину 1950-х – первую половину 1960-х годов. Высшее политическое руководство учитывало как внешнеполитическую ситуацию, расстановку сил в Северо-Восточной Азии, так и необходимость укрепления восточных территорий СССР.

За 1961–1965 гг. в Дальний Восток было вложено столько капиталовложений, сколько за 12 послевоенных лет (1946–1958). Курс на выравнивание территориального развития поддерживал долю региона в национальном доходе в 1961–1965 гг. на уровне 2,7–2,8%. По темпам роста валовой продукции в первой половине 1960-х гг. Дальний Восток даже превосходил среднереспубликанский показатель (в РСФСР – 145%). При этом использовалась традиционная мера для российского цивилизационного комплекса: поощрение системы закрепления населения в регионе.

Кроме этого, наметилась линия на преодоление узко технократического подхода к освоению региона, финансирование новых учреждений здравоохранения и вузов, развития науки в регионе. «Восточные районы» руководству страны причем, при поддержке всей советской экономической мысли, виделись как ресурс для реализации намеченного социально-экономического рывка. Надо сказать, что и секретарский корпус- поддерживал эту линию. Например, прибывшему из Москвы на Сахалин П.А. Леонову, в 1960 г. ставшему там первым секретарем обкома КПСС, к научному

обоснованию стратегии развития народнохозяйственного комплекса Сахалина и Курил удалось привлечь большую группу ведущих экономистов АН СССР, Центрального экономического научно-исследовательского института Госплана РСФСР, крупных ученых Москвы, Ленинграда, Новосибирска и Дальнего Востока. В 1962 г. в Южно-Сахалинске прошла первая научная конференция, где ученые, партийные и хозяйственные руководители детально рассмотрели проблемы и пути развития производительных сил области в стратегической перспективе на 20 лет. На основе рекомендаций руководством области были разработаны конкретные предложения, которые стали обоснованием для принятия в сентябре 1964 г. Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по ускорению развития производительных сил Сахалинской области». В связи с тем, что на момент принятия данного постановления Хрущев отсутствовал в Москве, оно было подписано секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым[193]. Новый восточный вектор внутренней политики по времени совпал с попыткой политического руководства «вдохновить» общество на развитие экономики, дав ему чёткий ориентир – «Программу построения коммунизма».

В рамках этой стратегии и ценностей советского общества были достигнуты подвижки в обеспечении дальневосточников жильем, в области повышения заработной платы, потребительскими товарами [193, с.87-99, с.891-898]. Но в период хрущевской политики был и побочный эффект: его реформы фрагментировали бюрократию, она вела к росту противоречий внутри властной иерархии, но так и не умиротворило общество, потребительские запросы которого возрастали быстрее, чем рост возможностей советской экономики по их удовлетворению»[198]. (Об этом подробно будет сказано во 2 разделе, посвященном вопросам социальной трансформации).

С середины 1960-х годов дальневосточная политика начинает испытывать влияние стиля «брежневского консенсуса», что стало одной из причин внедрения стабилизационной стратегии социально-политической

безопасности региона. Политической основой взаимоотношений Центра с регионом все больше становится обмен ресурсами. За «заботу» (именно такая терминология присутствовала в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров и других официальных документах по развитию производительных сил Дальнего Востока) Москвы Дальний Восток должен был увеличить добычу разных природных ресурсов, развивать военно-промышленное производство.

На протяжении второй половины 1960–1970-х гг. советское правительство, опираясь на плановые органы и всю вертикаль партийно-государственного аппарата, осуществляло стабилизационную стратегию безопасности, используя соответствующие инструменты, например, возврат к дореформенной системе управления и символические (подчеркивание во многих документах роли Дальнего Востока), материальные ресурсы. Центр ликвидировал совнархозы, управленческая система вернулась к укреплению принципу партийного контроля за советскими и хозяйственными органами по отраслевому и территориальному принципу [156; 193, с.100-112]. развитие производительных сил хозяйственного комплекса и всех звеньев социально-бытового обслуживания населения Дальнего Востока по-прежнему опиралось на плановую систему, контроль за региональной номенклатурой[См. подробно: 30].

1.1.2. Влияние «брежневского политического консенсуса» на дальневосточный курс

После XXIII съезда КПСС многие партийные первичные организации в регионе стали функционировать на правах райкомов, что увеличивало на местах партийную руководящую прослойку. Кроме этого, новизной времени стало укреплении регионального звена номенклатуры за счет функционеров с инженерно-техническим высшим образованием, а также директорского состава – дальневосточниками, что в дальнейшем сыграло важную роль в

складывании прагматического ядра региональной дальневосточной группы. К 1980-м годам доля гуманитариев в номенклатурной системе Дальнего Востока снизилась. Центральное руководство все чаще и чаще прибегало в практике взаимоотношений с местными элитами к поощрительным мерам (в том числе поддерживая систему номенклатурных привилегий), контроль за исполнительной дисциплиной на местах при этом ослабевал. Развивалась традиция долголетнего пребывания первых секретарей в регионе [10; 206].

Политические меры по развитию Дальнего Востока составляли основу регулирования по линии Центр – регионы, и правительство их подкрепляло материальными ресурсами. Центр пошел на увеличение централизованных капитальных вложений в развитие Дальнего Востока. Главный политические органы страны – Политбюро КПСС и Правительство активно поддерживали мегапроект по строительству и освоению зоны БАМа[126, с. 68-70]. Советский Союз начал получать обильные доходы от экспорта нефти и в период эволюционного изменения политической системы, когда репрессивные механизмы были практически демонтированы, демократические не созданы Центр, перераспределял капитальные фонды, учитывая внешнеполитический фактор.

На протяжении 1960–80-х гг. дальневосточный регион играл важную роль в системе государственной безопасности СССР и оставался советским форпостом в геополитическом пространстве АТР. Внешнеполитические усилия Советского Союза были направлены на решение двух принципиальных задач: сохранение в неизменном виде территориальных параметров региона Северо-Восточной Азии, сформировавшихся в период после Второй мировой войны, и сохранение регионального мира и безопасности для обеспечения стабильного развития дальневосточных рубежей СССР. О внешнеполитическом факторе подробно изложено в 1 главе коллективной монографии «Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг.» [См. подробно: 193, с. 116-174].

В дальневосточной политике Центр значительное внимание уделял демографическому развитию региона. Безусловно, эта составляющая во внутренней политике опиралась также на принципы централизованного планирования в области переселения и закрепления людей в регионе, что во многом определяло характер изменений, но при сохранении базовых ценностей всей советскости. В целом же стратегия закрепление населения на Дальнем Востоке составляло важнейшую черту российской цивилизации. И этот аспект нуждается в более подробном изложении.

1.2. НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ЭТАПА.

1.2.1. Демографические изменения

Динамика демографических процессов на Дальнем Востоке в позднесоветский период имели как общие для России характеристики, так и особенности, которые связаны со спецификой прежних этапов формирования населения, изменениями в миграционном движении, а также ролью государства в регулировании социальных процессов в целом. Динамика народонаселения в регионе складывалась в условиях его продолжающегося хозяйственного освоения, позднесоветской индустриализации, в рамках которого выстраивались взаимообусловленные связи: определялась плановая потребность в трудовых ресурсах, которая наряду с другими факторами, в том числе естественного воспроизводства, задавала перспективную численность населения.

На первом месте для государства в 1960–1980- х гг. стояла реализация миграционной политики, именно она была решающей в постоянном наращивании демографического потенциала на Дальнем Востоке. В свою очередь, миграции были фактором формирования особенностей структуры населения, влиявшей в том числе и на естественное воспроизводство.

В результате была продолжена линия демографического развития региона, исторически сложившаяся ещё с конца XIX в.: численность жителей стабильно возрастала, и этот рост шёл быстрее, чем в среднем по России, несмотря на осложняющие факторы – значительную удалённость дальневосточных территорий от центральной части страны, экстремальность природно-климатических условий, сложности обустройства (особенно на северо-востоке) и высокий миграционный оборот. Данные сюжеты подробно изложены в пятой книги «Истории Дальнего Востока России [193, с. 175-280] и в статье Л.А. Крушановой [182].

В рассматриваемый период процессы естественного воспроизводства в стране определялись демографической модернизацией, которая, с одной стороны, была фрагментом общей модернизации государства, с другой — частью всемирного «демографического перехода», который известный исследователь А.В. Вишневский охарактеризовал как «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости». Однако эта демографическая модернизация в СССР была не завершена.

Можно выделить две группы факторов, которые способствовали развитию новых тенденций в целом по стране и в дальневосточном регионе в данный период. Первая — распространение новых ценностей и стандартов демографического поведения: урбанизация, повышение образовательного уровня женщин, вовлечение их в производство, утверждение нуклеарной малодетной семьи. Вторая группа — это конкретные, сложившиеся на Дальнем Востоке, социально-бытовые реалии: специфика половозрастной структуры населения, меры государственной поддержки семьи, долговременные проблемы повседневного существования — очереди на получение жилья, дефицит продуктов питания и товаров широкого потребления в отдельные годы и т.д.

Во второй половине XX в. в СССР продолжала расти доля городского населения, следовательно, и городских семей. Процесс урбанизации дальнего

Востока стал яркой чертой советской эпохи [103]. Если, согласно довоенной переписи (1939 г.), городскими были 35,4% семей, то перепись 1959 г. зафиксировала их преобладание — 53%, а к концу советского периода такой тип семьи стал доминирующим (1970 г. — 63,6%, 1979 г. — 69,6%, 1989 г. — – 73,7%, что явилось результатом устойчивой миграции населения из сельской местности в городскую[84; 92].

Во второй половине XX в. «вложения» в человека на основе распределительной социальной стратегии резко выросли как со стороны семьи, так и государства. Двухдетная семья как наиболее распространённая модель советской семьи стала ответом на удорожание «стоимости» индивидуума.

Ещё одним фактором сокращения среднего размера семьи была государственная политика, принятая в 1930-е гг. в условиях форсированной индустриализации и ставшая к началу рассматриваемого периода стандартом советской жизни и способа социализации[184].

Спецификой дальневосточного населения являлся и довольно высокий удельный вес молодёжи, а также людей трудоспособного возраста в целом. В таких кадрах нуждались стройки и предприятия региона активного освоения, этому способствовала и миграционная политика государства. Как показано в Приложении к монографии [193, с. 891] группа 15—29 летних дальневосточников в общерегиональной демографической структуре составляла в 1959 г. — 28,4%, 1970 г. — 28,8%, 1979 г. — 30,0%, 1989 г. — 24,3% (в РСФСР —26,4%, 22,4%, 27,1% и 21,9% соответственно), а группа 15—59 летних — 62%, 69,0%, 67,3% и 64,3% (в РСФСР — 61,8%, 61,4%, 64,8% и 61,4%). Вследствие этого доля детей от 0 до 14 лет в регионе (33,1%, 26,6%, 24,6% и 25,2%) также была выше, чем в среднем по России (22,7%, 26,4%, 21,6% и 23,1%).

Другой стороной такой структуры был меньший удельный вес дальневосточников пенсионного возраста, причём самые низкие значения этого показателя приходились на Камчатскую, Магаданскую и Сахалинскую

области, откуда пожилые люди старались уезжать в климатически более благоприятные регионы. При этом на пенсию, согласно законодательству, они выходили на 5 лет раньше, чем основная часть их сверстников в стране.

Вместе с тем, внутреннее соотношение возрастных групп в структуре населения региона за 1959—1989 гг. претерпело изменения: доля молодых людей снижалась (от 0 до 14 лет — с 32,6 до 24,8%, от 15 до 29 лет — с 29,1 до 24,7%), а старших, наоборот, возрастала: от 30 до 59 лет — с 35,6 до 40,3%, от 60 и старше — от 4,5 до 8,8%. В соответствии с этим повышался и средний возраст дальневосточников (табл. 1.1-1.2), что отражало развитие таких тенденций, как снижение рождаемости, «старение» населения, расширение группы постоянного населения. Схожий вектор динамики показателей по РСФСР свидетельствуют о синхронности региональных и республиканских процессов[193, с. 178].

Таблица 1.1. – Средний возраст населения Дальнего Востока в 1959—1979 гг. (лет) [193, с.178]

	1959	**1970**	**1979**
Приморский край	26,6	29,5	30,8
Хабаровский край	26,4	29,2	30,4
Амурская область	26,4	29,1	29,9
Камчатская область	24,8	27,0	27,6
Магаданская область	27,3	28,1	27,8
Сахалинская область	24,9	28,1	29,5

Высокая доля лиц молодого возраста в регионе отражалась на многих социально-демографических процессах, таких как брачность, разводимость, рождаемость, смертность и естественный прирост.

На состояние брачности (динамику браков и разводов), как и на другие демографические процессы (как доказано демографами), влияли такие факторы, как: 1) средний возраст населения: чем он моложе, тем выше уровень брачности; 2) взаимозависимость брачности и разводимости: чем выше уровень брачности, тем выше уровень разводимости; 3) демографические диспропорции: чем выше доля мужчин в структуре общества, тем выше степень разводимости.

На Дальнем Востоке в 1960—1980-е гг. присутствовали все перечисленные факторы, они и повлияли на интенсивность процессов заключения и расторжения брака[193, с. 175-190].

Общим результатом этого процесса в 1960—1980-х гг. стало увеличение численности коренных дальневосточников, таким образом, политика государства по стабилизации населения региона приносила свои плоды[193, с. 190; 232; 239]. На Дальнем Востоке изменение показателя смертности в основном соответствовало общероссийской восходящей линии, но традиционно он был ниже из-за меньшей доли старших поколений в структуре населения. (см. табл. 1.2).

Таблица 1.2. – Динамика общего коэффициента смертности на Дальнем Востоке и в РСФСР в 1960—1985 гг.[193, с. 189]

	1960	1965	1970	1975	1980	1985
Приморский край	6,2	6,1	7,1	8,3	9,3	9,3
Хабаровский край	5,7	5,9	7,1	8,1	9,2	9,3
Амурская область	6,2	6,4	7,6	8,6	9,6	9,8
Камчатская область	5,8	5,7	6,7	6,4	7,0	5,9
Магаданская область	5,2	5,3	5,6	5,9	5,9	4,8
Сахалинская область	5,3	5,4	6,7	7,5	8,9	8,1
РСФСР	7,4	7,6	8,7	9,8	11,0	11,3

Дальний Восток характеризовался более высокими относительными показателями естественного прироста населения, чем в среднем по РСФСР. Однако эти значения на протяжении рассмотренного периода повсеместно убывали, хотя в регионе процесс шёл медленнее: по Дальнему Востоку отмечено снижение почти в 2 раза, по РСФСР — в 3 раза (см. табл. 1.3). В среднем в 1960—1985 гг. естественный прирост обеспечивал 2/3 общего прироста численности дальневосточников.

Таблица 1.3. – Общий коэффициент естественного прироста населения Дальнего Востока в 1960—1985 гг. (на 1000 чел. населения) [193, с.190]

	1960	1965	1970	1975	1980	1985
Приморский край	17,4	10,9	10,6	10,3	8,6	7,7
Хабаровский край	16,7	11,4	10,2	10,4	9,7	9,4
Амурская область	18,0	10,0	10,4	11,2	9,9	9,4
Камчатская область	20,6	14,2	10,8	11,3	9,8	10,3
Магаданская область	19,7	11,6	10,9	11,6	10,7	12,5
Сахалинская область	19,9	11,0	10,2	11,1	8,1	8,4
РСФСР	15,8	8,1	5,9	5,9	4,9	5,2

Таким образом, решение поставленных научных задач в программе позволили сформулировать следующие выводы. Модернизация демографических процессов на Дальнем Востоке в 1960—1985 гг. в целом шла в русле общероссийских тенденций.

- Среднестатистическая семья уменьшалась в размерах, снижались показатели общего коэффициента рождаемости, а смертности, наоборот, — росли.
- В семейной сфере к общим характеристикам можно отнести снижение общего коэффициента брачности и медиального возраста вступления в брак, распространение незарегистрированных браков, рост внебрачной рождаемости, колебания в динамике разводов.
- Вместе с тем Дальний Восток, будучи самой отдалённой территорией и зоной активного хозяйственного освоения, имел свои особенности модернизации демографических процессов.
- До конца советского периода в структуре населения региона группы молодых и трудоспособных возрастов занимали большее место, чем в среднем по РСФСР, а также отмечено преобладание мужского населения (по РСФСР — женского). Здесь был более высокий уровень брачности и разводимости. Положительной тенденцией стало снижение в 1960—1970-е гг. общего коэффициента брачности среди несовершеннолетних.
- По сравнению с РСФСР снижение показателей рождаемости на Дальнем Востоке шло медленными темпами. Естественный прирост при общей понижающей динамике относительных показателей оставался более

высоким, чем в среднем по республике и был основным компонентом стабильного увеличения численности дальневосточников.

1.2.2. Национальный состав дальневосточного населения

Этнические группы российского происхождения. В 1960—1980-е гг. принципиальных изменений в многонациональном составе Дальнего Востока по сравнению с предыдущим периодом не произошло, однако имелись подвижки в численности групп и пропорциях между ними, что являлось следствием как естественного воспроизводства, так и миграций. Основным этносом, как и во все предыдущие периоды, оставался русский (1959 г. — 81,2%; 1989 г. — 84,5%), на втором месте по удельному весу, но со значительным отставанием, были украинцы (9,9 и 8,1%). Чуть более чем по 1% занимали белорусы и татары, остальные национальности — менее 1% каждая. В рамках общей восходящей демографической динамики, численность большинства этнических групп постоянно увеличивалась. Особенно высокими темпами роста выделялись относительно небольшие группы выходцев из республик Кавказа и Средней Азии. Если в целом население региона в период между переписями 1959 и 1989 гг. увеличилось в 1,5 раза, то численность азербайджанцев — в 21,5 (в 1989 г. — 17,6 тыс. чел.), узбеков — в 12,9 (11,0 тыс.), осетин — в 5,2 раза (5,0 тыс.), армян — в 3,6 (10,1 тыс.), таджиков — в 3,5 (2,5 тыс.), киргизов — в 2,4 (2,6 тыс.). Близкая к ним динамика (в 3,3 раза) была у башкир (11,3 тыс.) и молдаван (15,1 тыс.)[193, с. 245-246].

Такой тренд являлся следствием общего изменения направленности переселенческих процессов в СССР в рассматриваемый период: миграционные ресурсы в традиционных регионах-донорах уменьшались, а в Средней Азии, Казахстане, Молдавии, на Кавказе, наоборот, росли. В 1950—1960-х гг. в южных республиках произошёл демографический взрыв, охвативший более всего сельскую местность, что привело к аграрному

перенаселению, безработице и другим социальным проблемам, особенно обострившимся в 1980-е гг., когда появившееся на свет во время демографического взрыва поколение вступило в трудоспособный возраст. Эти обстоятельства «выталкивали» население южных республик вовне, абсолютное большинство мигрантов уезжало в РСФСР, где и рассеивалось по регионам, включая Дальний Восток. В условиях существования единого советского политического и экономического пространства, наиболее «удобными» и распространёнными формами переселения для молодых людей были оседание на выбранной территории после демобилизации из армии и выезда на учёбу, а для всех групп трудоспособных возрастов — участие в плановых миграционных кампаниях. Выходцев из южных республик привлекала, например, работа на тихоокеанских рыболовецких предприятиях, где можно было заработать «хорошие деньги». Свой вклад в прирост ряда этнических групп на Дальнем Востоке вносили и «ударные комсомольские стройки», особенно БАМ. Так, численность азербайджанцев на территориях строительства магистрали — в Амурской области и Хабаровском крае — между переписями 1970 и 1989 гг. увеличилась соответственно в 21,4 и 14,1 раза, тогда как в других краях и областях региона — от 3,5 до 10,4 раза. К концу 1980-х гг. появились также этномиграционные тенденции, вызванные экстраординарными событиями и политическими причинами, — беженство и вынужденное переселение, хотя их масштаб до конца советской эпохи был незначительным. Так, на приезд в регион армян и азербайджанцев повлияли землетрясения в Спитаке и Ленинакане и межэтнический конфликт в Нагорном Карабахе[193, с. 247].

Из общего ряда стабильно растущих на Дальнем Востоке этнических групп выбивалось несколько, переживавших нисходящую динамику развития. Численность мордвы с 1959 по 1989 г. уменьшилась в 1,7 раза (с 48,4 тыс. до 29,3 тыс. чел.), а евреев — в 1,8 раза (с 34,9 тыс. до 19,9 тыс. чел.). Следует отметить, что негативный тренд был характерен для этих народов и в целом

по стране. В РСФСР за те же годы мордовское население сократилось в 1,1 раза, а еврейское — в 1,6 раза.

Исследования показали, что основным фактором снижения численности мордвы были ассимиляционные процессы. Что касается еврейского населения, то действовал комплекс причин. Наряду с ассимиляцией шло сокращение естественного прироста. К этому добавилась массовая эмиграция, которая началась в 1971 г. и продолжалась с разной интенсивностью вплоть до последних лет советской эпохи и в постсоветское время. За 1970—1988 гг. в Израиль, США и некоторые другие страны только из РСФСР эмигрировало 50,4 тыс. евреев и членов их семей. В последние годы перестройки этот процесс усилился. В Израиль в 1989—1991 гг. уехало 55,3 тыс. чел. Как отражение этих процессов, еврейское население сократилось во всех краях и областях Дальнего Востока, включая Еврейскую автономную область, где их доля была самой высокой в регионе, но и она уменьшилась с 8,8% в 1959 г. до 4,2% в 1989 г., а численность — с 14,3 тыс. до 8,9 тыс. чел.

В данном контексте нельзя не упомянуть и об эмиграции советских немцев в Германию. В течение 1970—1985 гг. из СССР уехало 82,6 тыс. немцев и членов их семей, а в 1990—1991 гг. только из РСФСР Германия приняла 67,5 тыс. чел.[193, с. 246-247]. По всей видимости, отток таких эмигрантов с Дальнего Востока был небольшим. Во всяком случае, численность немецкого населения здесь с 1959 по 1989 г. не уменьшилась, а выросла в 1,6 раза, что было на уровне средних показателей общего прироста числа жителей региона.

В ходе исследования были выявлены **этнические группы восточно-азиатского происхождения.** Специфический путь исторического развития на Дальнем Востоке прошли этнические группы, сформированные выходцами из соседних азиатских стран. Данный компонент в населении российского региона всегда выступал своеобразным индикатором развития кросс-граничных взаимоотношений с окружающим зарубежьем. В исследуемый период наблюдались некоторые новые явления. В 1960—1980-е гг. состояние

этих групп в дальневосточном сообществе и его изменения во многом являлись следствием или продолжением процессов, происходивших на предыдущих этапах.

Структурно неоднородным было корейское население. К началу 1960-х гг. в его состав входили три подгруппы. Относительно небольшую часть составляли советские корейцы, вернувшиеся на Дальний Восток из мест депортации. На Сахалин из Средней Азии и Казахстана в конце 1940-х — начале 1950-х гг. было мобилизовано около 2 тыс. чел., хорошо владевших корейским языком, для проведения массово-политической работы среди корейцев, не имевших советского гражданства. Такие же специалисты прибыли на работу в Приморский и Хабаровский края. Вторую и наиболее многочисленную подгруппу представляли бывшие подданные Японии, не репатриированные после войны и проживавшие на Сахалине. Третья подгруппа включала граждан КНДР, завербованных в конце 1940-х гг. в Сахалинскую и Камчатскую области, Приморский и Хабаровский края для работы в рыбной, лесной и бумажной промышленности и оставшихся в СССР после окончания сроков договоров.

Всего в регионе на момент переписи 1959 г. проживало 60,3 тыс. корейцев. Из них 42,2 тыс. (70%) находились на Сахалине, являясь третьей (после русских и украинцев) по численности этнической группой в области. Разнородность её состава отчётливо выражалась в паспортном статусе: гражданами КНДР были 12,4 тыс. чел., гражданами СССР — 9,3 тыс., лицами без гражданства — 20,7 тыс. [193, с. 249-250]

В 1960—1980-е гг. в каждой из подгрупп происходили изменения как в результате естественного воспроизводства, так и под воздействием специфических факторов. Росло число советских корейцев, возвратившихся из Средней Азии и Казахстана. В начале 1960-х гг. оттуда на Сахалин приглашали учителей и выпускников вузов для работы в национальных школах. Часть бывших депортантов переехала на Дальний Восток самотёком. Процесс этот шёл постепенно и лишь в конце 1980-х гг. он резко усилился в

связи с зарождавшимися националистическими тенденциями среди титульного населения республик выхода и возникновением межэтнических конфликтов («ферганские события» в Узбекистане в 1989—1990 гг. и др.). Многие выбирали в качестве нового места жительства Приморский край, откуда в 1937 г. и было выселено большинство семе. Вместе с тем советские корейцы в послесталинский период не были ограничены в правах передвижения и могли свободно как приезжать, так и уезжать с Дальнего Востока. Определить суммарное число осевших в регионе граждан этой категории не представляется возможным.

Судьба двух других подгрупп во многом была связана с регулированием их правового положения и решением вопроса о возврате на родину. Как подробно показано в исследованиях А.Т. Кузина, в отношении бывших японских подданных на Сахалине, несмотря на все их устремления, проблема репатриации до конца советского периода так и не была решена. Объективные препятствия этому создавали реалии «холодной войны», существование двух противоборствующих государств на Корейском полуострове, отсутствие дипломатических отношений СССР с Республикой Корея.

Жизнь бывших японских подданных существенно осложнял статус «лиц без гражданства», предусматривающий ограничения в правах проживания, передвижения, получения социальных гарантий. С 1952 г. этой категории корейцев решением советского правительства было предоставлено право принимать гражданство СССР, чем к 1960 г. воспользовались 3578 чел. Но большинство, надеясь вернуться в Корею, предпочли принять гражданство КНДР. К началу 1962 г. таких насчитывалось 11 475 чел. (вместе с детьми), в то время как взрослых лиц без гражданства оставалось 3821 чел. [193, с. 249-250]

В свою очередь возвратиться на родину должны были северокорейские рабочие, прибывшие в СССР по вербовке. Этот процесс на основе межправительственных договоров начался ещё в 1950-е гг., однако многие северные корейцы из-за тяжёлых условий жизни на родине избегали

репатриации, стремясь навсегда остаться в Советском Союзе. Они обзавелись хозяйством, некоторые вступили в брак с советскими гражданами. В течение в 1953—1959 гг. 750 корейцев из этой группы перешли в гражданство СССР. Северокорейские власти весьма болезненно воспринимали эту ситуацию и пытались оказывать давление на советские управленческие органы с тем, чтобы те активнее способствовали вывозу вербованных. Однако советская сторона, заинтересованная в дополнительных трудовых ресурсах на Дальнем Востоке, занимала другую позицию: спуская на места распоряжения о проведении разъяснительной работы среди граждан КНДР по поводу отъезда, Москва требовала «не допускать давления на них» и обязывала организовать отправку желающих.

В начале 1960-х гг. вывоз мигрантов в Северную Корею замедлился. В 1958—1961 гг. из Сахалинской области туда выехало 4425 чел., включая 2166 детей, причём в 1960 г. — только 52, а в 1961 г. — 64 чел. Вместе с семьями, завезёнными по вербовке, репатриировалось и небольшое число лиц, принявших гражданство КНДР на Сахалине. К началу 1962 г. в области оставалось 3851 корейцев, прибывших по договорам. А всего в это время там проживало 15 327 граждан КНДР (вместе с бывшими лицами без гражданства). Последним годом их массовой организованной отправки в свою страну стал 1962-й, когда с Сахалина выехало 1620 чел., с тех пор их возвращение на родину осуществлялось только в частном порядке.

Те, кто сохранял гражданство КНДР, оставаясь в пределах Советского Союза, обязаны были каждые три месяца продлевать свои национальные паспорта. В противном случае они документировались видами на жительство для лиц без гражданства, но с обязательной отметкой «является гражданином КНДР», со всеми вытекающими правовыми ограничениями. За нарушение правил проживания и передвижения они подвергались штрафам или уголовному наказанию.

Со временем советское правительство смягчало правовые ограничения для граждан КНДР. Так, в 1966 г. 435 чел. получили разрешение на выезд с

Сахалина в другие районы страны для поступления в учебные заведения. С того же года им стали разрешать временное пребывание в Северной Корее для свидания с родственниками, а родственникам из КНДР — посещать Сахалин. Однако переход в советское гражданство был приостановлен, несмотря на поступавшие заявления, т.к. корейские власти практически перестали оформлять документы на выход из гражданства КНДР. По этой причине северные корейцы нередко отказывались от продления своих национальных паспортов или «теряли» их.

Расширение политико-юридических оснований для приобретения советского гражданства произошло с принятием союзного Закона от 1 декабря 1979 г., который предоставлял этот статус детям лиц без гражданства, имевшим постоянное жительство в Советском Союзе, а также в случае, если хотя бы один из родителей был гражданином СССР.

Таким образом, в правовом отношении структурная эволюция корейской общности на Сахалине заключалась в постепенном «перетекании» лиц из одной статусной группы в другую за счёт получения советских или северокорейских паспортов. К концу советской эпохи абсолютное большинство корейцев в области приобрело гражданство СССР: по состоянию на 1 января 1988 г. их насчитывалось почти 32 тыс. чел., граждан КНДР оставалось 456, лиц без гражданства — 2621 чел. [193, с. 249-250]

Однако на бытовом уровне самоидентификация корейцев и межличностные связи во многом сохраняли деление на три первоначальные группы в соответствии с местом происхождения. В целом за 1959—1989 гг. численность корейского населения в Сахалинской области сократилась с 42,3 тыс. до 35,1 тыс. чел., а их доля в общем составе населения — с 6,5 до 5,0%.

Так же, как и на Сахалине, проблемы, связанные с судьбой вербованных северокорейских рабочих, решались и в других районах региона — Хабаровском и Приморском краях, Камчатской области. Так, на предприятиях Приморрыбпрома на 1 июля 1960 г. оставалось 102 гражданина КНДР (в том

числе 48 иждивенцев), но изъявил желание выехать только один человек, не имевший семьи. В 1960—1961 гг. вывоз корейских работников этой организацией не производился. В 1969 г. в Приморье проживало 164 гражданина КНД [36; 45] из общего числа 8 тыс. чел. (на 1970 г.) корейского населения края.

Перечисленные выше факторы определяли нестабильность общей численности корейцев на Дальнем Востоке, которая в 1959—1979 гг. уменьшилась с 67,1 тыс. до 53,7 тыс. чел., а в следующие 10 лет увеличилась, но незначительно — до 54,8 тыс. В территориальном разрезе региона схожая линия развития была характерна для Сахалинской области, а в Хабаровском крае колебания вверх и вниз наблюдались каждый межпереписной период, на что влияли, прежде всего, процессы вывоза мигрантов в КНДР или их оседание на территории СССР. В то же время в Приморском крае, Амурской и Магаданской областях число корейцев, хотя и медленно, но стабильно росло (скорее всего, за счёт возращения бывших депортантов и естественного прироста), а на Камчатке — снижалось. С 1959 по 1989 гг. доля этой этнической группы в общем составе дальневосточного населения снизилась с 1,5 до 0,8%.

В позднесоветский период на Дальнем Востоке проживало небольшое число китайцев. Основная их часть со времён депортации 1938 г находилась в Хабаровском крае и Амурской области. Тогда в ходе предвоенной «зачистки» пограничных территорий юга Дальнего Востока (главным образом Приморья), граждан КНР депортировали на родину, но китайцы, имевшие советское гражданство, а также граждане КНР, не пожелавшие выезжать в Китай, были выселены в тыловые районы региона Группа, оставшаяся на территории СССР, большей частью состояла из лиц, имевших смешанные семьи, или одиноких мужчин. Многие дети, родившиеся в таких семьях, идентифицировались уже как русские[238; 241]. В послевоенные годы китайское население на Дальнем Востоке незначительно пополнилось лицами из числа бывших военнопленных японской армии, а на Сахалине — не

подпавшими под репатриацию гражданскими японскими подданными. С 1950-х гг. имелись единичные случаи перебежки через границу граждан КНР на советскую территорию. Однако эти небольшие включения практически не влияли на общую динамику китайского населения на Дальнем Востоке, численность которого, в силу естественных причин, за период 1959—1989 гг. уменьшилась с 2,5 тыс. до 1,2 тыс. чел., в том числе в Хабаровском крае — с 1226 до 784 чел., в Амурской области — с 1061 до 200 чел. В Приморском крае их было менее двух сотен, а Магаданской и Камчатской областях — от шести до двух десятков[193, с. 251].

Японцы. Схожая демографическая динамика была характерна для малочисленной группы японцев, присутствие которых в регионе несло на себе отпечаток послевоенных реалий. Почти все они находились на Сахалине (1959 г. — 679 чел., 1989 г. — 383 чел.), где входили в группу бывших японских подданных, но в отличие от корейцев добровольно отказались от репатриации в основном из-за того, что состояли в смешанных браках. В других краях и областях региона проживало от полусотни до нескольких сотен японцев. Некоторые из них, в 1940-е гг., находясь в военном плену, были приговорены к различным срокам уголовного наказания в исправительно-трудовых лагерях, после окончания которого волей судеб остались в СССР, завели семьи. Дети, родившиеся в смешанных русско-японских семьях, как правило, считали себя русскими.

Важным дискуссионным аспектом трансформации дальневосточного социума является следующий вопрос: по какому пути пошел процесс в регионе: что преобладали ассимиляция или сохранение этнической идентичности?[193, с. 251-265]. В исследовании было установлено, что в 1960–1980-х гг. в регионах РСФСР, не считавшихся «национальными», к каким относился и Дальний Восток (за исключением входящих в него национальных автономных образований), этническая идентичность различных групп осознавалась и поддерживалась в основном в рамках семейных отношений. В публичной сфере она отличалась латентным

характером, если не считать немногих фольклорных коллективов, которые действовали большей частью в сельской местности. Свои плоды приносила общая идеология и долговременная стратегия национальной политики государства, направленная на «процветание дружбы народов» и формирование надэтничной общности «советский народ». В городах активно шли ассимиляционные процессы, особенно среди жителей с высоким уровнем образования. Всё население говорило на русском языке, большинство считало его родным. Стиранию различий на локальном уровне Дальнего Востока способствовало восприятие региона как общего социального пространства, в рамках которого этнические группы имели коллективный исторический опыт хозяйствования и жизнедеятельности (что было установлено в более ранней нашей работе[10]).

Несколько особняком в этом отношении стояли сахалинские корейцы. Особенность формирования этой группы населения потребовала от администрации Сахалинской области создания условий для их адаптации к советскому образу жизни. На острове под патронажем государства в 1945—1963 гг. функционировала сеть корейских школ (от 32 до 72 в разные годы) с широким охватом учащихся (3—7 тыс. чел.)[*], проводилась ликвидация неграмотности среди взрослого корейского населения, в 1948—1959 гг. работал единственный в СССР корейский драматический театр, с 1950 г. выпускалась газета на корейском языке (до 1961 г. называлась «Корейский рабочий», затем — «По ленинскому пути», с 1991 г. — «Новая корейская газета»), с 1956 г. вело передачи корейское радио. Эти и некоторые другие этнокультурные институты внесли свой вклад в процесс советизации бывших

[10] Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, ИИАЭ, 2002.2002. С. 150

[*]В 1963 г. корейские школы на Сахалине перевели на русский язык обучения и реорганизовали в обычные школы. Причинами этого были слабая подготовка педагогических кадров, недостаточная обеспеченность методическими пособиями, а также отсутствие перспектив поступления в советские вузы для выпускников таких школ из-за плохого знания русского языка. См.: Костанов А.И., Поддубная И.Ф. Корейские школы на Сахалине: исторический опыт и современность. Южно-Сахалинск, 1994. С. 8-18.

иностранных граждан, но вместе с тем в определённой степени способствовали сохранению их этнической идентичности

Ситуация начала меняться в конце 1980-х гг., когда на волне перестройки, породившей всеобщую политическую турбулентность, этничность стала играть роль одного из инструментов общественной мобилизации: обострилось национальное самосознание, возникли группы активистов этнополитических движений, усилился интерес к истории и культуре своих народов. Были сделаны первые организационные шаги по этнической консолидации, в которую вовлекались как славянские, так и неславянские народы.

На Дальнем Востоке оживление наблюдалось в основном среди украинцев, немцев и корейцев. Во многом оно шло под воздействием событий в центральной части страны. Так, образование в 1988 г. московского товарищества украинской культуры «Славутич» послужило примером для дальневосточников, создавших в 1989 г. украинское культурно-просветительское общество «Киевская Русь» в Южно-Сахалинске (без регистрации) и в 1991 г. общество украинской культуры в Приморском крае.

Перестройка особенно повлияла на активизацию этнических групп, подвергавшихся политическим репрессиям в годы сталинизма. Стержнем их консолидации была актуализация коллективной исторической травмы, стремление к «восстановлению справедливости». Власть, вовремя осознав запрос общества, отреагировала на него принятием законодательных актов по восстановлению прав жертв политических репрессий (Указ ПВС СССР от 16 января 1989 г., Указ Президента СССР от 13 августа 1990 г. и др.), признанию незаконными и преступными репрессивных актов против народов (Декларация ВС СССР от 14 ноября 1989 г., Постановление ВС СССР от 7 марта 1991 г. и др.).

Поддержанные таким законодательным основанием движения «репрессированных народов» стали приобретать легальные организационные формы. В 1989 г. было образовано Всесоюзное российское общество

советских немцев «Возрождение», поставившее задачу добиться полной реабилитации своей этнической общности путём воссоздания Немецкой Республики в Поволжье, а также развития национальной культуры, родного языка, поддержки традиционных религиозных конфессий. В марте 1991 г. в Москве состоялся съезд советских немцев, подготовка к которому, инициируя направление делегатов, «пробудила» активность в регионах. Стоит отметить, что первые шаги этих этнических объединений в регионе не находили многочисленных сторонников, а выражали позицию довольно узкого круга активистов, обычно с высоким уровнем образования, которые и сами не имели ещё ясной программы, действуя скорее интуитивно по принципу «главное — начать». У истоков немецкого движения в Приморском крае стояли преподаватель ДВГУ Э.И. Киршбаум и журналист А. Резер (позже оба эмигрировали в Германию. На Сахалине инициатором создания общества «Киевская Русь» был врач С.Г. Коляда, имевший большую коллекцию украинских книг. Его активно поддерживал Н.А. Лугин, позже ставший депутатом Сахалинской областной думы. Однако украинское население в Южно-Сахалинске отнеслось к этому начинанию довольно пассивно, и общество просуществовало недолго. Его последователи появились лишь в постсоветский период.

Немного заинтересованных людей (9 чел.) присутствовало и на учредительном собрании Приморского общества украинской культуры во Владивостоке (январь 1991 г.). В дальнейшем число членов общества несколько расширилось. Поэтому целью общества, зарегистрированного в июне 1991 г., в уставе провозглашалось возрождение украинской культуры в крае.

В поисках объединяющей идеи этнические группы обратились к исторически традиционной для них религии. Нормализация государственно-конфессиональных отношений, произошедшая после встречи М.С. Горбачёва с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Священного Синода накануне празднования тысячелетия крещения Руси (1988 г.), создала

почву для вывода религиозной жизни из тени в публичную сферу. Население восприняло это как элемент продвижения «реальной демократии». Не стеснённая рамками государственной атеистической идеологии, «свобода вероисповедания» сработала в качестве одного из факторов общественной консолидации и в определённой степени даже приняла ажиотажные формы, приведя к быстрому росту числа прихожан различных церквей.

Несмотря на то, что состав общин верующих был полиэтничен, в них преобладали, как правило, представители какой-либо национальности, ассоциировавшие данную конфессию со своей исконной культурой: православие — с русской, лютеранство — с немецкой, католичество — с польской и т.д. В регионе появились инициативные группы по возрождению конфессиональных общин и возвращению им культовых зданий, которые были изъяты государством ещё в 1920—1930-е гг. и находились в муниципальной собственности. Отдельные всплески консолидации этнических групп были вызваны экстраординарными событиями в регионах выхода мигрантов. Например, в 1988 г. в связи с межнациональным конфликтом в Нагорном Карабахе, азербайджанцы Приморья провели акцию сбора тёплых вещей, медикаментов, палаток, продуктов питания и т.п., которые затем отправили в Азербайджанскую ССР. Они также участвовали в оказании гуманитарной помощи пострадавшим от землетрясения в Спитаке и Ленинакане. Но их объединение в организованных формах состоялось уже после распада страны.

В целом сопоставление масштабов общественной активности на этнической почве и численности представленных этнических групп в тот период показывает явную диспропорцию, особенно несоизмеримую в украинском сегменте. Если вышеназванные немецкие организации приходились на 1,2 тыс. немецкого населения в Сахалинской области и 4,2 тыс. — в Приморском крае, то украинские — на 46,2 тыс. и 185,1 тыс. украинского населения соответственно.

Значительно большей устойчивостью этнической идентичности и высокой степенью консолидации отличались корейцы. На Дальнем Востоке образовалось два центра их общественно-политической активности — Приморский край и Сахалинская область, в которых наряду с общими тенденциями этнокультурного возрождения проявились и специфические устремления, направленные на обретение «утраченной родины». Для советских корейцев, входивших в число репрессированных народов, такой родиной был Приморский край, откуда в 1937 г. шёл основной по ДВК поток депортированных в Среднюю Азию и Казахстан. Активизация возвращения в Приморье в конце 1980-х гг. в условиях принятия законодательных актов о реабилитации репрессированных народов позволила корейским общественным лидерам выдвигать перед властью проблемы, связанные с их новым укоренением в регионе. Идея корейской автономии активно поддерживалась и продвигалась лидерами ВАСК как в центре, так и в регионе. В 1990 г. они отправили обращение к Верховному Совету СССР, а в 1991 г. представили Приморскому краевому Совету народных депутатов программу по добровольному и организованному переселению корейцев из Казахстана и Средней Азии в Приморский край на постоянное местожительство. Программа, наряду с аспектами организационного плана, содержала предложение создать к 2000 г. корейскую автономную область в составе Приморского края. Однако ни краевые власти, ни местное население (были проведены опросы и публичные обсуждения) не поддержали идею автономии, и она была отклонена.

Для сахалинских корейцев — бывших японских подданных и их потомков — исторической родиной оставался Корейский полуостров. Надежда на репатриацию играла роль консолидирующей идеи со времён окончания Второй мировой войны, однако только атмосфера перестройки сделала возможными открытое выражение коллективных требований и организованные действия. Межгосударственный уровень данной проблемы и большая численность корейцев на Сахалине обусловили высокую степень

внимания со стороны местных властных структур к нуждам этой этнической группы в целом. Активизация деятельности шла как «снизу», так и «сверху».

Кроме корейского в 1990 г. образовалось и японское общество разрозненных семей («Сахалин Соксинкай»), которое проводило встречи сахалинских японцев и помогало встретиться родственникам, живущим в СССР и Японии.

Помимо решения проблемы «утраченной родины», активизация корейского движения на Дальнем Востоке базировалась на тех же основаниях, что и у других этнических групп, — обострении этнического самосознания, повышении интереса к своим культурным корням. Но в отличие от других, корейцы проявили также потребность в консолидации на экономической и общественно-политической почве, о чём свидетельствуют целевые установки их общественных объединений, появившихся в эти годы.

Ни одно корейское объединение не обошло проблему сохранения родного языка и культурных традиций, Так. на Сахалине работа в этом направлении, поддержанная официальными структурами, получила более системный и масштабный характер. В 1987 г., впервые после длительного перерыва (с 1963 г.), преподавание корейского языка было введено в одной из школ областного центра. В организации занятий приняли участие специалисты из КНДР. В 1988 г. в Южно-Сахалинском государственном пединституте открылось корейское отделение. В 1991 г. в области стала реализовываться программа стабилизации и развития системы образования, которая предусматривала создание дополнительных условий для изучения родных языков по специальному учебному плану Министерства народного образования РСФСР. Корейский язык стал преподаваться в 12 школах, 9 из 18 районов области. Существенная помощь была получена от ВАСК, в том числе и в установлении прямых связей с Министерством образования Республики Корея, институтом обучения зарубежных корейцев при Сеульском государственном университете. Помимо изучения и сохранения корейского языка, она считала важным создание общественно-культурных

центров, организацию телевизионного вещания на корейском языке, национальных музеев, выставок, фольклорных праздников, подготовку национальных кадров творческой интеллигенции путём направления на учёбу в вузы страны и за рубеж, содействие развитию восточных единоборств и др.

В целом на Дальнем Востоке в 1989—1991 гг. были сделаны первые шаги в «пробуждении» общественной активности некоторых этнических групп. Однако в большинстве случаев она не сопровождалось массовой поддержкой соплеменников, а была началом процесса консолидации энтузиастов и становления местных лидеров. Для таких групп, как немецкая и украинская, был характерен узкий состав участников движения, его «точечная» география, размытость целевых установок, что вытекало из инертности этнического самосознания местного населения, устойчивости «общесоветского» менталитета. Внутренние предпосылки к подъёму этнического фактора здесь не вызрели, восполняясь влиянием событий, происходивших в центре страны, союзных и автономных республиках, и деятельностью тамошних активистов. В последние годы перестройки дальневосточное сообщество волновали проблемы, связанные не с этнической идентичностью, а прежде всего с обострением общего кризиса в стране и регионе.

Исключение в этом плане составляло корейское население, каждая из подгрупп которого сохраняла определённую внутреннюю консолидацию на протяжении длительного предшествующего периода. Этому способствовали не только этнокультурные традиции корейцев, но и особенности формирования трёх рассмотренных локальных подгрупп, а также объективные условия их жизнедеятельности в СССР — компактное проживание, наличие этносоциальных институтов (национальные школы, средства массовой информации, колхозы и т.д.). Консолидирующую роль играла и пронесённая через годы мечта об «утраченной родине». Всё это обусловило более массовый и организованный характер возникшего в последние годы перестройки общественно-политического движения корейцев, хотя оно и отражало

социокультурные различия внутри общности. Находясь на начальной стадии, это движение тем нем менее выработало основу для дальнейшего развития в виде комплекса общественных организаций и формулировки разносторонних программ.

1.3. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1960—1985 ГГ. И ИЗМЕНЕНИЯ В ИСТОЧНИКАХ И ФОРМАХ ТРУДОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНА

В 1960—1980-е гг. миграционные процессы на Дальнем Востоке продолжали находиться под определяющим воздействием государственного регулирования, тесно связанного с политикой освоения сырьевых ресурсов региона и его стратегическим значением. На всех этапах советской истории власть была нацелена на активное заселение Дальнего Востока, для чего использовались различные методы стимулирования и формы организации миграций. В целом результативность этой политики была довольно высока, однако имела волнообразный характер. Изменения в миграционных процессах и миграционной политике представлены в двух коллективных монографиях[127; 193] двух индивидуальных Е.Н. Чернолуцкой[238], Л.А. Крушановой[183] и большой серии статей А.С. Ващук.

Анализ источников, показал, что с середины 1950-х гг. миграционный отток стал преобладать над притоком. Впервые за советскую историю, не считая периода Великой Отечественной войны, темпы демографического роста по региону в целом резко снизились, а в Амурской и Сахалинской областях численность населения уменьшилась в абсолютных значениях. Принудительные формы миграции постепенно уходили в прошлое или видоизменялись[66]. Уже к началу 1960-х гг. Дальний Восток находился в условиях действия негативных тенденций общеэкономических и миграционных процессов. К началу 1960-х гг. Дальний Восток находился в

условиях действия негативных тенденций общеэкономических и миграционных процессов.

Миграционная политика изучалась в трех направлениях: как стратегия по формированию постоянного населения, как способ обеспечения хозяйственного комплекса трудовыми ресурсами, как инструмент обеспечения социально и государственной безопасности. Реформы, начатые под руководством Н.С. Хрущева, коснулись и реорганизации управленческой системы распределения рабочей силы. В 1956 г. произошло объединение Переселенческого управления и Управления оргнабора рабочих в Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете Министров РСФСР. В составе новой структуры был выделен отдел по переселению и оргнабору в районы Урала, Сибири и Дальнего Востока. Государство предприняло попытку объединить массовые формы организованных миграций – оргнабор рабочих и плановое переселение. Объединение двух Главных управлений в единое было направлено и на решение другой актуальной социально-политической задачи – не допустить выбытия сельского населения из регионов-доноров больше, чем это считалось возможны[183, с. 177-181].

Региональные и местные отделы также прошли этап реструктуризации: в августе 1956 г. на Дальнем Востоке были образованы отделы переселения и организационного набора, которые проработали до конца 1966 г. Изменения коснулись полномочий управлений и отделов на местах. Региональные отделы стали принимать участие в комиссиях по персональному распределению молодых специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, на предприятия и стройки совнархозов, министерств и ведомств местной промышленности. Было установлено, что попытки Н.С. Хрущева сократить денежные выплаты переселенцам, но при этом расширить для них жилищное строительство имело весьма противоречивую реакцию мигрантов. Оказалось, что многие ехавшие на Дальний Восток в основном были мотивированы на временное проживание и более высокий заработок в регионе. Сокращение денежных выплат вызвало отток населения. И, начиная

со второй половины 1960-х годов Советское правительство вновь возвращается к увеличению денежных льгот для мигрантов.

В 1960-е гг. миграционная политика стала ответом на серьезные демографические изменения в СССР: на 25% снизилась рождаемость, на 15% увеличилась смертность. При существующем хозяйственном механизме дефицит трудовых ресурсов в РСФСР стал практически повсеместным. Отсутствие «свободного» населения и потребности государства в дальнейшем освоении природных богатства Сибири и Дальнего Востока заставили руководство страны искать выход из ситуации, которая была близка к кадровому кризису. Началась новая волна перестройки органов управления.

В 1966 г. упразднялось Главное управление по переселению и организованному набору рабочих при Совете министров РСФСР. В феврале 1967 г. был образован Государственный комитет по использованию трудовых ресурсов. Его основными задачами являлись: разработка и проведение мероприятий по переподготовке рабочих и их перераспределению, трудоустройство и информация населения о потребностях в рабочих и инженерных кадрах, изучение состава трудоспособного населения, проведение организованного набора рабочих и планового переселения.

Создание во второй половине 1960-х гг. новой структуры обусловило выделение в миграционной политике новых задач. Исходя из функциональных задач Госкомтруда, строилась его структура. К 1970 г. в нее входили управления по перераспределению и переподготовки рабочих и трудовых ресурсов, трудоустройству населения и молодежи, организованного набора рабочих, планового переселения, а также планово-финансовое, хозяйственное управления, центральная бухгалтерия, отделы информации и кадров[183, с. 178-186].

Осуществляя организационные меры в управлении трудовыми ресурсами, правительство одновременно поддержало и научные разработки. При Сибирском отделении АН СССР действовала лаборатория трудовых ресурсов. В дальневосточном регионе (г. Хабаровск) ее возглавлял

Л.Л. Рыбаковский. В 1964 г. причины слабой закрепляемости населения и текучести кадров на Дальнем Востоке изучала и группа ученых (Е.А. Маневич, В.Ф. Майер, Н.С. Маслова), работавших в Москве. Они также информировали правительство о необходимости расширения набора социально-бытовых мер для усиления миграционной мотивации на Дальний Восток. Кроме того, в декабре 1967 г. в составе Государственного комитета по использованию трудовых ресурсов была организована Центральная научно-исследовательская лаборатория трудовых ресурсов во главе с канд. эк. наук А.Н. Гладышевым. На нее возлагались задачи разработки и подготовки предложений по улучшению использования рабочей силы в отраслях материального производства и непроизводственной сферы РСФСР. В 1967 г. был принят документ «О дальнейшем развитии производительных сил Дальневосточного экономического региона и Читинской области», в котором были определены некоторые льготы финансирования Дальнего Востока и меры по привлечению населения [127, с. 75-78].

В исторической ретроспективе система методов управления миграцией имела широкую амплитуду – от привлечения переселенцев при помощи разнообразных мер поддержки и организации за счет государства масштабных переселенческих программ до полного исключения присутствия внешних мигрантов в регионе и закрытия границ. Подобная смена моделей миграционной политики, применявшаяся на Дальнем Востоке в разные исторические периоды, была мотивирована воздействием двух приоритетов – экономического и внешнеполитического, под эгидой задачи обеспечения государственной безопасности.

Установлено, что в 1960—1980-е гг. миграционные процессы в регионе продолжали находиться под воздействием государственного регулирования, тесно связанного с политикой освоения сырьевых ресурсов региона и его стратегическим значением[7]. На всех этапах советской истории власть была нацелена на активное заселение Дальнего Востока, для чего использовались различные методы стимулирования и формы организации миграций. В целом

результативность этой политики была довольно высока, однако имела волнообразный характер[3; 45; 46; 80; 193, с. 196-234]. В 1950–1970 гг. на Дальний Восток приехало около 5 млн. чел., но население региона за счет переселенцев увеличилось всего на 600 тыс. Успех реализации миграционных мероприятий был тесно связан с различными выплатами (пособий, проездных, «подъемных» и т.д.), на которые расходовались значительные финансовые средства. Так, в 1950-е гг. в среднем завоз одного мигранта обходился в 150 руб., а «стоимость» обустройства одного прижившегося – 450 руб., что соответствовало 90–95% средней заработной плате по Дальнему Востоку (1955 г.). В начале же 1960-х гг. затраты на одного организованного переселенца в 1,2–1,5 раза превышали среднюю заработную плату в регионе, а на одного прижившегося новосела превосходили ее в 3,5–4 раза. В конце 1960-х гг. этот вид расходов составлял 840 руб. на семью в год. В 1967–1970 гг., чтобы выполнить планы по переселению почти 24 тыс. семей, требовалось 250–260 млн. руб. В 1970 г. на переселение одной семьи в южную часть Дальнего Востока государство вкладывало около 7 тыс. руб., что превышало уровень средней месячной заработной платы в регионе приблизительно в 5 раз. Но в эту сумму плановые органы включали также затраты на профессиональную подготовку или переподготовку новосела, так как переезд из одного населенного пункта в другой, как правило, влек за собой смену профессии[183, с. 194-196]. Несмотря на принимаемые меры, политическому руководству так и не удалось добиться ликвидации процесса обратничества с Дальнего Востока.

Информация о размерах заработной платы, которую распространяли управленцы-вербовщики, способствовала созданию впечатления некоторого материального благополучия в регионе. Однако в 1970-е – начале 1980-х гг. дальневосточная миграционная политика вновь сталкивается с внутренним «вызовом» – низкой приживаемостью мигрантов. По прошествии пяти лет со времени прибытия в регионе закреплялось только 10–25% мигрантов. В сельской местности скорость выбытия новоселов была еще выше: через три

года после переселения оставалось лишь 17–19%, а через пять – 3–9% [49, с.85-88].

Другим вызовом дальневосточной миграционной политике стало создание более благоприятных условий для полной занятости населения во многих регионах страны, бывших донорами трудовых ресурсов Дальнего Востока, которые сами стали испытывать потребность в кадрах. В этот период сказывались последствия больших кампаний отправки людей на освоение целины в предшествовавшие годы. Все это обострялось ухудшением демографической ситуации в СССР в целом. Общим итогом развития социально-экономических процессов в регионе явилось снижение темпов прироста сельского населения за счет миграционного фактора.

В условиях свободного перемещения сельских жителей, ставшего возможным с получением ими паспортов, обозначилась тенденция низкой приживаемости на селе. На Дальнем Востоке треть новоселов, приезжавших из сельских районов страны, выбывала в города региона. Организация и набор переселенцев в сельскую местность в те годы строились по принципу выполнения государственных планов любой ценой. Органы власти и управления не учитывали тот фактор, что более половины переселенцев, направляемых в дальневосточный регион, были горожанами, в селах они не находили себе работы по специальности.

В сложившейся ситуации, чтобы обеспечить сельскохозяйственное производство трудовыми ресурсами, а, следовательно, и предотвратить угрозу, связанную с падением уровня сельскохозяйственной продукции, а также ростом дефицита продовольствия, политическое руководство страны выработало и реализовало меры, специфические для централизованной экономики и распределительной модели социальных ресурсов. Была проведена реорганизации колхозов в совхозы, осуществлен перевод колхозников на денежную оплату труда, произошло ее централизованное увеличение до уровня рабочих промышленных предприятий (1960–1975 гг.) при сохранении определенного отраслевого разрыва. Для сельчан значимым

оказался закон, принятый 15 июля 1964 г., который, наконец, уравнивал права промышленных рабочих и колхозников в получении пенсий.

В 1960-е гг. ситуация стала кардинально меняться. Масштабы производства в СССР значительно возросли. Государство, заинтересованное в наращивании потенциала сырьедобывающих отраслей, резко увеличило свои инвестиции. Вступило в строй около 450 промышленных предприятий и крупных цехов. В 1966—1970 гг. размер капиталовложений увеличился ещё вдвое. В 1967 г. ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление, ориентированное на ускоренное развитие производительных сил Дальневосточного экономического района, при этом ведущими отраслями оставались горнодобывающая, рыбная и лесная. Выше, чем в среднем по СССР, в структуре экономики была также доля строительства и транспорта, что объяснялось б***о***льшими затратами на транспортировку грузов из-за огромных расстояний и действия удорожающих факторов в строительстве.

Усилению внимания центральной власти к восточной окраине страны способствовало и усложнение геополитической обстановки в АТР, которое повысило стратегическую значимость региона и, наряду с расширением сырьедобывающих предприятий, предопределило укрепление здесь оборонного комплекса.

Растущее производство и большие масштабы строительства в условиях экстенсивного развития экономики существенно увеличили спрос на рабочую силу, заставив государство активизировать организацию массовых миграций на Дальний Восток, то есть снова решать задачу, которая неоднократно становилась одной из первостепенных в советской стратегии экономического развития восточных районов. Однако по сравнению с периодом сталинизма, несколько изменились общие политические и социальные императивы, определившие обновление тактики управления миграциями.

Начавшаяся в середине 1950-х гг. либерализация политического режима, а также очередной этап модернизационных процессов в целом, потребовали от властных структур поиска новых концептуальных оснований

в организации переселений на территории активного хозяйственного освоения, к каким относился Дальний Восток. В новых политических условиях правительство отказалось от массовых принудительных миграций и сделало ставку на добровольные формы (как планово-организованные, так и стихийные). Руководство страны не могло не учитывать менявшуюся систему ценностей, вхождение всех групп населения в потребительское общество. На смену аскетизму сталинского периода пришла идеология «повышения уровня жизни советских людей». В стимулировании восточного вектора миграций и увеличения постоянного населения в регионе упор стал делаться не только на сугубо материальные факторы в виде комплекса льгот и надбавок к зарплате. На повестку дня встала задача выравнивания условий труда и быта, общего уровня жизни между отстающими восточными районами страны и более развитыми западными. В понимании этого аспекта значительную роль сыграли исследования ведущих советских учёных–экономистов и демографов, к которым власть впервые широко обратилась при разработке планов экономического и социального развития Дальнего Востока и специальных миграционных программ.

Если до этого миграция рассматривалась как простая производная хозяйственного плана, а население, считалось, обладает неограниченной мобильностью, то в 1960—1980-е гг. формировался взгляд на миграцию как на сложный социально-экономический процесс, обладающий определённой самостоятельностью и развивающийся по своим внутренним законам. Проблема сбалансированности рабочих мест и трудовых ресурсов стала осознаваться значительно более сложной, требовавшей для своего решения поиска методов управления, которые не только способствовали бы достижению необходимых параметров эффективности производства, но и соответствовали интересам населения.

Более активно включились в политику привлечения трудовых ресурсов на свои территории и партийно-государственные структуры местного уровня, чему способствовали административно-управленческие реформы, начатые

«сверху» и расширившие объём властных функций на местах. Руководители краёв и областей вели служебную переписку с правительством и центральными плановыми органами по социально-экономическим вопросам, предлагали конкретные меры, «выбивали» ресурсы.

Несмотря на ряд новых черт государственной миграционной политики, её главная цель на Дальнем Востоке оставалась прежней — способствовать постоянному притоку дополнительных трудовых ресурсов. Именно на это были направлены все социальные мероприятия, входившие в концепции хозяйственного освоения региона конца 1950—1970-х гг. Сохранялась и мобилизационная составляющая этой политики, хотя она и подверглась определённому видоизменению.

Одной из сложных проблем, возникшей перед государством в области переселенческого дела в данный период, стало общее по стране замедление темпов роста населения и дефицит трудовых ресурсов, который в РСФСР был практически повсеместным, охватив и территории, долгое время считавшиеся трудоизбыточными. Недостаток «свободного» трудоспособного населения привёл к заметному уменьшению объёмов миграций. Кроме того, ощутимую конкуренцию Дальнему Востоку в притяжении новосёлов стали создавать, с одной стороны, развитые центры европейской части страны, прежде всего Москва и Ленинград с их областями, а с другой — Западная Сибирь, где развивался крупнейший нефтегазовый комплекс.

Стимулируя переселения на восток страны, советское правительство опиралось на традиционную, испытанную в разные исторические периоды меру — систему материальных льгот. Она была основана на прямых экономических и снабженческих приоритетах, но дифференцирована по многим параметрам. В зависимости от задач момента, эта система подвергалась корректировкам, которые, однако, давали не всегда желаемый эффект, а иногда — и прямо противоположный. Например, в 1956 и 1960 гг. было проведено т.н. «упорядочение» северных льгот: они распространялись на всех работников народного хозяйства, но объём их уменьшился. Разрыв в

уровне оплаты труда дальневосточников, по сравнению с жителями центральных областей, снизился настолько, что не мог уже компенсировать воздействие прочих отрицательно проявляющихся в регионе факторов и не влиять на усиление «утечки» населения.

Но инерционность сложившегося представления о притягательности Дальнего Востока ещё сохранялась в сознании населения. Государству удалось привлечь в регион новые переселенческие потоки. В 1961—1970 гг. увеличение общей численности населения здесь на 30% было обусловлено миграциями. Однако в абсолютных значениях миграционный прирост в 1961—1965 гг. исчислялся в 133,3 тыс. чел., в 1966—1970 гг. — 110,2 тыс., тогда как в «успешной» первой половине 1950-х гг. он составлял более 500 тыс. чел.

Несмотря на то, что общая численность занятых в экономике Дальнего Востока с 1959 по 1970 гг. возросла с 1919 тыс. до 2848 тыс. чел. или на 48% (по РСФСР — только на 16%), проблема трудодефицита и большого оборота рабочей силы продолжала оставаться острой. Недостаток рабочих и служащих в Приморском, Хабаровском краях и Амурской области исчислялся в 60—70 тыс. чел. в год, на Камчатке и в Магадане — до 20 тыс.

Дефицит трудовых ресурсов затруднял выполнение планов экономического развития, приоритетность которых и заставляла как местные, так и центральные органы управления искать пути решения проблемы. В 1967—1968 гг. правительство вынуждено было восстановить отменённые ранее льготы и поощрительную систему заработной платы, что в дальнейшем имело пролонгированный положительный эффект, совпав с возникновением в 1970-е гг. благоприятной демографической ситуации, когда значительно увеличился прирост трудовых ресурсов во всех регионах страны. Капиталовложения в экономику Дальнего Востока продолжали расти (1971—1975 гг. — 21,5 млрд. руб., 1976—1980 гг. — 29,1 млрд.[11] При этом большое внимание стало

[11] Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40-х – 80-е годы XX в.). Владивосток, 1998. С. 155.

уделяться развитию социальной инфраструктуры региона, позволив постепенно сгладить разницу в уровне жизни по сравнению с западными районами, хотя она и оставалась ощутимой.

Всё это сказалось на заметной прибавке миграционного прироста в регионе, которая в 1971—1975 гг. составила 182,5 тыс., 1976—1980 гг. — 146,5 тыс., 1981—1985 гг. — 183,1 тыс. чел., а её удельный вес в общей демографической динамике —37,1%, 31,9% и 36,7% соответственно. Всего за 1971—1985 гг., по данным Л. Рыбаковского, миграция «принесла» на Дальний Восток 512,1 тыс. чел. По привлечению в регион переселенцев эти три пятилетки оказались наиболее успешными из 30 последних лет советского периода[193, с.196]. Изменения в миграционных процессах сопровождались и уходом старых источников пополнения трудовых ресурсов или их видоизменениями, появлением новых.

1.4. ИСТОЧНИКИ ТРУДООБЕСПЕЧЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНЕРЦИОННЫХ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

1.4.1. Внутренние ресурсы формирования трудового потенциала: традиционные и новые источники и формы

Процессы социальной трансформации особенно ярко появились в источниках пополнения трудовых ресурсов на Дальнем Востоке РСФСР. Формы миграции населения и привлечения работников в различные отрасли экономики Дальнего Востока не могут быть рассмотрены отдельно, т.к. как являются гранями одного и того же процесса. Эти процессы были изучены Е.Н. Чернолуцкой. Переселенческая политика представлена в монографии Л.А. Крушановой. Иностранная рабочая сила апробирована в статьях А.С. Ващук.

Исследование позволило выявить следующие формы: самостоятельные переселения, организованные (органабор, плановые сельскохозяйственные,

общественный призыв, ударные комсомольские стройки и др.). Начавшаяся в середине 1950-х гг. либерализация политического режима характеризовалась не только реформами в управленческой сфере, но и расширением свободы передвижения советских граждан, выразившейся, прежде всего, в отказе государства от массовых принудительных миграций и ликвидации системы спецпоселений. Власть ослабила также существовавшие при Сталине паспортные ограничения для ряда категорий населения и сократила перечень особых «режимных» зон, куда въезд гражданам был затруднён [193, с.196]. Кроме того, в середине 1950-х гг. была, наконец, отменена уголовная ответственность за самовольный уход с предприятия, а в 1974 г. колхозников уравняли со всеми остальными гражданами в праве получения паспорта. Таким образом, в рассматриваемый период практически все граждане СССР, за исключением пенитенциарных групп и военных, теоретически были вольны в выборе мест проживания. Безусловно, на практике в этой сфере существовали и ограничительные факторы — трудности получения жилья или трудоустройства в местах нового расселения, система распределения выпускников высших и специальных учебных заведений и др. Тем не менее, налицо были объективные условия для расширения самотечных миграций.

С другой стороны, техническое перевооружение экономики, развитие новых технологий вступали в противоречие с мобилизационными методами трудообеспечения, с помощью которых рекрутировалась в основном малоквалифицированная рабочая сила. Учитывая данные тенденции, государство стало прибегать не только к прямому управлению миграциями, но и к мерам косвенного воздействия, в частности распространению стимулирующих факторов на «вольных» переселенцев. В 1960-е гг. т.н. северные льготы стали предоставляться рабочим и служащим, прибывшим на Дальний Восток не только в организованном порядке, но и самостоятельно.

Всё это предопределило дальнейшее расширение стихийных форм миграций, которое началось ещё в 1940-е гг. с выходом страны из этапа форсированной индустриализации, опиравшейся в основном на

мобилизационные формы набора рабочей силы. Доля самотечных переселений на Дальний Восток, в структуре миграций составлявшая в 1930-е гг. 37,9%, в 1960-е возросла до 51,8%. Однако эта тенденция внутри региона развивалась неравномерно. Значительно сильнее она проявилась в более экономически развитой и климатически благоприятной южной зоне, куда население ехало охотнее, чем на «север***а***». Если в Амурской области и Хабаровском крае вышеназванный показатель в 1960-е гг. составлял 68,9 и 66,8%, а в Приморском крае — 57,4%, то в Камчатской области — только 23,6% (хотя и там он вырос по сравнению с 13,0% в 1950-х гг.).

Не только малокомфортность проживания сдерживала неорганизованные переселения граждан на север-восточные и островные территории. Существенно влияли на этот процесс и такие факторы, как режим погранзоны (для въезда и дальнейшего получения паспортной прописки требовался специальный вызов), а также преобладание в экономике районов добывающих отраслей, для которых были характерны сезонность работ и более активное привлечение трудовых ресурсов в организованных формах.

В 1970—1980-е гг. тенденция роста самотечных миграций сохранялась, что косвенным образом отразилось на преобладании формы вольного найма работников предприятий. В 1970 г. таким способом было принято 81,2% рабочей силы в промышленности ДВЭР, в том числе в южной зоне региона — 85%, на Камчатке — 51,7%, в Магадане — 71,5%, в пищевой, рыбной промышленности и цветной металлургии — от 67 до 78%. В Амурской области в 1970-х — начале 1980-х гг. самими предприятиями (вне организованных форм) ежегодно принималось от 85 до 91% производственных рабочих. Даже на ударных комсомольских стройках, стержневой идеей которых была мобилизация молодёжи на «трудовой фронт», в структуре форм набора кадров преобладал вольный наём [193, с.197].

Организованные формы миграций. Вместе с тем мобилизационные методы привлечения трудовых ресурсов на Дальний Восток и тесно связанные с этим формы миграций ещё не исчерпали себя. Традиционными среди

добровольно-плановых перемещений населения со времён 1930-х гг. оставались оргнабор рабочих и сельскохозяйственное переселение, но власть предпринимала попытки их модификации с учётом реалий времени. Основными оселками, на которых держалась данная линия развития миграционных процессов, были непреодолённость экстенсивного характера экономики и её плановость, распространявшаяся в том числе на управление трудовыми ресурсами. В 1960—1980-е гг. в системе советского государственного аппарата сохранялись органы, осуществлявшие планирование, финансирование и руководство организованными формами миграции. Госпланы СССР и союзных республик устанавливали потребность в рабочей силе и квалифицированных специалистах по регионам и отраслям народного хозяйства.

Непосредственная организация плановых миграций возлагалась на специальные учреждения. До 1976 г. все вопросы использования трудовых ресурсов решались на республиканском уровне. В 1956—1966 гг. при СМ РСФСР действовало Главное управление переселения и оргнабора рабочих, в его составе имелся отдел Сибири и Дальнего Востока. В 1966 г. создаются Государственные комитеты по использованию трудовых ресурсов союзных республик, для которых проведение организованных переселений уже не являлось единственной функцией, а входило в число других задач (переподготовка и перераспределение рабочих, трудоустройство, информационное обслуживание населения). Такая структурно-управленческая эволюция отражала объективный процесс снижения роли добровольно-плановых и повышения самотечных миграций в советской экономике.

В 1970-е гг., вплотную столкнувшись с проблемой истощения демографических источников пополнения трудовых ресурсов, власть искала пути более рационального использования последних. В 1976 г. Государственный комитет СМ СССР по вопросам труда и заработной платы был преобразован в союзно-республиканский Государственный комитет по труду и социальным вопросам с подчинением ему республиканских

государственных комитетов по труду. Это позволило более чётко структурировать управление трудовыми ресурсами «по вертикали», т.е. планировать и осуществлять межреспубликанское распределение и перераспределение рабочей силы и контролировать ход выполнения планов из единого общесоюзного центра. Госкомтруд РСФСР (с 1976 г. — Государственный комитет СМ РСФСР по труду, с 1978 г. — Государственный комитет РСФСР по труду) просуществовал до 1990 г.

Соответствующие низовые структуры имелись при органах власти краёв и областей, принимавших мигрантов: это были управления (автономных республик) и отделы (исполкомов краевых и областных Советов депутатов трудящихся) переселения и оргнабора, с 1966 г. — по использованию трудовых ресурсов, с 1976 г. — по труду. Так, в Хабаровском крае в отделе переселения и оргнабора при крайисполкоме в 1960 г. работали 34 сотрудника, Приморском крае — 42. Отделы состояли на республиканском бюджете, имели самостоятельный баланс, бюджетный и расчётный счета в местном учреждении Госбанка. В 1960 г. такой отдел в Приморском крае получил средств на сумму 209,1 тыс. руб., а включая горисполкомы и райисполкомы — 1 855,6 тыс. (до денежной реформы 1961 г.).

Специалисты переселенческих отделов, исходя из утверждённых планов, проводили информационно-агитационную работу, направленную на вербовку требуемого количества новосёлов, обеспечивали их перевозку и хозяйственное обустройство в местах нового расселения, выявляли масштабы и причины обратничества. В 1965—1985 гг. ежегодные государственные расходы по организации переселений из центральных районов России на Дальний Восток составляли от 8 до 10 млн. руб. Приёмом рабочих по оргнабору, их размещением и последующей доставкой к месту работы занимались также и некоторые специализированные отраслевые учреждения. На Дальнем Востоке такой была контора «Дальпромкадры», которая в основном обеспечивала рыболовецкие предприятия сезонными работниками. Пройдя ряд преобразований, она находилась сначала в подчинении

Министерства рыбной промышленности, а с 1957 г. была передана Главному управлению переселения и организованного набора рабочих при СМ РСФСР (в дальнейшем — Госкомтруд РСФСР) [193, с.197-199].

Контора располагалась в с. Екатериновка Партизанского района Приморского края (недалеко от г. Находки), имела общежития, где мигранты временно размещались до прихода судов, перевозивших их затем на Сахалин и Камчатку. Основная деятельность этого учреждения приходилась на четыре месяца в году — с апреля по июль. В течение 1960—1970-х гг. в среднем контора принимала и отправляла от 7 до 8,8 тыс. чел. в год, в 1980-е гг. их число стало уменьшаться (в 1981 г. — 8,2 тыс. чел., 1984 г. — 5,7 тыс.). Кроме того, с 1956 г. в Хабаровске действовал её филиал. С 1983 г. через «Дальпромкадры» помимо рыбаков по оргнабору стали доставлять и работников для предприятий угледобывающей промышленности Камчатки и Сахалина (около 500 чел. ежегодно). Контора действовала до 1989 г.

В 1960—1980-е гг. **организованный набор рабочих** продолжал играть определённую, но уже значительно менее заметную роль в перераспределении рабочей силы между регионами, чем в предыдущие периоды. В 1970 г. в лесную промышленность Дальнего Востока по оргнабору было набрано 10% от общего числа принятых, в рыбную — 26%, в цветную металлургию — 7%, на стройки Приморья в начале 1970-х гг. — около 6%, в строительные организации Минвостокстроя в 1981 г. — 37%.

Специфика оргнабора в лесной, горной и рыбной промышленности заключалась в том, что б***о***льшую часть вербованных составляли сезонные рабочие. Их завозили на Сахалин, Нижний Амур, Камчатку, в Приморье и др. районы. При наборе на временную работу договор заключался на сезон, на постоянную — на срок не менее 1 года, на предприятия Дальнего Востока — на срок не менее 2, для работы на Крайнем Севере — не менее 3 лет. Лицам, заключившим трудовой договор, выдавалось единовременное безвозвратное денежное пособие, суточные за время нахождения в пути, обеспечивался бесплатный проезд и провоз багажа до места работы (в том числе и членам

семьи). Рабочим, прибывшим на предприятие, предоставлялась жилплощадь, возможность пользоваться культурно-просветительскими, лечебными и социально-бытовыми учреждениями. Администрация предприятия была обязана организовать обучение необходимым профессиям, создать условия для повышения квалификации. По истечении срока договора предприятие оплачивало мигранту стоимость обратного проезда. Нередко для привлечения работников использовались и «неформальные» методы стимулирования, например, в местах, куда требовались вербованные, организовывалась продажа импортных товаров, дефицитных продуктов питания и т.п. [193, с.20-202].

Несмотря на функционирование специального управленческого сегмента по плановому переселению, общая тенденция в сфере перераспределения трудовых ресурсов характеризовалась стабильным снижением роли оргнабора, объёмы которого в стране по сравнению с первыми пятилетками сократились в несколько раз.

Дальний Восток не был исключением в этой динамике. Удельный вес оргнабора в региональной структуре форм прибытия мигрантов снизился с 14,4% в 1950-е до 10,5% в 1960-е и 3–5% в 1980-е гг. При этом в географии мест выхода мигрантов повысилась доля Поволжья, Северного Кавказа и снизилась доля европейского центра России, где ощущался собственный дефицит трудовых ресурсов. Среди причин постепенного «ухода» оргнабора из советской экономики были и долговременные субъективные факторы, которые становились всё более нетерпимыми на новом этапе развития общества и экономики. В самой организации этой формы перераспределения трудовых ресурсов имелись настолько серьёзные недостатки, что постоянно вставал вопрос о её эффективности и целесообразности. Ситуация стала выправляться лишь к 1980-м гг., когда улучшилось обеспечение населения жильём, более развитой стала социальная инфраструктура, введён ряд льгот (сокращение пенсионного возраста, увеличение надбавок к заработной плате).

С другой стороны, при ощутимых финансовых затратах на перевозку и обустройство рабочих, качественный уровень последних оказывался низким, большей частью они не имели навыков труда в тех отраслях, куда проводился набор. Общий же трудовой стаж рабочих и ИТР, приезжавших в область из других регионов, почти в половине случаев не превышал трёх лет, из них прибывших по общественному призыву и демобилизованных из армии было до 80%.

В отдалённые регионы людей приходилось «заманивать» любой ценой, не предоставляя им объективной информации об условиях труда и быта, заработной плате, перспективах перехода на постоянное жительство, не обращая внимания на личностные характеристики набранных кандидатов.

В пос. Славянку Приморского края в 1966 г. для участия в возведении судоремонтного завода по оргнабору прибыло около 400 чел., но в тот же год каждый второй уехал, т.к. людей не устраивали заработки и условия жизни. В 1967 г. удалось завербовать около 2 тыс. чел. из разных районов страны. Однако в посёлке остро не хватало жилья даже барачного типа, поэтому для размещения первостроителей туда пригнали теплоход «Азия» на 500 мест.¨

Исследования лаборатории трудовых ресурсов (г. Хабаровск), проведённые в начале 1980-х гг., показали, что в стройиндустрии региона более 20% лиц, набранных по оргнабору, самостоятельно покидали место работы в первые дни, либо вовсе не приступали к ней. Более 80% были уволены с предыдущей работы за нарушение трудовой дисциплины, пьянство, прогулы или ранее судимы. Кроме того, среди этой категории рабочих наблюдалась высокая степень неудовлетворённости зарплатой и социально-бытовыми условиями. Руководители строительных организаций стали отказываться от оргнабора: в Приморском крае в начале 1970-х гг. ежегодный приём данной группы работников составлял 650—700 чел. (6%), в то время как по вольному найму — 9—10 тыс. чел. (82%), а из профтехучилищ — 1300—1400 чел. (12%). Аналогичная ситуация наблюдалась в рыбной промышленности, что подтверждается обследованием ВРПО «Дальрыба» во

второй половине 1980-х гг. Крайне неблагоприятная ситуация с трудовой дисциплиной была связана как с тяжёлыми условиями труда, неустроенностью быта, отсутствием перспектив на получение жилья (многие моряки и рыбаки имели прописку на своих судах), так и с низкими морально-нравственными и деловыми качествами большой части этих людей.

Плановые сельскохозяйственные переселения подробно проанализированы в двух монографиях[193, с. 203-206; 183, с. 177-277]. Правительство стимулировало это движение системой переселенческих льгот, куда входили освобождение от уплаты сельскохозяйственного и/или подоходного налога (на 5 лет с 1953 г. и на 8 лет с 1973 г.), безвозвратное единовременное денежное пособие*, выдача льготных кредитов (частично погашаемых за счёт государства) на строительство жилых домов и приобретение крупного рогатого скота. Налоговые льготы получали и колхозы, принимавшие новосёлов. Помимо этого, семье оплачивался проезд и провоз багажа до 2 т.

Тем не менее, объёмы плановых сельхозмиграций по стране, как и оргнабора, сокращались в связи с уменьшением демографических возможностей районов-доноров. В 1961—1965 гг. в сельскохозяйственные районы региона прибыло в 1,8 раза семей меньше, чем в 1956—1960 гг. (14,6 тыс. и 27,2 тыс. соответственно). Однако в дальнейшем динамика процесса пошла по восходящей, достигнув пика в 1970—1975 гг. (30,1 тыс. семей) (см. табл. 1.4). На фоне общероссийского уменьшения этих потоков, их доля по Дальнему Востоку значительно выросла: в 1950-е гг. она составляла 18% всех сельскохозяйственных переселенцев в РСФСР, в 1960-е — 33%.

Таблица 1.4. – Объёмы сельскохозяйственного переселения на Дальний Восток в 1960—1985 гг. (тыс. семей) [193, с. 204]

*Размер пособия индексировался с течением времени, а также зависел от семейного статуса (глава, член семьи) и района водворения на Дальнем Востоке: чем более неблагоприятным был район, тем выше пособие. Внутриобластные и краевые переселенцы получали значительно меньшие выплаты, чем прибывшие из союзных республик и других регионов РСФСР. В целом на протяжении рассматриваемого периода меры материального стимулирования переселения усиливались.

	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Камчатская область	Всего по Дальнему Востоку
1961—1965	5,0	3,3	6,3	-	**14,6**
1966—1970	6,3	4,1	8,4	-	**18,8**
1971—1975	10,9	4,5	14,4	0,3	**30,1**
1976—1980	10,9	5,6	10,2	-	**26,7**
1981—1985	10,6	6,2	8,8	-	**25,6**
Всего за 1961—1985	**43,7**	**23,7**	**48,1**	**0,3**	**115,8**

Такой поворот был связан с тем, что государство сделало ставку на создание условий для самообеспечения Дальнего Востока продуктами животноводства и земледелия.

Как видно из таблицы, практически все мигранты направлялись в южную зону региона (если не считать малочисленной группы в Камчатской области в первой половине 1970-х гг.), основная их часть — в Амурскую область и Приморский край, где в связи с более благоприятными природными условиями сельскохозяйственное производство было развито лучше.

Всего за 25 лет (1960—1985 гг.) в колхозы и совхозы региона в организованном порядке прибыло 115,8 тыс. семей. В душевом измерении общее число переселенцев в 1960—1986 гг. составило 418,2 тыс. чел., в том числе в Амурской области — 185,5 тыс., Приморском крае — 162,1 тыс., Хабаровском — 70,6 тыс. чел. Среди республик-доноров доминирующую роль для Дальнего Востока играли РСФСР* (54,1% плановых мигрантов) и УССР (34,7%). В процессе участвовали также Белоруссия (6,5%), Молдавия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, Киргизия (менее 1% каждая), Узбекистан (0,08%). География выхода переселенцев постоянно расширялась. Например, для Приморского края к традиционным Волго-Вятскому и Центрально-Черноземному регионам-донорам в 1970-е гг. прибавились Курская, Пензенская области, Мордовская АССР, появились выходцы из Одесской, Винницкой, Волынской, Закарпатской, Ровенской и

*Из регионов РСФСР наибольшее число переселенцев для Дальнего Востока давали Краснодарский край, Воронежская, Горьковская, Брянская, Тамбовская, Курская, Ярославская, Белгородская области.

Черновицкой областей Украины, Северной Осетии, Чечено-Ингушской АССР, в 1980-е гг. — из Крымской области Украинской ССР, Кабардино-Балкарии, Узбекистана и Киргизии. В 1970-х гг. такие семьи стали принимать и в городах (Артём, Лесозаводск), чего не происходило ранее. В 1987 г. последние плановые переселенцы Приморья прибыли из регионов РСФСР, Киргизии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Отметим, что среди мигрантов из союзных и автономных республик существенную долю составляли этнические русские. Например, их было более 80% от числа прибывших во второй половине 1960-х гг. из Кабардино-Балкарии.

Наряду с межобластным и межреспубликанским перераспределением трудовых ресурсов страны использовалось и т.н. внутриобластное. Последнее на юге Дальнего Востока в 1960—1980-е гг. включало пятую часть всех плановых мигрантов, а максимальные показатели приходились на Хабаровский (40,3%) и Приморский (31,2%) края в 1960-е гг. В 1970-е гг. значение внутриобластных миграций для сельскохозяйственных районов региона существенно снизилось. Но в 1980-е гг. оно вновь пошло на подъём из-за общего сокращения объёмов межрегиональных и межреспубликанских миграций.

Если в довоенный период основным социальным ресурсом сельскохозяйственного переселения были колхозники и демобилизованные военные, то начиная с 1950-х гг. разрешалось привлекать к этому жителей городов и районных центров. В 1961 г. доля последних по региону составила 26,5%. Постепенно несельскохозяйственное население в составе переселенцев становилось доминирующим. Плановое переселение, несомненно, являлось важным фактором развития сельского хозяйства на юге Дальнего Востока, оно позволило проводить освоение целинных и залежных земель, сохранять стабильность сельскохозяйственной отрасли в регионе.

Однако эта форма миграции большей частью «работала» на замещение «утечки» сельчан, которая шла довольно высокими темпами параллельно притоку новосёлов. Сельчане выбывали как в городскую местность Дальнего Востока, так и за пределы региона. В основе плохой приживаемости новосёлов

лежали несколько групп факторов — неблагоприятные условия адаптации в сельских районах (непривычный климат и нередкие стихийные бедствия, отсутствие развитой социальной инфраструктуры, хозяйственное неустройство, низкий уровень доходов), «соблазны» развивавшейся урбанизации, а также некоторые организационные черты самого планового переселения, снижавшие его результативность. Несмотря на возрастание объёмов плановых миграций на Дальний Восток, с их помощью не удалось решить проблему дефицита кадров в сельском хозяйстве.

Тема общественного призыва, ударных комсомольских строек получила подробное освещение в коллективной монографии [193, с.207-225]. Производственно-строительные проекты 1960—1980-х гг. в СССР в условиях экстенсивной экономики, как и прежде, требовали высокомобильной рабочей силы, поддающейся быстрой концентрации в осваиваемых районах. В период либерализации политического режима партийной и государственной власти пришлось модернизировать мобилизационную политику в сфере труда, делать её более тонкой и гибкой. Новым источником искомых трудовых ресурсов на этом этапе могла быть только молодёжь, а комсомол как проводник партийно-государственной политики стал выступать одним из механизмов мобилизации.

Интенсификация труда молодёжи шла по нескольким направлениям. В сфере организованных миграций это выразилось в широком использовании общественного призыва, который по сути являлся модифицированной формой оргнабора, но в отличие от последнего в его мотивации ставка делалась прежде всего на энтузиазм и патриотические чувства юношей и девушек, подкреплённые материальными стимулами.

Важность этого направления трудовой политики для советской экономики была обозначена в соответствующих партийно-правительственных документах. В них провозглашались и основные принципы данной формы пополнения трудовых ресурсов: добровольность и строгий отбор работников с учётом их уровня и характера образования. Непосредственная организация

призыва и обеспечение его качества возлагались на руководящие комсомольские органы, которые выдавали путёвки на ударные объекты пятилеток.

Интенсивная пропаганда, проводившаяся в СССР всеми средствами массовой информации и идеологического воспитания, а также присущие молодёжи романтико-авантюрные черты давали свои результаты. Так, согласно социологическим опросам разных лет, главным мотивом прибытия молодых работников на БАМ были идейно-патриотические чувства: понимание государственной политики, важность стройки для страны, желание участвовать в освоении Сибири. На это указывали от 50 до 89% опрошенных. Романтика первопроходцев, потребность в общении с другими людьми, пример товарищей, друзей, желание испытать себя в трудных условиях составляла в мотивации до 39%.

Вместе с тем руководство страны не могло не учитывать реалий перехода к модели потребительского общества — общественный призыв опирался на те же экономические стимулы, что и оргнабор. Обладатели комсомольских путёвок обязаны были заключать трудовой договор с принимающей организацией на 3—5 лет. При этом им начислялся повышающий коэффициент к зарплате, северные надбавки, доплата за разъездной характер работы («полевые», «колёсные»), предоставлялись большие ежегодные отпуска с оплатой предприятием проезда к месту отдыха раз в три года, бронировалось жильё по месту постоянного проживания на весь период трудового договора. Кроме того, на строительстве БАМа действовала система отчислений из зарплаты на автомобиль (при скапливании нужной суммы человек получал право на его покупку по талону, т.к. в то время это был остродефицитный товар).

Материальный интерес оказался не ведущим, но существенным фактором мобилизации молодёжи на «трудовой фронт». На желание улучшить материальные условия как мотив приезда на ударную стройку в 1976 г.

указали 26,7% опрошенных строителей БАМа, в 1981 г. — 34,2%, купить машину — 14,0 и 27,5.

Общественный призыв не был для советской экономики новой формой трудообеспечения. Он применялся как в 1930-е, так в 1940-е и 1950-е гг., но особенно массовым стал именно в 1960 — первой половине 1980-х гг., когда практически все значимые народнохозяйственные объекты объявлялись «ударными комсомольскими стройками». В зависимости от масштабности им придавался статус, который определял ареал миграционной подвижности участников общественного призыва — от внутриобластного до межрегионального и межреспубликанского.

Организационным институтом этой формы трудообеспечения были штабы ЦК, крайкомов или обкомов ВЛКСМ, в зависимости от статуса объекта. Штабы получали государственное финансирование.

На Дальнем Востоке общественный призыв был высоко востребованным в силу специфики развития его экономики в данный период. Так, в Хабаровском крае зоной активного освоения стали районы, прилегающие к г. Комсомольску-на-Амуре, где формировался крупный промышленно-транспортный комплекс. В 40 км от Комсомольска, на месте небольшого нанайского села, в 1958 г. началось строительство огромного целлюлозно-картонного комбината, первенца лесохимической промышленности в регионе. Стройка сразу же была объявлена ударной комсомольской, но сначала — лишь краевого уровня. По призыву Хабаровского крайкома ВЛКСМ туда приехали первые добровольцы из городов Советская Гавань, Биробиджан, Хабаровск, Бикин. Они разместились в палаточном городке, получившем название «рабочий посёлок Амурск». Однако масштабность работ была такова, что не могла быть обеспечена только трудовыми ресурсами края. В 1960 г. стройке придали статус всесоюзной, и с этого времени туда ежегодно стали направлять до тысячи юношей и девушек преимущественно из западных регионов страны — Ростовской области, Дагестана, Белоруссии, Прибалтики и др.

Правящая элита прекрасно осознавала значимость молодёжной мобилизации, что находило отражение в идеологических маркерах эпохи: в 1968 г., через год после ввода комбината в эксплуатацию, головной подрядной организации — тресту «Амурскстрой» было присвоено почётное звание «Трест имени 50-летия ВЛКСМ» и вручено навечно памятное знамя ЦК ВЛКСМ.

В 1970 г. в Амурске началось возведение машиностроительного завода. Неподалеку, в пос. Эльбан, в тот же период проводилась реконструкция и расширение механического завода. Оба предприятия имели оборонное значение и были включены в список всесоюзных ударных комсомольских строек девятой пятилетки. В 1971 г. по общественному призыву в Амурск прибыли 548 чел. из семи областей Советского Союза. В 1973 г. этот рабочий посёлок был преобразован в город краевого подчинения, а в 1974 г. городская комсомольская организация награждена орденом Трудового Красного знамени за большой вклад молодёжи в создание промышленного комплекса.

В последующие годы были возведены и пущены в эксплуатацию Амурский машиностроительный завод, Амурская теплоэлектроцентраль, деревообрабатывающий комбинат, заводы «Вымпел», «Полимер», «Контакт», а также жильё и крупные объекты соцкультбыта. За 1960—1980-е гг. сюда по комсомольским путёвкам прибыло более 7 тыс. молодых людей из городов Хабаровского края, Николаевска, Горького, Ростова, республик Белоруссии, Украины, Казахстана, Азербайджана. К началу 1980-х гг. Амурск стал крупным промышленным районным центром.

Мобильная рабочая сила в лице молодёжи привлекалась и в аграрный сектор экономики. Опыт освоения целинных и залежных земель 1950—1960-х гг. нашёл своё применение в 1970-е гг. Тогда в сельских районах Хабаровского края создавались новые массивы естественных сенокосных угодий для заготовки грубых кормов. В 1971 г. работы на Междуреченском (р-н им. Лазо), Тессерском (Амурский р-н), Ульяновском (Смидовичский р-н в ЕАО) массивах, а также Хорском гидролизно-дрожжевом заводе были

объявлены краевыми ударными комсомольскими стройками. В 1972 г. на этих объектах работало 547 чел., из них в возрасте до 30 лет — 217 чел. (40%).Методом всесоюзной комсомольской стройки в 1961—1967 гг. возвели Сахалинскую ГРЭС (пос. Лермонтовка Поронайского района), на Камчатке в 1966 г. — первую в мире геотермальную электростанцию на р. Паужетке (Усть-Большерецкий р-н).В Магаданской области ударными стройками областного уровня была ЛЭП Певек-Билибино (Чукотка, 1961—1965 гг.), всесоюзного — Билибинская АЭС (1967—1975 гг.)· Колымская ГЭС (Ягоднинский р-н). Работы на Колымской ГЭС развернулись в 1970 г., но лишь с января 1976 г. решением ЦК ВЛКСМ стройку объявили «всесоюзной». Первое заседание её комсомольского штаба, который возглавил молодой коммунист Ю. Шепелев, состоялось в июне. В Синегорье — посёлке первостроителей, где одна из улиц символично называлась Молодёжной, тогда трудилось около 300 комсомольцев. В составе 8 комсомольско-молодёжных коллективов они участвовали в сооружении гидроузла, высоковольтных линий электропередачи, жилья. В январе 1971 г. молодые строители Билибинской ГЭС приняли участие в эстафете ЦК ВЛКСМ по Всесоюзным ударным комсомольским стройкам страны: из Билибино эстафета прибыла на Зейскую ГЭС, а оттуда отправилась в Бурятию на Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат. В октябре 1976 г. бригада Валерия Першко завоевала первое место в соревновании комсомольско-молодёжных коллективов всесоюзных ударных энергостроек страны.

Приморский край принял более 1000 молодых добровольцев в 1960 г. — первом году реализации программы «Большой Владивосток», однако в дальнейшем на этом строительстве комсомольский набор уже не играл значимой роли. Позже общественный призыв использовался на сооружении Приморской ГРЭС (пос. Лучегорск Пожарского р-на), которое велось с 1966 по 1974 гг., а с 1968 г. было объявлено «всесоюзной ударной комсомольской стройкой». Шефство над ней взял комсомол Украины и Белоруссии. В 1968 г.

там трудилось 2 072 чел., из них в возрасте до 28 лет — 987 чел. (47,6%), в 1971 г. — 1 623, из них до 30 лет — 797 чел. (49,1%).

В сельском хозяйстве края в те же годы аналогичный статус получило строительство инженерных рисовых систем. Всего в Приморье в 1968—1969 гг. по общественному призыву приехали 18 872 чел., что составило 17,7% от всех прибывших мигрантов.

В 1970-е гг. ЦК ВЛКСМ объявил «всесоюзными ударными» строительство порта Восточного в бухте Врангеля (юг Приморья) и Всесоюзного пионерского лагеря «Океан» (недалеко от Владивостока). По комсомольским путёвкам туда приезжала молодёжь из Иркутска, Бурятии, Прибалтики, Казахстана, Украины, Белоруссии и других союзных республик.

Общественный призыв черпал кадры молодых добровольцев из всех возможных источников, в том числе среди демобилизованных воинов. Как правило, по ходатайствам руководства Центрального и краевых комитетов комсомола, Генеральный штаб Вооружённых сил СССР и Главное политуправление войск КГБ давали воинским частям распоряжения о направлении увольнявшихся в запас солдат на новостройки страны. Так, в 1972 г. первый секретарь Хабаровского крайкома ВЛКСМ А.М. Латышев через секретаря ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастухова просил военное руководство обеспечить отправку по комсомольским путёвкам на ударные стройки края 300—500 демобилизованных военнослужащих Дальневосточного округа, которые уже имели строительные специальности и были адаптированы к условиям Дальнего Востока. Вопрос решили положительно. На строительство «Большого Владивостока» в 1960 г. прибыло 2 229 воинов, демобилизованных из рядов армии и флота, что составило 14,8% общего числа рабочих принятых в том году Главвладивостокстроем. Такие же кадры работали на строительстве Зейской ГЭС, БАМа, Всесоюзного пионерского лагеря «Океан» и др. объектах. Стройкой XX века стал возведение БАМа.

БАМ стал не только наиболее известной и крупной советской ударной стройкой периода «высокого социализма», но и ярким примером достижений

и просчётов экономической и трудовой политики государства, в которой отразились противоречия советской модернизации. Как показывает пример БАМа, «стройки века» можно было назвать комсомольскими с определённой долей относительности. По возрастному составу кадров они действительно, как никакие другие предприятия, носили молодёжный характер. При возведении магистрали доля работников в возрасте до 30 лет составляла от 65 до 80%. Однако, если исходить из роли комсомольского призыва в системе формирования кадров, то картина окажется не столь однозначной.

Тем не менее общественный призыв на крупных советских стройках, безусловно, сыграл более важную роль, чем на всех других производствах.

В 1970-е гг. эта форма мобилизации трудовых ресурсов претерпела существенные изменения по сравнению с 1930-ми гг., когда она зародилась. В соответствии с реалиями времени повысился уровень её планомерности и организованности, возникли новые формы взаимодействия между комсомольскими, производственными и региональными структурами, больше внимания уделялось квалификации работников с одной стороны и их жизненным запросам с другой.

На БАМе 70% добровольцев изначально планировали оставаться на стройке только на период трудового договора, т.е. 3 года, в то время как 60% принятых по переводу из других организаций — на 5 лет и более. Через несколько лет после прибытия добровольческих отрядов там осталось лишь 20—25% их первоначального состава.

Другой формой трудовой мобилизации молодёжи в СССР стали **студенческие строительные (трудовые) отряды (ССО)** [104; 193, с.220-225]. Они возникли в 1960 г. по инициативе комсомольских организаций ряда вузов страны, отражая развитие элементов предприимчивости и стремление к экономической и организационной самостоятельности в молодёжной среде. Главная особенность ССО заключалась в том, что они формировались на принципах добровольности и самоуправления, представляли собой единую

производственную единицу со своим Уставом, договорами, программой работ, подготовленными специалистами из числа студентов.

Если общественный призыв молодёжи выступал модифицированной формой оргнабора, то студенческие строительные отряды можно назвать модифицированной формой сезонных работ. Отряды функционировали в течение летних (реже зимних) каникул, давая студентам возможность дополнительного заработка. Вместе с тем хозяйственная деятельность ССО сочеталась с культурно-просветительской и идейно-пропагандистской работой среди местного населения, которая велась на безвозмездной основе.

Такая молодёжная инициатива в условиях дефицита трудовых ресурсов для советской экономики оказалась весьма кстати и была поддержана властью как важное государственное дело, на это был направлен комплекс постановлений и решений ЦК КПСС и СМ СССР. Очень скоро разрозненные отряды объединились в единое движение со своей управленческой пирамидой (штабами и командирами) и перешли на профессиональную основу, бойцам ССО стали предоставлять определённые льготы, выделять необходимые фонды. Возник своего рода студенческий производственный трест как элемент советской экономики, осваивавший ежегодно десятки миллиардов рублей.

С 1960-х гг. движение студенческих отрядов стало необходимым структурным элементом советской системы трудообеспечения мобилизационного типа, но, как и всем остальным элементам этой системы, ему были присущи противоречия и постепенное скатывание к кризисному состоянию. Как единодушно отмечают все исследователи, с годами движение ССО теряло свои традиции и принципы, над ним довлели разнарядки и инструкции, снижалось внимание к общественной работе, вся деятельность концентрировалась на производстве, главным мотивом становился заработок. На смену принципу добровольности и качественному отбору бойцов в 1970-е гг. пришло требование обязательного участия студентов в «третьем трудовом семестре», вузам устанавливается ежегодный довольно напряжённый план формирования отрядов. Вследствие формализма и

«принудиловки» снижалась организованность и дисциплинированность бойцов ССО, учащались случаи приписок и безответственности, различного рода нарушений.

С другой стороны, производственники зачастую плохо организовывали фронт работ для ССО, не определяли вовремя перечень объектов, не открывали финансирование, вопреки договорам переводили студентов на другие объекты или предоставляли лишь подсобно-вспомогательную работу, чем нарушали заложенный в стройотрядовском движении принцип полной производственной самостоятельности, нередко случались перебои с поставкой материалов и связанные с этим простои, снижались заработки и т.п. В 1980-х гг. качественные изменения в движении ССО привели в конечном итоге к количественным: число отрядов начало резко снижаться.

В целом, говоря об общественном призыве и движении студенческих трудовых отрядов, нельзя не согласиться с выводом современных историков о том, что в советской экономике 1960—1980-х гг. главный возобновляемый ресурс мобилизационного развития — молодёжь — использовался часто затратно. Попытки молодых людей и комсомольских организаций искать решения социально-экономических проблем на путях интенсификации производства, научно-технического прогресса блокировались сложившейся в стране общей системой управления, системой оплаты труда, дефицитом материальных и финансовых ресурсов.

В ходе исследования впервые в литературе были рассмотрены и другие источники пополнения, например, перевод и направление, учебная миграция**.** В системе организованных переселений в СССР в 1960—1980-е гг. сохраняла и расширяла свою нишу и такая форма, как направление, перевод, вызов предприятиями. На Дальнем Востоке её доля в общей миграционной структуре по прибытию, составлявшая в 1920-е гг. 7,2%, в 1950—1960-е гг. достигла почти 25%.

Специфика советской системы формирования трудовых ресурсов заключалось в том, что регулирование касалось всех слоев и групп общества.

Направление на работу получали, как правило, все номенклатурные работники (партийно-советская элита) и руководители значимых производственных объектов. Для многих из них назначение на новую должность было связано с повышением по служебной лестнице, но одновременно и с переездом в другой регион или населённый пункт. В публикациях приводится целый ряд биографических примеров В Приморском крае в 1970 г. среди прибывших мигрантов 9,7% являлись номенклатурными кадрами, военными и работниками УВД. В то же время из Приморья в Москву за 15 лет (1969—1984) было переведено 250 «аппаратчиков».

Многие партийные функционеры, передвигаясь по служебной лестнице, сменили несколько мест проживания внутри одного края или области, как, например, А.К. Черный в Хабаровском крае. Он работал в Комсомольске-на-Амуре, районе им. Лазо, Хабаровске, Биробиджане. С 1962 г. — вновь в Хабаровске, сначала в должности председателя крайисполкома, а с 1970 по 1988 г. — первого секретаря крайкома КПСС, с которой и вышел на пенсию. В.С. Пастернак из Комсомольска-на-Амуре, где трудился на заводе «Амурсталь» и там вступил в партию, приказом Хабаровского совнархоза в 1961 г. был переведён в Хабаровск и назначен главным инженером кислородного завода. С 1963 г. избирался на должности секретарей райкома и горкома партии Хабаровска, обкома Еврейской автономной области, с 1981 г. — сначала заместителем, а затем председателем крайисполкома. С этого поста освобождён в 1990 г., уехал в Москву.

В этике послужных отношений направление, полученное от высоких руководящих инстанций, носило обязательный характер (отказ без уважительных причин означал в дальнейшем крушение карьерного роста). Интересы других членов семьи в расчёт не принимались. Данная категория населения, оставив свой след в истории управления регионом, с точки зрения миграционных процессов была малочисленна.

Более широкие масштабы и развитие на Дальнем Востоке имела **учебная миграция***. Повышение её роли в миграционных потоках было связано с двумя общими факторами, влиявшими на динамику процессов трудообеспечения региона: во-первых, ставка на молодёжь как основной потенциал восполняемого трудового ресурса, во-вторых, техническое перевооружение экономики и внедрение новых технологий, что требовало притока кадров с определённым уровнем профессиональной подготовки, а не просто «любой» или малоквалифицированной рабочей силы, которая в основном рекрутировалась с помощью оргнабора и сельхозпереселений.

Государственная политика позднесоветского периода в сфере профессионального образования была нацелена на то, чтобы готовить необходимые для экономики Дальнего Востока кадры в основном непосредственно в регионе. Переход к этому начался уже в середине 1950-х гг., особенно показательным было возрождение ликвидированного в 1939 г. Дальневосточного государственного университета, который в 1956 г. постановлением СМ СССР был снова открыт во Владивостоке. В дальнейшем в регионе была расширена сеть вузов, техникумов, училищ и ПТУ, перечень специальностей корректировался плановыми органами с учётом потребностей конкретных хозяйственных отраслей.

Распределение подготовленных специалистов также шло большей частью внутри региона. Только технические высшие учебные заведения региона за 1966—1985 гг. подготовили 120,3 тыс. инженеров по 114 специальностям. Плановая централизованная система целенаправленно обеспечивала нужды конкретных производственных объектов. Например, в период строительства БАМа министерство высшего и среднего специального образования СССР и министерство путей сообщения СССР спускали учебным заведениям задания подготовки молодых специалистов для «стройки века». Хабаровские

*Под «учебной миграцией» мы понимаем территориальное перемещение людей с целью получения профессионального образования любого уровня (высшего, среднего специального, профессионально-технического).

политехнический и институт инженеров железнодорожного транспорта в 1975—1980 гг. направили на БАМ 4,3 тыс. своих выпускников. Хабаровский мединститут на основании задания Госплана и Минздрава СССР с 1975 г. ежегодно обеспечивал стройку молодыми медицинскими кадрами, а Хабаровское управление ПТО к 1978 г. подготовило для магистрали 13 тыс. рабочих согласно планам Госкомитета СМ СССР по профтехобразованию.

Вместе с тем между западными и восточными территориями происходил постоянный миграционный обмен абитуриентской и дипломированной молодёжью. Часть дальневосточников поступала в учебные заведения европейских и сибирских городов, и наоборот. Дальневосточный регион получал молодых специалистов не только из местных вузов и техникумов, но и из Москвы, Ленинграда, Новосибирска и т.д., так как «своих» выпускников для нужд народного хозяйства было недостаточно. Однако, несмотря на эту нехватку, происходила и утечка «своих» дипломированных кадров за пределы Дальнего Востока. В середине 1970-х гг. 48,8% выпускников вузов и 70,1% — средних специальных учебных заведений Хабаровского края получили распределение на краевые предприятия и в организации, 31,3 и 19,2% (соответственно) — в другие районы Дальнего Востока, 19,9 и 19,7% — за его пределы. Из региона особенно много выезжало специалистов по технологии машиностроения, литейного производства, целлюлозно-бумажной промышленности и др.

Из вузов Приморья в первой половине 1980-х гг. ежегодно направлялось за пределы Дальнего Востока около 2 тыс. молодых специалистов — инженеров-строителей, технологов бытового обслуживания, экономистов, гидромелиораторов, гидротехников. Одновременно в край прибывало в среднем 1,7 тыс. выпускников вузов из западных районов страны, причём по одноимённым специальностям. Закрепляемость их была невысока — лишь около 30%.

Система профессионально-технического образования на Дальнем Востоке также получила импульс развития, связанный с потребностями времени. С

1969 г. обычные профтехучилища переводились на программу среднего образования. Сеть ПТУ в 1969—1985 гг. увеличилась со 143 до 172. Из них 90% было сосредоточено в южной зоне Дальнего Востока. Число учащихся выросло в 1,5 раза, достигнув в 1985 г. 54,5 тыс.чел.

Однако связанная с профтехобразованием учебная миграция имела незначительный размах, т.к. основная масса воспитанников этой системы, находясь в самом младшем возрасте среди получавших профессию (с 14 лет), обучалась в том же населённом пункте, где они жили с семьями. Но это было скорее плюсом, чем минусом для региональной экономики, т.к. способствовало стабильности местных молодёжных рабочих кадров. Исключение составлял поток молодёжи из села в город.

В целом можно констатировать, что в рассмотренный период на Дальнем Востоке стабильно функционировала и постоянно расширялась достаточно стройная система профессионального образования, включавшая три ступени — высшее, среднее специальное и профессионально-техническое. Вектор её развития в 1960—1985 гг. соответствовал потребностям позднесоветской модернизации и государственной стратегии ускоренного развития Дальнего Востока. Решая поставленную властью задачу обеспечения региона профессионально подготовленными кадрами, эта система являлась своеобразным регулятором миграции молодёжи, по мере возможности направляя её потоки на передвижение во внутрирегиональном пространстве: с периферии — в студенческие центры Дальнего Востока на время учёбы и оттуда по её окончанию — на места трудоустройства по всему региону. Правило обязательного распределения выпускников вузов и ссузов имело обоюдостороннее значение, давая социальные гарантии молодёжи в получении рабочего места, а региону — необходимые кадры, что, несомненно, содействовало стабилизации населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока. Безусловно, в этом процессе имелось немало слабых мест, в частности, встречное распределение выпускников вузов из западных регионов на Дальний Восток и обратно,

перекрёстная миграция абитуриентов ПТУ из города и села, проблемы закрепляемости молодых работников и др., что отражало определённые издержки централизованного планирования подготовки кадров и провоцировало нерациональную организованную миграцию, в которой был заложен нежелательный отток коренных дальневосточников. Тем не менее в целом развитие системы профессионального образования принесло Дальнему Востоку свои плоды. Переписи населения 1959 и 1989 гг. зафиксировали не только существенный рост общей численности жителей Дальнего Востока, но и людей с высшим и средним специальным образованием во всех краях и областях, костяк этой группы составляли местные уроженцы [193, с.220-225].

Ещё одной формой трудовой миграции был **перевод работников** с предприятия на предприятие или из отрасли в отрасль. Он широко использовался на новостройках. В Камчатской и Магаданской областях чаще других районов использовался и вызов кадров предприятиями, что объяснялось не только отраслевой спецификой экономики, но и наличием ограничений паспортного режима, вследствие которого въехать в целый ряд населённых пунктов без разрешительных документов было невозможно. Причём инициатором вызова не всегда выступало руководство предприятий, нередко ходатаями были рядовые работники, по просьбе которых оформлялся вызов их родственникам или близким знакомым, пожелавшим переехать в северо-восточные районы. В подобных случаях отнесение вызова к организованным формам переселения носило скорее формальный характер.

В южной зоне Дальнего Востока наблюдалась противоположная ситуация, т.к. здесь сложились более благоприятные условия для самотечных переселений. Не случайно в Амурской области доля перевода из других предприятий в структуре приёма производственных рабочих колебалась от 3,9 до 7,2%, в Приморском и Хабаровском краях укладывалась в 3% (несколько выше этот показатель был лишь электроэнергетике, лесной и легкой промышленности) [193, с.224-225; 233].

В данном проекте впервые в литературе подробно проанализирован ещё один источник трудовых ресурсов: **военнослужащие**. Они рассмотрены в единстве как миграционный и трудоресурсный элемент. Традиционно в исследованиях, связанных с миграционными процессами в СССР, военнослужащие учитываются крайне редко. Причиной этого является прежде всего вполне понятная труднодоступность сведений, касающихся военной сферы. С другой стороны, длительное время, начиная ещё с советских лет, миграциология развивалась как наука, основной задачей которой было изучение перераспределения гражданских трудовых ресурсов. Однако, такая исследовательская парадигма искажает объективную картину сложного разновекторного и разномотивационного территориального перемещения советского населения, требуя выделения в структуре миграций её специфической формы — в рамках военного ведомства. В свою очередь и миграции военнослужащих не были однородными: движение офицерского состава с семьями условно можно считать специфическим аналогом трудовой миграции, а срочнослужащих (по состоянию до их демобилизации) — отдалённым аналогом миграции учебной [230].

В течение всей российской истории военные являлись существенным компонентом социально-демографической структуры региона, в том числе и в рассматриваемый период. Если на рубеже 1950—1960-х гг. их миграционная роль была отрицательной в связи с крупным сокращением Вооружённых сил СССР, проведённым по инициативе Хрущёва, то в дальнейшем государство взяло курс на наращивание здесь военного потенциала из-за обострения международной обстановки в АТР, главными факторами которой были напряжённые отношения с КНР и стратегическое противостояние с США периода «холодной войны».

В 1960—1980-е гг. на советском Дальнем Востоке были значительно расширены войска, обновлено вооружение. Тихоокеанский флот превратился из береговой флотилии в крупнейший и самый мощный компонент ВМФ СССР. В начале 1960-х гг. в регионе несли службу 150 тыс. военных (100 тыс.

в сухопутных подразделениях и 50 тыс. на флоте), в 1989 г. их насчитывалось уже 550 тыс. (390 тыс. в Дальневосточном военном округе и 160 тыс. в ТОФ). И это, не считая штатов КГБ, Пограничных войск, Внутренних войск МВД, Железнодорожных войск, войск Гражданской обороны. Ориентировочные подсчёты показывают, что в общем составе населения Дальнего Востока доля военнослужащих только тех частей, которые подчинялись Министерству обороны СССР (то есть в ДВО и ТОФ), за 1960—1989 гг. выросла с 4,4% до 8%. В отдельных же районах их концентрация была намного выше. Так, на Курильских островах, по некоторым сведениям, в 1979 г. на 22 тыс. постоянного населения приходилось до 10 тыс. военных (31,3%), в 1989 г. — соответственно 30,5 тыс. и 12 тыс. чел. (28,2%) [193, с.228].

Одной из самых высоко милитаризованных территорий не только на Дальнем Востоке, но и в целом в России был Приморский край, где по современным оценкам находилось 180—200 тыс. военных (примерно 9% населения края). Во Владивостоке, служившем главной военно-морской базой СССР на Тихом океане, военнослужащие составляли 15—20% от общего числа жителей города. В г. Уссурийске находились танкоремонтный и военный авторемонтный заводы, высшее военное автомобильное училище, Суворовское училище, несколько воинских частей. В крае появились или расширились населённые пункты, полностью зависимые от военной сферы — п.г.т. Фокино (главная база надводных кораблей ТОФ), посёлки, преимущественно развивавшиеся за счёт расположенных рядом гарнизонов, с численностью населения до нескольких тыс.чел. — Раздольное, Тимофеевка, Кремово, Павловск, Дунай, Воздвиженка, Барабаш, Славянка, Смоляниново, Шкотово, Николаевка, Романовка и др. Гарнизоны выросли также на Камчатке и в Хабаровском крае, что было связано со строительством новых и модернизацией существовавших баз надводного и подводного флота, противовоздушной обороны, космических войск, авиации. Только для Тихоокеанского флота в 1960—1991 гг. было построено 75 военных городков [193, с.231-234; 230].

Учитывая, что тогда применялась практика направления мобилизованных юношей для прохождения службы подальше от дома, можно с уверенностью говорить, что срочнослужащие на Дальнем Востоке в основном представляли собой внешний миграционный элемент с высоким количественным оборотом, циклы которого соответствовали времени прохождения службы (до 1967 г. — 3 года в сухопутных войсках и 5 лет на флоте, затем — 2 и 3 года соответственно). В период демобилизации этот довольно широкий слой молодого трудоспособного населения становился объектом активной пропаганды вербовщиков оргнабора или ударных комсомольских строек, в результате часть демобилизованных оставалась работать на Дальнем Востоке, увеличивая таким образом число гражданских новосёлов.

Представителей офицерского состава для несения службы перемещали с места на место по несколько раз как в пределах одного региона, так и по всей территории страны. В отличие от рядовых, такие переселения семейным офицерам приходилось совершать вместе с жёнами и детьми. Адаптация этой категории населения на новом месте проходила под патронажем государства. Для них сравнительно быстро решался жилищный вопрос, особенно в гарнизонах. В городах в течение двух–трёх лет предоставляли отдельные ведомственные квартиры. Однако частые переезды развивали у военных и членов их семей чувство временщика. Жизнь в отдалённых гарнизонах сопровождалась трудностями устройства жён на работу по специальности, ограничением образовательных и досуговых возможностей детей и т.п. Нередко, не выдерживая такого ритма, семьи распадались. Функциональные особенности советской армии заключались в том, что кроме непосредственного несения военной службы, она частично использовалась и как трудоресурсный элемент в гражданской экономике или смешанных («симбиозных») военно-гражданских сегментах. Формы такого участия носили как открытый (официально заложенный в предназначении некоторых

родов войск), так и завуалированный характер, отражая одну из сторон советской мобилизационно-трудовой системы.

Инженерные войска, имеющие специализированную технику, периодически занимались устранением последствий стихийных бедствий. Батальоны и колонны Автодорожных войск прославились своим участием в «целинной эпопее» Низовой состав различных армейских подразделений нередко посылали на временные краткосрочные работы в гражданском секторе. Чаще всего это была «шефская помощь» совхозам и колхозам в период уборки урожая, либо «авральные» подсобные работы на стройках. Срочнослужащие привлекались также к работам в собственных армейских хозяйствах, которые предназначались для обеспечения продовольствием воинских частей. По данным американского исследователя Р. Риса, к 1991 г. Министерство обороны содержало 83 военных совхоза и 9 тыс. вспомогательных сельскохозяйственных производств для военных объединений, организаций и институтов, 36 военных предприятий лесного хозяйства и 84 военные лесохозяйственные части [193, с.229]. В военных совхозах служили профессиональные агрономы в звании прапорщика, но вспомогательными хозяйственными производствами часто руководили офицеры или замполиты, не имевшие специальной сельскохозяйственной подготовки. Большинство рабочих в военных совхозах были гражданские, но хозяйственные части использовали солдатский труд настолько, насколько это было возможно.

Вместе с тем существовал сегмент вооружённых сил, изначально представлявший собой специализированные трудовые ресурсы [230]. По сравнению с гражданскими, они отличались наибольшей степенью мобильности (вытекавшей из строгой подчинённости приказам командования), способностью быстрой передислокации, укомплектованностью подготовленными кадрами, непритязательностью и высокими адаптивными возможностями личного состава к работе и быту в тяжёлых условиях, отсутствием явления «обратничества», т.е. теми

качествами, благодаря которым в короткие сроки удавалось выполнять возложенные на них задачи.

Существенную роль в советской экономике играли Строительные войска, выполнившие огромный объём работ по сооружению военных объектов и инфраструктуры гражданского назначения, в первую очередь жилья для военнослужащих. Использование этой категории работников включалось в пятилетние народнохозяйственные планы. В основном военно-строительные части были сосредоточены в Министерстве обороны СССР и подчинялись его соответствующим главным управлениям. Но часть из них передавалась и гражданским управленческим структурам (союзным министерствам транспортного строительства, автомобильного транспорта и шоссейных дорог, связи, авиационной промышленности, строительства, монтажных и специальных строительных работ, мелиорации и водного хозяйства, министерству строительства в восточных районах РСФСР и др.). Например, на июнь 1990 г. военно-строительные формирования кроме Вооружённых сил СССР имелись ещё в 22 министерствах и ведомствах, а их общая штатная численность превышала 330 тыс. чел.

Оплата труда военных строителей производилась в соответствии с законодательством о труде с применением районных коэффициентов и понижающих коэффициентов к заработной плате (последние предусматривались инструкциями об оплате труда военнослужащих срочной службы). При этом они не получали процентную надбавку за выслугу лет, вознаграждения по итогам работы за год из фонда материального поощрения предприятия, а также льготы для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним. Кроме того, из зарплаты вычитались стоимость питания, обмундирования, банно-прачечных услуг и др. видов обеспечения. Ежемесячно военный строитель получал на руки лишь небольшую сумму, остальное перечислялось на сберкнижку и становилось доступным её владельцу только после увольнения в запас.

Масштабы применения труда военных строителей на Дальнем Востоке были колоссальными. По данным К.Ю. Колесниченко, чтобы не распылять людей и технику, здесь в 1960-е гг. все строительные части передали флоту, возложив на них обязанности по сооружению объектов на побережье и островах для авиации, ракетных и противовоздушных войск. Численность этой категории военнослужащих достигала 110 тыс. чел.[12].

В конце 1970-х — 1980-е гг. обширная программа строительства ВПК на Дальнем Востоке потребовала создания новых организационных форм. В 1979 г. при Главном управлении специального строительства Минобороны в районах Дальнего Востока и Забайкалья было создано УССТ № 7 «Главспецдальстрой», на базе которого в 1988 г. в Хабаровске образовали объединение по строительству оборонных объектов «Дальспецстрой» при министерстве строительства в Восточных районах СССР. С участием военнослужащих этого формирования в 1980-е гг. в регионе были возведены десятки предприятий оборонной промышленности, жильё, объекты социальной сферы и коммунального хозяйства.

Строительные батальоны и отряды комплектовались, как правило, по «остаточному принципу», т.е. из тех призывников, которые не подходили для боевых частей, — малообразованных или неуравновешенных людей, представителей нерусских национальностей, не владевших языком, а также лиц, имевших за плечами правонарушения или уголовное прошлое. Из-за этого в стройбатах был низкий уровень морального состояния, трудовой и воинской дисциплины, там процветали преступность, дезертирство, дедовщина. С другой стороны, частично такое поведение солдат провоцировалось и отношением к ним со стороны командования. Нередко «стройбатовцы», особенно отправленные на гражданские объекты, плохо обеспечивались жильём (даже палатками), одеждой, едой. Кроме того, их использовали не только по прямому предназначению в строительстве, но и на

[12] Колисниченко В.И. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморскогокрая) //Ойкумена. 2012. №3. С.118.

разных других подсобных и малоквалифицированных работах, в том числе в личных хозяйствах командиров. Как заметил Р. Рис, «людей не обучали, как солдат, не обращались с ними, как с солдатами, но ожидалось, что они будут вести себя, как солдаты». В 1990 г. Верховный Совет СССР рекомендовал, чтобы использование строительных рабочих гражданскими министерствами было отменено к концу года, определив такое использование неконституционным

Другим формированием, отражавшим симбиоз военной и гражданской экономики в рамках советской мобилизационно-трудовой системы, были железнодорожные войска. Состав и организационная структура этих соединений по регионам устанавливались министром транспортного строительства и Генеральным штабом Вооружённых сил, а численность войск — решениями СМ СССР, поскольку содержались они вне норм численности вооружённых сил за счёт ассигнований из союзного бюджета по смете, предусмотренной для Минтрансстроя СССР. Войска состояли из специализированных батальонов, выполнявших свои технические задачи: путевые (строительство железнодорожного пути), мостовые (возведение мостов), механизации (отсыпка земляного полотна), связи (устройство линий связи). Производственная программа для них определялась министром транспортного строительства и заключалась преимущественно в возведении крупных объектов. Железнодорожные войска участвовали в сооружении важнейших транспортных артерий страны, таких как Тюмень–Сургут–Уренгой, вторых путей, обходов крупных железнодорожных узлов и станций, электрификации Транссиба, восстановлении дорог после стихийных бедствий. Они ежегодно вводили по стране в строй от 20 до 40% действующих железнодорожных путей различного назначения.

Кроме того, в случае «авральной» необходимости этот контингент небольшими группами направляли и на «ударные» гражданские объекты. Так, в 1967 г. по просьбе треста «Примортрансстрой» на строительство судоремзавода и жилья в пос. Славянка Приморского края были выделены

250 военных «железнодорожников». К этому времени там уже оказывали помощь строителям матросы из соседней воинской части.

Вполне закономерно власть рассчитывала на железнодорожные войска и при разработке проекта строительства Байкало-Амурской магистрали, имевшего большое стратегическое значение и требовавшего огромной массы и высокой концентрации квалифицированной рабочей силы.

Руководило строительством Главное управление железнодорожных войск (ГУЖВ), находившееся в Москве, через управления корпусов, размещённых в Тынде и Чегдомыне. Функции заказчика исполняла Дирекция строительства БАМа, генеральных подрядчиков — управления корпусов. В 1978 г. для большей оперативности было создано Управление по строительству БАМа и железных дорог Востока, которое возглавляли генералы Г.И. Куприянов и В.Т. Волобуев.

В течение всего периода работ на Восточном участке управленческие, технические и людские ресурсы войск тесно переплетались с гражданскими. Подразделения обеспечивались техникой и имуществом как из резерва военного ведомства, так и из фондов Минтрансстроя. Приказом Министра обороны воинским частям было разрешено привлекать невоенных квалифицированных специалистов в качестве инструкторов, а также для ремонта техники и выполнения некоторых других работ.

В связи с возраставшими объёмами строительства промышленно-гражданских объектов и отсутствием в штатах войск соответствующих специалистов, в июле 1980 г. был образован общестроительный трест «Ургалбамтрансстрой», подчинённый непосредственно начальнику железнодорожных войск. Тресту передали функции генподрядчика по крупным служебно-техническим зданиям и сооружениям (локомотивных и вагонных депо и др.), коммуникаций, отдельных посёлков. Именно там пригодились услуги регионов-шефов века»). Специализированные работы и монтаж технологического оборудования вели субподрядные организации Минтрансстроя СССР и других министерств и ведомств.

Объекты строительства неоднократно посещали первые секретари Хабаровского крайкома и Амурского обкома КПСС А.К. Чёрный и С.С. Авраменко, другие партийные и советские функционеры, которые помогали координировать действия шефских организаций, изыскивали возможность поощрения лучших подразделений и специалистов железнодорожных войск.

Несмотря на расширение использования гражданских кадров на Восточном участке, основной фронт работ по укладке главного пути, возведению искусственных сооружений, притрассовых автодорог и т.д. оставался на плечах военных строителей. Это был крупнейший проект, который приходилось выполнять железнодорожным войскам СССР, что потребовало проведения беспрецедентной по масштабам и срокам за всё послевоенное время передислокации подразделений в район БАМа, которую можно было сравнить с крупной фронтовой операцией.

Массовое выдвижение железнодорожных войск к местам строительства осуществлялось в основном в зиму 1974—1975 гг., а дополнительные силы были направлены летом 1979 г. В Тындинское управление корпусов прибыли соединения и части из городов Конотопа Сумской области, Мурома Владимирской области, Куйбышева, Улан-Батора (Монголия), в Чегдомынское управление — из Харькова, Омска, Волгограда, Красноярска, Читы, Хабаровска. Некоторые части формировались в местах дислокации. Для выполнения операции были задействованы все виды транспорта: железные и автомобильные дороги, самолёты, вертолёты, санно-гусеничные поезда и вездеходы. В отдалённые и труднодоступные места колонны с людьми шли по «зимникам»

В начале «бамовской эпопеи» убывавшим на стройку офицерам и прапорщикам командование рекомендовало не брать с собой семьи, полагая, что, пока строятся жилые городки и налаживается на трассе быт, женщинам и детям будет трудно в необжитых местах. Но через некоторое время семьи военных последовали за мужьями и отцами. На огромном протяжении стройки

от Тынды до Комсомольска-на-Амуре в кратчайшие сроки были сосредоточены солдаты, сержанты, прапорщики, офицеры и члены их семей, а также необходимые машины и механизмы, организована система технического, материального и тылового обеспечения. В 1989 г. железнодорожные войска сдали Восточную часть БАМа в постоянную эксплуатацию с оценкой «хорошо».

К сожалению, мы не располагаем точными данными о численности военных строителей в зоне БАМа. В опубликованных материалах специалисты говорят о том, что одномоментно на трассе работали десятки тысяч солдат и офицеров, а за десять лет через неё прошли сотни тысяч.

Возвращаясь к вопросу о компоненте военнослужащих (с учётом войск, не входивших в подчинение ДВО и ТОФ) в общем составе населения Дальнего Востока, можно с уверенностью говорить, что их суммарная доля в во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. в среднем составляла более 8%, а в районах военных баз и Восточного участка БАМа, безусловно, существенно возрастала вплоть до значительного превышения доли гражданского населения. Такие масштабы военного присутствия обеспечивались постоянно высокими миграционными оборотами, в которых участвовали как срочнослужащие, так и офицерский состав с семьями [193, с.228-229].

Рассматривая изменения в системе трудообеспечения, установлено, что в позднесоветский период, что наряду с трудовым использованием заключённых стала широко применяться форма занятости в более мягком режиме исполнения наказания — в рамках условно-досрочного освобождения и условного наказания («химия»). Тем не менее, материалы Дальнего Востока показывают, что в 1960—1980-е гг. значение пенитенциарного труда для местных экономик было невелико. В 1960—1980-е гг. миграции и трудовое снабжение на Дальнем Востоке развивались в соответствии с общей политикой продолжающегося активного освоения и обеспечения стратегической безопасности региона. Особенностью рассмотренного периода

была трансформация мобилизационно-принудительных методов управления трудовыми ресурсами, которая сопровождалась устойчивым снижением масштабов организованных форм переселения и трудоустройства (как свободного, так и пенитенциарного) и их модификацией с учётом демографических, общественно-политических и ментальных реалий времени. Полностью обойтись без них власть не могла под воздействием хотя и видоизменённых по сравнению с 1930—1950-ми гг., но всё-таки сохранявшихся факторов — дефицита рабочей силы и экстенсивных методов экономического развития. Сказывалась также определённая инерция управленческого мышления и трудоприменительных практик, вышедших из раннесоветской эпохи. Особенно это проявилось при реализации многочисленных строительных проектов последних советских пятилеток, где для достижения быстрого результата требовалась высокая степень трудовой мобилизации. Тем не менее, стихийная миграция, вольный наём работников, расширение профессиональной подготовки молодёжи непосредственно в регионе и т.п. явления стали основными характеристиками данной сферы на Дальнем Востоке, её доминирующим вектором, развивавшимся в рамках общей позднесоветской экономической и политической модернизации страны.

1.4.2. Иностранная трудовая миграция

Особое внимание при реализации Программы было уделено исследованию такого компонента трудообеспечения региона как привлечение иностранной рабочей силы в конце 1950-в 1980-х годах. Подробно вопросы организации привлечения иностранной рабочей силы, динамика численности, отраслевая занятость мигрантов, отношения СССР и государствами донорами исследованы и апробированы в коллективной книге Отдела социально-политических исследований, в коллективных монографиях[127, с.89-98], книге, изданной сибирскими учеными [1], и в серии статей А.С. Ващук [36; 43, 44, 45]. В данных публикациях авторы пришли к следующим выводам.

Весь послевоенный период, почти до конца 1980-х гг., внешняя миграция на Дальнем Востоке, как и во всей стране, была развита слабо. Выдвигая приоритетом интересы государственной безопасности, советское руководство жёстко ограничивало въезд иностранцев на территорию СССР, особенно в приграничные районы. Допускаемые потоки зарубежных граждан, будь то рабочая сила или обучавшиеся специалисты, строго регламентировались на правительственном уровне и контролировались государственными структурами. Национальный состав участников этого миграционного движения имел прямую зависимость от внешнеполитических ориентаций СССР.

В обмене трудовыми ресурсами наиболее тесные связи развивались с государствами социалистического лагеря, имевшими переизбыток рабочей силы, но только при условии нормальных политических контактов между ними и Советским Союзом. Так сначала нестабильность, а затем резкое ухудшение взаимоотношений с КНР обусловили длительную «нулевую» фазу китайской миграции на Дальнем Востоке СССР.

Противовесом китайскому направлению советской внешней политики в АТР было северокорейское, что позволило СССР продолжить привлечение на Дальний Восток **рабочей силы из КНДР**, начатое в первые послевоенные годы. В 1957 г. страны-соседи подписали соглашение о кооперации в лесозаготовительной отрасли. В отличие от вербовки северных корейцев конца 1940-х гг., новое соглашение имело иные принципы сотрудничества, которые укладывались в компенсационную модель трудовой миграции. Советской сторона предоставляла лесные участки и условия для их эксплуатации, корейская брала на себя обеспечение рабочей силой. Заготовленная древесина распределялась в определённых пропорциях между участниками проекта, таким способом советской стороне компенсировались фактические затраты по амортизации оборудования, машин, жилого фонда, перевозке древесины по железной дороге.

На основании этого соглашения в Хабаровский край прибыли 5 317 рабочих и 329 инженерно-технических работников и служащих (без семей). Для них на территории двух леспромхозов (Комсомольского и Селихинского) было организовано четыре корейских самостоятельных предприятия. Резиденции ЛПХ размещались в основном в черте российских посёлков. Корейские работники проживали и трудились примерно в тех же условиях, что и русские лесозаготовители. Наравне с местным населением они могли приобретать необходимые промышленные и продовольственные товары. Им была выделена земля под посадку овощей, разрешена рыбная ловля. Между советскими и корейскими гражданами имелись производственные и общественные контакты (обучение профессиям, торжественные вечера, художественная самодеятельность и т.п.), однако они шли под идеологическим и административным контролем. В ноябре 1964 г. в соответствии с условиями соглашения работы были завершены, северокорейцы вернулись домой.

Используя полученный опыт, СССР и КНДР продолжили сотрудничество, подписав в 1967 г. новое соглашение на тех же принципах. Оно действовало более 20 лет, неоднократно продлевалось (в советский период — в 1975, 1977, 1985 гг.). Работы велись на территории Хабаровского края (Верхне-Буреинский р-н), а с началом строительства БАМа (по соглашению от 1975 г.) — и в Амурской области. Подготовкой лесных участков занимались объединения «Ургаллес» и «Тындалес». В 1976 г. в рамках проекта на Дальнем Востоке работало 10 леспромхозов. Численность привлечённой рабочей силы в разные годы составляла более 10 тыс. чел., например, в 1974 г. — 14,5 тыс., 1976 — 16,3 тыс., 1989 — 20,6 тыс. (в том числе в Хабаровском крае — 13,4 тыс., Амурской области — 7 тыс.) [45].

Особенностью данного проекта была строгая изоляция рабочих в леспромхозах, куда они завозились на три года и где находились безвыездно. Все вопросы трудового законодательства по отношению к корейским гражданам, организации их труда и быта, контроля над передвижением, с

самого начала были выведены из-под юрисдикции СССР, решались представителями КНДР и контролировались службой безопасности этого государства. Таким путём северокорейская сторона в основном предотвращала оседание своих граждан на российской территории. Тем не менее, некоторым удавалось бежать с лесоразработок, а также совершать криминальные действия. Так, в 1967—1974 гг. были зафиксированы 261 побег и 84 преступления, в основном кражи государственного и личного имущества, занятия запрещёнными промыслами и хулиганские поступки. В 1974 г. в СССР было осуждено 55 граждан КНДР. Информация об этом проекте не афишировалась, и население мало что знало о нём.

Другой вид иностранной миграции был связан с сотрудничеством СССР и Индонезии в военной сфере, начавшимся в конце 1950-х гг. Этой стране в 1959—1963 гг. в числе других объектов были переданы 12 подводных лодок, что потребовало обучения для них экипажей. С 1961 г. индонезийские моряки-подводники с семьями стали приезжать во Владивосток, где проходили специализацию в учебных отрядах ТОФ. Численность этой группы мигрантов, по всей видимости, была небольшой, но жителям города было заметно их присутствие по колоритному внешнему виду самих моряков, их жён и детей [193, с.261].

В 1980-е гг. привлечение в СССР рабочей силы из других стран социалистического лагеря расширилось. Имея более открытый публичный характер, оно стало восприниматься советским населением как новое явление. В рамках хронологического этапа 1960—1980-х гг. внешняя миграция и была таковой по своим качественным и количественным параметрам.

Крупнейшую в стране группу трудовых мигрантов представляли ***вьетнамцы***. Двери этому потоку открыло соглашение 1981 г. между СССР и СРВ «О направлении и приёме вьетнамских граждан на профессиональное обучение на предприятия и организации СССР». В разные годы последующего десятилетия в Советском Союзе находилось от 100 до 120 тыс. граждан СРВ, которые получали профессию и работали в различных отраслях

промышленности, заключив четырёх- или шестилетний контракт. Особенно много их концентрировалось в Западной Сибири, Центральном и Поволжском районах.

Обучение и работа мигрантов находились под патронажем и контролем государства. На предприятиях действовали советские руководители и воспитатели вьетнамских трудовых коллективов, а внутри последних — ячейки компартии Вьетнама, все они несли ответственность за трудовую активность и поведение рабочих. Общее руководство и координацию деятельности осуществляли директора предприятий, местные территориальные комитеты КПСС, Министерство труда СССР и Отдел труда Посольства СРВ в СССР. Вопросы вьетнамской трудовой миграции вошли в круг деятельности многих общественных организаций — профсоюзов, комсомола, ДОСААФ, Общества советско-вьетнамской дружбы. Согласно трудовому договору, вьетнамским рабочим выдавалось лишь около 40% их заработка, остальное перечислялись во Вьетнам и шло на погашение государственного долга перед СССР. Тем не менее, этот заработок, возможность покупки и отправки на родину товаров длительного пользования были существенными стимулами для вьетнамских граждан. Однако данному проекту сопутствовали и проблемы: примитивные формы кооперации, трудности отправки приобретённых товаров, нарушения трудовой дисциплины, процветание спекуляции со стороны вьетнамских граждан в период кризиса советской торговли, создание на российской территории криминальных вьетнамских групп и др. На Дальнем Востоке граждане СРВ появились с 1987 г. В 1989 г. их насчитывалось 3 418 чел., в том числе в Приморском крае — 2 223 чел., Хабаровском крае — 1 095, Амурской области — 100. Они работали на предприятиях строительства, лёгкой и лесной промышленности, сельского хозяйства. Например, в Приморье это были Уссурийский, Угольненский и Раздольненский заводы стройматериалов, Спасский ЖБИ-10, трест «Дальморгидрострой», Артёмовская фабрика бельевого трикотажа, пригородные хозяйства г. Партизанска и др.

В 1989—1991 гг., когда с переходом предприятий к экономической самостоятельности и нарастающим кризисом советской системы условия советско-вьетнамского соглашения стали трудновыполнимыми, регионы начали отказываться от вьетнамской рабочей силы.

В 1989 г. в Советский Союз прибыли последние такие группы. По завершении договоров часть вьетнамцев на родину не выехала. По некоторым оценкам, невозвращенцев насчитывалось не менее 10 тыс. чел. (примерно 10% от общего числа организованно прибывших). Изменение условий пребывания отразилось на мотивации и адаптивных особенностях трудовой миграции вьетнамцев. Исследования по Дальнему Востоку показали, что группы, прибывшие в регион 1987—1988 гг., проявляли положительную трудовую и социальную адаптацию, в то время как более поздние потоки — отрицательную, приезжали они в основном для «купли-продажи». В 1991 г. действие соглашения на Дальнем Востоке практически завершилось [193, с.260-263].

Если для вьетнамских трудовых мигрантов последние годы советской власти оказались фатальными, то для других потоков иностранной рабочей силы, привлекаемых на этапе перехода к рыночным отношениям, перестройка, наоборот, дала толчок к развитию. С середины 1980-х гг. в стране произошли позитивные изменения в сфере внешней миграции, были упрощены правила выезда и въезда в СССР, в 1988 г. разрешены прямые контракты между советскими и иностранными предприятиями по вопросу о найме рабочей силы. Хотя эти связи оставались в рамках интеграции дружественных стран социалистического лагеря, государство постепенно утрачивало контроль над внешними миграциями и их регламентацию.

Во второй половине 1980-х гг. в кооперации по разработке лесных ресурсов Дальнего Востока были заняты ***граждане Кубы***, которые приняли участие в строительстве лесопромышленного комплекса на территории Хабаровского края. В отличие от рабочих КНДР, участников проекта с кубинской стороны было намного меньше (в 1989 г. — 720 чел.), зато

соглашение с Кубой предусматривало значительные объёмы производства пиломатериалов, что более отражало интересы дальневосточников [193, с.263].

Наметились изменения в концепции внешнеэкономических связей с КНДР: в 1988 г. ЦК КПСС поручил Госплану разработать план мероприятий по их диверсификации. Помимо традиционного сотрудничества в лесозаготовительной области, планировалось создание совместных предприятий в строительстве, сельском хозяйстве, лёгкой и химической промышленности, приграничной торговле и туризме, а также расширение привлечения рабочей силы в указанные отрасли. Однако эти планы не удалось реализовать, т.к. установление официальных отношений между СССР и Республикой Корея, произошедшее в сентябре 1990 г., по мнению исследователя Л.В. Забровской, вызвало резко негативную реакцию руководства КНДР и привело к сворачиванию всего комплекса советско-северокорейских связей.

Особое значение в начавшемся развитии международной миграции на Дальнем Востоке имело присутствие в ней граждан КНР, что было результатом нормализации советско-китайских межгосударственных отношений. Экспорт китайской рабочей силы в СССР, начатый в 1986 г., в конце десятилетия быстро расширился. Если в 1989 г. он принёс 640 чел. в строительную отрасль региона (в Приморский край — 240, Амурскую область — 400 чел.) и небольшое число (точно не было учтено) — в сельское хозяйство, то в 1990 г. китайских трудовых мигрантов, по некоторым оценкам (В.Л. Ларина), насчитывалось уже примерно 10 тыс.

Несмотря на относительную малочисленность этих потоков трудовых мигрантов, их появление было знаковой вехой для дальнейшего развития международной миграции на Дальнем Востоке России, развернувшейся в постсоветский период и послужившей фактором компенсации потерь собственных трудовых ресурсов.

На излёте советской эпохи среди приезжавших иностранцев появились не только рабочие. На юге Дальнего Востока возродилась приграничная торговля с КНР: в 1986—1989 гг. —на межрегиональном уровне, а затем — в виде прямых торгово-экономических связей между советскими и иностранными предприятиями. Еще одна форма торгового взаимодействия возникла на базе приграничного туризма, «первой ласточкой» которого стал однодневный визит в г. Благовещенск в сентябре 1988 г. группы китайцев (40 чел.) из г. Хэйхэ. В дальнейшем такие поездки китайцев и русских в соседние приграничные города (сроком от одного до 15 дней) получили широкий размах. Уже в 1991 г. только через таможню Приморского края проследовало 46 тыс. китайцев· Население по обе стороны границы использовало возможности приграничного туризма для индивидуальных мелких обменных и торговых операций, получивших название «народная торговля». Этот новый вид теневой занятости впоследствии трансформировался в движение «челноков», позволившее насытить дефицитный российский рынок товарами широкого потребления. Известными парными центрами российско-китайского челночного бизнеса были г. Благовещенск (Амурская область) — г. Хэйхэ и пос. Пограничный (Приморский край) — г. Суйфэньхэ.

В конце 1980-х гг. появились международные контакты вузов Дальнего Востока. Дальневосточный государственный университет в 1988—1989 гг. установил связи с четырьмя зарубежными университетами — Гавайским (США), Кенамским и Ханьянским (Республика Корея), Токийским (Япония), а в 1990 г. заключил 12 соглашений с 6 американскими, 3 японскими и 3 китайскими вузами. Дальневосточный политехнический институт с 1989 г. обменивался студентами и преподавателями с 3 университетами КНР. Уссурийский государственный педагогический институт, открывший в 1989 г. китайское отделение на факультете иностранных языков, заключил договор о сотрудничестве с Сыпинским педагогическим институтом (КНР). Эти контакты положили начало развитию иностранной учебной миграции и

академическому обмену, которые пока ещё носили единичный характер, однако послужили основой для их расширения в 1990-е гг.

Таким образом, в течение всей последней трети советского периода иностранная миграция на Дальнем Востоке охватывала только его южные районы, имевшие по сравнению с северными более высокий уровень развития и находившиеся в наибольшем приближении к основным странам-донорам. Внутри этого периода отчётливо выделяются два этапа.

Этап 1960-х — конца 1980-х гг. привнёс в развитие рассматриваемого феномена в регионе некоторые новые нюансы, такие как компенсационная модель трудовой миграции (КНДР, Куба), сочетание учебной и трудовой миграции (СРВ), учебно-военная миграция (Индонезия). Однако в своих принципиальных основах он являлся продолжением процессов предыдущего послевоенного периода. Общими для них были строгая государственная регламентация и контроль, ограниченные объёмы и узкая структура внешних миграций. Основной формой оставалось привлечение рабочей силы (КНДР, СРВ, Куба). Пик совокупной численности внешних мигрантов в регионе позднесоветской эпохи приходится на 1989 г., составив около 25 тыс. чел. Однако уже к 1991 г., вместе с упадком советского государства контролируемые им внешние миграции полностью себя исчерпали.

Начало второго этапа относится ко второй половине 1980-х гг. Хронологически он частично перехлёстывается с первым, но являет собой возникновение нового типа трансграничных миграций в СССР, основанного на иных принципах — рациональности, рыночных отношениях, определённой степени стихийности, отсутствии идеологических императивов, отказе от строгой государственной регламентации, т.е. всего того, что станет основными характеристиками этого явления в 1990-е гг.

1.5. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. ВКЛАД ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР

В рамках программы разработана концепция исторического изучения хозяйственного развития Дальнего Востока во второй половине XX в. Признавая приоритет экономистов в анализе этой сферы жизнедеятельности на Дальнем Востоке, в программе была поставлена задача исследовать развитие хозяйственного комплекса непосредственно через деятельность человека, в том числе политику и концепт Центр-регион, с опорой на концепт вклада региона в экономику страны на этапе советской плановой системы, а также через гуманитарный аспект – влияние экономического развития на социальные процессы на территории.

Важным признаком специфики развития хозяйственного комплекса на Дальнем Востоке является его влияние на региональную идентичность, которую в свою очередь авторы попытались проследить через отражение в культуре. Таким научным путем, участники программы преодолевали технократический подход к экономической истории: хозяйственный комплекс региона изучался как неотъемлемая составляющая всей советскости. Все это отражено в структуре монографии «Общество и власть на Российском Дальнем Востоке в 1980-1991 гг.» (Истории Дальнего Востока России. Т.3 кн.5) [193, 198].

Коллектив выполнил поставленную новую задачу: преодолел отраслевой подход, а также избежал «навязанности» тезиса «ресурсного проклятия», чисто рыночного подхода. со стороны зарубежных авторов, который инкорпорировался рядом ученых в 1990—начале 2000-х годов [41, с.314]. Заметим, авторы либеральной ориентации применяют этот концепт к абсолютно другому пути исторического развития, в частности советской хозяйственной системы. Хотя внутри текстов в указанной выше монографии (История Т.3, кн. 5) в ходе характеристики народно-хозяйственного комплекса используется отраслевой принцип, позволяющий проанализировать

конкретный вклад дальневосточников в экономику советского типа развития, основанного на базе государственной собственности, централизованного планирования, соответствующих ей принципов управления территориями. Вопрос об эффективности советской хозяйственной системы также затрагивается, рассматривается, но с учетом централизованного развития и распределительной социальной модели.

Важнейшей составляющей концепции и новизной проекта стал анализ планирования и прогнозирования развития Дальнего Востока в формате интеллектуальной истории, в частности через диалог ученых и политиков. Был сделан, вывод о том, что в советскую эпоху диалог политиков и ученых по проблеме развития велся на базе парадигмы производительных сил, специализации региона. Характер диалога тех лет можно охарактеризовать как консолидированный, что и соответствовало относительно устойчивому функционированию советского общества, в котором идеология была скрепляющим звеном власти и науки, включая представителей экономической и других гуманитарных отраслей знаний [6]. ***В трудах отдела обращается внимание на то, что т***еория развития производительных сил была адаптирована к региональной политике и получила свое отражение в деятельности иерархической системы органов Госплана СССР И РСФСР, в реализации планов сдвига производительных сил на восток страны [6; 30].

Второй составляющей концепции стал комплексный анализ роли дальневосточного региона в советской хозяйственной системе. Подробно этот подход отражен в структуре коллективной монографии [193, с. 181-342, 343-396, 397-479, 407-551]. Выявленный источниковый материал был проанализирован на основе предложенной концепции. Отдельные промежуточные результаты представлены ниже.

В 1960-е гг. в СССР стала кардинально меняться ситуация по сравнению с 1946 – 1950-ми годами [См. 192, с. 199-253, 254-362], масштабы производства в государстве значительно возросли. Для Дальнего Востока были предложены две концепции долговременного развития. Первая

ориентировалась на усиление его роли в межрайонном разделении труда, исходя из потребностей внутреннего хозяйственного комплекса советского типа. Вторая, автором которой был председатель СОПС В.С. Немчинов, предполагала в качестве приоритета экспортную специализацию региона. На практике преобладало первое направление, хотя отдельные меры были реализованы согласно второму направлению.

Дальний Восток был частью единого народнохозяйственного комплекса страны, и основные направления стратегии его развития власть ориентировала на генеральные схемы размещения и динамики общесоюзного производства [204]. Государство, заинтересованное в наращивании потенциала сырьедобывающих отраслей, резко увеличило свои инвестиции в развитие региона. В 1959—1965 гг. в экономику Дальнего Востока было вложено более 7 млрд. руб., что в 10 раз больше, чем за предыдущие послевоенные годы (1946—1958 гг.). В регионе прошла позднесоветская индустриализация с учетом степени хозяйственной освоенности территории. Вступило в строй около 450 промышленных предприятий и крупных цехов. В 1966—1970 гг. размер капиталовложений увеличился ещё вдвое. В 1967 г. ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление, ориентированное на ускоренное развитие производительных сил Дальневосточного экономического района, при этом ведущими отраслями оставались горнодобывающая, рыбная и лесная. Выше, чем в среднем по СССР, в структуре экономики была также доля строительства и транспорта, что объяснялось б*о*льшими затратами на транспортировку грузов из-за огромных расстояний и действия удорожающих факторов в строительстве [193, с. 281-342].

Усилению внимания со стороны центральной власти к восточной территории страны способствовало также усложнение геополитической обстановки в АТР [193, с. 116-174], которое повысило стратегическую значимость региона и, наряду с расширением сырьедобывающих предприятий, предопределило укрепление здесь оборонного комплекса.

Растущее производство и большие масштабы строительства в условиях экстенсивного развития экономики существенно увеличили спрос на рабочую силу, заставив государство активизировать организацию массовых миграций на Дальний Восток, то есть снова решать задачу, которая неоднократно становилась одной из первостепенных в советской стратегии экономического развития восточных районов. Однако по сравнению с периодом сталинизма, несколько изменились общие политические и социальные императивы, определившие обновление тактики управления территорией и обеспечения трудовыми ресурсами.

Начавшиеся изменения в середине 1950-х гг. политического режима, а, также очередной этап модернизационных мер в целом, сопровождались поиском новых оснований в организации переселений на территорию активного хозяйственного освоения, к каким относился Дальний Восток. Кроме того, в новых политических условиях правительство отказалось от массовых принудительных миграций и сделало ставку на добровольные формы (как планово-организованные, так и стихийные). Руководство страны не могло не учитывать менявшуюся систему ценностей, улучшение материальных условий. На смену аскетизму сталинского периода пришла идеология «повышения уровня жизни советских людей» (разновидность идеологии потребительского общества). Материальная заинтересованность наряду с идеологическими инструментами, но и сохраняющийся менталитет молодежной советской романтики, давали свои результаты, что особенно проявилось в период возведения крупных промышленных объектов и строительства БАМа.

В публикациях участников Программы впервые показана взаимосвязь проблемой развития Дальнего Востока с региональной культурой и созданием образа жизни в регионе можно жить и заработать. Такая постановка отражена в самой структуре коллективной монографии [193; 194]. Средства массовой информации и литературы анализируется в книге и статьях как пространство формирования и трансляции смыслов и ценностей советского общества, а

СМИ как инструмент репрезентации официальной идеологии и канал обратной связи [193, с. 551-553]. В стимулировании увеличения постоянного населения в регионе власти делали ставку как на сугубо материальные факторы в виде комплекса льгот и надбавок к зарплате, так и на решение задачи выравнивания условий труда и быта, общего уровня жизни между отстающими восточными районами страны и более развитыми западными [193, с. 447-464]. В понимании этого вопроса значительную роль сыграли исследования ведущих советских учёных–экономистов и демографов, к которым власть впервые широко обратилась при разработке планов экономического и социального развития Дальнего Востока и специальных миграционных программ [193, с. 192-194].

Более активно включились в политику привлечения трудовых ресурсов на свои территории и партийно-государственные структуры местного уровня, чему способствовали административно-управленческие реформы, начатые «сверху» и расширившие объём властных функций на местах. Руководители краёв и областей вели активную переписку с правительством и центральными плановыми органами по социально-экономическим вопросам, предлагали конкретные меры и «выбивали» ресурсы [75].

В 1967—1968 гг. правительство вынуждено было восстановить отменённые ранее льготы и поощрительную систему заработной платы, что в дальнейшем имело пролонгированный положительный эффект, совпав с возникновением в 1970-е гг. с благоприятной демографической ситуацией, тогда значительно увеличился прирост трудовых ресурсов во всех регионах страны.

Капиталовложения в экономику Дальнего Востока продолжали расти (1971—1975 гг. — 21,5 млрд. руб., 1976—1980 гг. — 29,1 млрд) , при этом большое внимание власти стали уделять развитию социальной инфраструктуры региона, и здесь была продолжена линия, которую в свою очередь наметил Н.С. Хрущев, делавший ставку на строительство. Постепенно стали проявляться факты политического курса развития экономики региона и

отдельные проявления снижения разницы в уровне жизни по сравнению с западными районами, хотя она и оставалась ощутимой [127, с. 168-198; 193, с. 397-496].

Факторный комплексный анализ общественной трансформации и позднесоветской индустриализации в регионе позволил определить особенности вклада Дальнего Востока в советскую историю. Дальневосточный регион, как и в предыдущие времена, выполнял историческую миссию в обеспечении государственной безопасности СССР, продолжая оставаться советским форпостом в геополитическом пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Во многих дальневосточных событиях отразилось участие СССР в сохранении мира и территориальных параметров в этой части Земли, сложившихся на базе итогов Второй мировой войны. Главная угроза исходила от нараставшей конфронтации с руководством КНР, выдвигавшим в адрес Советского Союза территориальные претензии и провоцировавшим постоянное напряжение на границах. Не меньшую проблему представлял «курильский вопрос» в отношениях с Японией; его обострение могло привести к вооруженному конфликту по примеру о. Даманского и изменению государственной границы. В силу этих причин приоритетом внешнеполитической стратегии СССР в Северо-Восточной Азии оставалось сохранение в неизменном виде государственных границ с КНР, КНДР, США и Японией [193, с. 118-170].

Одним из условий обеспечения региональной безопасности являлась защита государственных границ СССР на Дальнем Востоке и развитие здесь военно-оборонного производства. Здесь глубоко проявилась обратная связь: относительно стабильное финансирование развития дальневосточных территорий СССР и создание отраслевой структуры. Дальний Восток со второй половины 1960-х годов составил своеобразную индустриальную ось в сложившейся хозяйственной иерархии регионов РСФСР. Это было достигнуто с помощью постоянного комплекса мер, направленных на преодоление социального и технологического отставания региона. Причём такая тактика

составляла имманентную черту советской системы, и преодоление социально-экономического разрыва стало двигателем индустриального освоения и социального развития Дальнего Востока по унифицированному пути советского типа. Дальний Восток, выполнял свою историческую миссию регионов, где власть апробировала практики подчинения хозяйственного развития региона общеэкономическим целям государства. Именно с 60-х гг. XX в. он становится площадкой реализации новых форм экономической интеграции – была введена специализация территориально-производственных комплексов.

Проблемы региона и одновременно его ресурсные возможности оказались катализатором появления региональных комплексных программ развития. Начиная с политического документа 1967 г. о комплексном развитии производительных сил Дальнего Востока эта история продолжается до федерально-целевых программ. Более того освоение природных ресурсов территории было включено в межрегиональное разделение труда (в пределах СССР и стран СЭВ) до конца 80-х гг. XX в.

Вклад региона в развитие советского хозяйственного комплекса характеризовался состоянием отраслей специализации, связанных с введением в хозяйственный оборот природных ресурсов (добыча руд цветных металлов, угля, нефти, газа, заготовка древесины, добыча и переработка морепродуктов). Предприятия региона отправляли 80–100% продукции в Казахстан, в европейскую часть страны, на Урал, Сибирь, и другие регионы СССР. В 1960–1970-е гг. на Дальнем Востоке развивалось машиностроение, но его доля в общесоюзном производстве оставалась крайне незначительной. Лишь по некоторым видам оборудования достигала 20%.

Доля региона по вывозу леса с Дальнего Востока в регионы РСФСР составляла 7,6% – 8%, однако на экспорт уже тогда отправлялось в 2,6 раза больше, чем вывозилось в другие районы страны. За 70 лет советского промышленного освоения современной территории Магаданской области было добыто около 2700 т золота, в т.ч. из рудных месторождений почти 200 т (7,4%).

Сложившийся уровень золотодобычи до системных реформ составляет 29–30 т в год (более 25% общероссийской). Дальневосточные порты всегда были для России важнейшими центрами морских перевозок леса, рыбы, углеродного топлива, нефти и др. [41, с. 314]

Постепенно по мере индустриализации и позднесоветской модернизации регион превращался в «транспортный коридор» для развития торговых отношений с окружающим миром. С 1960-х гг. он выполнял функцию территории продвижения России на рынки стран АТР, с этого времени началось привлечение японского капитала для разработки сырьевых ресурсов региона, в форме компенсационных соглашений, региональное сотрудничество было монополизировано государством. К 1965 г. прибрежная торговля значительно расширилась: экспорт советских товаров в 1963 г. составил 602 тыс. долл., а в 1965 г. – 3,6 млн долл., в таком же объеме возрос импорт; т.н. «прибрежная торговля» осуществлялась по линии специально учрежденной в 1964 г. государственной организации – «Дальинторг», позднее Дальневосточное отделение В/О «Экспортлес». В 70-е гг. XX в. Дальний Восток выполнил важную задачу, став звеном транспортной системы «контейнерных перевозок» Восток-Запад [41, с. 314].

В дальневосточной истории отразились общие тенденции экономического пути развития в СССР. В первой половине 1960-х гг. высшее руководство страны продолжало проводить динамическую политическую стратегию, что вносило коррективы во взаимоотношения Центра и региона. Как показывает исследование, развитие событий на Дальнем Востоке во многом было следствием вынужденного выбора, связанного с демонтажем репрессивной системы и поиском новых опор власти в советском обществе. Но в середине 1960—1980-х гг. власть всё более ориентировалась на стабилизационный механизм, что вытекало из логики предшествующего развития.

Особенно власть была озабочена созданием продовольственной базы на востоке страны. Как известно из литературы, для развития сельского хозяйства

в регионе хрущевские реформы имели неоднозначные последствия [152; 166]. С одной стороны возникли большие трудности в обеспечении мясом и молоком населения за счет подрыва личного подсобного хозяйства, с другой стороны они разрушали крестьянский уклад в дальневосточной деревне и привели к росту отряда сельскохозяйственных рабочих.

Появление компромиссной фигуры Брежнева и стиль работы с ближайшем окружением и регионалами на некоторое время консолидировали управленцев за счет согласия именно в среде партийной и советской бюрократии.

Начало 1960-х гг. ознаменовало качественно новый этап в развитии мировой экономики, это стало новым вызовом для Советского Союза и российских регионов Руководство вынуждено было искать пути преодоления системных недостатков народно-хозяйственного комплекса [56]. В связи с этим во второй половине XX в. стала задача эффективности экономики, на решение которой направлялись силы Советского Союза. Наилучших экономических и социальных показателей на Дальнем Востоке общество и власть добились в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.), в том числе и в аграрном секторе.

В ходе реализации правительственной линии на специализацию сельскохозяйственного производства во второй половине 1960-х гг. Дальний Восток стал крупнейшим производителем сои и риса в стране. На новый уровень вышло пчеловодство и клеточное звероводство. Специализированные совхозы стали массово разводить норку. Объём заготовок шкурок норки увеличился в 40 раз. Эта отрасль была особо развитой в Приморье и на Сахалине. В 1970 г. на Дальнем Востоке производилось норки больше, чем в Японии, Голландии, ФРГ, Франции вместе взятых. Объём государственных закупок впервые в советское время в годы восьмой пятилетки вырос в 1,6 раза. Уменьшилась доля убыточных хозяйств с 78% в 1965 г. до 43% в 1970 г. [193, с. 300-303].

В Приморском крае было создано семь специализированных трестов. С 1964 по 1974 г. среднегодовое производство зерна увеличилось на 25,9%, картофеля – на 8,6%, молока – на 39%, мяса – на 67%, яиц – на 63%. В Хабаровском крае 36 специализированных совхозов (40% от общего количества) в 1973 г. произвели 84% овощей, 55% картофеля, 91% свинины, 95% яиц, 100% мёда. Эффективность хозяйств не была одинаковой, постоянно возникали трудности при сборе сельскохозяйственной продукции, они вынудили правительство скорректировать своё отношение к личным и подсобным хозяйствам. В 1967 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве». В 1977 г., а затем в 1981 г. приняли ряд мер в поддержку частного сектора, доля которого в общем объёме сельского хозяйства была значительной: от 25 до 30% мяса, молока, яиц, шерсти производилось в подсобных хозяйствах. Вдвое увеличили допустимую площадь земельных участков, сняли ограничения на поголовье домашнего скота, колхозникам разрешили брать кредиты на обустройство своих хозяйств и т.д. На местном уровне руководителям предписывалось использовать все резервы для реализации постановления. Это дало определённые результаты. В 1965 г. в хозяйствах колхозников, рабочих и служащих было произведено 36,3 т. мяса, в 1970 г. – 47,1 т. Тем не менее, новая политика центра не могла переломить негативных тенденций в развитии этой отрасли. Удельный вес производства мяса в личных и подсобных хозяйствах за эти годы снизился. (Разрушался и весь крестьянский уклад [См.: 193]. Кроме того, у сельчан были большие трудности с приобретением кормов. Объёмы производства молока остались на прежнем уровне, а в Магаданской области и на Сахалине даже уменьшились – на 3,6% и практически в 2 раза соответственно. В среднем удельный вес молока, в структуре государственных закупок предоставленного личными и подсобными хозяйствами всех категорий, составил в 1965 г. 40%, в 1970 г. – 31%. Однако вопреки идеологическим постулатам, частный сектор и колхозы, совхозы дополняли друг друга в обеспечении населения продуктами.

Например, на долю частного сектора приходилось 70% картофеля и 35% овощей от общего объёма их производства в регионе.

В тоже время на севере Дальнего Востока в начале 1970-х гг. в государственном секторе появились новые отрасли сельского хозяйства. Молочное животноводство, полеводство, птицеводство, теплично-парниковые хозяйства – все эти достижения позволили лучше обеспечить население сельскохозяйственной продукцией. Активно продолжали развиваться и традиционные отрасли. Но модернизация оленеводческих хозяйств приводила к неоднозначным результатам. В следствие принятых государством мер – материальной и технической поддержки в предыдущий период 1958–1965 гг., оленеводство Магаданской и Камчатской областей, развиваясь на экстенсивной основе (наращивание поголовья при наличии 68 млн га оленьих пастбищ), дало существенный экономический эффект. В следующих пятилетиях данная тенденция также сохранилась. Вплоть до 1985 г. оленеводство на Северо-востоке оставалось ведущей отраслью сельского хозяйства, дававшей до 60% мясозаготовок [193, с. 300-302]. Объёмы производства продукции в совхозах в 1965–1970 гг. по сравнению с объёмами, достигнутыми в предыдущей пятилетке (в ценах 1965 г.), выросли на 52,6%, в т.ч. в растениеводстве – на 44,3%, в животноводстве – на 62%. Рост показателей был значительным: в Хабаровском крае на 100 га условной пашни за пять лет производство продукции увеличилось на 42,4%, в Амурской области – на 46%; общий валовой доход вырос на 80%, а из расчёта на один совхоз – в 1,9 раз; производство зерна – на 44%, сои – на 55%

Следующий период в развитии сельского хозяйства отличался ускорением начатых процессов. Специализация и концентрация совхозов и колхозов продемонстрировали некоторые преимущества перед многоотраслевыми хозяйствами. Стали рентабельными совхозы и колхозы Амурской области и Приморского края, специализировавшиеся на производстве сои и риса. Последние только за девятую пятилетку произвели 302 т. риса и получили 16,2 млн руб. прибыли. Преимущества специализации

демонстрировали такие хозяйства, как птицеводческий совхоз «Средне-Бельский» (Амурская область). В нём значительно выросла яйценоскость и снизилась себестоимость производимой продукции. Особыми успехами отличались совхоз им. Сун-Ят-Сена и колхоз «Коммунар» (Приморский край), специализирующиеся на разведении крупного рогатого скота. В Приморском, Хабаровском краях и Амурской области были созданы крупные свиноводческие и птицеводческие комплексы с высокой степенью производительности [193, с. 302-307].

В 1970-е годы вопросы повышения эффективности производства, производительности труда как в масштабах страны, так и региона постоянно обсуждались управленцами разного уровня. Партийное и государственное руководство пыталась найти механизмы, чтобы повысить фондоотдачу, которая снизилась за 25 лет почти в два раза [193, с. 321-339]. Таким образом, и промышленное производство и сельское хозяйство сигнализировали о необходимости повышения к вопросам снижения высоких затрат в региональной экономике. Управленцы чаще всего проблемные ситуации корректировали путем различных согласований, уменьшений показателей или прямых бюрократических сделок. Проведенный анализ источников позволил авторам поддержать идею В. Найшуля, что в ходе таких корректировок возник и развивался бюрократический рынок [159]. Негибкость плановой инструментов и поиски выходов их трудных конкретных ситуаций на производстве, связанных с комплектующими и другим оборудованием, срывы в плановых заданиях, создали в своей совокупности условия, чтобы развивались неформальные практики, а бюрократия в СССР превращалась в привилегированную часть общества, ибо от нее зависел часто технологический процесс. В том числе и таких неформальных практик развивался в регионе бюрократический рынок [158; 194, с. 327, 329-334]. С усилением системы согласований среди управленцев эффективным стало считаться то, что не разрушало бюрократическое пространство и позволяло любой ценой выполнять планы.

В результате решения поставленных задач, авторы проекта пришли к выводу, что трансформационные процессы в 1960–1985 гг. хотя и преобразили экономическое пространство Дальнего Востока, но целевая политическая установка, постулировавшая всемерное участие региона в общесоюзном разделении труда, по-прежнему определяла высокую долю добывающих отраслей. Регион снабжал страну золотом, цветными металлами лесом, рыбой, бумагой и продукцией машиностроения военно-оборонного назначения. Такая специализация определяла и структуру занятого населения. Возросшая роль портов Дальнего Востока обеспечивала как внутрихозяйственные связи страны, так и с внешним миром. Эффективность дальневосточного хозяйственного комплекса оценивалась в СССР именно с этих позиций.

Научный коллектив, анализируя задачу, поставленную советским правительством, в частности комплексного развития региона, пришел к выводу, что полностью её не удалось решить к 1985 г., а позднесоветские реформы внесли новые коррективы в её реализацию.

1.6. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ СООБЩЕСТВЕ (1960- НАЧАЛО 1980-Х Г.)

Общий «социальный портрет» дальневосточного населения процесс его изменений складывается из комплекса характеристик местных сообществ. К ним относятся демографические и миграционные параметры, отраслевая структура занятости, уровень образования, дифференциация зарплаты и других источников доходов, структура расходов семейных бюджетов, обеспеченность жильем, услугами социально-бытовой инфраструктуры, состояние здоровья, которые анализируются в динамике. Часть из характеристик, полученных в ходе исследования, уже были нами рассмотрены, а часть предстоит еще представить. Важнейшими исходными концептуальными положениями являются следующие идеи: 1) советская история является примером того, как многие черты общества изменялись под

воздействием внутренней политики, которая стимулировала не только развитие экономики, но и регулировала социальную структуру, социальные отношения, уровень и образ жизни дальневосточников; 2) в то же время наличие доминирующего политического фактора в обществе не исключало саморазвивающихся начал в отдельных звеньях советской социальной системы. 3) дальневосточное сообщество как часть советского общества развивалось на собственной системной базе – распределительных социальных отношениях до радикальных реформ 1990-х годов.

1.6.1. Специфика регулирования общественных отношений и социальной структуры в СССР

Советское общество в рассматриваемый период изменялось в условиях стабильного функционирования главного системного принципа: вся национальная экономика базировалась на государственной собственности и ей соответствовала распределительно-нормированная социальная политика, она получала преимущественно общественное одобрение в 1950-е гг. в 1960–1980-е гг. Важнейшим политическим институтом, регулирующим социальные отношения, была вся система КПСС, имевшая выверенную партийную технологию управления обществом, которая включала иерархию аппаратов.. По сложившейся традиции еще с 1920-х гг. работники этих органов могли вмешиваться не только в трудовые отношения, но обязаны были следить за поведением членов партийной организации в быту, в том числе за моральным обликом аппаратчиков. В 1961 г. в СССР каждый двадцать четвертый человек был членом КПСС, на Дальнем Востоке – каждый двадцать первый. Высокая доля партийной прослойки в населении позволяла номенклатурной элите идеологическими и административными методами управлять социальными процессами на работе и в быту [193, с. 343]. Согласно официальной идеологии, советское общество состояло из двух классов – рабочего класса и крестьянства, что было зафиксировано в Конституции 1936 г., действовавшей

почти до конца 1977 г.: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян». В новой Конституции, которая разрабатывалась с 1962 г. по октябрь 1977 г. и была принята 7 октября 1977 г., в ст. 1 речь уже шла о советском государстве как о социалистическом общенародном государстве, выражающем волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны [193, с. 344]. Для советских людей 1960–1970-х годов старые и новые законы, идеология приоритета государственных интересов и социальной справедливости были данностью, естественной средой «обитания». Представления о социалистическом обществе были основой советской ментальности.

Конституция СССР 1977 г. закрепила в общественном сознании миф о социальной структуре как «трехчленке», хотя реалии социального устройства в СССР были намного сложнее. Этот идеологический постулат строго ориентировал советских людей на упрощенное объяснение социальной структуры. Ученые-обществоведы вместе с разветвленным идеологическим аппаратом обеспечивали воспроизводство этого тезиса. Конституция СССР четко выделила категорию «трудящихся». На этом воспитывались несколько поколений советских людей, в том числе и живших в 1960–1980-е гг. [193, с. 344-347].

В течение нескольких десятков лет создавался хорошо отлаженный механизм регулирования социальных отношений, но, несмотря на это, в идеологическом обеспечении управления советским обществом были некоторые нестыковки, которые почти не замечались социумом. Так, одновременно с распространенной риторикой «трехчленки» в партийном лексиконе использовались понятия «руководящие работники» и «трудящиеся». Именно такая индитификация отражала реальный и главный принцип деления советского общества, установившийся еще с 1920-х гг., когда началось структурирование советского типа: управляющих (руководителей) и трудящихся. Основной вектор социальной трансформации

пролегал в этом направлении. (В данном случае термин «класс» идентичен понятию «общественный слой»– *А.С.*).

Опираясь на концепцию «политической стратификации», разработанной О.В. Крыштановской[13], мы подчеркиваем, что деление общества на руководящих работников (управляющих) и трудящихся (управляемых) подтверждается статистическими документами партийных организаций. В книге «Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг.» разработана методика изучения социальной структуры советского типа, которая базируется на совокупности документов, и в первую очередь на партийной отчетности. В ходе реализации проекта доказан вывод: партийная отчетность – это не только зеркало объективных реалий, самоидентификации господствующего политического класса, но и регулятор отношений в советском обществе.

Социально-политическая стратификация на всей территории страны поддерживалась многими методами: от идеологического воспитания до специальных административных мер, которые реализовывались бюрократическим механизмом. Государство в процессе регулирования социальных отношений традиционно задействовало, прежде всего, централизованную кадровую политику. Именно с её помощью власть удерживала систему общественных отношений (с особым типом социального неравенства) от резких изменений и потрясений.

К началу 1960-х гг. советское общество структурно по-прежнему представляли два класса (слоя): управляющих и управляемых. В свою очередь они делились по разным сферам занятости и учетным профессионально-должностным группам. Подобная стратификация лежала в основе территориальной общности до реформы разгосударствления общества, естественно с определенной количественной и качественной динамикой.

[13] Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 37–4.

Так, стратификация слоя «управляемых» базировалась на разделении занятых по характеру труда – физическому или умственному. В статистических документах выделялись промышленные рабочие, рабочие транспорта, машиностроения строительства и т.д., а также рабочие совхозов, крестьяне-колхозники. Из среды колхозников особо выделялся статистикой управленческий аппарат, куда входили также специалисты агарного производства. Еще с 1958 г. были даны пояснения по учету управленцев: в практику была внедрена отчетность производственных объединений (комбинатов), промышленных предприятий о численности работников аппарата управления и о распределении всех работающих по занимаемым должностям по состоянию на 15 сентября отчетного года (форма 8-2). Во втором разделе формы 8-2 показывалась численность занятых, которые исключались из числа «управляющих». К этой группе относились руководители технологических, конструкторских и проектных отделов, секторов, бюро, заводоуправления, аппарата цехов, несамостоятельных предприятий и подсобных производств. Специфика регулирования состояла в том, что вопрос численности и доли управленцев в социальной структуре оставался «заретушированным» до конца советского периода[14]. Занятые умственным трудом определялись государственной идеологией как интеллигенция. Но одновременно в советском делопроизводстве существовало и понятие служащих, которое включало тех же инженерно-технических работников и разные профессионально-отраслевые группы работников умственного труда. Государственной статистке по этой части соответствовала форма 2 партийной отчетности (состоящие на партийном учете), в которой учитывались следующие группы с высшим образованием: инженеры и архитекторы, агрономы, ветврачи и другие специалисты сельского хозяйства, врачи, экономисты, педагоги, юристы, др.

[14] Ефимова М.Р. К вопросу определения численности и состава работников аппарата управления // Проблемы социальной статистики (ученые записки по статистике, т.50). М.: Наука, 1986. С. 186—199.

специальности. Если речь шла об учителях и врачах, то в отчетах и справках, имевших целенаправленное назначение, они часто объединялись понятием «отряды советской интеллигенции» [193, с. 344-347].

Власть, установив формы статистической отчетности, время от времени меняла их, иногда это было связано и с реформами. Учет разных групп реализовывался в деятельности различных государственных органов при реализации социальных мер. Государственная статистика была не просто бюрократической деятельностью, она являлась важнейшим политическим инструментом, официально закрепляла набор статусов человека в обществе и его принадлежность к определенной группе, она давала власти информацию для управления и одновременно базу для манипулирования в нужном русле.

До конца советского периода в политических документах и статистических формах продолжали выделять «руководящих работников» и еще более узкую группу «ответственных работников». Эта выделенная государственной статистикой группа и составляла ядро советского правящего класса, статус должностей регламентировался инструкциями по номенклатуре. В современной литературе эта страта часто обозначается через понятие «номенклатурная элита» и рассматривается вместе со своей социальной базой – аппаратом. В государственной статистике, которая отражала реалии изучаемого периода, данная социальная категория объединялась преимущественно в группу «административно-управленческий аппарат».

Авторами Программы, установлено, что советское делопроизводство и статистика 1960–1980-х гг. раскрывают только институциональную сторону структуры общества. Реальное положение человека в обществе определялось разными обстоятельствами, но в официальных анкетах, личных листках при приеме на учебу в вуз, на работу советский гражданин должен был указывать только одну из трех категорий социального происхождения: рабочий, крестьянин или служащий. Иногда уточнялась специфическая категория служащих – военнослужащий. Статус отдельного гражданина, приписанного

государством к определенной группе, зависел от многих условностей, которые власть обозначала в документах и инструкциях. Набор условностей мог меняться и, соответственно, человек мог «перейти» в другую группу и изменить свой статус, например, из рабочего – в интеллигенцию, из колхозника – в рабочего, из интеллигента-трудящегося – в управленца [193, с. 346].

Для закрепления статуса индивидуума власть использовала разнообразный набор социальных стандартов. Основу такого механизма составляли политические решения, которые реализовывались через бюрократические циркуляры. Самый общий критерий дифференциации находился в социальном пространстве «город – село». Иногда такой социальный «набор» прописывался только в ведомственных документах. Самым четким инструментом советской эпохи были номенклатурные списки, именно вхождение в них закрепляло преференции для разных групп правящего класса.

В СССР существовали нижние и верхние границы территориального социального и культурного индекса, и они зависели от степени освоения территории. В условиях плановой экономики последовательно развивался нормативный подход к управлению социальными процессами [См. подробно: 193, с. 397-496].

Важным способом управления обществом и контроля над его организацией были установленные тарифы, ставки и коэффициенты заработной платы. Они устанавливались для конкретных территорий. Особое место в этом звене занимали инструкции-нормативы по численности учебных и лечебных мест, нормы по койко-местам в больницах, например, в городе и сельской местности, жилья для разных категорий работающих и т.д. Хотя советские люди не интересовались этими бюрократическим стандартами и, кроме специалистов, не знали их, но именно они, прописанные в документах, формировали их жизнь через потребительские нормы и, соответственно, устанавливали социальные идеалы в СССР [193, с. 397-496].

Назначение социально-экономических нормативов заключалось в основном в формировании желательной структуры благосостояния, создания определенных пропорций благополучия, и поэтому они охватывали сложные межотраслевые комплексы. В СССР действовали социальные гарантии, выполнявшие функции регулирования отношений до конца советской эпохи, но в разной степени они обеспечивали доступность норм потребления, которая зависела от вхождения в ту или иную социальную группу.

Таким образом, идеологическое оформление в виде формулы «трехчленки» было сакральным правилом всей советскости, и оно не могло подвергаться сомнению, в то время как группировка занятых в народном хозяйстве в отчетности могла меняться, в том числе и с целью владения властью информацией для принятия решений.

В публикациях в литературе раскрыта роль статики как регулирующая функция социальных процессов. Порядок отчетности «спускался» центральными органами на территории и представлял важнейший инструмент регулирования социальной стратификации советского общества. Органы статистики, с одной стороны, подтверждали политические установки, а с другой, в их функции входило предоставление объективных сведений для управления социальными процессами, в том числе по заработной плате, потреблению и т.д. В СССР был принят строгий информационный порядок как часть идеологического обеспечения социальной политики, он публично подтверждал главную политическую установку – отсутствие социального неравенства в СССР.

Дальний Восток как важнейший геополитический регион в СССР в таких документах иногда выделялся руководством, что давало некоторые идеологические преимущества для самоидентификации дальневосточников, включая региональное партийное и советское руководство.

1.6.2. Изменения в региональном партийно-административном аппарате как части политического класса управленцев

Номенклатурная элита со своим разветвленным аппаратом управления на территориях составляла особый тип бюрократии в СССР. Эта группа во многом определяла основную черту советской структуры. «Правящий (управляющий) класс»* не был однородным, он ранжировался на группы в зависимости от занимаемого места во властной иерархии, объема функциональных полномочий, в том числе по линии Центр – регион. Социальная политика была ориентирована на «воспроизводство» слоя управленцев как базовый элемент управления территориями. Система этого воспроизводства включала иерархический контроль и отдельные меры поощрения. Партийный и государственный аппарат в регионах являлся объектом внимания всех отделов главного политического органа – ЦК КПСС, но особенную функцию в этом процессе выполняли аппаратчики отдела административных органов ЦК партии. Кроме того, контроль над аппаратом велся и со стороны созданной еще в 1941 г Государственной штатной комиссии при СМ СССР. (Отделы и комиссия в течение последующего времени сами не раз подвергались реорганизациям).

Новой точкой отсчета изменений в области контроля над административно-управленческими кадрами на территории РСФСР в условиях либерализации политического режима стало создание Бюро ЦК КПСС по РСФСР (27 февраля 1956 г.). Этот орган предназначался для оперативного и конкретного руководства работой республиканских организаций, партийно-советского и хозяйственного аппарата РСФСР. (Но просуществовало Бюро всего десять лет, до 8 апреля 1966 г., ликвидировано по решению XXIII съезда КПСС). Бюро ЦК КПСС по РСФСР имело свои отделы, в том числе и по административным органам. Объединенный отдел

* В советской структуре термин класс идентичен содержанию понятию социальный слой, с учетом его ранжированости.

административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР был создан 14 марта 1956 г., но 20 декабря по постановлению Президиума ЦК был создан самостоятельный отдел административных органов ЦК КПСС по РСФСР, который курировал управленческий аппарат силовых структур. В него входили сектора: сектор органов государственной безопасности и охраны общественного порядка, сектор органов прокуратуры, суда и юстиции, секретариат отдела. Отдел следил не только за соблюдением кадровой политики и численностью управленцев в собственных структурах, но вносил серьезную лепту в «охрану» тезиса о «трехчленке» общества в СССР наряду с органами политической цензуры.

Хрущевские реформы создавали новые условия для развития номенклатуры и ее социальной базы на территориях – управленцев различного уровня, а именно: в сфере перераспределения полномочий. К началу 1960-х гг. стали отчетливо проявляться результаты осуществления принятых в 1955 г. документов: постановления СМ СССР «Об изменении порядка государственного планирования и финансирования хозяйства союзных республик», «О передаче решений некоторых вопросов Советам министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, городам республиканского подчинения», «О расширении прав директоров предприятий».

На материалах по Дальнему Востоку было доказано: в ходе реализации этих документов повысился статус хозяйственной номенклатуры в регионах, особенно директорского корпуса [126, с. 171, 178-181; 193, с. 353-354]. В ходе проведенного Хрущевым реформирования сохранилась иерархия подчиненности и диктат управленцев центрального уровня, в тоже время создание совнархозов стимулировало повышение роли хозяйственников на местах и дало старт фрагментации управленцев [10; 163].

Постоянные организационные новшества в начале 1960-х гг. дали свой социальный эффект: партийная бюрократия активизировалась, защищая свои интересы и ценности, среди которых не последнее место занимала

стабильность. Советская бюрократия проявляла это общее групповое свойство, но, естественно, в специфических формах. Например, реорганизация должностей, как правило, сопровождалась появлением инициатив с мест в виде просьб о введении новых ставок для партийных функционеров и повышении им зарплаты. Центр отвечал на эти запросы новыми ведомственными инструкциями, которые изменяли штатное расписание и повышали должностные оклады.

Команде «коллективного руководства» времени Хрущёва и в первые годы нахождения Брежнева на посту Генсека (должность ввели в 1966 г.), удавалось во многих ситуациях сдерживать «аппетиты» регионалов.

В первой половине 1960-х гг. в дальневосточном регионе активно работали партийные комиссии при крайкомах и обкомах КПСС. Они регулярно рассматривали персональные дела коммунистов, при этом в общей партийной статистке особенно выделялись те, кто занимал руководящую должность. Виды проступков членов КПСС, определенные еще при Сталине, в партийном делопроизводстве по-прежнему учитывались и контролировались. К ним относились «систематическое пьянство и нарушение трудовой дисциплины», «растраты и хищения социалистической собственности», «пьянство и бытовая распущенность» и проч. Так, случаи исключения из партии «за нарушение коммунистической морали» составляли до 70% от всех персональных дел коммунистов на Камчатке и в Приморском крае. В Магаданской области в 1961 г. парткомиссия, отметив рост числа исключенных из рядов КПСС «за моральное разложение в быту», «непартийное отношение к семье» настойчиво рекомендовала партбюро обратить внимание на поведение коммунистов из числа руководителей.

Партийный контроль над региональной бюрократией действовал благодаря сохранившейся со времен Сталина кадровой политике, которая оказалась всё-таки сакральной для реформатора Хрущева. В системе управления продолжали действовать принципы комплектования кадров, прежде всего, назначение «по принципу идеологического и политического

подбора». Профессионализм в 1960-е гг. считался делом наживным, это традиционно формировало мировоззренческие и поведенческие установки дальневосточного административно-управленческого аппарата как территориального социального слоя[126, с.171, 178-81].

Система управления в регионе держалась на людях с идеологическими идеалами, на дисциплинированных исполнителях. Такие личности составляли здесь управленческий актив. Но в начале 1960-х гг. при назначении на руководящую должность все чаще и чаще стал учитываться уровень образования претендента, хотя это совсем не означало, что на местах не действовал субъективный фактор[10; 163]. Особенно это прослеживалось при перестановке кадров. В системе назначений по мере усложнения производства на территориях росло значение профессионализма и управленческого опыта. Хотя скреплял социальную группу партийно-государственный служилый ментальный комплекс, который определял поведение управленца разного уровня, о чем в литературе имеется масса примеров. 1960–е годы можно назвать временем сохранения у большого числа работающих идеологической преданности и началом растущего профессионализма, основанного на культурно-техническом уровне и организационных требований тех лет. Но в номенклатуру попадали люди с разным набором качеств, что было связанно с субъективными ситуациями подбора кадров.

Не менее важно и то, что партийные органы на местах оставались главными структурами, открывавшими карьерные возможности для советских людей, в том числе из класса «трудящихся», что обеспечивало лояльность людей к власти и социальную стабильность.

В тоже время политическая номенклатурная верхушка столкнулась с новым «вызовом», порождённым отказом от репрессивной чистки партийного аппарата. Так, простое расширение партийных рядов между XX и XXII съездами КПСС в дальневосточном регионе, как и в целом по стране, неизбежно девальвировало само звание коммуниста, поэтому оно должно было сопровождаться вертикальной мобильностью.

Работа в регионе использовалась как определенная ступень, но в крайне завуалированной форме. Продолжал использоваться традиционный аргумент «тяжёлой службы» на Дальнем Востоке, забирающей жизненные силы (что восходит еще к временам имперской России). Например, во многих ходатайствах дальневосточников мотивом перевода на другую работу выступали болезнь и необходимость смены климата и лечения в московских клиниках самого работника или членов его семьи.

В начале 1960-х гг. в условиях реформ перестановка кадров была характерным явлением. Сменяемость секретарей первичных партийных организаций союзных республик составила 20–27%. В целом по Дальнему Востоку в 1960–1964 гг. примерно 1/4 руководящих работников постоянно находились в стадии передвижений. По этой причине, избавившись от страха репрессий, советские партийно-государственные управленцы так и не получили уверенности в завтрашнем дне.

Политическая элита в годы лидерства Хрущева ввела и новое правило – «коллективное обсуждение и принятие общего решения», и многие «первые» на Дальнем Востоке старались его придерживаться. На практике это приводило к неоднозначным итогам, иногда к понижению персональной ответственности. Однако сохранялась тенденция относительно высокой личной исполнительности и дисциплины, и поддерживалась она не только идеологией, но и стремлением управленцев повысить свой карьерный статус. Именно такая стратегия поведения обеспечивала им путь по служебной лестнице. Большим наказанием для человека, находящегося на руководящей работе, было исключение из рядов КПСС, что также поддерживало партийную и производственную дисциплину. На номенклатурных должностях, а также в среднем звене трудились люди старой закалки, искренне преданные идеологии и государственным приоритетам[193; 126, с. 171, 178-181].

Во многих ситуациях бюрократия вынуждена была по-прежнему приспосабливаться к хозяйственному механизму и неформальным правилам поведения. Так, продолжали расширяться различные неформальные формы

отношений в управленческой среде, например, традиции «приветливости» местных кадров в отношении проверяющих чиновников из центральных министерств и ведомств.

В 1960-е гг. руководители разных рангов, вынужденные приспосабливаться к постоянным реорганизациям, в условиях либерализации политического режима постепенно утрачивали чувство страха перед наказанием по партийной линии. Реформы Хрущева дали старт эволюции господствующего класса на территориях. А последствия октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС показали бюрократии, что смена власти в Кремле уже не является для нее большой угрозой.

Новый партийный лидер Л.И. Брежнев и его соратники для укрепления авторитета у регионалов умело использовали фактор усталости от экспериментов Хрущева. После смещения последнего было принято решение восстановить управление экономикой по отраслевому принципу. Территориальный принцип сохранялся только в снабженческой деятельности. Это оказалось важным условием для укрепления роли снабженцев и работников торговли не только в номенклатурной среде, но в повседневной жизни местных сообществ. С помощью разных «партийных инструментов», новому составу Политбюро ЦК КПСС удалось консолидировать политический класс управленцев. 30 сентября 1965 г. появилось совместное постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об улучшении управления промышленностью». Власть потребовала не допускать впредь дробления единой отрасли по экономическим районам, особенно в условиях, «когда развитие промышленности идет по пути отраслевой специализации, образования новых отраслей и производств». Восстанавливались отраслевые органы управления, появились 17 союзно-республиканских органов управления, в ходе этого процесса происходила новая перегруппировка бюрократии.

Приход к власти нового лидера сопровождался не только возвратом к прежним структурам управления хозяйственным комплексом страны, но и

сменой стиля поведения высшей номенклатуры, что проецировалось на местный уровень. Поэтому даже в годы политической стабильности шло саморазвитие политически господствующего класса. Постепенно в партийный стиль управления входят публичные церемонии с новыми атрибутами, начиная от съездов и кончая собраниями, партийно-хозяйственными активами в краях и областях. Текущая деятельность работников аппарата, в том числе и на Дальнем Востоке, заключалась не только в организации социалистических соревнований, собраний, субботников, но и придании им формы пышных торжественных ритуалов. Местные газеты, радио, телевиденье обязательно должны были их освещать. Перед сеансами художественных фильмов шли официальные хроники, публицистические журналы и т.д.[193, с. 355-388]

К концу 1960-х гг. стали обнаруживаться факты падения исполнительской дисциплины среди управленцев на местах. При заслушивании отчетов крайкомов и обкомов в ЦК партии и непосредственно на территориях поднимались вопросы исполнения политических директив. Подобная озабоченность в традициях тех лет чаще всего высказывалась при очередном обсуждении актуального вопроса. В результате появлялись массовые дежурные документы «о задачах партийной организации края по укреплению партийной и государственной дисциплины и повышению ответственности кадров за порученное дело».

В ходе брежневских реформ управления (восстановление территориально-производственного принципа структуры партии, упразднение деления партийных организаций на сельскохозяйственные и промышленные, ликвидация совнархозов) провинциальная партийная бюрократия получила свои уступки. Так, решениями XXIII съезда КПСС значительно расширилось число первичных организаций, работавших на правах райкома партии, соответственно возрастало число освобождённых секретарей, призванных контролировать поведение хозяйственников и весь ход реализации социальных мероприятий. Если в 1961 г. в Приморье только 51 организация имела парткомы, то в 1966 г. их стало 142, в 1970 г. – 202, к 1985 г. – 264. К

заметным тенденциям нового периода следует отнести и рекрутирование региональной элиты в состав Секретариата ЦК КПСС. Так, из Приморского края за 15 лет (1969–1984 гг.) на работу в Москву было переведено 250 чел. Дальневосточники из числа хозяйственников также пополняли аппараты министерств[193, с. 356].

Брежнев стремился внедрить новые правила: обеспечить послушность партийно-государственной и хозяйственной бюрократии на территориях не устрашением, как Сталин, и не постоянными перестановками и реорганизациями, как Хрущёв, а согласием с ней. Эту новую политическую стратегию можно обозначить как «брежневский консенсус». «Брежневский консенсус» подразумевал карьерную стабильность большей части управленческого аппарата. Если и допускалась динамика, то восходящая или, по крайней мере, горизонтальная. Кадровые перестановки, происходившие при нем, в малой степени затрагивали интересы номенклатуры. Отставки, если и случались, то увольняемому начальнику обеспечивалось достойное место в административно-хозяйственных органах или посольствах. Возобладавшая политика «баланса интересов» между различными сегментами бюрократии должна была способствовать общей стабильности системы. Так создавалась «сеть доверия»[206], состоявшая из членов бюрократии, призванная обеспечивать взаимную лояльность и исключать появление внутрисистемных оппонентов правящей верхушке. Она охватывала и региональный сегмент элиты, влияя на взаимоотношения по оси Центр-периферия. Если визиты Хрущёва в регионы воспринимались как приезд «строгого ревизора», то поездки Брежнева, напротив, являлись демонстрацией единства с бюрократией на местах[15].

Но все эти рациональные соображения не смогли заслонить собой другого неуклонно развивающегося и во многом объективного процесса: были

[15] Медведев Р. Личность и эпоха: Политический портрет Л.И. Брежнева. Кн. 1. М.: Изд-во «Новости», 1991. С. 277.

успешно преодолены хрущёвские новации, призванные не допустить окостенения управленческой системы.

Неизбежным результатом «брежневского консенсуса» стал кадровый застой, так как число статусных карьерных позиций в системе было ограничено. Это подтверждается и политическим долголетием дальневосточных первых секретарей в брежневский период. Например, А.К. Черный занимал высокие ответственные посты в Хабаровском крае 29 лет (1969–1988), С.С. Авраменко возглавлял Амурскую область 21 год (1964–1985), а В.П. Ломакин – Приморский край 15 лет (1969–1984), по 15 лет руководили Камчатской областью М.А. Орлов (1956–1971) и Д.И. Качин (1971–1986). Немногим более динамичной была ротация первых секретарей Сахалинской и Магаданской областей. В составе секретарского корпуса на Дальнем Востоке основные перестановки были проведены в 1969–1971 гг. Кадровая стабильность в верхних эшелонах власти замедлила движение по всей иерархической вертикали управления. При этом не менее важно то, что приток «специалистов» на номенклатурные должности, число которых возрастало до начала 1970-х гг., начал заметно падать: с 31% от их общего числа в 1969–1973 гг. до 17% в середине 1980-х гг., уступив выходцам из «партхозактива». И если в середине 1950-х – начале 1960-х гг. среди тех, кто впервые занял номенклатурную должность, преобладали специалисты (их было 26%, а из «партхозактива» – 23%, то в середине 1980-х гг. – соответственно 17 и 57% [193, с. 358-359].

В дальневосточном регионе, хотя темпы обновления составов аппарата крайкомов и обкомов партии, включая заведующих отделами, замедлились, тем не менее, это звено находилось в движении за счет карьерного роста. Работники из периферийных органов приходили на должности заместителей и заведующих отделами, уходили на роли первых, вторых секретарей райкомов, горкомов партии. Стремление повыситься в должности выполняло важнейшую функцию саморегулирования в рядах партийно-советской бюрократии в регионе. Продолжалась практика перехода с партийной работы

на «советскую» и обратно. Дальневосточники наряду с другими регионалами переводились в центральные аппараты ведомств. Примеры и факты изложены в коллективной монографии[193, с. 358-359]. Среди добросовестно служивших Отечеству были и те, кто пришел в управленцы из политзаключенных. Так, В.А. Шмелева отправили в ссылку на Колыму из лагерей Карелии в 1939 г., где через пять месяцев освободили. В 1959 г. он вступил в ряды КПСС и был назначен директором совхоза «Дукча». За шесть лет этот совхоз превратился в крупное специализированное птицеводческое хозяйство (в 1978 г. улица Синегорская в пос. Дукча была переименована в им. В.А. Шмелева).

Имя Н.И. Сазыкина – директора Арсеньевского машиностроительного завода «Прогресс» (Приморский край), Героя Социалистического Труда (1963), лауреата Ленинской премии (1976), Почётного гражданина Арсеньева – известно многим приморцам. Трудовую деятельность начал с должности главного технолога, был начальником производства. С 1959 г. и до своей кончины в 1976 г. был директором авиапредприятия, — организатор выпуска учебно-тренировочных самолетов У-2, Як-18, Як-18ПМ, на которых современные пилоты завоевали немало призов на международных соревнованиях, а также самолетов для местных пассажирских авиалиний Ан-14 «Пчелка», планёров «Пионер» и «Приморец», аэросаней «Север-2», пилотажного самолета международного класса Як-50, который охотно покупали за рубежом. При самом активном участии Сазыкина возводился г. Арсеньев, строились школы, жилые дома и детсады, сооружался Дворец культуры, стадион и бассейн.

Другой представитель директорского корпуса Г.В. Петросянц, пройдя путь от рабочего до крупного организатора цементного производства, внес большой вклад в развитие цементной промышленности. В 1953 г. Министерство промстройматериалов СССР утвердило его в должности директора Спасского цементного завода, на которой он проработал 28 лет. Основной упор во всей практической работе он делал на внедрение в

цементное производство новой техники, первых опытных образцов оборудования, новейшей технологии. Из года в год каждую пятилетку Спасский завод беспрерывно обеспечивал рост выпуска цемента. В 1971 г. Г.В. Петросянцу было присвоено звание Героя Социалистического труда. В 1971—1977 гг. под его руководством осуществлялось строительство двух технологических линий Ново-Спасского цементного завода. В 1974 г. после создания производственного объединения «Спасскцемент» Петросянц назначен его генеральным директором, проработал в этой должности до выхода на пенсию в 1981 г.

Во второй половине 1960-х – 1970-е гг. номенклатурное звено скреплялось общностью территориальных, идеологических интересов рядовых партийцев и хозяйственных руководителей, но здесь происходили деформации, вызванные стремлением получать больше ресурсов при меньших плановых заданиях. Партийный аппарат без опоры на хозяйственников-управленцев как бы «повисал в воздухе». Многие исследователи на разном материале приходят к выводу, что основным содержанием позднего брежневского периода постепенно становилась имитация активности на всех уровнях советского общества – от бюрократии до широких слоёв трудящихся. Среди управленцев на Дальнем Востоке было много умелых организаторов, воспитанных в духе преданности своему партийному долгу

Система подбора кадров не только заставляла выполнять конкретные указания крайкома или обкома, плановые задания, но и регулировала внутригрупповые отношения. Одним из инструментов регулирования внутригрупповых отношений в регионе был ресурс режима «ручного управления», но был ограничен – бывали сбои. Слабым его звеном оказалась девальвация идеологических ценностей в среде партийно-государственного аппарата, внутренние скрепы которого начали разрушаться. С 1970-х гг. партийными руководителями Дальнего Востока начинает осознаваться проблема ослабления исполнительности как угроза главному инструменту реализации политических установок – выполнению заданий хозяйственного

развития. Это выливается в новую волну критики по партийной вертикали за снижение темпов роста производства, незавершенность строительства, распыленность капиталовложений, долгострой. Например, такой метод части использовал А.К. Черный. В 1971–1973 гг. он жестко критиковал руководство ЕАО, когда 20% предприятий области не выполняло планы по росту производительности труда. Осознание региональной партийной властью роста негативных тенденций в экономической и социальной сферах хорошо отражено в применяемой первыми секретарями тех лет терминологии. Например, ситуация в сельском хозяйстве часто оценивалась ими как «допущенные провалы», «топтание на местах», «отсутствие какого-либо движения вперед» и т.д. А.К. Черный в выступлении на одном из партийных мероприятий употребил термин «обезличивание» в ответственности, четко сформулировал распространение такой черты в деятельности многих партийных руководителей как «преобладание метода призыва, но отсутствия конкретной работы».

Во внутренней партийной жизни члены КПСС все чаще нарушали и правила поведения, типичным становились факты срыва сроков проведения собраний, уплаты членских взносов. А.К. Черный, «делая разнос» руководителем ЕАО, гневно спрашивал у них: «Трудно в плохую погоду получить хороший урожай, но почему нельзя обеспечить своевременный сбор партийных взносов?». Уже во второй половине 1970-х гг. начинают упоминаться факты текучести кадров-руководителей, входящих в номенклатуру крайкомов и обкомов, особенно директоров совхозов. Во многих выступлениях партийных секретарей разного уровня звучала озабоченность тем, что членство в КПСС перестает быть ресурсом мобилизации и исполнительности.

По мере приближения к 1980 гг. Программа КПСС превращалась всё более из средства легитимации власти и идеологического орудия мобилизации общества в своеобразный элемент дискредитации политического руководства и всей советской системы. Отчасти на смену ей должна была прийти

Конституция 1977 г., которую вынесли на всенародное обсуждение. В такой процедуре принятия Конституции можно увидеть попытку партийной власти установить более прочную взаимосвязь с обществом. О том, что её не хватало, косвенно свидетельствует 6-я статья, провозглашавшая КПСС ядром политической системы. Эта статья – симптом ослабления, а не усиления правящей роли партии, попытка удержать и формально закрепить уже ускользавшую власть.

Разрыв между провозглашенными глобальными целями и повседневными реалиями вел к разрушению доверия к власти со стороны трудящихся, формированию в обществе ментального «комплекса двойных стандартов».

Но в социальной структуре региональные руководители, т.е. правители, занимали двойственное и неуязвимое положение, и это нашло свое выражения в сфере взаимоотношений Центр – регион. Стиль руководства Брежнева принес ему решающую поддержку региональных лидеров, с которыми он установил тесный контакт. Однако, постепенно стиль Брежнева в кадровой политике стал превращаться в разрушающий инструмент всего управляющего класса (сословия).

Замедление ротации кадров привело к непредвиденному политиками результату. Происходило замыкание в себе двух важнейших групп – партийно-советских управленцев и специалистов. Не только хозяйственники теряли перспективу входа в политическую власть, но и «политики» становились всё менее компетентными в хозяйственной жизни, так как экономика и общество развивались и усложнялись. В итоге управленческие провалы и следовавшие за ними экономические проблемы превращались в самодавлеющие факторы трансформации партийно-государственного аппарата. Это особенно проявилось в период вояжа Брежнева по Дальнему Востоку в 1978 г., когда виноватыми на проводимых совещаниях в местных проблемах признавались и Центр, и регионы (все вместе, но никто конкретно). Всё закончилось принятием крайне обтекаемого постановления, суть которого

заключалась в выделении ресурсов центральными ведомствами в обмен на организаторскую работу на местах.

По историческим меркам стремительный переход от репрессивной, но при этом динамичной управленческой системы в состояние дряхлой беспомощности имел в своей основе и более фундаментальный фактор, нежели «брежневский консенсус».

К 1960-м гг. руководство страны оказалось перед необходимостью обеспечения высокой экономической динамики и политической стабильности, которые были необходимы для роста уровня жизни и развития социальных отношении. То есть перед политиками стояла задача мобилизации общества, в том числе управленческого слоя на ударный труд в условиях демонтажа репрессивных механизмов, и Хрущёв попытался, но не смог или не успел до конца разрешить эту проблему. Её важность осознавалась и в более поздний период. Но в экономике страны появился «неожиданный влиятельный игрок» – нефть, что отодвинуло задачу мобилизации управленцев, в том числе и на местах, погрузило советскую бюрократию в состояние эйфории, увеличило возможности повышения своего благосостояния. Негативные процессы фрагментации партии и атрофии мобилизационных механизмов, выражавшиеся в повсеместном невыполнении планов, стали игнорироваться и компенсироваться нефтедолларами. Это способствовало деградации аппарата государственного управления, т.е. именно тогда был запущен механизм его саморазрушения.

Организационные перестановки, переименование структур в период Хрущева и Брежнева влияли на колебания численности политического класса управляющих и соответственно на их долю в структуре занятого населения[62, с. 23-25; 151; 153; 155; 156; 193, с. 365-370]. Слой, связанный в целом с руководством людьми, в 1960-е гг. составлял всего 5%, увеличившись только на 1% по сравнению с 1950-ми гг.

Смена персонального состава руководящих работников на местах протекала постоянно, но численный рост на общем фоне увеличения всех

занятых в народном хозяйстве оказался незначительным. Поэтому основным показателем трансформации можно считать изменения, связанные с ростом расходов на содержание управленческого сословия. Причем это было подмечено и современниками, в частности, специалистами Госплана СССР, вскоре после утверждения на посту генсека Брежнева. Осенью 1966 г. под председательством руководителя Госплана СССР Н.К. Байбакова создали комиссию по экономии государственных средств, которая предприняла смелые для своего времени попытки найти способы сокращения расходов на содержание государственной администрации. Сначала предлагалась уменьшить их до 1015 млн. руб., но после длительного политического торга все его участники согласились на 905,3 млн. руб. На практике было сокращено лишь незначительное число советских чиновников[16]. В 1966 г. Комитет государственного контроля предложил также упразднить некоторые привилегии для высших чинов и «бил тревогу» о том, что за пять лет число административных кадров возросло на 24%, составив в общей сложности 7 млн чел., при этом фонд заработной платы возрос до 13 млрд руб. Но советская бюрократия вновь проявила жизнеспособность к увеличению и усилению своей роли в советском обществе.

«Охранительная политика» высшей бюрократии в СССР постепенно привела к тому, что деятельность комиссии Байбакова, которая занималась «ликвидацией убытков», превратилась в менее агрессивную форму – занялась разработкой мероприятий по экономии государственных средств. Перед переписью 1970 г. в СССР фигурировали данные о 8 млн служащих государственных органах, из них 2,5 млн, т.е. 31% от всех занятых в народном хозяйстве, считались начальниками. После проведения переписи в СССР картина изменилась – соответственно 13 млн и 4,4 млн. чел., 33%. При такой структуре верхушка правящего класса в СССР была немногочисленной: она составляла примерно 2 500 чел., а непосредственно правящая элита – около 1

[16] Левин М. Советский век / пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. М.: Изд-во Европа, 2008. С. 557, 563–565.

тыс.[17] В последнюю входили члены политбюро, главы партийных аппаратов центрального и республиканского уровней, секретари обкомов и крайкомов. Непосредственные руководители предприятий и учреждений с их заместителями составляли примерно ¼ всего краевого административно-управленческого аппарата.

На Дальнем Востоке в 1970–1975 гг. среднегодовые темпы роста численности аппаратов государственного и хозяйственного управления и общественных организаций (партийных, комсомольских и профсоюзных) были выше, чем рабочих и служащих; доля первых на территории Хабаровского, Приморского краев и Амурской области в общей численности занятых выросла незначительно, а в Магаданской области даже незначительно уменьшилась, хотя по абсолютным показателям наблюдалась тенденция к увеличению[126, с.50-52].

К сожалению, имеющиеся сведения не позволяют более четко представить динамику численности, но некоторые тенденции прослеживаются. В брежневский период постепенно увеличилась номенклатура должностей в партийных органах, росла общая численность партийной бюрократии и в дальневосточном регионе, в том числе за счет создания новых партийных аппаратов. Но в среднем численность номенклатуры краевого или областного уровня на Дальнем Востоке колебалась в интервале 8800–9000 тыс. чел. Можно сказать, это была верхушка управленческого слоя непосредственно на территории.

Проводившиеся кампании по регулированию численности управленческих кадров в 1970-е гг. все-таки сдерживали ее рост непосредственно на местах. Там слой управленцев в 1960–1970-е гг. был представлен в основном двумя группами: 1) лица, занятые в партийных, государственных органах, профсоюзных и комсомольских органах; 2) руководители предприятий и организаций, колхозов, совхозов, капитаны

[17] Левин М. Советский век … 563–565.

судов, их заместители, начальники подразделений, смен, цехов, мастера, прорабы и т.д.

Управленцы учитывались органами статистики по профессиональному и отраслевому составу. В 1970-е гг. усложнились формы статистической отчетности, что еще больше затрудняет точное определение численности административно-управленческого аппарата. Например, форма «8а» включала директоров, заведующих, заместителей, инженеров. Однако, если инженер «сидел» в фабричном административном здании и занимался планированием, то он входил в управленческий аппарат, но если непосредственно в цеху, то нет. И здесь начинает работать уже другая форма отчетности – группировка на основе понятия «служащих».

Советские служащие – это крайне размытый, нечетко обозначенный слой общества, в него входили управленцы, которые по своей социальной роли и функциям на производстве и в государственном аппарате представляли мелкую бюрократию. Отдельные ее представители, двигаясь по карьерной лестнице, проникли в ряды «управляющих» и могли достичь статуса «руководящих кадров». В слой служащих включался и младший обслуживающий персонал, но который по роду своего занятия, участию в производстве был ближе к рабочим и фактически относился к трудящимся. Советское «изобретение» понятия «служащих» в государственном обиходе и делопроизводстве использовалось властью как охранительный инструмент социально-политической стабильности. Он выполнял функцию сокрытия от общества настоящей информации по дифференциации заработной платы.

Но это вовсе не означало, что отсутствовал политический контроль над размерами заработной платы, разных типов льгот (в том числе ведомственных, территориальных), норм потребления, дифференцированных социальных стандартов служащих. Положение служащих могло зависеть от территории проживания и отраслевой занятости. Особенность структурных социальных изменений 1970-х гг. состояла в росте сети различных снабженческих

организаций и численности «снабженцев», которых следует включить в состав управленцев, ибо они обладали множеством ресурсов.

Для характеристики политического господствующего класса, начиная со второй половины 1960-х гг., важен не столько количественный срез, сколько смена у него ценностей и отношения к исполнению своих функций. За внешним соблюдением идеологических норм поведения, что выражалось в речах, докладах, преамбулах документов, тезисах о ведущей роли партийных организаций, скрывалась картина девальвации идеологических скреп и рост потребительских ценностей[См. подробно: 193, с. 343-350; 30].

Для территориальной группы управленцев все более приоритетное значение приобретали материальные ценности, о чем свидетельствуют обращения райкомов партии в крайкомы с просьбами о повышении заработной платы номенклатурных работников, которые имели место со второй половины 1960-х гг. С такими ходатайствами в Приморский крайком КПСС обращались из Кировского, Иманского (Дальнереченского), Красноармейского райкомов. Приморский крайком КПСС неоднократно выходил на Управление делами ЦК КПСС с вопросами о дополнительных штатах освобожденных партийных работников. В целом фонд заработной платы краевой партийной номенклатуре в крае был увеличен[5; 35]. В 1970-е гг. в Хабаровском крае были образованы новые партийные органы: Ванинский, Ленинский и Центральный райкомы КПСС в г. Комсомольске-на-Амуре, Амурский райком партии преобразовали в горком. В связи со строительством БАМа ЦК партии увеличил численный состав аппаратов Верхнебуреинского и Комсомольского райкома КПСС.

В результате этих и других мероприятий на Дальнем Востоке увеличивается удельный вес управленцев в общем составе занятого населения, что соответствовало общей тенденции по стране. За 1976–1980 гг. управленческий персонал в РСФСР увеличился на 1114 тыс. чел., в том числе по хозяйству республиканского подчинения – на 569 тыс. чел. или на 13%.

Рост численности этой категории опережал рост рабочих во всех отраслях народного хозяйства.

Если в 1960-е гг. доля управленцев в составе занятого населения колебалась в интервале 7–15%, то в 1970 г. она выросла до 15,3%, а в 1985 г. достигла 16%. В 1975 г. в промышленности Дальнего Востока (подчинения РСФСР) доля работников аппарата составляла 11,8%, в 1980 г. – 12,6%, а на предприятиях Минсельстроя достигала соответственно 18,6 и 20,2%. К середине 1980-х гг. управленческий аппарат в СССР насчитывал 18 млн. чел., на его содержание ежегодно тратилось более 40 млрд. руб. В 1980-е гг. один управленец в среднем по РСФСР приходился на 4,8 рабочих, на Дальнем Востоке – на 4.[193, с.365-371]

Одной из основных ценностей управленца является карьерный рост. Номенклатурные правила его регулирования по мере развития «брежневского консенсуса» укрепляли неформальную социальную среду окружения руководителей и являлись главным «двигателем» изменения статуса в иерархии властных отношений по вертикали. Карьерный рост, прежде всего, расширял доступность к материальным благам в виде набора привилегий и возможности получения или улучшения жилищных условий и должностных окладов. Личный статус управленца мог меняться при определенных жизненных обстоятельствах как за счет умения понравиться партийным руководителям, способностей проявить идеологические взгляды, так и благодаря своим профессиональным и трудовым успехам или наличию образования. Повсеместно действовал порядок разных партийных разнарядок по распределению материальных благ. Часть из них обеспечивалась сетью снабженческих организаций. «Снабженцы» – это социально-профессиональная группа в СССР, без которой не могла бы существовать система номенклатурных преференций, их следует включить в состав управленцев, ибо они обладали множеством ресурсов. Специфика 1960–1970-х гг. состояла не в численной динамике, а в том, что снабженцы еще контролировались партийной бюрократией на местах.

По мере усложнения технологических процессов, численного роста занятых на предприятиях в регионах политическая элита стала обращать особое внимание на образовательный уровень управленцев как важнейшее условие для продвижения и выполнения функций. Информация об образовании в личном деле претендента становились важным моментом в его политической карьере. Сведения по Дальнему Востоку показывают, что подавляющая часть тех, кто проходил по номенклатуре крайкомов и обкомов, имели уже в основном высшее или среднее специальное образование. Если в 1950-е гг. партноменклатурные работники на местах по уровню образования отставали от столичных, то, начиная с 1960-х гг., это различие постепенно нивелировалось. В 1970-е гг. образовательный уровень политической верхушки в дальневосточных краях и областях соответствовал стандартам и нормативам, принятым в данной социальной среде. Например, в 1970 г. в Приморье и на Сахалине среди местной партийной номенклатуры, в частности секретарей горкомов и райкомов партии, 98% имели высшее и неполное высшее образование. В Амурской области такой образовательный уровень был характерен для почти 99% партийно-советской бюрократии. Такая же картина наблюдалась в Хабаровском крае[19; 50].

Таким образом, точкой отсчета активных перемен в ценностях регионального партийно-государственного аппарата как части советской бюрократии можно считать 70-е годы. К середине 1980-хгг. ответственные работники-идеологи оказались во втором эшелоне, руководители в основном были представлены выходцами из рядов инженеров, экономистов и педагогов. Наступало время прагматиков. По таким характеристикам на одном из первых мест на Дальнем Востоке стояли управленцы Приморья, где 77% от входящих в номенклатуру крайкома являлись специалистами промышленности и сельского хозяйства. Близкие показатели были в Хабаровском крае и Сахалинской области.

Однако в начале 1970-х гг. среди руководителей-дальневосточников с высшим образованием существовал своеобразный «рудимент»: половина из

них имела высшее партийно-политическое образование. Центром его получения в регионе была Высшая партийная школа в Хабаровске, где изучались такие специальности, как экономика промышленности, управление экономикой города, управление сельским хозяйством, мастерство публичных выступлений, философия, политэкономия, научный коммунизм. Как пишет один из слушателей, «здесь получали второе высшее образование». На фоне быстрого роста образовательного уровня руководителей на Дальнем Востоке парадоксально выглядела ситуация: численность специалистов с высшим и средним образованием в расчете на 1 тыс. чел., работавших в народном хозяйстве, была выше среднего по республике, но образовательный уровень руководителей на промышленных предприятиях юга Дальнего Востока оказался несколько ниже, чем РСФСР. Режим «ручного управления» Брежнева все-таки сдерживал саморазвитие управленческого сословия в регионе. Таким образом, начиная с 1960-х гг., в социальных перемещениях дальневосточников достаточно быстро возрастала роль высшего образования, лица, обладавшие им, составляли около 40% всего занятого населения региона, хотя темпы роста их численности в 1979–1989 гг. несколько замедлились. Повышение образовательного уровня у представителей господствующего класса – один из основных признаков социальных изменений в региональном сообществе, высшее образование становилось одним из главных факторов укрепления позиций управленческого сословия на местах.

Другим изменением в этом сословии было омоложение кадров, которое также началось в 1970-егг. К середине 1980-х гг. примерно 1/3 номенклатурных работников находилась в возрасте до 40 лет[*]. Властные органы пополнялись людьми, чья юность пришлась на годы «оттепели» и время формирования приоритета материальных ценностей, городских стандартов.

[*] Точных данных по всем крайкомам и обкомам нет, приведенные данные являются расчетными.

Процесс урбанизации дал толчок социальным и культурным изменениям в правящем политическом классе, втягивал в свою орбиту и отдаленные от центра территориальные общности, каким являлось дальневосточное. В регионе развитие партийно-государственного сословия как структурной части советского общества шло в рамках общих союзных тенденций. Унификация этого процесса по линии Центр – регион составляла основной вектор советской трансформации политически господствующего класса. Тем не менее, он оставался неоднородным, напоминая «слоеный пирог», как, впрочем, и все советское общество.

5.3 «Трудящиеся» или класс управляемых: изменения в отраслевой и профессиональной структуре (1960–1985 гг.)

Начиная с 1960-х гг., одной из ведущих социально-экономических тенденций в СССР становится урбанизация периферийных регионов. Дальний Восток в этом плане еще с 1930-х гг. шел опережающими темпами под влиянием интегрированных государственных мер по хозяйственному освоению восточных территорий, что имело для страны не только экономическое, но и геополитическое значение. В 1960–1980-е гг. этот процесс продолжился на основе поздней советской индустриализации, но темпы его замедлились и стали выравниваться относительно других регионов.

Урбанизация проходила по противоречивому сценарию, тем не менее, она ускорила изменения в структуре всего дальневосточного сообщества, внесла новые элементы и в повседневную жизнь представителей класса «трудящихся». В регионе, где доминировала реализации стратегии промышленного развития, население продолжало увеличиваться в результате, миграционного притока в городскую местность как из других территорий, так и из собственных сел. На Дальнем Востоке изменения в отраслевой и профессиональной структуре проходили весьма интенсивно.

Важнейшими факторами стали уход с исторической арены принудительных миграций и «десталинизация» трудовых отношений[238]. Уже в начале в 1960-х гг., они толчок развитию элементов спонтанности и стихийности в составе «класса управляемых». Урбанизация на Дальнем Востоке России проходила с вмешательством партийных и советских органов: идеологический тезис о ведущей роли в обществе рабочего класса поддерживался регулированием материальных стимулов.

Изменения в составе рабочих, как основной группы трудящихся. Если рассматривать историю советского общества с позиций классической социальной истории, то численные изменения в составе рабочих в регионе во второй половине XX в. в значительной степени свидетельствуют о процессе трансформации. Перепись 1959 г. зафиксировала рост удельного веса рабочих в СССР по сравнению с 1939 г. На территории Дальнего Востока наблюдалась эта же тенденция, доля рабочих в структуре занятого населения в 1959 г. достигла 65,3% (в РСФСР – 55,4%). Соответственно произошло уменьшение доли служащих с 31% до 26,8%, хотя абсолютная численность служащих выросла. В конце 1950-х гг. в систему государственных предприятий местной промышленности были включены члены артелей промысловой кооперации. Сами артели были преобразованы в предприятия по выпуску товаров народного потребления, а их работники перешли в категорию «рабочие». Доля населения, приписанного к группе колхозного крестьянства и кооперативных кустарей, в указанный межпереписной период на Дальнем Востоке сократилась с 17,3 до 7,9% , в РСФСР – с 47,2 до 24,2%.

Среднегодовая численность рабочих и служащих в дальневосточном регионе (без Якутии) в 1960 г. составила 1 620 тыс. чел., в том числе: в Камчатской области – 91 тыс., Магаданской области – 137 тыс., Амурской области – 218 тыс., Сахалинской области – 261 тыс., Хабаровском крае – 439 тыс., Приморье – 474 тыс. чел.

Изменения в социальном «портрете» рабочих в 1960–1970-х гг. на Дальнем Востоке имели некоторые особенности, которые во многом

определялись хозяйственным статусом, отведенным ему Центром, – быть «добытчиком» природных ресурсов. Влияние территориального фактора в сочетании с политическими преобразованиями особенно ярко проявилось в социальном облике трудящихся на Северо-Востоке (включая Камчатку) и островной области – Сахалинской.

В планах советского руководства индустриализация 60-х годов должна была проходить на базе строительства новых предприятий. В конце 1950-х гг. руководство Магаданской области при мощной поддержке Центра провело комплекс мероприятий по переходу на вольнонаемный принцип обеспечения кадрами, что совпало с введением совнархозовской системы управления. Сам переход к новым трудовым отношениям и управленческим структурам с учетом задач хозяйственного освоения оказался достаточно серьезной реформой, результаты которой не всегда оправдывали надежд рабочих.

Но в целом в Северо-Восточном совнархозе (Магаданском и Якутском) формировалась уже иная производственная и идеологическая атмосфера, чем была в середине 1950-х гг. Колоссальная работа в совнархозовский период проводилась по внедрению новой техники и технологий, при этом практически не использовались зарубежные образцы. Наряду с техникой и оборудованием, доставлявшимися из центральных районов страны (бульдозеры, экскаваторы, перфораторы, оборудование обогатительных фабрик), Существенную поддержку золото- и оловодобывающим предприятиям оказывали ученые: на всех рудниках и приисках работали сотрудники ВНИИ–1, позитивным оказался опыт организации научно-производственной площадки на прииск “Экспериментальный”. На предприятиях совнархоза активно проводились меры по обучению горняков. На основе измененных правил оформления трудовых отношений в производство вовлекались новые кадры рабочих. С 1957 г. до середины 1960-х гг. было организовано 19 новых золотодобывающих приисков и ликвидировано 5 старых предприятий. Всё это в совокупности с улучшением социально-бытовой сферы создавало условия для формирования у рабочих

намерения работать на Северо-Востоке более длительный период. Хотя текучесть кадров на предприятиях продолжала оставаться высокой.

Для населения Магаданской области важнейшими событиями стало строительство новых объектов, в частности, завершение в 1959 г. Иультинского горно-обогатительного комбината по добыче олова и вольфрама (стройка велась с 1946 г.). В его состав вошли рудник, обогатительная фабрика, строительные и монтажные участки, жилищно-коммунальное хозяйство поселков Иультин и Эгвекинот, др. объекты. С этого времени оловянно-вольфрамовая промышленность стала второй после золотодобычи специализацией горнодобывающего комплекса области, в котором было занято 46,1% работников промышленност. Они-то и формировали производственную и повседневную культуру в поселках и приисках.

Особую профессиональную группу трудящихся на Северо-Востоке составляли геологи, работавшие в сложнейших условиях. Отличались своим статусом и образом жизни старатели, добывавшие драгметаллы вне государственных предприятий. Это была непостоянная и многоликая группа, которую составляли и отпускники государственных предприятий, и прибывшие на Колыму по собственной инициативе, и бывшие заключенные, и др. категории людей, мотивированные на более высокие заработки.

Реформа управления промышленностью также отражалась на повседневной жизни трудящихся, но это происходило опосредовано через оплату и условия труда, изменения социально-бытового обслуживания и т.д. В 1962 г. на основе слияния Магаданского и Якутского совнархозов возник единый Северо-восточный совнархоз с центром в г. Магадане, где с этого времени началось активное промышленное строительство. В состав совнархоза на 1 января 1963 г. входило 126 промышленных предприятий, 49 подрядных строительных организаций, 38 геологоразведочных организаций, 97 торговых и сельскохозяйственных организаций и один научно-исследовательский институт. Среднесписочная численность работников

совнархоза составила 115,6 тыс. чел., в том числе промышленно-производственного персонала – 63,7 тыс. чел., прочих – 51,8 тыс. В течение 1960–1965 гг. обстановка оставалась стабильной. Открылось 9 новых золотодобывающих приисков, пять из них – на Чукотке, по два – на Колыме и в Якутии. За 1963–1965 гг. в Северо-Восточном совнархозе не было закрыто ни одного металлодобывающего предприятия. За этот же период в Магадане вступили в строй 7 предприятий (шиноремонтные, завод-комбинат крупноблочного и крупнопанельного строительства, холодильник Управления рабочего снабжения и др.). Яркие страницы о специфике строительства на Колыме и Чукотке, о характере строительства горнорудных комбинатов содержатся в записках Р.И. Фаерштейна*.

Социальные изменения в рабочей среде на Северо-Востоке имели многослойный характер. В 1965 г. на новых предприятиях Магадана в основном трудились люди, перешедшие из других организаций города, но 20,3% вновь принятых прибывали из других населенных пунктов области – большей частью из Колымо-Магаданского района и Чукотского национального округа (1/3 работавших). Рабочие, приехавшие в Магадан из городов других регионов и республик, по данным социологов тех лет, составляли 25% обследуемых, из них по собственной инициативе – 44%, по оргнабору – 23%, после демобилизации –8%. Таким образом, можно говорить о смене состава рабочих, в том числе и за счет смены форм привлечения трудовых ресурсов. Происходило и обновление коллективов в результате притока молодежи из других регионов страны. На возрастную группу 20–29 лет в числе приезжих приходилось 40,7%, тогда как из районов Магаданской области перебирались в основном люди 44 лет и старше.

Социальный состав населения Магадана менялся в результате миграции из других регионов страны. Особенно это относилось к работникам, прибывавшим на новые предприятия по договору: как следствие, последние

* Фаерштейн Р.И. с 1967 по 1978 гг. руководил управлением капитальных вложений объединения «Северовостокзолото».

пополнялись кадрами с более высоким образовательным уровнем. Вместе с тем Магаданская область и Камчатка привлекали к себе и лиц с девиантным прошлым или «беглецов» от алиментов. Трудовые коллективы северян представляли собой особые сообщества, где в почете были и передовики из бывших заключенных, и приехавшие за «длинным рублем», и романтики из числа вербованных со своими специфическими установками и привычками. И даже общий образовательный уровень рабочих здесь зависел от стечения разных факторов, например, за счет мигрантов по оргнабору он понижался.

После отказа от использования труда заключенных в районы Чукотки прибыло много молодежи, демобилизованных солдат. В 1960-е гг. «рабочая» молодежь из других районов страны устремилась также на Камчатку и Сахалин, пополняя трудовые коллективы рыбной отрасл. Как заметил бывший первый секретарь Камчатского обкома партии П.П. Зиновьев, «это была внушительная созидательная сила». Росла численность рабочих, которые являлись комсомольцами и членами партии. В некоторых районах их доля составляла до 30% взрослого населения[193, с. 370-376].

1960-е годы – это время смены состава рабочих на Северо-Востоке и на Сахалине, наполненное противоречивыми тенденциями: с одной стороны, развивались разные формы повышения квалификации рабочих, повышалась производительность труда, а с другой – продолжалась большая текучесть кадров, сохранялись антисоциальные явления (хулиганство, пьянство). Но при всем этом работа, производство и стабильная зарплата для подавляющего числа рабочих в первой половине 1960-х гг. здесь были главными повседневными ориентирами.

Социальные изменения в составе трудящихся в регионе шли под влиянием и всей дальневосточной политики. Несмотря на то, что руководство страны рассматривало Дальний Восток, как единое социальное и

хозяйственное и экономическое пространство*, края и области отличались социальными показателями, в том числе темпами роста слоя рабочих. Особенности производства, типов поселений, а также отдельно проводимые политико-организационные мероприятия формировали специфические черты социального портрет трудящихся.

Изменения в составе «трудящихся» и численная их концентрация в городах и поселках происходили часто не только в силу промышленного развития, но и в результате проведения централизованных административных мер. Например, на Сахалине и Курилах была проведена реорганизация рыбацких колхозов, в результате началось переселение колхозников-рыбаков в города и поселки – Невельск, Холмск, Чехов, Озерск, Стародубское и др. Колхозники переводились в разряд рабочих в течение 1962–1964 гг. Только двумя постановлениями Сахалинского облисполкома в Курильском районе было исключено из списков населенных пунктов 57, в Северо-Курильском – 36, в Южно-Курильском – 89 поселков. Население Курильских островов за 11 лет (с 1959 по 1970 гг.) уменьшилось с 21,8 тыс. до 14,9 тыс. чел. В целом Сахалинская область оказалась единственной территорией Дальнего Востока, где, невзирая на довольно высокий естественный прирост, происходило сокращение численности населения. По подсчетам специалистов, за 35 послевоенных лет оно как бы четырежды полностью поменялось, что также отражалось на качественном составе рабочих. Но именно за счет миграции в 1960-е гг. островная область РСФСР оказалась наиболее урбанизированной территорией, и в последующее 30-летие здесь наблюдались уже низкие темпы прироста городского населения, значительную часть которых составляли рабочие[193, с. 75-376]. Проводимая переселенческая политика, будучи политическим инструментом увеличения численности рабочих, оказывала далеко неоднозначное влияние на состав рабочих и служащих. Стремление

* 26 апреля ЦК КПССС и СМ СССР утвердил сетку крупных экономических районов. На территории страны были выделены 19 экономических районов, в том числе дальневосточный.

управленцев любой ценой выполнить планы переселения оборачивались негативными явлениями: порой в число рабочих попадали далеко не лучшие кадры из других территорий[183, с. 210-215].

Таким образом, самым мощным фактором социальных изменений в составе рабочих оставался курс на продолжавшуюся индустриализацию как часть плана хозяйственного освоения территории. Элементом его новизны стало вовлечение в данный процесс Магаданской, Камчатской и Сахалинской областей в первой половине 1960-х гг. При этом повышенное внимание политического руководства страны нельзя считать слепым отражением завышенного оптимизма Центра – усилить значение дальневосточного региона в решении государственных задачи путем введения в хозяйственный оборот природных ресурсов. Это направление внутренней дальневосточной политики как в период лидерства Хрущева, так и во времена «раннего» Брежнева опиралось на возникшую благоприятную демографическую тенденцию тех лет и оптимистические результаты прибытия рабочих из других регионов. Политика формирования трудовых ресурсов обеспечивала численный рост рабочих на периферии страны.

На южных территориях Дальнего Востока также происходили изменения в составе рабочих, вызванные вводом в эксплуатацию десятков крупных предприятий, в числе которых – горно-обогатительный комбинат «Солнечный» в Хабаровском крае, Приморский горно-обогатительный комбинат, Ярославский комбинат по добыче плавикового шпата, а также созданием новых цехов на заводах Амурсталь, Дальсельмаш, Дальдизель, расширением Хрусталинского оловянного комбината и т.д.

Спецификой времени стал рост отрядов рабочих, занятых в энергетической отрасли региона и судоремонте. В Приморском и Хабаровском краях были сконцентрированы рабочие машиностроительной и металлообрабатывающей отраслей. Значительная часть трудящихся (в основном высокой квалификации) работала на заводах оборонного комплекса.

В период хозяйственного освоения первой половины 1960-х гг. повысилась роль рабочих, занятых на всех видах транспорта, хотя это проявлялось в регионе неравномерно (если судить по заработной плате). Весьма активно происходили изменения в среде рабочих-железнодорожников. В значительной степени это было следствием технического развития отрасли. На Дальневосточной железной дороге в 1959–1965 гг. начался переход на электрическую и тепловозную тягу. Протяженность электрифицированных железнодорожных линий в стране возросла с 9,8 до 24,9 тыс. км, а линий, обслуживаемых тепловозной тягой, – с 11,1 до 55 тыс. км. Из 20 тыс. км электрифицированных за эти годы линий, на Сибирь и Дальний Восток приходилось около 6 тыс. км, т.е. 1/3. Первый этап реализации программы реконструкции железнодорожного транспорта в регионе характеризовался переводом на электрическую тягу в 1962–1963 гг. участков дороги Надеждинская – Владивосток и Уссурийск – Надеждинская, общей протяженностью более 113 км. Дальневосточная железная дорога одна из первых внедрила прогрессивный метод – вождение поездов на удлиненных тяговых плечах. В сжатые сроки были решены сложные задачи по реконструкции цехов и переходу на новые виды тяги в Хабаровском локомотивном депо. Поскольку на начало работ в депо практически не было инженеров и техников с необходимой квалификацией, активно привлекались откомандированные специалисты с других дорог и выпускники западных вузов. Рабочие кадры также проходили переподготовку. Переход Дальневосточной железной дороги на новые виды тяги (на начало 1971 г. ими осуществлялось уже 96% объема перевозок), означал, что в этой отрасли рабочие и техники коренным образом изменили уровень своей квалификации. На Комсомольском отделении и дороге в целом социальный эффект имело сооружение уникальной морской железнодорожной паромной переправы Ванино – Холмск (1973), а также строительство мостового перехода через р. Амур у Комсомольска-на-Амуре (1975). На ДВЖД была проделана значительная работа по усилению станционного хозяйства и

приемоотправочных путей, произведена реконструкция ряда тоннелей, уложен дополнительный пучок сортировочных путей на станции Хабаровск-1, введены в действие 16 автостопов, что также потребовало роста профессионализма рабочих. В 1980 г. создана нечетная система станции Хабаровск-2, проведены реконструкция пути станции Владивосток, укладка вторых путей на участке Угловая – Находка. В 1974 г. была введена в эксплуатацию станция Бухта Врангеля, пропускная способность которой составила 6,3 млн. тонн в год. В 1975 г. станция получила новое название Находка-Восточная. Ей предстояло сыграть решающую роль в развитии экспортно-импортных перевозок со странами АТР.

Комплексная реконструкция железнодорожного транспорта стала возможна только при качественном труде и мастерстве работников отрасли, а также в результате прихода новых молодых кадров с соответствующей времени профессиональной подготовкой. Ежегодное количество выпускников профессионально-технических училищ в 1961–1985 гг. увеличилось с 462 до 1306 чел., т.е. почти втрое. Всего за рассматриваемый период железнодорожными училищами Дальнего Востока было подготовлено более 23 тыс. рабочих различных специальностей. Однако даже трехкратное увеличение числа рабочих, освоивших железнодорожную специальность в ПТУ и технических школах с 1961 по 1985 гг., не позволило до конца ликвидировать дефицит рабочих кадров некоторых специальностей.

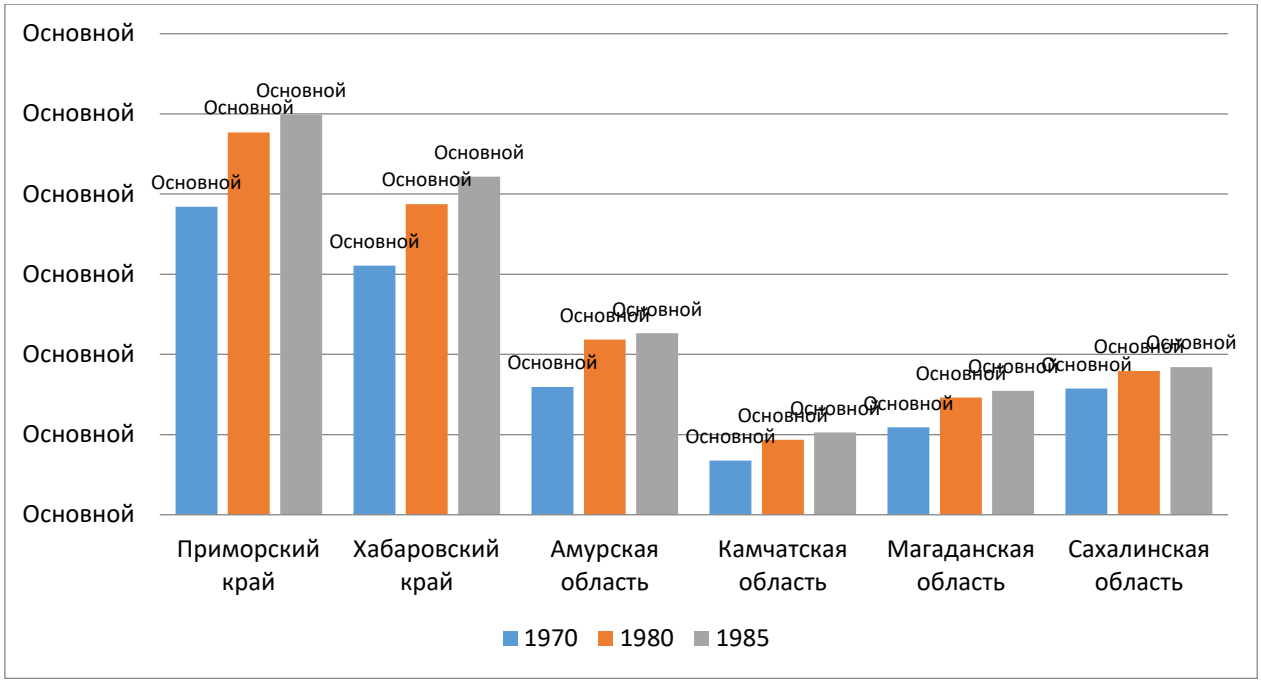
Период 1960-х – первой половины 1980-х гг. в регионе прошел под знаком строительства промышленных предприятий (в 1965–1985 гг. – около 500). Реализация индустриальной программы составляла основу обеспечения социальной стабильности. В самом курсе позднесоветской индустриализации просматривалась поддержка класса «трудящихся», это сопровождалось мерами по повышению профессионально-технического образования, регулированию численности рабочих, полной занятости, повышению заработной платы рабочим.

Специфика развития социальных процессов в регионе состояла в том, что обновление состава рабочих проходило под влиянием сложного и даже противоречивого комплекса условий. С одной стороны, за счет дальневосточной политики шло сохранение трудоспособного населения, значительную долю которого составляли рабочие, но среди прибывших кадров далеко не все обладали высокими профессиональными характеристиками, часть мигрантов отличалась прямо противоположными качествами. С другой стороны, власть, поддерживая т.н. систему дифференцированных льгот для дальневосточников, решала, прежде всего государственные задачи развития восточных территорий и одновременно использовала этот испытанный временем инструмент для регулирования численности рабочих. Правительство повышало заработную плату не только управленцам, но и рабочим, стимулируя их численный рост. Например, в структуре занятого населения Магаданской области доля рабочих в период между переписями 1959 и 1970 гг. увеличилась с 63,3 до 64,7%, а доля служащих – соответственно с 30,5 до 33,7%.

Процесс урбанизации отчетливо проявился и на Камчатке, где доля городского населения, в том числе и за счет роста рабочих, в данное десятилетие увеличилась с 64 до 76%[См.: 193, с. 376-384].

В 1970-е гг. на Дальнем Востоке были реализованы проекты разработки новых источников сырья, развития транспорта (морского, железнодорожного, воздушного), строительной индустрии, шло сооружение крупных промышленных объектов, интенсивное жилищное строительство. Стратегия Центра, направленная «на комплексное развитие производительных сил», способствовала численным изменениям в составе рабочих, а демографическое развитие в регионе и миграционная политика создавали условия для роста трудовых ресурсов на всех дальневосточных территориях, включая и наиболее развитые в промышленном отношении Приморский и Хабаровский края. (Рис.1.1).

Рисунок 1.1. – Среднегодовая численность рабочих и служащих на Дальнем Востоке в 1970-1985 гг. (без Якутии)



Примечание: Дальний Восток России: экономическое обозрение. Приложения. М.: Прогресс-комплекс Экопрос, 1993. С. 24–28.

В 1970 г. среднегодовая численность рабочих и служащих на Дальнем Востоке (без Якутии) составляла 2 376, 5 тыс. чел., в 1980 г. она достигла 3 004 тыс. В 1980–1985 гг. тенденция роста числа рабочих и служащих на Дальнем Востоке продолжалась, и их численность к с 1985 г. составила 3126,2 тыс. чел. Основная часть промышленных рабочих (около 65%) была сосредоточена в Приморском и Хабаровском краях, где получили развитие индустриальные отрасли. В остальных районах региона данная группа не превышала 8–10% от всего отряда дальневосточных рабочих. Если в Приморье среднегодовая численность рабочих и служащих в промышленности в 1965 г. составляла 625,7 тыс., то к 1985 г. – 997,7 тыс. чел., в Еврейской автономной области – соответственно 61 тыс. и более 81 тыс. чел.

Влияние внутриполитического и внешнего фактора на численный рост рабочих особенно ярко проявилось в 1970-е гг. в Амурской области. Партийное решение о реализации новых проектов, в частности строительства БАМа, вылилось в организацию общественных призывов молодых рабочих на

эти объекты. Если в 1959 г. среди занятого населения в регионе наибольшая доля рабочих была в Сахалинской области (71,1%), то в 1980-е гг. такой оказалась Амурская область (68%), хотя Приамурье всегда считалось территорией преимущественного развития сельского хозяйства.

Не менее важной политической мерой регулирования социальной структуры дальневосточного сообщества в 1960–1970-е гг. стала административно-организационная реформа – перевод колхозов в разряд совхозов. Власть, решая проблему продовольственного обеспечения в регионе, форсировала процесс раскрестьянивания, реализовала ряд политических решений по развитию совхозного производства, закрепив в социальной структуре статус рабочих совхозов. Идеология всего комплекса регулирования социальной структуры состояла в установлении конкретных заданий по стиранию различий в механизме оплаты труда промышленных рабочих и занятых в совхозах.

Одним из признаков поздней советской трансформации «класса управляемых» на Дальнем Востоке является зарождение тенденции неравномерного снижения доли рабочих в структуре занятого населения как по территориям, так и во времени. В 1970-е гг. продолжала расти численность занятых на транспорте, в строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании, при этом среднегодовая численность работников образования и здравоохранения оставалась примерно на одном уровне. В 1960–1970 г. удельный вес рабочих сократился на 1%, а в 1971–1979 гг. – только на 0,3%. В 1980–1985 гг. абсолютная численность промышленных рабочих также стала сокращаться, например, в Хабаровском крае – почти на 10 тыс. чел., на Камчатке – на 3 тыс., в Магаданской области – на 4 тыс. чел. [193, с. 371-385]. Снижение доли рабочих в составе занятого населения отражало объективный процесс изменений в производстве и технологиях. Но возникшая в стране саморегулирующаяся тенденция сокращения рабочих на Дальнем Востоке на протяжении последнего советского пятнадцатилетия сдерживалась строительством новых промышленных предприятий. В годы

перестройки процесс сокращения отряда рабочих стал следствием уже другого явления – оттока их с предприятий в связи с невыплатой зарплаты, поиска новых ниш занятости.

Хотя отмеченные выше тенденции признавались специалистами тех лет, и их анализ присутствовал в докладных министерств и ведомств в отраслевые отделы ЦК КПСС, тем не менее на партийных форумах разного уровня продолжал звучать рефреном тезис о ведущей роли рабочего класса. Политическая элита во времена Брежнева, реализуя политику социальной стабильности, вновь развернула кампанию по развитию производственной активности рабочих. В те годы идеологический постулат о ведущей роли рабочих не только поддерживался политически господствующим классом, но и в определенной степени стимулировал доверие к партийной власти. Контролирующие меры по регулированию зарплаты приветствовались рабочими-дальневосточниками. Традиционное отношение Центра к Дальнему Востоку как пограничной территории также обеспечивало некоторые преференции «классу трудящихся». Но, если в 1960-е гг. государство поддерживало рабочих определенных профессий и занятых в конкретных отраслях, выделяя приоритетные производства, то в 1970-е гг., инициируя курс уравнительности, оно стало все больше отходить от таких традиций.

Новый элемент регулирования социальных отношений вытекал из намерения политической команды Брежнева сохранить стабильность в обществе путем популистских мер, но противоречил экономическим задачам, которые это же правительство обозначило как приоритетные в 1970-е гг.

На «перекрестке» экономического курса, технологических проблем и распределительной социальной политики в СССР зарождается новое явление. И Дальний Восток не был исключением. С конца 1970-х гг. специалисты с высшим или средним специальным образованием начинают переходить на рабочие должности. Несомненно, усложнение техники, всей технологии производства, возникновение ряда новых специальностей с высоким содержанием интеллектуального труда стимулировало это явление.

Государственный комитет по труду и социальным вопросам СМ СССР в 1977 г. издал специальный «Перечень профессий рабочих высших разрядов, которым по уровню квалификации требуется среднее специальное образование»[18], куда вошли 380 рабочих профессий (литейщик, сварщик, строитель, машинист бетоноукладчика, монтажник оборудования деревообрабатывающих предприятий, электромонтажник по кабельным сетям и др.). Но существовало еще одно обстоятельство, которое ориентировало людей с высшим образованием на переход в рабочие – это падение престижности труда ИТР в связи со сложившейся практикой низких темпов роста заработной платы у этой категории служащих в сравнении с рабочими. Поскольку политика государства в те годы не была ориентирована на материальное стимулирование приобретения новых профессий, переход людей с высшим образованием на рабочие должности заполнял эту нишу. А система профессионально-технического образования еще не была сориентирована на подготовку кадров, способных работать с новейшей техникой. За 1959–1990 гг. ПТУ Дальнего Востока подготовили для различных отраслей экономики региона почти 1,3 млн. рабочих и служащих. По-прежнему главным направлением оставалось обучение кадров для промышленности и строительства массовым профессиям. В конце 80- годов XX в. ежегодный их выпуск составлял более 53 тыс. чел.

Квалификационные характеристики рабочих были зеркальным отражением серьезных проблем качественного порядка, связанных с выполнением планов технического перевооружения. При этом тема переобучения и повышения квалификации рабочих кадров постоянно находилась центре повестки партийных и хозяйственных управленцев на Дальнем Востоке. Неудачи внедрения новых технологий, оборудования фиксировались не только в регионе, но и в приоритетных направлениях других

[18] Постановление Госкомтруда СССР от 02.09.1977 № 288 // BestPravo.Ru. Законодательство России. URL: http://russia.bestpravo.ru/ussr/data03/tex14122.htm (дата обращения: 02.02.2015).

территорий. Так, была сорвана принятая в 1973 г. и рассчитанная до конца 1970-х гг. программа ускоренного развития производства нового оборудования. К 1979 г. ни один из запланированных в ней заводов в строй так и не вступил.

При этом отдельные направления НТР в СССР демонстрировали несомненные успехи. Общемировое значение имела советская космическая программа, позволившая открыть эру орбитальных станций, обеспечить прорыв в сфере межпланетных перелетов (Луна-16», «Луноход-1», «Марс 2-3» и пр.) и т.д. Знаковым событием времени стала совместная программа «Союз-Апполон» (1975). Вся страна, в том числе Дальний Восток, ощутила на себе появление в 1977 г. телевизионной системы «Орбита». Колоссальный рывок в развитии совершила атомная промышленность (во второй половине 1970-х гг. в СССР был налажен серийный выпуск «реакторов-миллионников»). В 1974–1976 гг. Северо-Восток стал площадкой строительства Билибинской атомной электроцентрали. Эта АЭС – образец комбинированного источника электрической и тепловой энергии, дает энергоснабжение промышленным объектам и поселкам в автономном режиме, первенец атомной энергетики в Заполярье, уникальное сооружение в центре Чукотки, обеспечивает и сейчас жизнедеятельность горнорудных и золотодобывающих предприятий Чукотки.

Технические достижения были достигнуты и в судостроении (например, атомный ледокол «Арктика» – построен в 1975 г., совершил поход к Северному полюсу в 1977 г.). Свое «второе рождение» в СССР пережило автомобилестроение (ВАЗ, КАМАЗ и т.д.). Даже в сфере электроники СССР были сделаны успехи, например, первые шаги робототехники. Но на фоне реализации общих прорывных индустриальных проектов Дальний Восток оказался менее развитой территорией, это означало, что в среде рабочих изменения, связанные с техническим прогрессом, происходили медленнее, чем в других регионах страны. Модернизационный импульс проявлялся лишь на отдельных предприятиях, преимущественно в оборонно-промышленном

комплексе. Знаковая в эпоху НТР задача сокращения доли ручного труда к середине 1980-х гг. осталась для Дальнего Востока одной из нерешенных, о чем свидетельствуют примеры флагманов дальневосточной промышленности. На Хабаровском заводе им. Горького удельный вес ручного труда в 1985 г. составлял 21,8%. Тяжелый ручной труд, сверхурочные работы, компенсировавшие простои из-за выхода из строя устаревшего оборудования, вели к высокой текучести кадров. В Приморском крае в 1985 г. доля работавших вручную на промышленных предприятиях с непрерывным процессом производства составляла на Ярославском горно-обогатительном комбинате –15%, в производственных объединениях «Дальполлиметал» и «Бор» – 34,3 и 16,2%, на Спасскцементе – 18%. Из 384 промышленных предприятий примерно 142 работали в одну смену из-за устаревшего оборудования, которое требовало постоянного ремонта.

Лишь отдельные примеры отражали «ответ» региона на вызов времени. На крупнейшем предприятии Дальдизель (г. Хабаровск) главным направлением повышения технического уровня было совершенствование технологии и автоматизации производственных процессов. В 1986 г. была установлена ЭВМ типа ЕС–1035-б для завершения третьей очереди АСУ и первой очереди корабельной АСУ. В производство внедрили два робота «БРИГ», семь станков с ЧПУ и др. Курс на одновременное закрепление роста производства, достигнутого в годы восьмой пятилетки путем интенсификации и внедрения новой техники, требовал другого гибкого сценария перераспределения всех ресурсов, а не уравнительности. Но правительство должно было выполнять свои социальные обещания, реализовать меры по «стиранию различий» как между Центром и территориями, так и отдельными группами в СССР.

Более заметными изменениями в структуре рабочих и целом в обществе на протяжении 1970-х – первой половины 1980-х гг. оказались подвижки в отраслевой структуре занятых. Увеличилась численность и доля рабочих пищевой и легкой промышленности, на эту группу приходилось до 17% от

всей численности промышленных рабочих в регионе. Количество рабочих, занятых в торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте повысилось более чем в два раза (удельный вес в общем составе рабочих приблизился к 10%), в жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании – почти в три раза (5%). Но по-прежнему наибольшее место в составе этой социальной группы занимали промышленные рабочие: от 26 до 33% в зависимости от отраслей, хотя их удельный вес постепенно уменьшался. В середине 1980-х гг. преобладающая их часть в регионе приходилась на машиностроителей и металлообработчиков, далее по нисходящей шли рабочие лесной промышленности и деревообработки.

Таким образом, преобладающие структурные тенденции свидетельствовали, что Дальний Восток развивался в рамках общих процессов: шло увеличение численности занятых в сфере обслуживания и т.н. непроизводственных отраслях. Вызревала тенденция сокращения различий между рабочими по территориальному признаку в сравнении западных и восточных регионов РСФСР.

Особенностью социальных изменений на Дальнем Востоке можно считать увеличение группы сельскохозяйственных рабочих. В 1980-е гг. они составляли уже 80% занятого населения в аграрном производстве региона и 10–11% от общего числа дальневосточных рабочих. Из них 70% было сосредоточено в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. Приметой времени следует назвать быстрый рост этой группы в Магаданской области (более чем в три раза за 20 лет).

По своему образу жизни и уровню оплаты труда, образованию и квалификации, набору профессий эта категория представляла особую группу в структуре сельского населения. Люди рабочих профессий – трактористы, комбайнеры, шоферы, операторы машинного доения, механизаторы-животноводы – формировали новый производственный слой в сельской местности. Эта социальная модернизация «сверху» имела двойственный

результат. Она не привела к особому прорыву в повышении эффективности и снижения затрат в аграрной сфере на Дальнем Востоке, как и в целом в РСФСР, но имела большие подвижки на структурном уровне, и, главное, резко увеличила нагрузку на советскую распределительную систему. Государство стало гарантировать новой группе рабочих доступ ко всем социальным благам, которые имели промышленные рабочие.

В дальнейшем начались непредвиденные последствия административных мер, направленных на расширение группы сельскохозяйственных рабочих: падение производительности труда и снижение мотивации к высокопроизводительному труду за счёт фиксированной заработной платы. Социальные отношения (работников совхозов и государства) порождали часто иждивенческие настроения у сельчан.

Стимулируя рост численности сельскохозяйственных рабочих, правительство в 1966–1975 гг. профинансировало все запланированные ранее капиталовложения: на развитие аграрного сектора выделено 213 млрд. руб.[151, с. 183] Реформирование социальной структуры сельского населения, исходившее из идеологии уравнительности, не смогло устранить быстро нарастающую тенденцию постоянного дефицита кадров рабочих в совхозном производстве Дальнего Востока. В 1980-е гг. из совхозов Приморья выбывало больше рабочих, чем прибывало. В Хабаровском крае доля работников, покинувших совхозы, составляла около 94% по отношению к числу прибывших. В регионе все совхозы испытывали дефицит рабочей силы из-за её текучести, коэффициент которой составлял 17% против 14% по РСФСР. И как следствие, развивался внутрихозяйственный патернализм[193, с. 383-384].

Не только политические меры стимулировали социальные изменения. В рассматриваемый период в дальневосточном регионе, как и целом в СССР, действовали также естественные императивы социальной модернизации. Это демографический фактор: в составе рабочих происходила смена поколений. В

1960–1970-е гг. на Дальнем Востоке молодые люди в этой социальной страте занимали долю до 40% Численность 20–29-летних рабочих росла и в 1980-е гг.

Таким образом, подавляющая генерация рабочих 1970–1980-х гг. воспитывалось в годы, когда аскетические нормы жизни уходили в прошлое, в обществе формировались другие ценностные установки, менялись и условия жизни на Дальнем Востоке. Молодое поколение рабочих приобретало другие стили поведения с учетом новых объективных характеристик. Во-первых, рос их общий образовательный уровень. Эта тенденция набирала силу с 1960-х гг. В 1959 г. на 1 тыс. рабочих-дальневосточников приходилось 372 чел., имевших среднее и высшее образование, в 1970 г. – 602, в РСФСР – соответственно 370 и 567 чел. (ссылка). Разрыв в уровне образования рабочих и служащих постепенно сокращался. Во-вторых, постепенно происходили изменения в квалификационном и профессионально-отраслевом составе. В-третьих, в производственной культуре начала падать роль моральных стимулов, возрастать значение материального вознаграждения. Все эти черты становились типичными для новой генерации советских рабочих как в центре, так на отдаленных территориях.

Колхозное крестьянство – путь к раскрестьяниванию. В 1960-е, особенно в 1970-е гг. советская партноменклатурная элита, движимая благими намерениями ускорить процесс сокращения социальных различий между городом и деревней, стала уделять больше внимания сельским жителям, в частности, колхозному крестьянству. В аграрной политике наблюдались инициативы по модернизации сельскохозяйственного производства, руководители страны считали, что техническое перевооружение отрасли будет идти быстрее при государственном контроле. Поэтому продолжался административный нажим на местное руководство с целью дальнейшего распространения совхозного производства. Параллельно осуществлялась централизация управления в сельском хозяйстве. В совокупности эти меры явились сутью советской аграрной модернизация в 1960-е гг. Непосредственной частью реформ было укрепление роли посреднического

звена в управлении – ведомства «Сельхозтехника», аппарат которого распоряжался материально-техническими ресурсами. В 1970-е гг. необходимость модернизации сельского хозяйства продолжала декларироваться партийными и государственными руководителями разного уровня, но уже в рамках другой риторики («специализация и концентрация производства», «создание межхозяйственных объединений», «механизация и автоматизация», «химизация», «мелиорация», «интенсификация», «внедрение научно-обоснованных планов» и т.д.). Движение в этом направлении сопровождалось увеличением управленческого звена, концентрацией его представителей чаще всего в районных и краевых управлениях.

Кроме того социальные изменения на селе поддерживались системой ценообразования и кредитования. Эти финансовые инструменты были направлены преимущественно на развитие государственного сектора – совхозов. Налоговая система по отношению к личному подсобному хозяйству по-прежнему оставалась негибкой. Так, введение ограниченных норм пользования огородным и подсобным хозяйством в 1960–1964 гг. ускорили изменения в колхозном крестьянстве как на поведенческом уровне, так и в численности. Это проявилось в сокращении доли колхозного крестьянства в общем составе дальневосточников и структуре сельского населения.

Удельный вес работников, которые были прикреплены государством к группе колхозного крестьянства, среди самодеятельного населения Дальнего Востока в 1959 г. был равен 8%, по РСФСР – 25%, в 1970 г. – соответственно 2 и 9,8%, 1979 г. – 0,8 и 6,9%, 1989 г. – 0,7 и5,5%. Результатом советской трансформации стало стремительное исчезновение колхозного крестьянства в дальневосточной деревне. К концу 1980-х гг. его доля сократилась более чем в 6 раз, а численность составляла только 26 тыс. чел., из них 20 тыс. проживали в Амурской области. Лишь формальное включение семей (по внешним признакам) в учетную группу «колхозники» позволяет говорить о том, что данная социальная группа здесь еще сохранялась, но численно оставалась

мизерной. В 1989 г. статистка зафиксировала 92 таких семьи в Приморском крае и 230 в Амурской области.

К концу советского периода крестьянство как слой со своими социально-психологическими и демографическими характеристиками в регионе исчезает. Семьи колхозников (крестьян), как и горожан, стали малочисленными, в основном состоящими из четырех или трех человек. В учетной группе «колхозники» происходили быстрые профессиональные и квалификационные изменения, ничем не отличавшиеся от динамики в среде сельскохозяйственных рабочих. В 1960–1980-е гг. при всех сложностях внедрения новой техники в аграрном производстве на Дальнем Востоке в результате централизованного снабжения все-таки происходили преобразования материально-технической базы. Однако в колхозах при относительно высоких показателях механизации отдельных видов работ сохранялась большая доля ручного труда, особенно в овощеводстве.

Социальный статус человека, который преимущественно занимался физическим трудом и проживал в сельской местности, государством в учетных документах определялся главным образом по основному параметру – участию в производстве, организованному на базе «колхозно-кооперативной» собственности. Для этой формы трудовых коллективов политическая элита сохраняла некоторые особенности в налоговой системе и сфере распределения денежных вознаграждений. Положение колхозника в обществе регулировалось как партийными документами, так и рядом законов.

Многие меры по сохранению колхозного производства для партноменклатурной элиты 1960–1980-х гг. скорее являлись идеологической потребностью, важной для подтверждения социальной структуры советского типа («трехчленки»), нежели экономическим обоснованием эффективности организации производства. Но в колхозах ещё до некоторой степени сохранялись принцип «сколько заработал, столько получил» и определённые элементы самоуправления.

Советское руководство, взяв общий курс на расширение социальной поддержки класса «трудящихся», стало активно включать в орбиту распределительных отношений коренных жителей Северо-Востока, занятых традиционными промыслами и сохранявшими специфику своего образа жизни. Опираясь на благие намерения унифицировать систему, прежде всего, хозяйствования, государство начало преобразовать эти традиционные отрасли и создавать собственную продовольственную базу на Камчатке. 20 февраля 1960 г. Министерство сельского хозяйства РСФСР издало приказ, в котором содержалось требование к местным властям «в ближайшие 2–3 года обеспечить перевод всего коренного населения районов Крайнего Севера… на оседлый образ жизни». Но реализация этой программы затянулась на долгие годы, завершившись лишь к 1980-м гг. В итоге власть получила новую социально-демографическую структуру коренного населения. В результате выполнения на местах серии решений пленумов ЦК и постановлений СМ СССР и РСФСР в регионе изменилась система организации сельскохозяйственного производства, вследствие чего менялось социальное положение работника и его семьи.

В 1970-е – начале 1980-х гг. на Дальнем Востоке проявляется влияние такого саморегулирующегося фактора, как переход сельских жителей в отрасли, несвязанные с аграрным производством. Постепенно нормами повседневного быта становились распространение новых мотиваций в труде и приобщение сельского населения к урбанизированным стандартам жизни, которые сначала внедрялись политической элитой в виде идеологических установок (пропаганда одного из тезисов Третьей Программы КПСС – необходимости стирания различий меду городом и деревней), а к 1970-м гг. стали реалиями образа жизни сельчан.

Количественные и качественные изменения в обществе происходили в рамках взаимосвязей «партийное государство – номенклатурная элита – трудящиеся». Политическое управление социальными процессами на территории всех регионов было унифицировано, но оперативные действия

министерств, ведомств и исполкомов имели конкретный характер и составляли механизм реализации внутренней политики. Распределительная социальная политика включала в себя централизованные меры регулирования социальной структуры, причем одни консервировали старые отношения, другие, напротив, были импульсами нового. Этот путь развития поддерживался комплексом мероприятий в отношении уровня жизни дальневосточников.

1.7. ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Анализ источников был проведен по двум хронологическим этапом, с целью проследить зависимость изменений социальной политики от смены политического лидера.

1.7.1. Роль социальной политики в регулировании уровня жизни дальневосточников в первой половине 1960- х

Несмотря на некоторое снижение экономических показателей в конце 50-х годов, во всех регионах СССР сохранялась системная база для осуществления социальной политики распределительного типа. Это, прежде всего, установившаяся стабильность структуры потребления в советском обществе во второй половине 1950-х гг. Другой важнейшей составляющей этой базы было поддержание политическими инструментами необходимых пропорций между увеличением зарплаты и возможных темпов роста производительности труда, о чем подробно изложено в коллективной монографии[193, с. 397-422].

Социальные отношения сохранялись во многом за счет партийно-государственного контроля над распределением доходов в форме заработной платы и других выплат разным социально-профессиональным с учетом территориального механизма перераспределения отдельным группам населения (которые назывались льготами). Партийно-государственный

аппарат в начале 60-х годов, продолжая распределять ресурсы по регионам, увеличил расходы на развитие социально-бытовой инфраструктуры на Дальнем Востоке.

В стране продолжали существовать нормы потребления, но которые постоянно корректировались органами власти. Новизна вектора социальной политики в период лидерства Н.С. Хрущева состояла в проведении мер, направленных на создание универсальной системы доступа к общественным благам. В программных партийных документах был закреплен курс на ликвидацию имущественного неравенства, стирания различий между городом и деревней, а также на ликвидацию территориальных различий. Фактически «коллективное руководство» признавало целый комплекс социальных проблем в стране, и это признание было закреплено в Третьей Программе КПСС, принятой XXII съездом КПСС.

Однако на пути реализации объявленной социальной политики политическая команда Н.С. Хрущева столкнулась с рядом проблем, и прежде всего с трудностями в финансово-денежной системе. Во-первых, советская система не могла избежать роста цен, и происходил он следующим образом. Цены на отдельные виды продовольствия, одежды, мебели, велосипеды мотоциклы, радиотовары и т.д. росли под маркой улучшения качества. При этом незначительные изменения в марке товара вызывали заметное повышение цены. В литературе это явление иногда называется «стыдливой» инфляцией. Государство, боясь обнажить трудности в хозяйстве, не допускало гласности в обсуждении результатов хозяйствования и искусственно поддерживало стабильность цен, или маскировала их рост. В то же время для преодоления возникающих трудностей увеличивало в еще большей мере массу свободных денег, создавая этим предпосылки для инфляции. Экономисты-реформаторы, на чей аналитический потенциал опиралось политическое руководство тех лет, все-таки понимали значение финансово-денежных инструментов для проведения намеченных социальных мер по повышению уровня жизни. Хотя реформаторы, публично не признавали

наличия в СССР инфляционных процессов, но в сфере финансово-денежных нововведениях вынуждены были учитывать ряд обстоятельств. Например, факт роста свободных денег у советских граждан, информация об этом поступала из сберегательных касс и находилась под политическим «оком». Анализ опубликованных источников также подтверждает наличие в СССР инфляции.

4 мая 1960 г. вышло Постановление Совета Министров СССР (№ 470) «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами». В целом политическое руководство в значительной мере смогло завуалировать повышение цен, которое обычно болезненно воспринимается населением, благодаря проведенной деноминации. При переходе от цен, выраженных в больших суммах, к ценам, уменьшенным в десять раз, удалось поднять цену довольно незаметно для граждан. (Потребители же долго по инерции мыслят старым масштабом цен). Но на мясомолочную продукцию цены в 1962 г. правительство все-таки подняло, и сделано это было открыто для общества в надежде, что политическая пропаганда выполнит свою задачу[193, с.412-416].

Однако донесения работников КГБ, непрерывно поступавшие в отделы ЦК КПСС, сообщали о призывах к митингам и забастовкам в знак протеста против повышения цен в крупных городах: Москве, Ленинграде, Киеве, Магнитогорске, Челябинске, Иванове, Донецке, Фрунзе, Риге, Тбилиси и других городах. Основное требование людей состояло в том, чтобы государство не решало экономические проблемы за счет народа. Что касается населения Дальнего Востока, то реакция на действия правительства в такой форме здесь была крайне слабой и запоздалой. Известны лишь отдельные факты. Например, в ночь на 9 декабря 1969 г. в Комсомольске-на-Амуре на электротехническом заводе были расклеены и разбросаны листовки с призывом требовать повышения зарплаты и снижения розничных цен на продукты питания, текст листовки был составлен одним из рабочих завода. В целом контрольно-репрессивным органам удалось удержать под контролем

социальную ситуацию в регионах за исключением Новочеркасска, где произошли волнения.

Опираясь на финансовый аппарат, партийная власть контролировала темпы роста отчислений в фонд заработной платы, а также удерживала рост цен с учетом темпов роста прибыли в промышленности. Работники плановых органов повсеместно анализировали социально-экономическую ситуацию в регионах, докладывая регулярно о ней в высшие политические структуры. Дальний Восток как важный ресурсный и геополитический район входил в число тех территорий, где ситуация не только анализировалась, но и более того, правительство в достаточной мере владело информацией за счет подключения к анализу ученых-экономистов.

Проведение социальной политики во всех регионах сопровождалось не только отслеживанием общественных настроений и пресечением любой критики, но и активной пропагандой достоинств советской социальной политики. В основном этим занимались партийные органы. Видимую часть их деятельности составляли идеологические акции по пропаганде актуальности и правильности проводимых реформ. Кампании по обоснованию необходимости деноминации рубля и некоторого повышения цен на мясомолочную продукцию в 1962 г. организовывались преимущественно по производственному принципу. В лекционной деятельности и в средствах массовой информации особое внимание уделялось пропаганде доступности образования и здравоохранения и отношений социальной справедливости в стране. Такая информация, как правило, подавалась для советских людей в сравнении с капиталистическим зарубежьем. В этом отношении Дальний Восток ничем не отличался от других регионов страны. В кинотеатрах перед сеансами показывали соответствующую хронику. Таким образом, партийная власть обеспечивала идеологические условия для дальнейшего регулирования основного источника советского человека – зарплаты в условиях плановой и централизованной экономики.

Распределительная социальная политика реализовывалась в условиях новой налоговой схемы. Реформа налогов с населения была направлена на уменьшение разрыва в заработной плате между рабочими и служащими, имеющими низшие и высшие ставки. Таким образом, новый налог в СССР в своей основе стал иметь коллективно-производственный принцип, но при этом пострадали высокооплачиваемые рабочие и служащие, среди «пострадавших» оказались и сельские жители. В 1965 г. был установлен обязательный платеж государственных предприятий, получивший название «плата за основные фонды и оборотные средства»[193, с. 418-422]. Этот платеж вводился с целью повышения заинтересованности предприятия в лучшем использовании основных и оборотных средств. Плата за фонды представляла собой форму распределения прибыли, которая являлась одним из первоочередных платежей из прибыли в госбюджет СССР. Нормативы платы за производственные фонды устанавливались на длительный период. Ставка в промышленности равнялась 6%, а в отдельных отраслях с низким уровнем рентабельности – 3%. Плата за производственные фонды взималась с первоначальной стоимости основных производственных фондов, что должно было повышать заинтересованность предприятий в их своевременном обновлении и техническом совершенствовании. Исключение составляла нефтедобывающая промышленность, где в силу специфики отрасли плата за фонды исчислялась исходя из остаточной стоимости основных производственных фондов по ставке 11%. Таким образом, роль нефтяной отрасли, как экономической базы пополнения казны учитывалась уже в середине 60-х годов.

Плата за производственные фонды предусматривала также льготы. Не вносили плату объединения, предприятия, у которых по ставке 3% недостаточно было прибыли для образования фондов экономического стимулирования, и планово-убыточные предприятия. Стимулирующее воздействие данного платежа было незначительным в связи с тем, что сэкономленные на нем средства подлежали перечислению в бюджет в виде

свободного остатка прибыли. Фиксированные (рентные) платежи были установлены с 1967 г. Эти платежи представляли собой форму изъятия в доход государства части прибыли объединений, получение которой было обусловлено факторами, не зависящими от деятельности предприятий. Применение фиксированных платежей позволило выровнять рентабельность предприятий в пределах отрасли, исключив из суммы прибыли ту часть, которая не зависла от работы коллектива объединения. Кроме того вводился подоходный налог с колхозов.

Если отмене налогов с трудящихся посвящалась значительная часть пропагандистских материалов, то другие социальные меры, в том числе и налоговые реформы, оставались тайной для подавляющей части общества. Уже в конце 50-наметился отход от тоталитарной социальной политики и к централизованной распределительной модели. Распределительная социальная политика формировала особый тип социального неравенства, который проявлялся в повседневной жизни, но эти вопросы в обществе не обсуждались под страхом быть привлеченными к ответственности за антигосударственную деятельность.

Заработная плата и расходы дальневосточников как отражение трансформационных процессов в регионе (первая половина 1960-х гг.). Уровень жизни дальневосточников формировался в результате осуществления централизованной политики, хотя собственное поведение человека в советской системе также имело значение для создания собственного благополучия, но этот аспект требует специального исследования. При этом политический фактор в виде дальневосточной стратегии дальнейшего хозяйственного освоения играл роль важного дополнительного регулятора. Основным источником доходов всех социально-профессиональных групп населения, (в том числе и политически господствующего класса), которые проживали на советском Дальнем Востоке, была официальная заработная плата. Установленные еще во второй половине 50-х годов принципы и правила формирования заработной платы партноменклатурой для себя, были

прописаны отдельными постановлениями и ведомственными инструкциями, в своей основе сохранялись на протяжении последних тридцати лет советской эпохи. Но отношение первых лиц партии и государства в период "коллективного руководства" к своей социальной базе в регионах все больше и больше становилось благосклонным. Так, административные реформы, начатые командой Н.С. Хрущева, дали старт новому этапу перераспределения в области официальной заработной платы. Все начиналось с реорганизации должностей, но сопровождалось увеличением окладов номенклатурной части бюрократии. Политика «уравнительности» в специфических формах также корректировала иерархию «содержания» региональной управленческой группы. Местная партийная бюрократия в условиях реформ и реорганизаций ничего не потеряла, напротив, выигрывала. Новые должностные оклады давали ей преимущество перед группами, которые занимались исполнительным трудом. Фактически в начале 60-х годов ЦК КПСС отрегулировал определенные пропорции окладов партийного аппарата по отношению к хозяйственникам-руководителям, а также к среднеотраслевой зарплате. Это можно проследить на примере освобожденных секретарей Приморского края, приведенной в коллективной монографии[193, с. 424]. Ставки для партийных работников были установлены на основании постановления ЦК КПСС от 28 февраля 1961 г. «Об упорядочении заработной платы освобожденных работников первичных партийных организаций».

В 1962 г. вновь последовало «упорядочение» заработной платы у освобожденных работников партийных организаций. Оно коснулось занятых партийных функционеров в железнодорожном транспорте и работавших в рыбных портах и совхозном производстве. Политическое руководство вынуждено было материально поддерживать все новые и новые группы партийной и государственной бюрократии. Средняя заработная плата секретаря первичного звена составляла с поясным коэффициентом от 140 руб. (в совхозах) до 214 руб. секретаря рыбного порта. В те годы заработная плата местных номенклатурщиков с учетом районных коэффициентов не только не

уступала среднему показателю по стране «политического персонала, но ив отдельных случаях превышала, за счет действующих районных коэффициентов. Это было характерно для технического персонала, занятого в дальневосточных партийных аппаратах. На самой низшей ступени стояли номенклатурщики, руководившие предприятиями пищевой промышленности и сельского хозяйства.

Но в 60-е гг. управленцы уже свободно могли говорить о возрастании значение материального стимулирования: на заседаниях бюро крайкомов и обкомов в регионе все чаще стали рассматриваться вопросы о премировании партийных, профсоюзных и комсомольских работников, хозяйственников. По имеющимся архивным источникам не всегда удается установить степень различий в получении реальных материальных благ. Но логические построения позволяют сделать некоторые выводы[193, с. 424-428]. Среднемесячный денежный расход на одного члена в семьях ИТР (куда включались представители и хозяйственной номенклатуры) в 1960 г. составлял 69,7 руб. Во столько же примерно оценивалась в официальной статистике и стоимость бюджетной потребительской корзинки. Примерный количественный расход в семье, глава которого был партийный или хозяйственный руководитель составлял примерно 202,1 руб. Теперь сравним с данными о заработной плате секретарей корпуса, т.е. доходной частью этой части господствующего класса. В промышленности она составляла на Дальнем Востоке от 202 руб. до 250 руб. Итак, доходная часть в семьях партийно-государственной бюрократии была или равна, или выше расходной. В это же время заработная плата в семьях рабочих в среднем равнялась 120,7 руб. Если ее разделим на число иждивенцев (по бюджетным обследованиям — 3-4 чел.), то получится 40 руб. Это ниже прожиточного минимума в начале 60-х годов, несмотря на официальный курс уравнительности.

Однако начатая политика «баланса интересов» во времена лидерства Хрущева, т.е. меры, направленные на повышение уровня жизни разных социально-профессиональных групп, в том числе исполнительского труда,

заставляли политическое руководство страны контролировать доходы провинциальной партийно-государственной и хозяйственной бюрократии. Это достигалось различными проверками, которые были инициированы еще Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июля 1959 г. "О мероприятиях по решительному наведению порядка премирования инженерно-технических работников и служащих в народном хозяйстве СССР". Выполнение этого документа в какой-то степени ограничивало растущие злоупотребления среди региональной партийно-государственной бюрократии, и давало некоторый импульс развитию проявлениям тенденции уравнительности.

В региональной практике известны даже случаи, когда «за злоупотребления служебной должностью» были «осуждены по партийной линии», руководители, входившие партийно-государственную номенклатуру ЦК. Это так называемая «дачная» компания», «башмачное дело» и др.

В Советском Союзе повсеместно заработная плата не была единственным критерием стандартов жизни, для политического класса они определялись системой привилегий и прерогатив, которые менялись соответственно во времени и в соответствии с занимаемой должностью[193, с.428-429]. Например, в системе ценностей людей, входивших в управляющий класс, в те годы возрастает значение поддержания своего здоровья и членов семьи. Стремление получить лучшее медицинское обслуживание было одной из вожделенных привилегий партноменклатуры еще с момента ее формирования. Это находило отражение в советской социальной политике. Власть постепенно увеличивала затраты на развитие материально-технической базы, причем, они росли по ранжированному принципу, с учетом территориального и ведомственного статуса медицинского учреждения. В Москве это была достаточно разветвленная «сеть», которую курировало Четвертое управление Министерства здравоохранения. В дальневосточных краях и областях существовали, как правило, специальные поликлиники в административных центрах, на местах это были чаще специальные палаты в

больницах, в том числе и для членов семей руководящего состава. Частью системы должностных привилегий была реальная возможность получать санаторно-курортное лечение с оплатой проезда и даже часто суточных. Каждый аппарат крайкома и обкома, а также исполнительных органов власти, руководители предприятий, подчинявшиеся определенным министерствам, имели такие оздоровительные учреждения, где были специальные «объекты», оборудованные порой по стандартам, которые не уступали европейским.

Но, чтобы реализовать потенциальную преференцию руководитель, должен был пройти процедуру утверждения и признания своих заслуг перед партией и государством на специальных заседаниях, чаще бюро крайкомов или обкомов партии. Вопросы о путевках, материальных вознаграждениях рассматривались на заседаниях партийных бюро. В систему привилегий тех лет входили также специализированные отделы в магазинах, обеспечившие доступ к дефицитным товарам и видам продуктов. Такие отделы, как правило, были при центральных универмагах в городах, или доступ к дефицитным товарам определялся специальными документами.

Символический властный ресурс, т.е. занимаемая советским человеком должность, оказалась основной привилегией и при распределении жилья. Преференции повсеместно имели свое ранжированное измерение: они определялись не только ролью в иерархии властных отношений, но и степенью установления неформальных связей внутри политически господствующего класса, с учетом места жительства. Однако в 60-е гг. реализация привилегий зависела от самой личности руководителя. Тогда на Дальнем Востоке в руководящем составе преобладали еще идеологи. Кроме того, это люди поколения, прошедшего Великую отечественную войну. Многие руководители отличались скромностью и не позволяли ни себе, ни членам своих семей широко использовать свой должностной статус. Именно эти факторы вместе с централизованными уравнительными мероприятиями сдерживали процесс социального расслоения и формировали атмосферу одобрения социального курса Центра.

Структура формирования доходов рабочих-дальневосточников, сложившаяся на предшествующем этапе, сохранялась в своей основе: заработная плата всех членов семьи на Дальнем Востоке в начале 1960-х годов составляла 84–87% совокупного дохода, остальная часть приходилась на общественные фонды потребления и натуральные доходы с индивидуальных участков. Многие рабочие, проживавшие в малых городах и промышленных поселках региона, имели огороды. Значение огородничества, возросшее в военные и послевоенные годы на Дальнем Востоке, продолжало сохранять свою миссию и в 60-е годы.

Политическое руководство, возглавляемое Н.С. Хрущевым, реагируя на первые признаки снижения темпов экономического роста и производительности труда в СССР, в 1959–1962 гг. вынуждено была пойти на непопулярные меры – на замораживание темпов увеличения заработной платы на Дальнем Востоке, как и в прочем, в целом по стране.

Это сразу же отразилось на структуре семейных бюджетов рабочих – дальневосточников (рабочие в тот период составляли около 65% от всего занятого населения Дальнего Востока). В начале 60-х годов прекратился рост заработной платы не только у глав семей, но и у других членов этих же семей [193, с.892-893]. В 1962–1965 гг. удельный вес заработной платы в структуре доходов рабочих оказался ниже, чем в 1960–1961 гг., но при этом повысилась доля общественных фондов потребления (пенсии, стипендии, денежные дотации на лечение и отдых и т.д.). В целом же замораживание темпов роста заработной платы отразилось на общих денежных доходах в семьях рабочих южных территорий [193, с. 430].

Замораживание темпов роста заработной платы в 1959–1961 гг. было осуществлено правительством на общем фоне проведения принципа уравнительности в последующие годы. Такое сочетание мер способствовало сохранению стабильности в дальневосточном обществе, а политики тем самым подкрепляли выдвинутые ими лозунги о "стирании социальных различий в СССР". Идейно-теоретические воззрения с учетом конкретных

обстоятельств вылились в социально-политические решения, которые влияли на динамику уровня жизни. В регионе было реализовано постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР о новой системе оплаты труда (июнь 1961).

В результате так называемого централизованного «упорядочивания заработной платы» повышались тарифные ставки рабочих, занятых в ряде отраслей. В цветной металлургии, «на открытых горных работах» они повышались на 61%, «на подземных»– на 81%, в угольной промышленности соответственно — 43 и 70%, в металлообработке — на 46,3%; в строительстве — на 80%[193, с. 431]. Изменение тарифов было одним из главных инструментов контроля над оплатой труда во всех регионах страны. Изменение тарифных ставок усиливало сближение размеров заработной платы в отраслевом разрезе. Так, в цветной отрасли заработная плата увеличилась на 20%, на автомобильном транспорте — на 13%. У низкооплачиваемых категорий рабочих заработная плата была повышена на 40–60%.

Можно предположить, что реализация такого постановления тесно была увязана с новой налоговой схемой в общих условиях ухудшения некоторых экономических показателей, правительство смогло провести в дальневосточном регионе две кампании. Первая, это – уравнительные мероприятия по зарплате, вторая – «упорядочение северных льгот». С одной стороны, Центр распространил надбавки на более широкий круг социально-профессиональных групп, проживавших в районах Севера и приравненных к ним. Но с другой стороны, — общий объем льгот для дальневосточников не только не увеличился, но и даже снизился на начало 60-х годов. При этом меры, направленные на устранение разницы в выплате денежных надбавок населению, должны были устранить исторически сложившиеся в регионе диспропорции. На советском Дальнем Востоке существовал разрыв в оплате труда рабочих и служащих в зависимости от года их вселения. Чем раньше люди приехали на Дальний Восток или являлись старожилами, тем меньшую заработную плату они имели. Российские традиции освоения дальневосточных территорий – стремление партийно-государственных

структур привлечь на Дальний Восток все новые и новые трудовые ресурсы и получить новые источники сырья, привели к парадоксальному социальному последствию. У «новоселов» оказалась выше доля лиц, получавших более высокую заработную плату, чем в старожильческой страте населения. Специалисты, работавшие в центральных министерствах и ведомствах, просчитали, что экономические возможности страны не позволят государству пойти на увеличение доходов путем введения новых доплат старожилам. Поэтому, чтобы уравнять население Дальнего Востока, правительство пошло на сокращение общего объема льгот.

Дальневосточники были информированы о расширении категорий населения, которым стали выплачивать надбавки. Однако это уже не имело реального социально-психологического эффекта, так снижение доли северных надбавок сразу же отразилось на замораживании денежных доходов в виде заработной платы. В итоге, несмотря на уравнительность, население отреагировало отъездом из региона, что впоследствии было подвергнуто критике, как экономистами, так и местной политической элитой.

За период 1960–1964 гг. заработная плата в расчете на душу населения возросла в Приморье на 20,5%, по другим территориям Дальнего Востока – чуть меньше. Политика регулирования заработной платы и районных дальневосточных коэффициентов способствовала формированию так называемой группе рабочих – «середняков» по доходам, что доказывает тезис о развития отношений уравнительности в регионе. В середине 60-х годов здесь наибольший удельный вес составляли семьи рабочих со среднемесячным доходом 600–900 руб., на их долю приходилось 41,6%. Семьи со средним душевым доходом 900–1200 руб., составляли 34,1%. На самые крайние группы приходилось: 11,4% — с минимальным доходом 600 руб.; доля наиболее обеспеченных семей составляла 12,9%.

Если сравнить заработную плату, занятых в материальном производстве Дальнего Востока (особенно в отраслях союзного значения), и групп населения, работавших в так называемой непроизводственной сфере (по

терминологии тех лет), то складывалась следующая картина. В наихудших условиях оказались профессиональные группы, связанные со здравоохранением, просвещением, жилищно-коммунальным обслуживанием [193, с. 893-894]. В учреждениях здравоохранения заработная плата составляла 70% от среднего показателя в народном хозяйстве Дальнего Востока. Но это явление наблюдалось и в целом по Российской Федерации.

Средняя заработная плата у работающих на предприятиях в южной части Дальнего Востока была выше среднего республиканского показателя всего на 16,7%; на севере – соответственно в 2 раза. Но как доказывали экономисты тех лет, такое превышение не компенсировало в полной мере удорожания стоимости проживания на всей территории региона.

Анализ состава фонда заработной платы рабочих на севере Дальнего Востока показывает, что он, как и прежде, отличался очень высоким удельным весом выплат по районному коэффициенту — 28,1% к итогу; надбавки за работу в районах Севера составляли 16,8%. Причем, эти выплаты были направлены в первую очередь на привлечение новых кадров. Они как бы попутно обеспечивали более высокий уровень денежных доходов северян. Однако в «освобожденном виде» средняя заработная плата занятых в промышленности на Северо-Востоке была выше средней республиканской на 22,2%. Кроме того, эти 22,2% объясняются еще и спецификой отраслевой структуры промышленности, а именно, преобладанием в Магаданской области отраслей, где применялись повышенные тарифные ставки. При сопоставимой же структуре отраслей промышленного производства разница сокращалась до 17%[193, с. 435-439].

Полная и ясная картина реальных доходов населения Дальнего Востока и сущности региональных доплат в виде льгот в первой половине 60-х годов, проявляется при сравнении темпов роста доходов за счет заработной платы с данными другого порядка, в частности, со среднегодовыми темпами роста производительности труда в промышленности на Дальнем Востоке. В первой половине 1960-х годов последний показатель был выше, чем средний по

РСФСР, и составлял он соответственно 9,1% и 8,5%. В то время, как темпы роста доходов за счет оплаты по труду, были ниже, чем по РСФСР. Например, в Приморье они составляли 4,5%, в Хабаровском крае — 3,7%, в Амурской области — 4,4%, по стране — 7,8%. [193, с. 435-439]

Такой результат в середине 60-х годов, означал, что те надбавки, которые правительство квалифицировало и преподносило дальневосточникам как льготы, были фактически заработаны самими ими. Но эти средства работники органов управления пропускали через механизм перераспределения, и возвращали их дальневосточникам в форме так называемых льгот – районных надбавок.

Превышение заработной платы на юге Дальнего Востока в 16,7% необходимо сравнить и со стоимостью удорожания проживания в регионе. Например, расходы на питание на одного человека в южных районах Дальнего Востока были выше, чем в центральных и западных регионах – на 21,5% и, соответственно, на одежду – на 18%. Только из-за удорожания поясных розничных цен на продовольствие удорожание жизни определялось в 14%.

Чтобы поддерживать стабильность, а главное – необходимые пропорции роста заработной платы, и при этом сдерживать инфляцию Правительство проводило не только централизованные меры по регулированию заработной платы, оно также было вынуждено политическими и идеологическими мерами инициировать трудовую активность, направленную на повышение производительности труда. Но в условиях либерализации трудовых отношений и расширения материальных стимулов в дальневосточном социуме это становилось более сложной задачей для партийных организаций, чем в 1950-е годы. Как ни стремились парторганы на местах в первой половине 1960-х годов применять новые решения по оптимизации производственных отношений, все равно они опирались на идеологические принципы, пришедшие из сталинской эпохи. Моральное стимулирование оставалось важной составляющей в трудовой мотивации рабочих на Дальнем Востоке, однако его роль была уже ниже, чем в 1950-е годы.

Новизной социальной политики распределительно-нормированного типа 1960-х годов стала активизация функции общественных фондов потребления, что обеспечивалось и переходом на новую систему налогообложения. Меры, направленные на увеличение роли ОФП в структуре формирования доходов различных социально-профессиональных групп, вытекали не только из идеологических установок, а также интересов бюрократии, но и поддерживались рабочими и служащими. Распределение «коллективных ресурсов» было основной ценностей людей, частная собственность людьми тех лет как ценность, была присуща лишь отдельным людям, но их стратегия поведения осуждалась большинством.

Увеличение отчислений на централизованное распределение в форме ОФП соответствовало общему настроению в обществе. В этом социально-психологическом явлении сказывалась и пропаганда мифа, связанного с «образом жизни при коммунизме». Ценностные ориентиры подкреплялись и перераспределением финансов через ОФП. В СССР, в том числе и регионе, произошел взлет расходов предприятий на организацию отдыха, дотации на покупку путевок в санатории, дома отдыха. Были увеличены капиталовложения на развитие учреждений здравоохранения, просвещения на Дальнем Востоке, как по линии совнархозов, так и по линии местных Советов. В те годы наблюдалась стабильная доля трат на отдых и культурно-просветительные мероприятия в структуре расходов рабочих В общей структуре реальных доходов темпы прироста доли ОФП оказались к середине 1960-х годов почти равными с темпами роста заработной платы. На юге региона доходы от ОПФ составляли 14–15 % в общей структуре их формирования. Увеличение доходов населения за счет поступлений из ОФП составило: в Приморье – 4,6%, в Хабаровском крае – 5,1%, Амурской области 4,2%. Но в созданной системе перераспределения материальных благ общественные фонды потребления в формировании реальных доходов дальневосточников имели гораздо меньшее значение, чем для населения в

центре страны. (В среднем по РСФСР показатель равнялся 8,0%)[193, с. 430-432].

В первой половине 60-х годов под влиянием социальной политики расширяется и система социального обеспечения. Законодательство 1964 г. модернизировало систему социального обеспечения и сделало ее самой доступной в мире. К середине 60-х годов в регионе значительно расширяется число получателей льгот и пособий. Для дальневосточников большое значение для изменения стандартов жизни имело производство товаров повседневного спроса на местах и их завоз в регион.[74]

Активизация социальных мероприятий, начатая при Н.С. Хрущеве, отразилась не только на городском населении, в частности на рабочих, обладавших идеологическими преференциями, (поскольку был объявлен «ведущим классом в строительстве коммунизма»), но и на сельском. Доктрина стирания различий между городом и селом имела свое реальное своеобразное воплощение, но все меры были результатом благих пожеланий государства и вытекали из созданного образа «строительства коммунизма». Реальная отдача этого идеологического плана для дальневосточников все же была. Восточные территории «получили свою долю» в реализации социальных планов[193, с. 435-437].

Первым политическим шагом, обозначавшим активную степень включения сельчан в распределительную нормированную систему, был перевод колхозного крестьянства на денежную оплату[82]. Это был радикальный отход от традиционной сталинской системы трудодня. Большинство хозяйств в регионе стали переходить на ежемесячное авансирование с 1958 г. Другой политической мерой, направленной на поддержку сельчан стало согласно Постановлению Совета Министров РСФСР от 17 августа 1961 г. создание фондов премирования колхозников, что увеличивало денежную часть заработка. В 1961 г. из всего дохода семьи колхозника поступления от участия в колхозных работах приходилось 1929

руб., от продажи сельскохозяйственной продукции с личного подсобного хозяйства – 995 руб., в 1963 г. соответственно – 2301 и 723 руб.

В начале 60-х годов совокупный доход большинства колхозных семей на Дальнем Востоке составлял не более 2/3 от средних заработков рабочих совхозов и около половины от зарплаты промышленных рабочих. Для сельчан очень значимым оказался закон, принятый 15 июля 1964 г., который, наконец, уравнивал права промышленных рабочих и колхозников в плане получения пенсий. Другой мерой, позволявшей более широко включиться сельскому населению в распределительные отношения, стало решение о переводе многих колхозов в статус государственного сельскохозяйственного предприятия – совхоз. На Дальнем Востоке этот процесс шел очень быстрыми темпами. Чтобы найти средства на увеличение денежных вознаграждений колхозников и рабочих совхозов, правительство искало источники, и в 1962 г. пересмотрело закупочные и розничные цены на сельскохозяйственную продукцию.

К середине 60-х годов в регионе, преимущественно за счет централизованных мер, установился максимальный рубеж в стирании уровня денежных выплат колхозникам и рабочим. Денежные доходы колхозников уже составили относительно уровня рабочих и служащих: в Приморье – 96,8%, Хабаровский край – 99,7%, Амурской области – 83,7%. По данному показателю политическое руководство фактически выполнило свои обязательства, которые продекларировало в Третьей Программе КПСС. Денежные доходы в среднем на одну семью колхозника-дальневосточника стали превышать показатели по центральным и южным районам на 7%, но при этом стоимость жизни в селах на востоке страны была выше соответственно на 1/4 и 1/3[19].

Таким образом, задача выравнивания уровня жизни по территориальному принципу, была еще далека от своей реализации, поскольку условия проживания на Дальнем Востоке требовали больше расходов. Это

[19] Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке. (1945 г. – конец 80-х годов): дис. … д-ра ист. наук. Владивосток, 1998. С.336.

признавали и многие специалисты тех лет. По расчетам сотрудников НИИ труда Госкомитета по труду и заработной плате при Совете Министров СССР, на Дальнем Востоке требовалось больше расходов на одну семью, в среднем состоявшую из четырех человек по сравнению с южными районами страны здесь на питание уходило больше на 26%, приобретение обуви – 47, отопления жилища на 88%, и в целом для обеспечения одинаковых условий требовалось средств на 38% больше, чем в центральных районах страны.

Для определения реального уровня жизни дальневосточников большое значение имела ценовая политика Центра. Только из-за разности поясных розничных цен на продовольственные товары удорожание расходов определялось в 14%. Повышенные розничные цены были даже на продукты питания, которые частично или полностью производились на месте, например, растительное масло, сахар, молоко. Так, в Приморском и Хабаровском краях соевое масло продавалось по цене, которая на 18% была выше, чем в Воронежской области.

Новая жилищная политика и ее роль в «движении» дальневосточников к новым ценностям. Выявить уровень жизни дальневосточников в период продолжающихся хрущевских реформ, опираясь только на динамику денежных доходов, невозможно, необходимо их рассмотреть в условиях повседневности. Самым ярким отражением изменений повседневного быта стало появление новых квартир, которые строились в централизованном порядке и распределялись на предприятиях специальными комиссиями. С конца 1950-х гг. по всей стране, включая Дальний Восток, началось массовое жилищное строительство, которое стало частью новой социальной политики, проводимой в годы правления Н.С. Хрущева[75]. Партийно-хозяйственная номенклатура понимала, что дальнейший рост экономики в дальневосточном регионе и укрепление его демографического потенциала и пополнение трудовых ресурсов невозможно без решения жилищной проблемы. Для укрепления государственного бюджета, в частности в поисках источников финансирования жилищного строительства с апреля

1957 г. правительство решило заморозить выплату населению процентов по государственным займам сроком на 20 лет. На 1 апреля 1957 г. сумма государственного долга по займам, размещенным по подписке среди населения, составила 260 млрд. руб. Фактически претворение в жизнь программы массового жилищного строительства государство реализовывало во многом за счет самих граждан.

31 июля 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О развитии жилищного строительства в СССР», где были указаны основные мероприятия, способствующие быстрому, как тогда казалось, решению жилищной проблемы. Постановлением было разрешено промышленным предприятиям и хозяйственным организациям приступить к строительству жилых домов с трудовым участием рабочих и служащих за счет средств, предназначаемых на финансирование строительства, выполняемого сверх плана капитальных работ, а также поощрять индивидуальных застройщиков (обеспечивать их строительными материалами, транспортом и т.п.). Новацией политического подхода к улучшению жилищных условий стал учет новых ценностей людей в этой сфере повседневной жизни. Постановление ориентировало министерства и ведомства, их хозяйственных руководителей на строительство жилых домов с отдельными для каждой семьи, а не коммунальными квартирами. С 1958 г. строители стали возводить дома с квартирами, рассчитанными для заселения одной семьей, что в корне улучшало жилищные условия на то время. Переход от общей, коммунальной квартиры для нескольких семей, к отдельным квартирам для одной семьи ознаменовал собой принципиально новый этап в решении жилищной проблемы в нашей стране и стимулировал ориентацию населения на новые стандарты жилищных условий. Однако установленные нормативы отражали экономические возможности государства и стремление руководства в ближайшие годы изменить ситуацию в области обеспечения жильем во всех регионах страны, что нашло свое воплощение в практике строительства типовых жилых домов с так называемыми экономичными

малометражными квартирами. Перед архитекторами, проектировщиками и строителями партийное руководство страны поставило задачу – при сохранении максимума эксплуатационных удобств снизить стоимость квартиры. В этой связи были значительно сокращены размеры подсобных помещений. Все «дополнительные площади»: коридоры, ванны, кухни – были сокращены до физиологического минимума. В большинстве квартир санитарные узлы (ванная и туалет) объединили в одно помещение. Потолки максимально опустили до 2,5 м, лестничные пролеты сузили, кладовки, мусоропроводы и лифты ликвидировали как «удорожающие» факторы. Для обеспечения максимальной экономичности число типов квартир было сведено до трех (1,2 и 3 комнаты), на лестничную клетку было принято расположение не менее четырех квартир на этаж. Все эти меры привели к тому, что стоимость квартир уменьшилась на 30–35%, трудоемкость возведения жилья снизилась в 3–4 раза, а сроки строительства значительно сократились[81].

В 60-е гг. типовые пятиэтажки с малогабаритными квартирами воспринимались людьми с большой радостью. Маленькие комнаты, совмещенный санузел, крохотная кухня – все это было не столь существенно, зато отдельная, своя квартира. (Уже позднее, когда прошла эйфория, люди обжились, у многих появились новые дети и жить в малогабаритных квартирах стало тесно, их стали называть «хрущобами»).

Чтобы строить как можно быстрее и экономнее, на правительственном уровне было решено возводить крупные жилые массивы, включающие несколько кварталов. Так в жилищном строительстве, а, следовательно, и повседневную жизнь, вошло понятие микрорайон – участок города в несколько гектаров земли, не перерезанный магистралями или улицами транзитного сообщения. В микрорайоне помимо жилых домов возводились объекты социально-бытового назначения – школы, детские сады и ясли, магазины, комбинаты бытового обслуживания, скверы и спортивные площадки.

Размах жилищного строительства с 1958 г. принял поистине грандиозные размеры. Преобразования, связанные с массовым жилищным строительством, результатом которых стали изменения в обеспечении жильём, улучшение жилищных условий, можно считать своеобразной наиболее яркой чертой советской модернизации[193, с. 440-446].

К началу массового жилищного строительства Дальний Восток по обеспеченности населения жилой площадью уступал республиканским показателям. Ни в одном из районов дальневосточного региона не была достигнута санитарная норма жилья (тех лет) на одного проживающего (9 кв. м без кухни, коридора и других подсобных помещений). В Хабаровском крае к началу 60-х гг. средняя обеспеченность жилой площадью составляла 5,6 кв. м. В Сахалинской области в 1960 г. на одного проживающего приходилось 6,1 кв. м жилой площади, в Приморском крае – 5,4 кв. м.

По степени благоустройства жилья Дальний Восток также уступал многим районам страны. Подавляющая часть дальневосточников жила в неблагоустроенных квартирах, которые в лучшем случае были оборудованы водопроводом и канализацией, отсутствовало центральное отопление, горячее водоснабжение. Так, если в 1960 г. в РСФСР 38% жилья было оборудовано водопроводом, то по Дальнему Востоку этот показатель составлял 28%, центральным отоплением в республике были обеспечены 32% квартир, в регионе – 23%.

На Дальнем Востоке значительная часть жилья была крайне изношена и мало подходила для нормальной жизни. Сотни тысяч дальневосточников жили в бараках, домах каркасно-засыпного типа, которые находились в аварийном состоянии и подлежали сносу. Особенно много такого жилья было в северных районах Дальнего Востока – Камчатской, Магаданской и Сахалинской областях. В 1960-е гг. в городах Сахалинской области каркасно-засыпные дома составляли от 30 до 55% всего жилого фонда. В таких домах проживало более 23 тыс. семей сахалинцев. В Петропавловске-Камчатском аварийный

жилой фонд занимал более 20 тыс. кв. м, в бараках проживало более 7 тыс. семей.

Но отдаленность населения региона от центра (где процессы модернизации повседневности проходили достаточно быстро в 60-е гг. XX в.) вовсе не означала отставания дальневосточников в своих ориентациях на новые стандарты жизни. Для них, как и всего населения СССР, решение жилищной проблемы становилось одной из главных ценностей. Уже в годы хрущевских реформ на Дальнем Востоке углубляется разрыв между запросами населения и возможностями государства исполнять свои обещания. На первом этапе реализации главного политического документа тех лет по жилищному строительству в 1961-1965 гг. (в эти годы появляется первая сводная отчетность по строительству) государству удалось построить новое жилье в Приморском крае – 3489,4 тыс. кв. м общей (полезной) площади, в Хабаровском крае – 2153,7, в Амурской области – 1364, в Камчатской области – 633, в Сахалинской области –1369,0 тыс. кв. м. Всего на Дальнем Востоке за 1960–1965 гг. введено было в эксплуатацию 10326 тыс. кв.м.

Но такие масштабы жилищного строительства, высокие по тем временам, в условиях привлечения все новых партий трудовых ресурсов при низком исходном старте создавали условия для распределения жилплощади незначительному числу главам семей. В те годы не проводились обследования по удовлетворению населения своими жилищными условиями, но можно судить по косвенным данным. По своим возможностям решить свою жилищную проблему советский человек зависел от стечения многих обстоятельств: входил ли он в группу номенклатурных работников или был простым рабочим, врачом, учителем и т.д. Если был рабочим, то в какой отрасли работал, приоритетной с точки зрения власти или нет. Если был врачом или учителем, то где работал – в городе или в селе и т.д.

Изменений новых ценностей происходило часто за счет расширения информационного кругозора жителей периферии, который в свою очередь формировался под влиянием различных источников как официальных, так и

неформальных. Многие жители региона стремились подписаться на модные тогда журналы, например, «Работница», «Крестьянка», «Советский экран» и другие журналы, из которых можно было узнать о новинках быта. Постоянные миграции, выезд дальневосточников в отпуск в столичные города и южные регионы, поддержка родственных и земляческих отношений становились фактором ускорения смены аскетических ценностей у дальневосточников, разрушение которых началось уже со второй половины 50-х годов.

Централизованный завоз потребительских товаров также придавал мощные импульсы для ориентаций дальневосточников на новые социально-бытовые стандарты. Хотя отставание отраслей в регионе, производящих товары повседневного спроса, на фоне расширяющегося информационного горизонта, продолжало все-таки сохранять чувство отдаленности, тем не менее, объемы и «номенклатура» товаров в сети дальневосточной торговли раскрывают общую картину. Статистика и анализ номенклатуры уцененных товаров доказывают, что в первой половине 60-х годов продолжается меняться быт, одежда, формы досуга и отдыха.

Новые знаковые вещи и предметы отличали людей живших во время продолжающегося перехода от аскетизма к потребительским ценностям. В те годы предметы домашнего быта негласно делились на «мещанские» и «современные». Так, к числу последних дальневосточники относили радиоприемники «Рекорд»; электропроигрыватели, они активно уже вытесняли патефоны, пользовались повышенным спросом, хотя в глубинке старые вещи оставались во многих семьях. Во многих городах и промышленных поселках появились специализированные магазины, чаще отделы, где продавались новые товары: первые магнитофоны, ковровые «дорожки», ковры, радиолы и пластинки. Новинки одежды входили в число дефицита. Телевизоры, холодильники появились в торговой сети региона с большим запозданием, по сравнению со столичными и крупными российскими городами, о чем свидетельствуют статистические отчеты

торговли и материалы бюджетных обследований семей рабочих и служащих[193, с. 444-446].

Сельское население быстро воспринимало новые потребительские ориентиры и стандарты городской жизни. Молодежь стремилась уехать в город, тем самым демонстрировала свою неудовлетворенность условиями жизни в деревне.

Необходимость решения продовольственной проблемы заставило Правительство увеличить финансирование на развитие здравоохранения в сельской местности, на создание разветвленной амбулаторной помощи в виде медицинских пунктов, а также на строительство сельских школ. Даже в некоторых дальневосточных селах, по большей части центральных усадьб колхозов, появились небольшие ателье по оказанию бытовых услуг. Об изменениях в быте сельчан в 1960-е гг. свидетельствует и структура расходов бюджета колхозной семьи: появились новые статьи расходов: на часы, швейные машинки, мотоциклы и велосипеды, мебель, строительные материал.

Вначале 60-х годов Центр стал больше обращать внимание на самые отдаленные территории страны. Впервые в советской истории, были разработаны конкретные меры по комплексному развитию материально-технической базы оленеводческих колхозов и совхозов национальных округов и районов Колымы (1958 г.), которые в течение нескольких лет осуществлялись в районах Северо-Востока.

Причем, пик реализации активной социальной политики на Северо-Востоке пришелся на период 1958–1965 гг. Именно в те годы закладывались основы социально-бытовой инфраструктуры модернизационного типа, в дальнейшем новые социально-бытовые учреждения способствовали формированию модернизированного образа жизни коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Централизованное внедрение новых типов жилья, форм просвещения, а также поддержания здоровья быстро разрушало традиционный уклад жизни. У людей, особенно у молодого поколения, в этой части страны, наблюдалось быстрое распространение новых стандартов

жизни. Однако модернизация быта у коренных малочисленных народов не устранила острых социальных проблем, таких как высокий уровень заболеваний, в частности туберкулезом, пьянства. На Северо-Востоке входили рацион питания современные продукты и новая одежда, которые становились дефицитом и др.[193, с. 442] Внедрение новых социально-бытовых норм происходило со всеми последствиями процесса распределения фондов, неповоротливости плановой системы снабжения.

Таким образом, хрущевские реформы, некоторые из них опосредовано, но «вторгались» в повседневную жизнь населения, стимулируя процесс модернизации новых стандартов жизни. При всей своих ограниченных результатах, социальная политика тех лет для подавляющей части дальневосточного общества стала основой для улучшения условий жизни, по сравнению с предшествующими, 1950-ми годами. Хотя снижение так называемых льгот и сохранившийся более низкий уровень развития социально-бытовой сферы поддерживали традиционную ментальную черту дальневосточников – присутствие чувства несправедливости, укрепляли жизненную стратегию – ориентацию на смену местожительства. Отставание уровня жизни населения дальневосточных городов и рабочих поселков от европейской части создавало питательную среду и для патерналистских настроений. Надежды на новые централизованные мероприятия государства питало всё дальневосточное население независимо от социальной принадлежности.

1.7.2. Политика уравнительности и ее влияние на уровень жизни дальневосточников (вторая половина 60-х – первая половина 80-х годов). Дальневосточный социум на пути к потребительскому обществу

Смена политического лидера в стране, а также некоторая ротация партийно-государственной номенклатуры, происшедшая в середине 60-х годов, как в Центре, так и на местах, не оказали радикального влияния на систему социальных отношений в СССР и характер социальной политики.

Однако в годы лидерства Л.И. Брежнева его командой управленцев вносились многие коррективы в конкретные социальные меры, в том числе и те, которые были направлены на увеличение денежных поступлений в семьи дальневосточников. Изменения в социальной политике не были только благими пожеланиями руководства страны, чтобы обеспечить идеологические установки «заботы партии и правительства о благе трудящихся». У руководства страны были и чисто прагматические причины для некоторых социальных «новаций». Во второй половине 60-х – 70-е гг. партийное руководство и правительство столкнулись с серьезной проблемой – падением эффективности экономики и снова вынуждено было искать пути подъема производительности труда, чтобы привести в соответствие темпы роста заработной платы и производительности труда в целом в СССР, т.е. стабилизировать всю систему. Однако всем структурам управленческой системы уже с трудом удавалось контролировать этот процесс. Соблюдение пропорции, которой, в свое время, крайне дорожили специалисты-управленцы в сталинскую эпоху, и еще стремились поддерживать во времена Н.С. Хрущева, стало явно не под силу системе уже в начальные годы нахождения у власти Л.И. Брежнева. Но попытки на этом направлении наблюдались и неоднократные.

Взоры политического руководства (при поддержке экономической мысли) были обращены, прежде всего, на упорядочение и обоснование новых технических норм. Этот «инструмент» регулирования зарплаты являлся типичным для всех регионов страны, в том числе и для Дальнего Востока, начавшего "переживать" по инициативе Центра новую волну хозяйственного освоения. Повсеместно на Дальнем Востоке создавались и функционировали бюро экономического анализа, которые занимались вышеназванными вопросами. В ряде отраслей в регионе, благодаря деятельности бюро экономического анализа, даже удалось поднять производительность труда и на этой основе повысить заработную плату. Однако в целом процесс повышения заработной платы в регионе был связан не с ростом

производительности труда, а с централизованными политическими мерами и политической установкой Центра – закрепить здесь трудовые ресурсы. Эти аспекты подробно освещены в коллективной монографии [193, с. 447-464].

Для дальневосточников оказалось важным и то, что реализация планов закрепления трудовых ресурсов на данной части советского государства, совпала с установлением в (в сентябре 1967 г.) нового минимума заработной платы – 500–600 руб. в месяц (после реформы 1961 г. 50–60 руб.). Отток же населения в начале 60-х годов, как своеобразная реакция на сокращения денежных поступлений, оказался «сигналом» для принятия новых политических решений. Правительство вынуждено было вновь обратиться к регулированию денежных доходов дальневосточников с помощью традиционного распределительного инструмента как коэффициенты. К тому же, во второй половине 1960-х – в 1970-е гг. для реализации социальных мер на Дальнем Востоке сложилось такое стечение внутренних и внешних причин, обстоятельств, которое вновь усилило внимание политиков к Дальнему Востоку как территории богатой природными ресурсами и как к региону, имевшему исключительно актуальное геополитическое значение в сложившейся тогда международной ситуации в северо-восточной и юго-восточной Азии. До начала 1980-х годов на реализацию социальных гарантий во многих регионах страны благоприятное значение имело и положительное сальдо внешней торговли. Политическое руководство СССР использовало благоприятную конъюнктуру цен на нефть (до 1985 г.) и для проведения социальных мер в дальневосточном регионе. Личное внимание Генерального секретаря к Дальневосточному региону также сыграло важную роль в реализации мер по повышению заработной платы дальневосточников.

Последний фактор в решении социальных проблем, хотя и был переменным в советскую эпоху, но сила его влияния имело исключительное значение для принятия решений. В октябре 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР поручил Государственному комитету по труду и заработной плате, Госплану СССР, Министерству финансов СССР, (и с участием Совета

Министров РСФСР), ВЦПС «разработать мероприятия по закреплению кадров в районах Сибири и Дальнего Востока». 22 декабря этого же года Госплан СССР отдал приказ плановым органам Дальневосточного экономического района о разработке предложений по развитию производительных сил» (12 января 1966 г. Госплан РСФСР продублировал его). Это послужило стартом разработки важнейшего для населения региона документа «О дальнейшем развитии производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области», который был принят ЦК КПСС и правительством в 1967 г. В нем были обозначены преференции по финансированию развития промышленного производства и меры по привлечению рабочей силы[20].

Новизна социального брежневского курса на Дальнем Востоке состояла в том, что акцент руководством был переведен в русле общей внутренней политики вновь на увеличение денежных доходов разным социально-профессиональным группам дальневосточников. Команда управленцев при Л.И. Брежневе учла неудачный опыт руководства времени Н.С. Хрущева, попытавшегося заменить денежную систему льгот «комплексным подходом»[193, с. 447-458]. На основе Постановления Совета Министров СССР от 26 сентября 1967 г. вводились коэффициенты к заработной плате рабочих и служащих легкой и пищевой, промышленности, занятым в здравоохранении и просвещении.

Все проведенные меры имели положительный результат для населения восточных районов страны. В 1968–1970 гг. была повышена заработная плата у 350 тыс. дальневосточников. Прирост реальных доходов рабочих и служащих на Дальнем Востоке в 1966–1970 гг. произошел в основном за счет повышения заработной платы. За этот период темпы прироста заработной платы в регионе составили 17%, а в среднем по РСФСР – 12%. Кроме того, снизился уровень различий в оплате труда, проживавших и трудившихся на

[20] О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области (извлечение): постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1967 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968. Т 6. 1966 – июнь 1968. С. 473 – 486.

юге Дальнего Востока и на севере. Но в целом традиции установления повышенной заработной платы за счет коэффициентов сохранялись до конца советской эпохи.

Политическое руководство времени Л.И. Брежнева и правительство, возглавляемое А.Н. Косыгиным, поддерживали курс на повышение размера прожиточного минимума в СССР: В 1971 г. он был повышен до 70 руб. в месяц, к 1980 г. составлял 75 руб. За 15 лет абсолютные показатели заработной платы в регионе выросли в 2 раза, как и в среднем по РСФСР. Хотя реальные денежные доходы на душу населения в регионе за это время увеличились в 1,9 раза.

В 1980 г. «в расчете на душу» населения приходилось, например, на Камчатке 2934 руб., в Приморье – 1722 руб., в Амурской области – 1627 руб. Несмотря на регулярное увеличение зарплаты дальневосточникам, происходившее, как и в целом в СССР, к середине 80-х годов на востоке страны оставались социально-профессиональные группы, у которых зарплата оставалась значительно ниже, чем средний показатель, у занятых в этих сферах центральных регионов, и особенно столичных городов. Это были те, которые работали в сфере образования, здравоохранения в жилищно-коммунальном и бытовом обслуживании. [193, с.893-894]. В целом уровень заработной платы у дальневосточников, занятых в отраслях материального производства, относительно среднего республиканского показателя в 1970–1987 гг. почти не менялся. Исключение составили сельскохозяйственные рабочие и колхозники. Совокупный доход в семьях рабочих-дальневосточников за 1980–1987 гг. вырос на 22,5%, колхозников на 45,3%.

Таким образом, политика уравнительности в стране имела свои пределы, которые определяли особый тип доходного, имущественного расслоения. Однако до конца 70-х годов в дальневосточном регионе, как в целом в СССР, преобладали средние имущественные слои. К 1980 г. в СССР 25,8% населения (без учета льгот) имели доход ниже 75 руб., а 18,3% – выше 150 руб.

Уравнительность как социально-психологическое явление в СССР имело неоднозначный результат для общества, независимо от территории проживания. С одной стороны такая социальная стратегия обеспечивала атмосферу стабильности. Для Дальнего Востока попутно обеспечивался «эффект» закрепления населения. С другой стороны, уравнительность «уничтожала» трудовую мотивацию, как среди бюрократии, так и среди занятых исполнительским трудом. В-третьих, уравнительность в оплате труда оказала стимулирующее воздействие на поведение провинциальной партноменклатуры и ее социальной базы – бюрократии. В конце 70-х – начале 80-х годов явно обозначилось её стремление к обеспечению неофициальных источников доходов. Неконтролируемые источники доходов складывались у некоторых людей, работавших не только в специализированном аппарате распределения (торговли, общественного питания, материально- технического снабжения), но и в материальном производстве, бытовом обслуживании. Например, уже в 1973 г. эксперты на материалах Приморского края сделали вывод о том, что начиная с 1970 г. уменьшалась доля и общая сумма вкладов рабочих и колхозников и членов их семей, при этом возросла доля «служащих», но официальные темпы роста заработной платы у рабочих превышали таковые у служащих. Бюджетные исследования свидетельствуют, что уровень заработной платы был ниже у служащих, а структура потребления почти одинаковая. Уже в середине 70-х годов эксперты-аналитики зафиксировали, что в обществе существуют неконтролируемые источники дохода и нарастает процесс накопления денежных средств у определенных групп.

С конца 70-х годов, заработная плата уже не являлась адекватным показателем реального благополучия. С одной стороны, наблюдалось такое явление как «разная покупательная способность денег» в зависимости от статуса его обладателя. С другой, не учитывались доходы, приходившие из «теневой экономики», они, как минимум, составляли 40–45% у определенной части общества. К концу 70-х годов в среднем для простого человека

коэффициент скрываемых доходов составлял 1,43; для людей, имевших возможность воспользоваться своей работой, должностью или статусом во властной иерархии, поправка требовалась в 11 раз. Таким образом, к началу 80-х годов, кроме сохранявшихся традиционных территориальных различий в сфере формирования денежных доходов, на поверхность вышли социально-групповые различия.

Органы власти, разрабатывая централизованный порядок повышения зарплаты работающим в регионах, выделяли особо свою социальную базу в регионе, естественно не обсуждая этот вопрос публично (во всех официальных опубликованных документах речь шла о трудящихся). По большей части это происходило в ходе конкретных согласований, переписки, часто вследствие различных аппаратных инициатив с мест. Например, за 1965–1970 гг. у работников органов государственного и хозяйственного управления в регионе денежное вознаграждение за труд возросло на 30%, тогда как в среднем по народному хозяйству на Дальнем Востоке всего на 17%, составив, соответственно, 203,3 и 186,7 руб.

При этом сблизились темпы роста заработной платы управленцев в центре и в дальневосточной провинции (результат проявления так называемого «брежневского консенсуса») и ее показатели в абсолютном измерении в регионе оказались всего на 4% ниже, чем среднем по РСФСР. В 1970–1975 гг. темпы роста заработной платы работников в органах партийно-государственного и хозяйственного управления в регионе несколько снизились.

Таким образом, политическое руководство Л.И. Брежнева, обеспечив себе поддержку, в лице регионалов-управленцев (в том числе дальневосточных), после политического переворота 1964 г., в условиях новой идеологической кампании «борьбы за социальную справедливость» пошло на новую акцию уравнительного перераспределения денежных выплат. Но уже в 1975–1985 гг. темпы роста заработной платы дальневосточной партийно-государственной и хозяйственной бюрократии вновь стали расти. В 1975–

1980-х годах они в среднем составили 15–21%, но немного замедлились в 1980–1985 гг., что происходило на общем фоне более равномерных темпов ее увеличения по отраслям народного хозяйства.

В середине 1970-х – 1980 гг. по уровню заработной платы выделялись территориальная и профессиональная группа – строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. По оплате труда зону строительства магистрали центральные власти отнесли к районам Крайнего Севера и соответственно для тех, кто непосредственно был занят в строительстве, был установлен коэффициент 1,7. Кроме того, у кого работа носила «разъездной характер (а таких профессиональных групп на стройке было большинство) выплачивали так называемые «колесные» в размере 40% тарифной ставки или оклада. В тоже время рабочие в промышленности в зоне строительства БАМа имели коэффициент 1,2 – 1,4. Большие колебания в уровне заработной платы за счет такого регулирования наблюдались даже в одном населенном пункте.

Политическая номенклатурная группировка, стоявшая у власти в те годы, хорошо понимала, что для повышения своего имиджа и укрепления своих позиций в обществе у нее имеется испытанное временем средство – повысить зарплату и тем, кто занимается просвещением. Но в отличие от «амплитудного» ее повышения работникам государственного и хозяйственного управления, оно осуществляло такие меры по более равномерному сценарию повышения зарплаты работникам просвещения и культуры, учитывая финансовые реалии и состояние экономики. В целом, рост официальных денежных выплат дальневосточникам в 1975–1985 гг. сопровождался дальнейшей уравнительной тенденцией, что соответствовало общему курсу в стране[193, с.894].

Однако к середине 80-х годов на территории Дальнего Востока сохранялся и другой тип неравенства, связанный с выплатами районных коэффициентов, их влияния на уровень реальных доходов. К середине 80-х годов наблюдалась дифференциация реальных денежных доходов населения в зависимости от северных и районных надбавок. В результате в северной зоне

(Камчатская, Магаданская и Сахалинские области) складывался отложенный спрос использования денежных средств, что доказывается повышенным средним размером сберегательного вклада на душу населения, чем в центре РСФСР. Жители Приморского и Хабаровского краев, особенно Амурской области значительно отставали по среднему размеру вклада на душу населения от жителей центральных районов, что при сравнении с другим показателем – повышенным размером заработной платы, подтверждает вывод о повышенных расходах у дальневосточников, о более высоком прожиточном минимуме в южной части региона. Денежные доходы население южной части региона к концу советской эпохи были выше, но индекс удорожания по потребительским бюджетам к уровню центрального района не покрывался различными видами надбавок.

Результаты социальной политики Центра по отношению к дальневосточному региону, в частности по регулированию реальных денежных доходов населения, показывают, что в условиях незначительный экономического роста в СССР в 2–4% ВНП правительство уже испытывало серьезные затруднения в реализации централизованных мер по повышению уровня жизни населения. В СССР, начиная уже с 70-х годов, постоянно наблюдался перерасход фондов заработной платы. Темпы роста денежных выплат значительно превышали темпы роста производительности труда. К началу 1980-х годов темпы роста денежных выплат по СССР, в том числе и в регионе, превышали экономические возможности системы. Но генерация политиков тех лет все-таки провела мероприятия по повышению денежных выплат, тем самым создала условия для угрозы обществу в будущем. Таким образом, политически господствующий класс страны, обеспечивая себе благоприятные материальные условия и попутно популярность, а также доказывая идеологическое превосходство «советского образа жизни над капиталистическим», открывало «зеленую улицу» инфляционным процессам и дефициту потребительских товаров. ЦК КПСС и правительство располагало соответствующей информацией, пытались предпринять меры безопасности,

чтобы не допустить падения уровня жизни населения не только в столичных городах, но и на периферии. Но уже не имело ресурсов, чтобы преодолеть ситуацию кризиса. Во-первых, в 1978–1982 гг. в стране грянул сельскохозяйственный кризис, что усугубило развал централизованного снабжение продуктами населения Дальнего Востока. Во-вторых, в 1985–1986 гг. цены на нефть упали с высоты 29–31 долл. за баррель до 15–18 долл. В-третьих, снизилось положительное сальдо внешней торговли. Но, несмотря на развитие инфляционных процессов в 1975–1985 гг. и продовольственный кризис, властям удалось сохранить уровень потребления во многих регионах, включая Дальний Восток, за счет импорта продуктов питания. В дальневосточном регионе органам власти удавалось контролировать обстановку, обеспечив завоз продуктов и поддерживая положительную динамику (в количественных показателях потребление продуктов питания населением в регионе не снизилось).

Однако признаки кризиса социальных отношений проявлялись в разных сферах жизнедеятельности советских людей. Основным признаком разрушения советской системы была ускоряющаяся тенденция потери социально-политического контроля над способами и размерами удовлетворения потребительских ценностей населением региона в 70-е – начале 80-х годов. В условиях уравнительности доходов различных социально-профессиональных групп «культура потребления» развивалась очень быстро. Главным показателем новой социально-потребительской ситуации стали ориентации дальневосточников не только на количество, но и качество продуктов и промышленных товаров. На фоне незначительного сокращения потребления хлеба и хлебных продуктов в восточных районах страны стабильным оказалось потребление мяса и мясопродуктов, хотя в 1980-х гг. в регионе его душевое потребление очень было различным по территориям. Население северных территорий и Сахалина оказалось в первой десятке по уровню его потребления, а жители Приморского края занимали в РСФР 31 место, Хабаровского края – 24, Амурской области – 52. Аналогичная

ситуация была и с потреблением молока и молочных продуктов. По потреблению яиц население Камчатской области занимало лидирующие позиции. Жители Хабаровского края и Магаданской области оказались «середняками» по этому показателю, а Приморья, Амурской и Сахалинской областей являлись «аутсайдерами»[21].

На изменения социальных стандартов и образа жизни населения как и в предшествующий период большое влияние имело жилищное строительство в регионе[157]. В 1970-е гг. практически во всех городах и рабочих поселках, в административных районных центрах строились новые дома, школы, больницы, объекты для учреждений культуры и службы быта. Облик региона заметно менялся, многие города и села украшали новые здания, построенные по современным проектам[88]. Разработчиком генеральных планов всех дальневосточных городов был Ленинградский институт «Ленгипрогор». Во всех генпланах предусматривалась комплексная застройка микрорайонов, где наряду с жильём возводились школы, детские сады-ясли, учреждения бытового обслуживания, торговли и общественного питания. На смену хрущевским пятиэтажкам пришли новые типовые дома «улучшенной планировки». В них увеличилось количество квартир с различным числом комнат, предусматривались непроходные комнаты, изолированные входы в кухни, во всех квартирах (кроме однокомнатных) – раздельные санитарные узлы, увеличились размеры прихожих. Наряду с 4–5 этажными домами проектировались дома в 9 и 12 этажей. В 1970-е гг. в жилищном строительстве стала преобладать смешанная застройка по этажности и типам домов.

В 1970-е дальневосточники дождались кампании по сносу бараков, каркасно-засыпных домов и прочего аварийного жилого фонда, старт, которой был дан специальным постановлением Совета Министров РСФСР (13 января 1973 г.). Местные власти были вынуждены принять меры по выполнению

[21] Анализ сделан на основе источника: Показатели экономического и социального положения областей дальневосточного региона за 1990 год. (Стат. сб. № по каталогу 249). Владивосток, 1991. С. 36–40.

этого постановления. В первой половине 1980-х гг. практически по всему Дальнему Востоку были ликвидированы бараки, принадлежавшие местным Советам. Оставшийся барачный жилой фонд находился в ведомственном подчинении и принадлежал промышленным предприятиям и организациям республиканского и союзного подчинения.

Обеспечить большинство дальневосточников благоустроенным жильём, переселить тысячи семей из бараков, ветхого и аварийного жилья во многом удалось благодаря внедрению в строительное производство передовой для советской стройиндустрии технологии – крупнопанельного домостроения. Примечательно, что местная партийно-хозяйственная номенклатура предпочитала получать квартиры в домах из кирпича. Поэтому панельные дома вполне обосновано можно назвать «жильём для народа». При всех его недостатках (недолговечность в эксплуатации, невысокие качественные характеристики, однообразность застройки) приоритетность на его развитие себя оправдала. Крупнопанельное домостроение в сжатые исторические сроки позволяло улучшать комфортность жилищных условий (табл. 1.5). Но внутри дальневосточного региона продолжали оставаться различия в благоустройстве жилищного фонда в количественном измерении[193, с. 460-461].

Таблица 1.5. – Благоустройство жилого фонда в краях и областях Дальнего Востока в 1985 г. (в %)

Из всей жилой площади оборудовано:	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Сахалинская область	Камчатская область
водопроводом	90,0	93,0	85,6	84,0	94,2
канализацией	90,0	92,0	85,6	76,0	90,4
центральным отоплением	90,0	95,8	85,6	78,0	90,4
горячим водоснабжением	90,0	нет данных	69,1	нет данных	83,7

Наименее благоустроенным жилой фонд оказался в Амурской и Сахалинской областях. В Амурской области была высока доля жилья, находящегося в личной собственности граждан (дома сельского типа без удобств) в том числе и городах, а на Сахалине к 1985 г. не были

ликвидированы бараки. Жилищное строительство в 1970–1985-е гг. было приоритетным направлением социальной политики и одновременно способом закрепления трудовых ресурсов. Статистика (Табл. 1.6) показывает, что на протяжении 1970-х и первой половины 1980-х гг. на Дальнем Востоке объемы жилищного строительства были примерно на одном уровне (немногим более 14 млн. кв. м жилой площади).

Таблица 1.6. – Ввод в эксплуатацию жилых домов по краям и областям Дальнего Востока в 1965–1985 гг., тыс. кв. м общей (полезной) площади

	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Приморский край	3775	4986	4741	4702
Хабаровский край	3326	3744	3860	4028
Амурская область	1581	1899	2077	2093
Камчатская область	776	983	1019	1055
Магаданская область	964	1128	1102	1238
Сахалинская область	1334	1559	1514	1600
Дальний Восток	11756	14299	14313	14716

Дальневосточники улучшали свои жилищные условия, но в целом этот процесс шёл медленно, что порождало недовольство и социальное раздражение в обществе.

Таким образом, переход к урбанизированному обществу в СССР на Дальнем Востоке совпал с новой волной хозяйственного освоения, индустриализацией 60-х годов. Он сопровождался включением населения региона в систему перераспределения ресурсов, а именно в пользу уязвимых социальных слоев, что отражалось в темпах роста реальных доходов за счет общественных фондов потребления. В СССР в те годы обеспечивались главные социальные гарантии. В 60–70-е гг. произошли некоторые подвижки в ликвидации территориальных различий. Это ускорило формирование в регионе среднего слоя по денежным доходам советского типа. Но сам этот процесс не исключал существования групп, уровень жизни которых был ниже прожиточного минимума, а также и появления людей с более высокими

доходами, но связанными с так называемыми разными «теневыми» источниками поступлений, а также полученными за счет уже мало контролируемых партийными и государственными органами «привилегий». К середине 80-х годов в дальневосточном регионе постепенно начинается девальвация социальных достижений 60–70-х годов.

1.8. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО СОЦИУМА И КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

Основным достижением советской культуры, а, следовательно, и общественного развития в целом было бесплатное всеобщее образование, свободный доступ в библиотеки, музеи, кружки по интересам. С 1960-х г. социальная трансформация в советских регионах, в том числе дальневосточном, приобретала в подавляющих случаях унифицированный характер, хотя в силу внешнеполитического фактора и наличия коренных малочисленных групп, комплекса обстоятельств необходимости сохранения демографического потенциала и потенциала трудовых ресурсов, население Дальнего Востока имело некоторые социальные преференции. Но коренным образом они не влияли на общий характер социальной трансформации. Образование является той сферой жизни, где унификация и изменения проявились со всей яркостью и очевидностью. В коллективной монографии специальные главы посвящены анализу образовательного потенциала[193, с. 497-550] и культурно-духовной сфере[193, с. 551-614]. В этих главах источники, раскрывающие событийный ряд, рассмотрены на базе социокультурного подхода к региональной истории. Анализ образовательной и культурной динамики на Дальнем Востоке проведен на базе концепции «репрезентативной культуры» Ф. Тенбрука: «Культура является социальным фактом, так как она репрезентативна, т.е. производит значения и ценности, которые действенны в силу их фактического признания. Она охватывает те

убеждения, представления, картины мира и идеологии, которые влияют на социальное действие, так как активно разделяются или пассивно принимаются»[22]. В тоже время авторы также обращались и к институциональному и функциональному методам.

1.8.1. Система образования как отражение как отражение развития советского общества

Развитие образования было сферой, где интересы власти и общества совпадали: люди стремились к знаниям и повышению своего статуса, а «государство развития» требовало множество специалистов, в том числе в отдалённых, но богатых ресурсами районах, к которым относился Дальний Восток. Основы советской педагогики сложились в предшествующий период (в том числе дореволюционный) и предполагали единство принципа обучения и воспитания: синтез марксистского материалистического мировоззрения, научного рационального мышления и трудовой этики.

Система образования в СССР в 1960-е гг. подверглась реформированию в соответствии с законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР», принятом ВС РСФСР 16 апреля 1959 г. Главные идеи реформы — осуществление всеобщего среднего образования, политехнический характер образования, соединение обучения с общественно-полезным трудом.

Суть реформы состояла прежде всего в том, чтобы осуществить переход от семилетнего к обязательному восьмилетнему обучению всех детей 7—15 лет. При этом в школах вводилась предметная система университетского типа, когда за каждой дисциплиной был закреплён отдельный кабинет с лабораторией, методическими пособиями и т.д. В 1959—1963 гг. средние школы были переведены на 11-летний срок обучения, а с 1964 г. вновь стали 10-летними. В 1966 г. правительство утвердило переход к всеобщему

[22] Тенбрук Ф. Репрезентативная культура// Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 93-118

среднему 10-классному образованию. К 1975 г. число школьников, получивших 8-летнее образование на Дальнем Востоке, достигало 89,8% от общего числа детей соответствующего возраста, в то время как по стране в среднем этот показатель был 95,1%.

Реформа сопровождалась активным строительством и укрупнением школ, увеличением числа их воспитанников. Так, в 1960—1970 гг. на Дальнем Востоке общее число дневных школ несколько сократилось — с 3538 до 3006 (за счёт укрупнения), а средних школ — выросло с 593 до 940, при этом общая численность учащихся увеличилась с 812 тыс. до 881 тыс. чел. В последующее 15-летие число дневных школ продолжало снижаться (в 1985 г. — 2 400), а учащихся — расти (968 тыс.).

Между начальной, средней и высшей ступенью образования существовала полная преемственность, так что любой человек в любом возрасте и с любым уровнем дохода мог продолжить прерванное обучение, для чего существовали вечерние и заочные формы занятий. Наряду с дневными школами действовали школы-интернаты для детей из отдалённых местностей, а также сеть вечерних школ рабочей и сельской молодежи. В 1960 г. в вечерних школах Дальнего Востока обучались 57,5 тыс. чел., в 1970 г. — 95,2 тыс., 1980 г. — 115,7 тыс. В 1980—1985 гг. их численность сократилось до 75,3 тыс. по объективной причине сужения слоя молодежи, которая вынуждена была идти работать, не получив среднего образования

У большинства советских школьников оба родителя работали полный рабочий день. Чтобы после уроков дети не были предоставлены сами себе, в 1960 г. ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление «Об организации школ с продлённым рабочим днём». На Дальнем Востоке доля детей, занимавшихся в группах продлённого дня, в 1970—1985 гг. выросла с 14,6 до 30,3% от общей численности учащихся 1—8-х классов.

С введением всеобщего обязательного среднего образования перед учителями встала проблема: что делать с теми детьми, которые не справляются с учебной нагрузкой. Таких было 3—4%, т.е. один — два ребёнка

в классе оставались на второй год. В середине 1960-х гг. в СССР прошла кампания по борьбе с неуспеваемостью и второгодничеством под лозунгом «Учить всех, учить каждого хорошо и успешно». В этом движении приняли участие и педагоги школ Дальнего Востока[193, с. 498-591], Преодоление неуспеваемости виделось в повышении квалификации учителя, индивидуальном подходе к каждому ученику. На практике невозможность оставить ученика на второй год или исключить за неуспеваемость приводили к завышению оценок, «очковтирательству» и «процентомании». Распространённой практикой было также размещение в классе за одной партой хорошо успевающего и «отстающего» учеников, что, по сути, было формой поощрения списывания. В конечном счёте было признано, что некоторые дети не могут заниматься по программе средней школы и нуждаются в специальном (коррекционном) обучении. Признание этого факта оказалось для педагогического сообщества и власти очень болезненным, так как оно находилось в противоречии с основным принципом советской педагогики и, шире, базовой ценностью — равенством и общедоступностью основных жизненных благ. Поэтому широкое распространение школ и классов коррекции относится уже к эпохе перестройки.

Нарушали принцип равенства и элитные специализированные школы — с математическим, языковым и др. уклонами. В результате отличная оценка в аттестате о среднем образовании, полученная, к примеру, по математике в обычной школе и специализированной математической, на практике означала совершенно разный объём знаний. Потенциал одарённых детей в средней школе реализовывался не столько на уроках, которые были для них слишком лёгкими, сколько на факультативах, кружках, предметных олимпиадах. На областных олимпиадах по химии, физике, математике присутствовали представители лучших вузов страны (МГУ, МФТИ и др.), победителям предоставлялось право сдавать вступительные экзамены в эти вузы на выездных комиссиях, которые действовали в столицах краёв и областей.

Помимо образовательной школа выполняла функцию воспитания и социализации детей и подростков. 1960—1985 гг. были периодом активного внедрения в систему школьного образования принципов соединения обучения с общественно-полезным трудом. Для этого создавались ученические производственные бригады, школьные фермы и лесничества. Главной формой трудовой подготовки школьников стали УПК — учебно-производственные комплексы. Они создавались либо при школах (учебный цех, ферма и т.п.), либо на базе действующих предприятий. Первый УПК в Приморском крае открыли в 1972 г. в г. Арсеньеве при заводе «Прогресс», директором которого был в то время Герой Социалистического труда Н.И. Сазыкин. Четыре цеха завода были приспособлены для учебных занятий. В 1973 г. арсеньевские школьники получили возможность обучаться на заводе «Аскольд». В УПК города в год обучались около 1 000 учащихся семи школ. В эти же годы ряд предприятий края организовали в своих цехах и лабораториях производственное обучение школьников: владивостокские Дальзавод, Дальприбор, «Изумруд», фарфоровый завод, фабрика «Заря», Находкинский и Гайдамакский судоремонтные, Спасский экспериментально-механический заводы.

В летний период школьников привлекали к сельскохозяйственным работам — прополке, сбору урожая, посадке цветов и деревьев, дойке коров. В Приморском крае в такой работе принимали участие в 1975 г. 75 тыс. школьников, 1980 г. — 114 тыс., 1984 г. — 120 тыс. Себестоимость произведённой ими продукции составила около 4 млн руб.

Социализации детей служили пионерская и комсомольская организации, различные кружки, «школьные часы» и другие внеучебные мероприятия. В 1960—1970-х гг. вступление в пионеры и комсомол для многих обладало внутренней ценностью, совпадало с идеалами эпохи. Это отразилось, например, в активном участии детей в тимуровских командах, пионерских «кострах» и сборах.

Студенческая и рабочая молодежь участвовала в добровольных народных дружинах, студенческих отрядах, движении КВН и др. Свидетельства комсомольского идеализма запечатлены в литературе и мемуарах шестидесятников: А.Н. и Б.Н. Стругацких, Б. Окуджавы и др. Несколько наших респонденток (1935 г.р.) вспоминают, с каким энтузиазмом они участвовали в комсомольских делах: строительстве клуба и библиотеки в пос. Надеждино Сахалинской области, а также в художественной самодеятельности. Все участники делали это совершенно добровольно и бесплатно, после работы[193, с. 501]. Интересно, что, по их воспоминаниям, старшее поколение не очень одобряло эту деятельность и пыталось вернуть их к домашним обязанностям, а для комсомолок это была возможность, помимо всего прочего, отстоять право на свою независимость от родителей.

Позднее, в 1970—1980-х гг., вступление в пионерскую и комсомольскую организации значительно утратило свой политический и идеологический характер, и для большинства имело характер очередного этапа взросления, наподобие обряда конфирмации в протестантских странах. В то же время верхушка комсомольской организации была частью советской номенклатуры, и карьера, сделанная в комсомоле, приобретённые там связи впоследствии надолго пережили ВЛКСМ и даже СССР и перешли в рыночную эпоху.

Среди педагогов Дальнего Востока были выдающиеся учителя, преданные своему делу, достигшие выдающихся результатов. Н.Н. Дубинин в 1965 г. в возрасте 33 лет добровольно принял школу в Академгородке (пригород Владивостока), где 400 учеников из 600 были неуспевающими. Ему удалось привлечь к преподаванию учёных ДВНЦ, организовать классы с углублённым изучением химии и биологии, организовать занятия в лабораториях академических институтов, летнюю практику на мысе Гамова (Хасанский район). Дети занимались радиоэлектроникой и моделированием ракет. При школе были открыты швейный цех, производство гипсовых плит, в 1982 г. школа реализовала продукции на 20 тыс. руб. Ученики привлекались

к различным видам творчества: пению, танцам, рисованию и др. Ныне на базе этой школы существует интернат для одарённых детей. В 1985 г. Н.Н. Дубинин наряду с другими выдающимися советскими учителями — Е.Н. Ильиным, В.Ф. Шаталовым, А.А. Католиковым — был приглашён на центральное телевидение для того, чтобы поделиться своим опытом с другими педагогами страны[193, с. 501].

Расширялась возможность детей проводить свой досуг во внешкольных учреждениях: библиотеках, дворцах и домах пионеров, на станциях юных техников и юных натуралистов, а также в пионерских лагерях. Для семей это было финансово необременительно, так как плата с них не взималась. В 1961—1986 гг. число библиотек на Дальнем Востоке уменьшилось (за счёт централизации и укрупнения) с 3 045 до 2 705, но количество книг и журналов в них возросло с 18,1 млн экз. до 47,7 млн.

Число клубных учреждений, домов культуры в 1961—1981 гг. в регионе выросло с 2 568 до 2 903, а затем незначительно сократилось до 2 864. Это объясняется тем, что при строительстве новых, более современных дворцов культуры старые иногда закрывались.

Всё больше школьников на Дальнем Востоке проводило летние каникулы в пионерских лагерях: в 1959 г. насчитывалось 130 тыс. таких детей, в 1970-е гг. — уже 218 тыс., и такая динамика продолжалась в последующие годы. Например, в Магаданской области пионерские лагеря в 1960 г. приняли 11,4 тыс. детей, а в 1982 г. — 37,5 тыс. Всего в пионерлагерях отдыхали около 30% школьников.

В целом о повышении уровня общего образования на Дальнем Востоке можно судить по данным переписей. В 1959 г. на 1 000 чел. населения региона старше 15 лет приходился 41 чел. с полным средним образованием, в 1989 г. — 275. Примечательно, что в 1959 г. этот показатель был ниже, чем в среднем по РСФСР (в республике — 45), а в 1989 г. — немного выше (по РСФСР — 274), в некоторых же областях Дальнего Востока он существенно превышал среднероссийские значения (Магаданская область — 363,

Камчатская область — 350, Приморский край — 278 чел.). Дальний Восток в этом плане превосходил старые области европейской России (например, в Смоленской области этот показатель в 1959 г. составлял 36 чел., 1989 г. — 233).

Важным элементом индустриального и социокультурного развития региона выступало среднее специальное образование советского типа. В 1960—1980-е гг. система среднего специального образования в СССР выполняла ряд функций. Прежде всего она давала учащимся полноценное среднее общее образование, которое позволяло выпускникам не только работать по полученной специальности, но и продолжить обучение в вузе. В системе среднего специального образования реализовывались те же общие принципы, что и в советской общеобразовательной школе: единство обучения и воспитания, политехнический характер образования, соединение образования с производительным трудом. Для учащихся училищ, техникумов и др. форм ССУЗ были обязательны те же формы приобщения к социалистическим ценностям и формам быта, что и для школьников: комсомольские собрания, классные часы, политинформация, конкурсы строя и песни, субботники, сбор металлолома и макулатуры, демонстрации в дни революционных праздников и т.п. Однако главной и специальной задачей ССУЗ была массовая подготовка специалистов среднего звена для разных отраслей: промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства, образования, просвещения, культурного и медицинского обслуживания населения.

Основные направления в подготовке специалистов среднего звена на Дальнем Востоке были обусловлены задачами промышленного освоения региона и его экономической интеграции в единый народнохозяйственный комплекс: необходимо было развивать коммуникации (готовить специалистов для железнодорожного, морского, речного и автомобильного транспорта, средств связи), осваивать природные ресурсы (специалисты для поиска, добычи и переработки полезных ископаемых, использования лесных и

морских ресурсов), обеспечивать жизнедеятельность населения (кадры для строительства, образования, здравоохранения, культуры, бытового обслуживания, торговли).

Средние специальные учебные заведения открывались на Дальнем Востоке преимущественно в крупных городах Приморского и Хабаровского краёв, наиболее развитых в промышленном и культурном отношении. Увеличение их числа произошло преимущественно в 1960-е гг., когда в регионе было создано 26 новых ССУЗ (в 1970-е гг. — 5, 1980-е гг. — 2). Этот процесс на Дальнем Востоке шёл быстрее, чем в среднем по РСФСР, что соответствовало концепции ускоренного развития производительных сил региона. К концу 1970-х гг. здесь сформировалась сеть средних учебных заведений, которые продолжали функционировать до конца советской эпохи.

В 1962 г. во Владивостоке открылось мореходное училище Министерства морского флота, в 1974 г. — мореходное училище по подготовке специалистов среднего командного состава для рыбной промышленности, большой вклад в становление и развитие которого внёс его директор, талантливый моряк-педагог А.И. Тикунов.

В 1960-е гг. в связи с быстрым развитием судостроительной промышленности в регионе (только во Владивостоке в строй вошли четыре крупных СРЗ) потребовалось расширение подготовки кадров среднего звена на базе Владивостокского судостроительного техникума, который вскоре стал базовым для всех техникумов Приморского края. В нём готовили специалистов по судостроению, техническому обслуживанию судовых машин и механизмов, радиоаппаратостроению, технологии машиностроения, транспортному оборудованию, экономике, бухгалтерскому учёту и контролю.

В развитие среднего специального образования в регионе немалую лепту вносили директора дальневосточных предприятий. Быстрое расширение судоремонтного завода «Звезда» и острая нехватка специалистов привели к тому, что по инициативе директоров В.П. Долгова и В.И. Кушлина был открыт Большекаменский судостроительный техникум.

Специалистов для энергетических предприятий готовили в Дальневосточном энергетическом техникуме (1969 г.). Строительную индустрию Приморского края в 1960-е гг. обеспечивали кадрами открывшиеся строительные отделения в Дальневосточном энергетическом, Уссурийском железнодорожном, Артёмовском вечернем горно-строительном, Артёмовском индустриально-педагогическом, Дальнегорском индустриальном техникумах. В 1970 г. во Владивостоке на базе производственного объединения «Главвладивостокстрой» по инициативе заместителя управляющего стройтрестом № 8 И.И. Малько был создан второй строительный техникум. С развитием в крае деревообрабатывающего производства в Приморском лесотехническом техникуме (г. Лесозаводск) расширился перечень специальностей. В том же 1970 г. по инициативе начальника Управления ПТО Приморского края А.П. Ткалича во Владивостоке открыли филиал Артёмовского индустриально-педагогического техникума, который в 1973 г. реорганизовали во Владивостокский индустриально-педагогический техникум, значительно расширив в нём подготовку мастеров производственного обучения.

В Спасском и двух Владивостокских педагогических училищах готовили учителей для начальных школ и дошкольных учреждений Приморского края, а кадры для сфер культуры и искусства — в Приморском культурно-просветительном (1948 г.), Владивостокском (1957 г.) и Находкинском (1968 г.) музыкальных училищах.

Одним из старейший средних специальных учебных заведений в Приморском крае был совхоз-техникум «Уссурийский», выпускавший младших агрономов, животноводов, техников-механиков и других профессионалов для аграрного сектора. В 1982 г. он стал частью Иманского зооветеринарного техникума, где открылись новые специальности: ветеринария, механизация сельского хозяйства, экономика, бухгалтерский учёт и контроль и др. Специалистов для расширявшегося сельского строительства и мелиорации с 1977 г. начали готовить в Дальневосточном

гидромелиоративном техникуме, созданном по приказу министра мелиорации и водного хозяйства СССР.

Потребительскую кооперацию Приморского края снабжал кадрами Владивостокский кооперативный техникум, основанный в 1962 г., медицинские учреждения — Владивостокское медицинское училище (1953 г.), которое в 1959 г. было объединено с фармацевтическим техникумом.

Таблица 1.7. – Динамика численности средних специальных учебных заведений Дальнего Востока в 1960—1991 гг. [193, с. 511-513]

	1960/1961	**1970/1971**	**1980/1981**	**1985/1986**	**1991/1992**
Приморский край	23	32	34	33	34
Хабаровский край	26	33	34	35	35
Амурская область	10	21	23	23	24
Сахалинская область	10	10	10	11	11
Камчатская область	6	6	6	6	5
Магаданская область	6	6	6	6	6
Всего на Дальнем Востоке	81	108	113	114	115

Объединение, слияние учебных заведений являлось следствием государственной политики их укрупнения, активно осуществляющейся со второй половины 1950-х гг., что способствовало укреплению материально-технического и педагогического потенциалов среднего специального образования, повышению качества подготовки специалистов.

С развитием на Дальнем Востоке сети средних специальных учебных заведений шёл рост численности их студентов (см. табл. 6.4, 6.5). В 1963 г. правительство приняло стратегическое решение о значительном превышении темпов развития среднего специального образования в стране по сравнению с высшим с тем, чтобы к 1970 г. в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи и сельском хозяйстве на одного специалиста с высшим образованием приходилось 3—4 сотрудника со средним специальным.

Таблица 1.8. – Динамика численности студентов средних специальных учебных заведений Дальнего Востока в 1960—1991 г. (тыс. чел.)

	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1991/1992
РСФСР	1260,3	2259,3	2606,2	2693,1	2641,6	2478,3	2201,9
Приморский край	11,3	26,3	31,9	34,0	33,2	33,0	31,4
Хабаровский край	18,7	31,2	41,0	41,4	37,6	34,2	31,6
Амурская область	6,4	13,5	18,4	20,1	18,8	18,1	18,0
Камчатская область	1,7	4,7	5,3	5,7	6,0	6,1	3,6
Сахалинская область	6,0	10,6	11,9	11,0	9,5	9,7	8,7
Магаданская область	2,7	3,8	4,2	4,0	3,9	4,0	4,2
Всего на Дальнем Востоке	46,8	90,1	112,7	116,2	109,0	115,1	97,5

Целенаправленная политика развития среднего специального образования в благоприятной демографической ситуации, рост в молодёжной среде престижа образования способствовали увеличению численности студентов ССУЗ. Данный процесс на Дальнем Востоке проходил в общем русле социально-экономических изменений. В 1960—1965 гг. таких студентов в регионе стало больше в 1,7 раза (так же, как и в РСФСР), в 1965—1970 гг. — в 1,2 раза (в РСФСР — в 1,1), в 1970—1975 гг. рост прекратился (и на Дальнем Востоке, и в целом по РСФСР). Во второй половине 1970—1980-х гг. количество учащихся средних специальных учебных заведений последовательно снижалось как в регионе, так и в РСФСР, что связано, вероятно, с ростом числа выпускников средних школ и их стремлением получить более престижное высшее образование, а также с негативной демографической ситуацией, сложившейся в конце 1970-х — начале 1980-х гг. В целом с 1960 по 1985 г. численность обучающихся в техникумах и училищах Дальнего Востока увеличилась в 2,5 раза (в РСФСР — в 1,8).

Созданная в результате последовательной политики Центра модель образования соответствовала индустриальному развитию региона. Кроме

того, она ориентировала управленческий аппарат крупных предприятий на участие в подготовке кадров. Уровень материально-технической базы учебных заведений отставал от роста численности студентов. Только во второй половине 1960-х — 1970-е гг. на Дальнем Востоке начали возводить типовые учебные корпуса для средних специальных учебных заведений, что было отражением всей внутренней партийно-государственной политики, направленной на социальную стабильность.

Для средних специальных учебных заведений Дальнего Востока в 1976—1980 гг. было введено в действие 39,0 тыс. кв.м учебно-лабораторных зданий, в 1981—1985 гг. — 25,2 тыс. Больше всего учебных площадей построили в Приморском и Хабаровском краях, а также Магаданской области, меньше — в Камчатской области (4,9 тыс. кв.м). В Амурской и Сахалинской областях возведение учебных зданий завершилось только в 1981—1985 гг. С 1965 по 1985 г. общая площадь ССУЗ в регионе возросла в 2,2 раза. Благодаря новому типовому строительству учебных комплексов вдвое снизилась доля арендуемых техникумами площадей. В Приморском крае в 1960—1980-е гг. появились новые типовые учебные здания Владивостокского судостроительного, Дальневосточного энергетического, Спасского индустриального, Владивостокских строительного (Министерства строительства СССР), кооперативного, авиационного, лесотехнического, гидромелиоративного техникумов, а также Мореходного училища (Министерства рыбного хозяйства СССР), Владивостокского педагогического училища № 2, Дальневосточного мореходного училища, Уссурийского совхоза-техникума. В Амурской области за этот же период возвели корпуса для речного, финансово-кредитного, кооперативного, строительного, торгового, физкультурного и др. техникумов и училищ. Новые учебные здания получили студенты и преподаватели автодорожного, индустриального, монтажного, железнодорожного, судостроительного, топографического техникумов Хабаровска; механического, механико-технологического техникумов, педагогического и медицинского училищ Биробиджана;

горнометаллургического техникума в Комсомольске-на-Амуре.

Однако большие трудности с учебной площадью испытывали почти все медицинские, педагогические и культурно-просветительские училища региона. Если техникумы промышленно-производственного профиля наряду с государственным финансированием получали определённую помощь от своих базовых предприятий, то указанные учебные заведения полностью зависели от ограниченного местного бюджета.

Во второй половине 1970-х — 1980-е гг. на Дальнем Востоке за счёт строительства новых общежитий (общей площадью 100,9 тыс. кв. м.) улучшились условия проживания студентов. Но значительная их часть вынуждена была снимать частные квартиры. Таких студентов поддерживали материально: в бюджете средних специальных учебных заведений предусматривалось выделение т.н. квартирных денег тем, кто не получил мест в общежитиях.

Плановая система повышения уровня образования и подготовки кадров обеспечивалась преимущественно государственными ассигнованиями. Однако распределительная система советского типа разрешала базовым предприятиям оказывать материально-финансовую помощь в оснащении учебных аудиторий, кабинетов, мастерских, общежитий средних специальных учебных заведений. Эта деятельность облачалась в форму шефства. В роли постоянных шефов выступали крупные предприятия — Дальневосточное морское пароходство, Находкинский и Приморский СРЗ, производственное объединение «Камчатрыбпром», завод «Амурсталь», Дальзавод и ряд других.

Как и в любой социально-хозяйственной сфере, в системе подготовки кадров среднего звена были установлены свои нормативы. В условиях общего дефицита трудовых ресурсов на Дальнем Востоке не хватало специалистов-педагогов с высшим инженерно-педагогическим образованием. В середине 1960-х гг. высшее образование имел только 81% преподавателей, неоконченное высшее — 3%, среднее специальное — 16%. В те годы ценились учителя со стажем, руководство стремилось к выполнению и этого показателя.

К средине 1960-х гг. преподавателей с опытом работы более 10 лет было 40%, от 5 до 10 лет — 28%, менее 5 лет — 32%. Дальневосточные педагогические коллективы системы среднего специального образования (ССО) в 1960-е гг. находились в стадии формирования, как и сама эта система.

В последующие годы образовательный уровень преподавательского состава дальневосточных техникумов и училищ значительно возрос. Во-первых, в стране активно развивались вузы. Во-вторых, заработало утверждённое в январе 1969 г. Советом министров СССР «Положение о средних специальных учебных заведениях», в котором предусматривалось комплектование техникумов и училищ в основном специалистами с высшим образованием. Причём ССУЗ Дальнего Востока стали пополняться преимущественно за счёт выпускников его же вузов. В середине 1980-х гг. общая численность преподавателей в системе ССО региона увеличилась по сравнению с 1965 г. в 1,3 раза, доля опытных работников с педагогическим стажем свыше 10 лет возросла до 72%, а удельный вес имеющих высшее образование составлял уже 95%. Во многих техникумах и училищах сформировались стабильные педагогические коллективы, уделяющие много времени и творческой энергии обучению и воспитанию студентов. В числе лучших неоднократно отмечались коллективы Хабаровского техникума советской торговли, Владивостокского судостроительного техникума, Благовещенского педагогического училища № 1, Южно-Сахалинского техникума советской торговли, Магаданского политехнического техникума, Камчатского педагогического училища и др.

В учебном процессе системы ССО Дальнего Востока в 1960—1980-е гг. применялись как традиционные методы обучения студентов, так и новаторские. Но в силу консерватизма некоторых групп преподавателей передовые методы внедрялись очень медленно, что было следствием общесистемного фактора. Слабым звеном в обучении студентов была производственная практика, что являлось следствием недостаточного развития материально-технической базы техникумов и училищ, особенно

гуманитарных и медицинских, а также прямых связей с производством.

При всех организационных недостатках система среднего специального образования внесла вклад в повышение образовательного уровня дальневосточного населения и выполнила свою функцию по увеличению числа специалистов. Таким образом, в 1960—1985 гг., по неполным данным, в системе ССО Дальнего Востока было обучено более 650 тыс. чел., в четыре раза (со 136,4 тыс. до 549,8 тыс.) возросла численность выпускников училищ и техникумов в народнохозяйственном комплексе региона (см. табл 1.9)

Таблица 1.9. – Динамика численности специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Дальнего Востока в 1960—1985 гг. (тыс. чел.)

	1960	**1965**	**1970**	**1975**	**1980**	**1985**
Приморский край	38,5	58,5	77,6	110,7	130,2	157,6
Хабаровский край	38,6	нет св.	73,8	98,2	123,9	141,0
Амурская область	17,5	22,7	31,8	47,3	61,0	73,5
Камчатская область	8,5	нет св.	21,2	29,7	38,3	44,8
Магаданская область	12,5	19,8	31,3	44,4	56,5	63,4
Сахалинская область	20,8	нет св.	36,2	48,6	63,5	69,5
Дальний Восток	136,4	101,0	271,9	378,9	473,4	549,8

Благодаря существовавшей централизованной модели распределения выпускников, около 40% специалистов привлекали на Дальний Восток из других регионов РСФСР. Слабым местом системы ССО оказалась негибкость, медленная переориентация на подготовку кадров по новым специальностям, в том числе по энергетике, электронике, химической технологии, что не было только региональной проблемой, а являлось издержками общесоюзной бюрократической системы управления.

Таким образом, в 1960-х — 1980-х гг. система среднего специального образования на Дальнем Востоке получила дальнейшее развитие: значительно расширилась сеть учебных заведений и номенклатура специальностей в них, улучшилось материально-техническое обеспечение, качественно вырос

педагогический потенциал, увеличились контингент студентов и, соответственно, выпуск специалистов.

В 1960—1970-х гг. рост числа студентов средних специальных учебных заведений происходил за счёт не только выпускников школ (очное обучение), но и людей зрелого возраста (заочников). Последние были представителями военного и послевоенного поколений, рано начавших работать, а через 10—20 лет, когда требования к кадрам выросли, столкнувшихся с тем, что отсутствие специального образования препятствует их карьере.

Таким образом, система ССО влияла на повышение как профессионального, так и общего образовательного уровня дальневосточников. Можно сказать, что система среднего специального образования в основном выполнила поставленные практические задачи: много специалистов среднего звена стало готовиться в регионе, что способствовало не только развитию экономики Дальнего Востока, но и формированию его стабильного населения.

В то же время в 1980-х гг. стали проявляться ограничения экстенсивного подхода к развитию образования: система давала сбои там, где требовалось быстро освоить новые специальности в наукоёмких отраслях, подготовить узких, но высококвалифицированных специалистов, гибко реагировать на потребительский спрос. Рабочие места, которые предлагались выпускникам училищ и техникумов, иногда были для них недостаточно привлекательными.

В коллективной монографии подробно освещена проблема противоречий в системе профессионально- технического образования Система подготовки Болезненным вопросом для системы ПТО Дальнего Востока была организация производственной практики. В рассматриваемый период отсутствовал механизм заинтересованности базовых предприятий в обеспечении учащихся необходимыми условиями для этого. Система ПТО на Дальнем Востоке в целом развивалась в худших условиях по сравнению с европейскими районами страны[193, с. 503-511].

Трансформационные процессы и система высшего образования на

Дальнем Востоке России. В рамках Программы значительное внимание было уделено исследованию высшего образования. Она рассмотрена авторами в поисках ответов на вопрос: институты подготовки кадров для «государства развития» и/или самореализации личности и основа социальной мобильности?[193, с. 518-534]

Высшее образование в советский период, как и среднее, выполняло ряд функций: готовило квалифицированных специалистов для народного хозяйства, а также научные, управленческие и педагогические кадры, способствовало усвоению советского мировоззрения и образа жизни, играло роль социального лифта. Но в вузах сохранялись некоторые традиции академической свободы, что делало статус преподавателя и студента весьма привлекательным в глазах современников.

С 1960-х гг. в регионе, как и в целом по стране, намечается важнейшая новая тенденция — высшее образование становится престижным. Студенчество, которое на пять лет освобождало молодого человека от необходимости работать и зарабатывать, позволяло ему искать себя, развивать свои творческие способности, посвящать время дружбе и любви, начинает рассматриваться как лучший период в жизни. Таким образом, объективные потребности экономики в специалистах и субъективный спрос на высшее образование в изучаемый период развивались параллельно.

В конце 1950-х — 1960-е гг. партийно-правительственные и плановые органы принимали меры для расширения высшего образования и увеличения числа выпускников, включая дневные, вечерние и заочные формы обучения. Рост престижности высшего образования имел такой быстрый темп в советском обществе, что к середине 1980-х гг. власти уже принуждали школы оказывать давление на подростков, чтобы часть из них после 8 класса шла в профессионально-технические училища получать рабочие специальности.

В условиях нового этапа хозяйственного освоения Дальнего Востока и поздней советской индустриализации правительство выбрало рациональный

путь подготовки кадров высшей квалификации — непосредственно в регионе, где в 1960 г. уже функционировало 19 вузов. Перед плановыми органами стояла задача связать специализацию высших учебных заведений с потребностями конкретных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Для этого в вузах Дальнего Востока изменили номенклатуру специальностей. Так, в 1960-х гг. были открыты новые факультеты в Дальневосточном политехническом институте (ДВПИ) (гидротехнический, геологический, радиоэлектроники и приборостроения), в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта (ХИИЖТ) (факультет электрификации железнодорожного транспорта), в Дальрыбвтузе (мореходный), в Благовещенском сельскохозяйственном институте (общетехнический), во Владивостокском медицинском институте (санитарно-гигиенический и педиатрический). В 1963 г. лесоинженерный факультет ДВПИ перевели в Хабаровский политехнический институт, в котором был создан новый факультет — химико-технологический. Появились и новые вузы: в 1961 г. — Магаданский педагогический институт, в 1962 г. — Дальневосточный педагогический институт искусств (Владивосток).

Расширился перечень специальностей и в педагогических институтах: в Петропавловске-Камчатском на историко-филологическом факультете стали готовить учителей иностранных языков, в Южно-Сахалинске — учителей по предметам естественного цикла, в Комсомольске-на-Амуре — специалистов по дошкольной педагогике и психологии.

Главной особенностью высшего образования в СССР, в том числе и на Дальнем Востоке, в первой половине 1960-х гг. было преимущественное развитие заочного и вечернего обучения, которое осуществлялось в соответствии с директивами ЦК КПСС и советского правительства. Это «догоняющее образование» соответствовало типу «догоняющего развития» экономики. Результатом такой политики стало увеличение доли студентов вузов региона, обучавшихся без отрыва от производства, с 38% в 1960 г. до 55% в середине 1960-х гг.

Несмотря на имевшиеся материальные трудности, а также недостаточное научно-педагогическое обеспечение учебного процесса и ряд организационных недостатков, на Дальнем Востоке в первой половине 1960-х гг. была создана система подготовки специалистов высшей квалификации, которая в основном соответствовала отраслевой структуре экономики региона.

Во второй половине 1960-х гг. с началом в стране экономической и хозяйственной реформы приоритеты в сфере подготовки специалистов с высшим образованием сместились в пользу преимущественного развития очного обучения, что утвердил ряд партийно-правительственных постановлений, принятых в 1960-е — начале 1980-х гг. В связи с этим продолжилось расширение сети вузов, а также увеличение численности студентов. Во Владивостоке в 1967 г. был открыт Дальневосточный технологический институт бытового обслуживания, в 1968 г. — Институт советской торговли (на базе филиала Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова), в Хабаровске в 1970 г. — институт народного хозяйства и институт физкультуры, в 1975 г. общетехнический факультет Хабаровского политехнического института, расположенный в Благовещенске, был преобразован в технологический институт, второй на Дальнем Востоке.

В 1970-е гг. формирование новых вузов замедлилось в связи со снижением темпов роста экономики. Не были открыты, как предусматривалось планами девятой (1971—1975 гг.) и десятой (1976—1980 гг.) пятилеток, единый морской и строительный институты во Владивостоке, горный — в Магаданской области. К 1975 г. в регионе насчитывалось 27 вузов, в них обучалось более 109 тыс. студентов [193, с. 520]. В одиннадцатой пятилетке (1980—1985 гг.) ещё добавились фармацевтический институт в Хабаровске (1981 г.), высшее инженерное морское училище на базе филиала Дальрыбвтуза в Петропавловске-Камчатском (1986 г.).

Таким образом, с 1960 по 1985 г. число вузов на Дальнем Востоке возросло в 1,4 раза, а студентов в них — в 3 раза (см. табл. 1.10). Наиболее интенсивное развитие высшего образования в регионе пришлось на вторую половину 1960-х гг., что было связано с задачами реализации политического курса по ускоренному развитию производительных сил Дальнего Востока в соответствии с принятым в 1967 г. постановлением. До 1985 г. при стабильном числе вузов в регионе происходило постоянное увеличение количества студентов.

Таблица 1.10. – Соотношение числа высших учебных заведений и количества студентов вузов на Дальнем Востоке (1960—1991 гг.)[193, с. 521**]**

	1960/ 1961	**1965/ 1966**	**1970/ 1971**	**1975/ 1976**	**1980/ 1981**	**1985/ 1986**	**1990/ 1991**
Приморский край	6/16,7	8/35,7	10/41,3	10/44,9	10/50,1	10/51,2	10/47,0
Хабаровский край	9/17,3	7/28,7	10/35,8	10/44,3	10/48,8	11/48,0	12/43,9
Амурская область	3/5,8	3/9,8	3/11,6	4/14,0	4/14,9	4/14,4	4/14,3
Камчатская область	1/0,9	1/1,3	2/1,6	1/2,1	1/2,1	1/1,9	2/3,3
Магаданская область	–	1/1,5	1/1,6	1/1,7	1/2,8	1/2,8	1/2,8
Сахалинская область	1/1,8	1/3,1	1/2,2	1/2,2	1/2,6	1/2,8	1/3,1
Дальний Восток	20/41,5	21/80,1	27/94,2	27/109,2	27/121,3	28/121,1	30/114,4

Примечание: в числителе указано число вузов, в знаменателе — численность студентов (тыс. чел.)

Культурно-исторические особенности, степень социально-экономического развития территорий и концентрация там образовательного потенциала обусловили схему размещения учебных заведений: они были сосредоточены преимущественно в крупных городах южной зоны региона, где работали и филиалы центральных вузов. Так, в середине 1960-х гг. в Хабаровске находились филиалы Всесоюзного заочного финансово-экономического института, Всесоюзного заочного института советской торговли, Всесоюзного юридического института, в Магадане — Всесоюзного

заочного политехнического института, в Находке (Приморский край), Советской Гавани (Хабаровский край), Холмске (Сахалинская область) — Дальневосточного высшего инженерного морского училища. К началу 1970-х гг. на Дальнем Востоке было 18 филиалов центральных и местных вузов.

В 1960–1980-е гг. высшая школа страны нацеливалась преимущественно на узкоспециальную подготовку выпускников, что предопределило увеличение числа факультетов и специальностей (только в технических вузах региона специальностей за указанный период стало в 1,5 раза больше). Доля обучавшихся по техническим специальностям среди всех студентов на Дальнем Востоке была выше, чем в среднем в РСФСР — 44% и 39,4% соответственно, по гуманитарным — 40% и 41,3%, сельскохозяйственным — 8,4% и 10,8%, медицинским — 7,6% и 8,5%.

Данное положение являлось результатом целенаправленной политики Центра (стратегии хозяйственного освоения Дальнего Востока путём развития преимущественно сырьевых, добывающих отраслей, имеющих важнейшее значение в общесоюзном разделении труда), а также ведомств, которые открывали соответствующие вузы. К тому же прослеживалось стремление местных и партийных органов готовить всех необходимых специалистов на месте, поскольку они на практике знали узкие места системы государственного планового распределения.

В 1960—1980-е гг. централизованное управление вузами Дальнего Востока осуществляли Министерство бытового обслуживания (технологические вузы), Госкомспорт СССР (институт физкультуры), Министерство рыбного хозяйства СССР (Дальрыбвтуз), Министерство путей сообщения (институт инженеров железнодорожного транспорта), Министерство морского флота (Дальневосточное высшее инженерное морское училище им. Г.И. Невельского), Министерство здравоохранения РСФСР (три медицинских института), Госагропром СССР (два сельскохозяйственных института), Министерство культуры РСФСР (два

института культуры), Министерство высшего образования РСФСР (семь вузов), Министерство связи, Министерство торговли и т.д.

Несмотря на расширение сети вузов в регионах, наблюдалась тенденция снижения доли расходов на развитие высшей школы по отношению к национальному доходу. Но, с другой стороны, даже те средства, которые выделялись по централизованным источникам, не всегда осваивались в полном объёме. Так, за 20 лет (1966—1985 гг.) пяти техническим вузам Дальнего Востока было выделено 36,262 млн руб., но их освоение (из-за слабой строительной базы региона) составило лишь 84,6%.

Материально-техническое обеспечение в вузах Дальнего Востока резко отставало от ежегодно увеличивающейся численности студентов: за 1966—1985 гг. количество студентов стационарного обучения возросло в 2,2 раза, а площадь учебно-лабораторных зданий — только в 1,5 . Размеры учебных площадей вузов региона значительно уступали аналогичным показателям в центральных районах страны. Высшие учебные заведения функционировали в условиях директивных партийно-правительственных установок на улучшение качества подготовки специалистов за счёт активного внедрения в учебный процесс электронно-вычислительной техники. Но плановая система не всегда вовремя реализовывала заявки на это оборудование. В середине 1980-х гг. обеспеченность им в дальневосточных вузах была в 2 раза ниже, чем в центральных районах страны.

Социально-бытовые условия студентов соответствовали общим стандартам жизни в регионе, которые в этом плане уступали центральным районам страны. Эта группа общества не была обойдена политическим вниманием (см., например, Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему улучшению материальных и жилищно-бытовых условий студентов высших и средних специальных учебных заведений» от 18 октября 1971 г.). Тем не менее, в середине 1980-х гг. обеспеченность студентов дальневосточных вузов жилищным фондом была более чем на порядок ниже среднереспубликанского уровня. В связи с этим каждый четвёртый

обучающийся в регионе был вынужден снимать квартиру, и только 10% от всего числа дальневосточных студентов, проживавших в общежитиях, были удовлетворены бытовыми условиями.

К середине 1980-х гг. не были выполнены нормативные показатели обеспеченности студентов местами на предприятиях общественного питания, оставались неудовлетворительными ассортимент и качество продукции в них Студенчество начала 1980-х гг., как и всё общество, начало ориентироваться на потребительские ценности, повышало требования к условиям жизни и учёбы.

В 1960—1980-е гг. в центре всей системы подготовки специалистов высшей квалификации стояла задача обеспечения вузов Дальнего Востока высококвалифицированными научно-педагогическими работниками — кандидатами и докторами наук. Вузы региона начинали свою деятельность при низких стартовых условиях. Активное использование всех существовавших форм комплектования вузовских кафедр специалистами (оставление на кафедрах собственных выпускников, целевая и местная аспирантура, объявление конкурсов на замещение вакантных должностей, приглашение специалистов производства и учёных ДВНЦ АН СССР на условиях совместительства и почасовой оплаты труда) способствовало тому, что к середине 1960-х гг. общая численность преподавателей в вузах Дальнего Востока возросла в 3,1 раза и составила 4 211 чел., численность докторов наук увеличилась в 1,7 раза (52 чел.), кандидатов наук, доцентов — в 2,1 раза (767 чел.). Но, несмотря на это, доля кадров вышей квалификации в общем составе научно-педагогических работников снизилась до 19,4%, что было связано с быстрым ростом сети вузов в регионе.

В последующие 20 лет происходило последовательное улучшение качественного состава научно-педагогических работников вузов Дальнего Востока. К середине 1980-х гг. их общая численность возросла в 1,9 раза и составила 8 419 чел., докторов наук — в 2,6 (137 чел.), кандидатов наук — в 4,4 (3 409 чел.), а доля остепенённых специалистов — в 2,1 раза, составив

42,1%, что соответствовало уставу высшей школы. Однако удельный вес докторов наук в вузах региона был в 2,5 раза ниже, чем в среднем по стране, а в 7 вузах не было ни одного доктора наук.

В период с 1956 по 1986 гг. число квалифицированных кадров возросло в 6,3 раза, в том числе докторов наук — в 4,5, кандидатов наук — в 9,5, при этом доля специалистов высшей квалификации возросла в 1,4 раза и составила 42,1% против 57,7% в вузах России[193, с. 523-527].

Одной из причин отставания высшей школы Дальнего Востока от средних показателей по обеспеченности докторами и кандидатами наук являлась их высокая мобильность (в советское время это называлось «текучесть кадров»). Например, в первой половине 1980-х гг. из вузов Хабаровского края выбыло 1 582 преподавателя, в том числе 19 докторов наук, профессоров и 310 кандидатов наук, доцентов, а из вузов Приморского края — третья часть кандидатов и около четверти докторов наук.

Утечка таких кадров из вузов региона была обусловлена комплексом причин, общих для всего миграционного оттока, в первую очередь — отсутствием благоустроенного жилья и перспектив его получить. Была и другая мотивация: высокие учебные нагрузки, не позволявшие преподавателям вести научно-исследовательскую работу, необходимую для профессионального роста, ограниченное количество на Дальнем Востоке специализированных советов по защитам кандидатских и докторских диссертаций. Некоторые специалисты были не удовлетворены отдалённостью региона от научных и культурных центров страны, а также суровыми климатическими условиями, уровнем развития социально-бытовой инфраструктуры.

Таким образом, в 1960—1985 гг. развитие высшей школы Дальнего Востока России было подчинено задачам его быстрого хозяйственного освоения, вовлечения уникальных природных ресурсов в хозяйственный оборот. К середине 1970-х гг. за счёт выпускников дальневосточных вузов в

основном специалистами с высшим образованием были обеспечены как базисные, так и вспомогательные отрасли народного хозяйства.

В последующие годы подготовка специалистов в вузах Дальнего Востока осуществлялась в соответствии с общими тенденциями, характерными для развития всей высшей школы страны: последовательно расширялась сеть учебных заведений, их специализация, возрастали численность студентов и выпуск специалистов. Так, если за 1959—1965 гг. в вузах региона было подготовлено 71 508 специалистов, то в последующее десятилетие — 119 086. Только технические вузы в 1966—1985 гг. выпустили 120 254 инженера про 114 специальностям.

В народнохозяйственном комплексе Дальнего Востока численность специалистов с высшим образованием выросла с 72,6 тыс. чел. в 1960 г. до 238,9 тыс. чел. в 1985 г. или в 3,3 раза. По числу подготовленных специалистов на 10 тыс. чел. населения, вузы Дальнего Востока уступали среднему показателю по РСФСР: в 1980 г. — 22 и 33 чел., 1985 г. — 21 и 33 соответственно. В то же время в Приморском и Хабаровском краях, где в основном и сконцентрированы вузы региона, этот показатель был несколько выше среднереспубликанского: в 1980 г. —35, 45 и 33, в 1985 г. — 45, 43 и 33 соответственно.

К середине 1980-х гг. на Дальнем Востоке, благодаря деятельности высшей школы региона, сложился высокий уровень удовлетворения потребностей многоотраслевого народнохозяйственного комплекса в специалистах, особенно по инженерным специальностям классического профиля. За счёт увеличения выпусков из политехнических вузов региона — Хабаровского, Комсомольского-на-Амуре и Дальневосточного — в значительной мере были удовлетворены заявки на инженеров для предприятий машиностроения, строительства, железнодорожного транспорта.

В то же время в торговом и рыбодобывающем флоте Дальневосточного бассейна было занято 45% выпускников Дальневосточного высшего морского училища им. Г.И. Невельского, а в Дальневосточном морском пароходстве,

осуществляющем транспортные перевозки, — 59%. На предприятиях лесной и бумажной промышленности региона в конце 1980-х гг. работали 96% выпускников Хабаровского политехнического института. В экономике Дальнего Востока ощущалась нехватка специалистов с высшим образованием по комплексной механизации и автоматизации машиностроения, электронно-вычислительным машинам, гидротехническому строительству речных сооружений и гидроэлектростанций, производству строительных изделий и конструкций. Острый дефицит профессионалов по технике и технологии разведки месторождений полезных ископаемых испытывали геологические подразделения. С освоением ресурсов мирового океана стала ощущаться потребность в инженерах-геофизиках. На предприятиях рыбного хозяйства не хватало специалистов по судовому электрооборудованию, судовым автоматизированным системам, на железнодорожном транспорте — инженеров по автоматике, телемеханике и связи. Ряд организаций строительной индустрии региона не был укомплектован в полном объёме инженерами по контрольно-измерительным приборам и автоматике и т.д.

В 1980-е гг. на Дальний Восток ежегодно направлялось в среднем около 1,5—1,7 тыс. специалистов с высшим образованием, подготовленных в европейской части РСФСР. В то же время за пределы региона в централизованном порядке распределялись выпускники Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта, Хабаровского института народного хозяйства, а также около 40% выпускников вузов Приморского края (инженеры-строители, технологи бытового обслуживания, легкой промышленности, инженеры-экономисты, гидромелиораторы и др.)

Анализ материалов целевых комплексных программ «Дальний Восток» и «Интенсификация народного хозяйства Дальнего Востока» показал, что в проблеме определения точной потребности в специалистах с высшим образованием обычно не было полной ясности. Вузы Дальнего Востока, как и всей страны, осуществляли массовую подготовку специалистов, по принципу «от достигнутого», по централизованно утверждённым планам. Потребности

экономики региона в основном удовлетворялись по классическим профилям специальностей, а по новым, определявшим развитие научно-технического прогресса, — ЭВМ, робото- и лазерной технике, порошковой металлургии, геологоразведке на морском шельфе и другим — далеко не в полной мере.

Число лиц с высшим образованием на 1000 чел. населения на Дальнем Востоке в 1959—1989 гг. выросло с 17 до 127, в то время как в среднем по РСФСР — с 19 до 113. То есть в начале изучаемого периода Дальний Восток по этому показателю отставал от среднереспубликанского уровня, а в конце уже ощутимо его обгонял[193, с. 525-528].

В позднесоветский период высшая школа на Дальнем Востоке развивалась в соответствии с общими тенденциями, характерными для всей системы высшего образования страны: расширялась сеть вузов, увеличивались контингент студентов и выпуск специалистов. Тип высшего образования соответствовал индустриальному периоду развития советского общества и экстенсивному характеру его экономики.

В начале изучаемого периода высшее образование было уделом немногих и давало реальное повышение статуса и дохода, но к началу 1980-х гг. оно становится массовым, соответственно его престиж снижается. Стремление к высшему образованию начинает мотивироваться нематериальными стимулами. В сущности, высшее образование давало только возможность избежать профессий физического труда, но не гарантировало не только высших позиций в верхних звеньях социальной иерархии, но даже повышения зарплаты по сравнению с рабочими. Эта тенденция не является особенностью Дальнего Востока, она свойственна СССР в целом, а также всем странам советского блока.

Возникает иерархия вузов и специальностей, причём наибольшим спросом пользовались те, которые помогали сделать карьеру на партийной и государственной службе (юридические, исторические, военные) или приобрести доступ к материальным благам (торговые, технологические). Самые престижные профессии давали возможность бывать за границей

(факультеты иностранных языков, морские специальности). Возникло также представление о «мужских» и «женских» вузах и, соответственно, профессиях. Мужской считалась сфера, связанная с производством, особенно с техникой, морские и военные специальности, а женской — непроизводственная сфера (педагогика, торговля, бытовое обслуживание, культура, бухгалтерия и документоведение). Однако многие студенты выбирали интересную, но малооплачиваемую работу по призванию (профессии журналистов, врачей, учителей, работников культуры).

Перепроизводство инженеров привело к уменьшению их престижа, возникло понятие «простой инженер», многие из них практически выполняли функции техников с небольшой зарплатой. Зачастую выбор вуза определялся параметрами, не имевшими отношения к профилю подготовки: наличием военной кафедры (для юношей, чтобы избежать службы в армии), хорошей перспективой выхода замуж (для девушек, при поступлении на «мужской» факультет), знакомством с преподавателем или руководством вуза («блат»), близостью к дому, возможностью заниматься спортом или туризмом, вести определённый образ жизни (городской или, наоборот, близкий к природе; иметь свободный рабочий график) и т.п.

В середине 1980-х гг., в связи с установкой на новый виток модернизации производства, руководство страны осознало необходимость глубокого и всестороннего реформирования всей системы подготовки специалистов с высшим образованием и повышения престижа интеллектуального труда в обществе. Однако многоплановая программа преобразования высшей школы, изложенная в постановлении ЦК КПСС в марте 1987 г., уже не могла быть реализована из-за нарастания системного, политического и социально-экономического кризиса в стране, приведшего к распаду СССР в декабре 1991 г.

1.8.2. Модель культуры советского общества и ее развитие в регионе

Модель культуры советского общества в период сталинизма формировалась властью как моностилистическая, т.е. её элементы (убеждения, оценки, образы мира, идеологии и т.п.) обладали внутренней связностью и активно разделялись или пассивно принимались всеми членами общества. Ценностным ядром культуры был советский патриотизм как единство всего народа, который на научной основе строит коммунизм — новый передовой строй без эксплуатации человека человеком. Какой-либо выраженный протест жёстко подавлялся властью. Однако Великая Отечественная война показала, что эти ценности разделяются большинством населения, которое связывает с советским проектом надежды на лучшее будущее. Дальнейший период трансформации модели культуры советского типа подробно описано в книге «Общество и власть»[193, с. 551-608] и ряде статей.

Период хрущёвской «оттепели» привёл к некоторой либерализации культурной жизни. Кроме того, внутренняя логика развития советского общества — рост благосостояния, урбанизация, увеличение числа людей с полным средним и высшим образованием, рост количества научных и культурных учреждений, расширение внешних связей — не могли не породить определённую культурную динамику. На материале Дальнего Востока отчётливо прослеживается трансформация советской культурной модели от моно- к полистилистической, выявляются этапы этого процесса, а также механизм перехода.

Механизм перехода от моностилистического типа культуры к полистилистическому включает несколько взаимообусловленных процессов. Прежде всего, это *перформативный сдвиг*[*], т.е. такое состояние официальной

[*] Перформатив (от ср.-лат. performo — действую) — высказывание, эквивалентное действию, поступку. Перформатив создаёт социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определённые последствия (например, объявления войны, декларации, завещания, клятвы, присяги, извинения, административные и военные приказы и т.п.). Произнести: «Я клянусь» — значит связать себя клятвой. Соответствующее перформативу действие осуществляется самим речевым актом. Так, присяга невозможна без произнесения её текста. В этом смысле перформативы

идеологии, когда её формальные и ритуальные моменты доминируют над содержательными и смысловыми. Марксизм-ленинизм в позднем советском обществе оставался основой легитимности правящей партии (КПСС), и поэтому его нельзя было отменить. Но сама партия уже не была, как при Ленине, радикальной экстремистской организацией и не проводила масштабных революционных реформ, как при Сталине. Она, по сути, стала консервативной, охранительной силой в обществе. Поэтому коммунистическая идеология использовалась не для описания реального состояния дел в стране, и тем более не для изменения реальности. Советская идеологическая система была формой воспроизводства лояльности, причём формальное исполнение ритуалов (членство в партийных, профсоюзных, комсомольских и пионерских организациях, выборы, демонстрации, политинформации, партийные и комсомольские собрания и др.) открывало для советских людей доступ ко всем ресурсам государства, вполне реальные возможности и новые неподконтрольные пространства свободы.

Отношение советских людей к социализму, партии, официальной идеологии определялось принципом *вненаходимости,* т.е. существованием дискурсивных и ритуальных форм системы одновременно внутри и за пределами её буквальных смыслов. Отношение большинства советских людей к официальной идеологии можно сравнить с отношением деиста или агностика к религии: не отрицая высших ценностей религии, соблюдая церковные ритуалы, он не интересуется ни богословием, ни атеизмом, и все его основные интересы носят светский характер. За редким исключением советские люди не были ни идейными коммунистами, ни диссидентами-антикоммунистами, они были нормальными обывателями, которые искали и находили возможности для самореализации, творчества, общения. Это

автореферентны: они указывают выполняемое на ими самими действие. В перформативе язык реализует функцию, близкую к магической (ритуальной): ср. такие акты, как присвоение объектам имён, провозглашение республики и т.п. (Цит. по: Арутюнова Н.Д. Перформатив // Лингвистический академический словарь. М.: СЭ, 1990 // TAPEMARK.NAROD.RU: электронная коллекция текстов. URL: http://tapemark.narod.ru/les/372c.html. (дата обращения: 08.07.2016)).

происходило как по месту учёбы и работы, так и в различных кружках, самодеятельных организациях, дружеских компаниях и т.п.

Основной инструмент репрезентации официальной идеологии канал обратной связи с обществом выполняли СМИ. После смерти Сталина и особенно XX съезда КПСС произошла либерализация идеологической сферы. В 1959 г. был образован Союз журналистов СССР. Во время XXII съезда партии по национальному радио транслировали доклад Н.С. Хрущёва и других высших лиц партии, в выступлениях которых прослеживалась критика сталинских репрессий. Настоящий шок вызвала публикация 21 октября 1962 г. стихотворения Е. Евтушенко «Наследники Сталина» в газете «Правда», критика репрессий, расколол общества и интеллигенции. Члены ЦК, стоявшие на страже традиционных идеологических ценностей, делали всё, чтобы ситуация не вышла из под контроля, чтобы тема ГУЛАГа оставалась закрытой, а средства массовой информации на местах находились под опекой идеологических аппаратов и органов цензуры

Несмотря на все ограничения, в период «оттепели» цензура несколько смягчилась[85; 193, с. 553-555]. Ещё в первые послевоенные годы при Хабаровской высшей партийной школе было создано отделение журналистики. В августе 1961 г. на основании приказа министра высшего и среднего специального образования РСФСР при филологическом факультете Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток) открылось очное отделение журналистики, а в октябре того же года — первая кафедра журналистики на Дальнем Востоке. Её заведующим стал Г.Э. Левчук, до этого много лет проработавший собственным корреспондентом газеты «Водный транспорт». Многие из студентов, окончивших журфак ДВГУ, стали известными журналистами.

Одна из ярких их представителей — Г.Я. Островская. В 1958 г. после окончания ДВГУ начала работать в молодёжной газете «Тихоокеанский комсомолец» (г. Владивосток). Затем была заведующей литературной частью

в театре им. А.М. Горького. При нём имелась театральная студия, а института искусств в то время ещё не было. Галина Яковлевна стала преподавать там историю театра, до сих пор в этом качестве она работает в ДВГАИ. Талантливая журналистка прошла путь от корреспондента молодёжной редакции до гл.редактора художественного вещания Приморского телевидения и гл.редактора Приморского радио, стала ведущим театральным критиком края. Рецензии и творческие портреты актёров составили её книгу «На сцене и за кулисами». Вместе с Т. Батовой она написала двухтомник «Образ жизни — театр». Преподаёт Г.Я. Островская на факультете журналистики в ДВФУ Достаточно типичной является биография одного из известных дальневосточных журналистов — Ю.В. Мокеева. Несколько лет Ю.В. Мокеев проработал собкором «Правды» в республиках Северного Кавказа. В 1978 г. первый секретарь Приморского крайкома партии В.П. Ломакин пригласил его обратно во Владивосток редактором краевой партийной газеты «Красное знамя», служившей примером для многих региональных газет, школой журналистского мастерства. Позже Мокеев стал редактировать выпуски спецсборника для моряков загранплавания, пять лет был заместителем редактора отраслевой газеты «Рыбак Приморья» В 1990—1994 гг. возглавлял новую газету «Утро России», тираж которой достигал 100 тыс. экз.[193, с. 554-555]

Блестящую журналистскую карьеру сделал А.Ф. Строев. Он родился и вырос в г. Шахтёрске Сахалинской области, начинал работу в Углегорской районной газете «Ленинское слово», затем окончил факультет журналистики ДВГУ. Шесть лет трудился в Сахалинской областной газете «Молодая гвардия» вместе с молодыми журналистами В. Степачевым, Е. Барановым, Е. Макушкиным, Г. Найдёновой, Ким Хва Чаном, В. Пономарёвым, Б. Кречетовым. Начал печататься в центральных газетах — «Комсомольской правде» и «Советской России», стал собкором «Комсомольской правды» во Владивостоке. Затем работал в трёх главных в то время газетах страны: «Комсомольской правде» — 11 лет, «Правде» — 2 года, «Литературной

газете» — 7 лет. Уже в постсоветский период основал популярное Интернет-издание — Агентство национальных новостей.

Примером талантливого и самоотверженного журналиста может служить Т.А. Жарикова. Выпускница ДВГУ, она начинала карьеру в газетах и на телевидении Магадана, активно печаталась как очеркист в книгах, изданных Магаданским книжным издательством. Большой период жизни был отдан Приморскому телевидению, затем перешла на исследовательскую работу, защитила кандидатскую диссертацию в ДВО АН СССР. Автор нескольких книг. Последние 20 лет жизни преподавала на журфаке ДВГУ.

Редакции дальневосточных газет работали в жёстких рамках политических и идеологических установок. Партийные органы нацеливали на разнообразие форм массовой работы с населением: съезды, слёты и конференции рабкоров должны были не столько способствовать адекватному отражению реальной жизни, сколько усилить влияние пропаганды и агитации на местах, сделать её более конкретной и действенной. Задачами пропаганды были воспитание лояльности партии и правительству, коллективизма, дисциплины, трудовой активности.

В то же время работники СМИ стремились поддерживать обратные связи со своей аудиторией — партийным активом, передовиками производства, специалистами в разных отраслях деятельности. Реализуя установки третьей Программы КПСС о расширении «самоуправления и общественных начал», в редакциях газет были организованы внештатные отделы, советы по работе с непрофессиональными авторами и «рабочими корреспондентами», в том числе сельскими (рабселькорами). Эта политика приносила реальные плоды. Так, число писем в редакцию газеты «Камчатская правда» в 1958—1964 гг. выросло с 5,4 тыс. до 12,5 тыс. В 1965 г. с газетой сотрудничали более 300 рабселькоров. Редакционная почта «Красного знамени» в 1966—1987 гг. выросла с 18 до 60 тыс. писем.

Основу системы СМИ в регионах представляли газеты, являвшиеся органами печати краевых и областных партийных и комсомольских

комитетов. Они выходили самыми крупными на территориях тиражами, которые за 1960—1985 гг. выросли примерно вдвое. Свои газеты имел каждый район, многие населённые пункты. Отдельные предприятия и ведомства также выпускали собственные многотиражки: «БАМ» (3,6 тыс. экз.), «Огни Зеи» (Зейская ГЭС, 3 тыс..), «Моряк Камчатки» (3,1 тыс.), «Авангард» (Дальзавод, 2,5 тыс.), «Дальневосточный моряк» (ДВ пароходство, 26,2 тыс.), «Звезда рыбака» (Дальморепродукт, 1—3 тыс.), «Дальневосточный учёный» (ДВО РАН, 10 тыс.), «Дальневосточная магистраль» (Дальневосточная железная дорога, 12,2 тыс.), «Молот» (завод «Дальдизель», 1 тыс.), «Пограничный водник» (Амурское речное пароходство, 5 тыс.) и др.

Рубрики газет отражали идеологические приоритеты, а также языковые стереотипы и штампы того времени: «Слово тем, кто выполнил пятилетку», «Сегодня рекорд новатора, завтра — норма каждого», «Дорожить амурской маркой», «Ставим проблему», «За лучшее питание», «Иск бесхозяйственности», «Комсомол: поколение в лицах» и т.п.

Яркой страницей в деятельности дальневосточных и сибирских журналистов стало строительство Байкало-Амурской магистрали. Журналисты «Амурской правды», «Восточно-Сибирской правды», «Правды Бурятии», «Тихоокеанской звезды», «Забайкальского рабочего», «Социалистической Якутии» и др. газет выпускали объединённые номера «От Байкала до Амура мы продолжим магистраль».

В 1960—1985 гг. продолжалось издание газет на языках малочисленных коренных народов, но если в довоенный период это были оригинальные издания, то позднее — в основном дублирующие. То есть номер местной газеты выходил на русском языке и, к примеру, на чукотском.

В 1960-е гг. на Дальнем Востоке дальнейшее развитие получило радиовещание, телевидение[83] и документальное кино. Радиовещание было очень важным средством информации для людей, живших и работавших в отдалённых местах, оторванных от цивилизации и своих близких (Чукотка, Камчатка, Сахалин) — геологов, моряков и рыбаков, пограничников и т.п. На

радио «Сахалин», основанном в 1934 г., работали многие корифеи островной журналистики — П. Шарухин, А. Панкстьянова, В. Столяров, Г. Волкова, Л. Петухова, С. Тараканов, С. Романов и др. Радио «Тихий океан» транслировало передачи на Тихий и Индийский океаны и было очень популярно на Дальнем Востоке, особенно среди рыбаков и работников Дальневосточного морского пароходства, членов их семей. Родители, жёны и друзья моряков через это радио могли передать им поздравления, попросить исполнить любимую песню.

Телевещание на Дальнем Востоке появилось в середине 1950-х гг. В июле 1955 г. первая телепередача состоялась во Владивостоке, в августе 1956 г. — в Комсомольске-на-Амуре, в октябре 1957 г. — Магадане, в декабре того же года — Райчихинске (Амурской обл.).

1 января 1956 г. во Владивостоке была открыта студия телевидения. Вначале телевидение было доступно только небольшому кругу людей: в 1958 г. на 290 тыс. жителей Владивостока приходилось всего 7700 владельцев телевизоров. Однако их число быстро росло: только в 1959—1962 гг. в магазинах города было продано 30 тыс. телевизионных приёмников. Жители Приморского края в 1965 г. приобрели 28 тыс. телевизоров, в 1975 г. — 51,2 тыс., 1985 г. — 69 тыс. Люди старшего поколения до сих пор помнят первых приморских телеведущих — Э. Куценко, З. Улановскую, А. Хортова.

В 1962 г. во Владивостоке вступил в строй новый аппаратно-студийный комплекс телевизионного центра. Ввод его в действие значительно расширил творческие возможности приморских тележурналистов. 30 апреля 1962 г. они провели первую внестудийную передачу с использованием передвижных телевизионных станций, а 1 Мая сотни тысяч телезрителей города и края впервые увидели на своих экранах парад войск владивостокского гарнизона. Дальневосточники с интересом относились к таким телепередачам, как «Время. События. Люди» и «Проблемы каждого дня» Приморской телестудии, «Люди и судьбы» Амурской и др., в их адрес приходило большое количество писем от зрителей.

Отличительной чертой эпохи становится расширение информационного пространства дальневосточников с середины 1960-х гг. С запуском спутника связи «Молния-l» (1965 г.) стал действовать телемост Владивосток – космос – Москва, с помощью которого телевизионной связью удалось обеспечить большинство районов Дальнего Востока. С 1967 г. начала регулярную работу система «Орбита», что позволило жителям региона смотреть телевизионные программы из Москвы каждый день. Особую популярность в те годы имели развлекательные передачи — праздничные «Голубые огоньки», юмористический «Кабачок “13 стульев”», концерты эстрадной музыки, телефильмы, спортивные программы. Большая аудитория была и у научно-популярных передач — «Клуб кинопутешествий», «В мире животных», «Очевидное–невероятное» и др. Выходили также детские и юношеские передачи («В гостях у сказки» и т.д.). В 1985 г. программу первого канала могли смотреть 95% жителей Приморского края, а два телеканала — 79%, в Амурской области — соответственно 94 и 77,8% (в этой области в 1981 г. на 900 тыс. чел. населения насчитывалось 230 тыс. телевизоров). Телевещанием были охвачены даже самые отдалённые районы, в том числе оно было доступно 90% населения Южно-Курильского района Сахалинской области. В начале 1970-х гг. дальневосточные телестанции стали принимать цветные программы Центрального телевидения, а во второй половине 1970-х гг. изготавливать собственные цветные телепередачи.

Деятельность местных киножурналистов получила признание властей. В 1977 г. Дальневосточная студия кинохроники отметила 50-летний юбилей и была награждена орденом «Знак почёта». Она выпускала регулярный киножурнал «Дальний Восток» и документальные фильмы. Студия «Дальтелефильм» за 20 лет своего существования (с 1968 г.) сняла около 200 документальных, научно-популярных, пропагандистских фильмов.

Государство вкладывало значительные средства в развитие материально-технической и кадровой базы телевещания, видя в нём в первую очередь массовый канал идеологического воздействия, а также просвещения

и культурного развития советских людей. Само же население всегда предпочитало наименее идеологизированные формы — развлекательные и спортивные передачи, художественные и мультипликационные фильмы. Телевидение стало неотъемлемой частью повседневной жизни и в значительной степени формировало единое культурное пространство, которое объединяло дальневосточников с жителями других регионов СССР.

Авторы пришли к выводу об особенностях культурного пространства региона. Дальний Восток стал пространством ценностей и смыслов, что подтверждает рассмотрение вклада писателей региона в русскую и мировую культуру (на такую постановку вопроса обратили внимание и рецензенты[См.: 113]). «Оттепель» (данный термин, хотя и пришел в историческую науку из публицистики, для культурной жизни, отражает суть процесса) конца 1950 — начала 1960-х гг. затронула не только дальневосточных литераторов, но и читательскую аудиторию. Многие писатели и поэты этого поколения пришли в литературу, побывав на фронте, имея богатую трудовую биографию и большой жизненный опыт. Их стремление к свободной творческой самореализации в определённой степени и на какое-то время совпало с желанием власти освободиться от наследия сталинской эпохи. А читатели, почувствовав живительное дыхание перемен, жадно ловили новое слово, несущее в себе свет правды. Так, в 1955 г. стал выходить журнал «Юность», который открыл писателей «оттепельного» поколения, таких как А. Гладилин, В. Аксёнов, А. Кузнецов и др. В 1962 г. в журнале «Новый мир» был опубликован рассказ А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», ознаменовавший собой легализацию темы ГУЛАГа в советской литературе. В стране начинался подлинный поэтический бум, связанный с именами Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной и др. Всё это движение подлинного литературного обновления коснулось и Дальнего Востока.

До реорганизации и укрупнения издательств в 1964 г. в регионе, кроме журнала «Дальний Восток», выпускались литературно-художественные

альманахи «Советское Приморье», «На Севере Дальнем», периодически выходили «Приамурье» и «Советский Сахалин».

Приморское книжное издательство во Владивостоке, существовавшее с 1945 г., было преобразовано в 1964 г. в Дальневосточное (Дальиздат), в которое на правах отделений вошли Сахалинское издательство и Камчатская книжная редакция при газете «Камчатская правда». Дальиздат совместно с Хабаровским издательством начал выпуск крупных серий книг — «Библиотека дальневосточного романа», «Дальневосточные героические повествования» и др. В 1978 г. Дальиздат стал публиковать библиотеку «Молодая проза Дальнего Востока» (около 30 книг), которая представляла молодых писателей всего региона. Заметной в это время была и серия «Путешествие по Уссурийской тайге», в неё вошли «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева, «Сын орла» Т. Борисова, «По тигровому следу» Б. Жиденкова и др. Большим спросом, в том числе и за пределами Приморского края, пользовался ежегодный детективно-приключенческий сборник «В исключительных обстоятельствах», включавший произведения, созданные на дальневосточном материале. Хабаровское книжное издательство (которому в 1963 г. было подчинено Амурское) с 1975 г. выпускало серию книг «Байкало-Амурская библиотека “Мужество”». Магаданское книжное было образовано в 1960 г. и действовало автономно.

При Дальиздате сформировалась приморская школа книжной графики. Одним из её родоначальников стал В.С. Чеботарёв. В 1970—1980-х гг. над художественным оформлением книг работали Е.И. Петровский, В.П. Трофимов, В.Г. Убираев, В.Н. Шиворотов, Ф.Г. Зинатулин, В.В. Мечковский и др. Высокий художественный уровень оформления и полиграфического качества отличал многие подарочные издания 1980-х гг., выполненные художниками С.М. Черкасовым, Дж. Кудрявцевым, Г.Л. Кунгуровым.

В 1960—1970-х гг. издательства Дальнего Востока увеличили выпуск печатной продукции более чем в два раза. Дальневосточное и Хабаровское

издательства были рентабельными и давали прибыль, а Магаданское издательство получало около 130 тыс. руб. в год дотации, что было связано с выпуском малотиражных изданий на языках малых коренных народностей Севера.

В 1960-е гг. совершенствовалась полиграфическая база: построены новые корпуса Приморского полиграфкомбината (Владивосток), Хабаровской типографии № 1, Сахалинской областной типографии, Петропавловск-Камчатской типографии. Была введена новая для того времени технология — офсетная печать.

Выросли существовавшие писательские организации (Хабаровская и Приморская), в 1960 г. был создан Магаданский отдел Союза писателей, в 1967 г. — Сахалинское отделение, 1970 г. — Камчатское, 1977 г. — Амурское. Писатели, поэты и критики имели возможность публиковаться в литературных журналах, альманахах и сборниках. Старейший и единственный для всего региона толстый литературный журнал «Дальний Восток» (издавался с 1933 г.) имел тираж 45 тыс. экз. Краевые и областные альманахи «Советское Приморье» (с 1968 г. — «Тихий океан»), «Литературный Владивосток», «На Севере Дальнем» (Магадан), «Литературный Сахалин», сборники «Тихоокеанский прибой», и др. выходили тиражом около 5 тыс. экз.

Идеология власти, которая проявлялась в её представлениях о воспитательной роли литературы, о приемлемой стилистике литературных произведений, с середины 1950-х гг. менялась довольно медленно. Выйти в свет имели шанс только идеологически выдержанные произведения, укладывавшиеся в определённую тематику: революционную, военно-патриотическую, производственную, историческую и краеведческую. В то же время требования к грамотности, общей культуре и профессионализму писателей явно повысились. Внутреннее развитие литературы не подчиняется пожеланиям бюрократии, а имело свою художественную логику. В 1960-е гг. в литературу пришло новое поколение писателей, создавших талантливые произведения. Их относят ко «второй волне» дальневосточной литературы

(«первая волна»: В. Арсеньев, А. Фадеев, Т. Борисов, а также писатели дальневосточной эмиграции 1920—1940-х гг. — Н. Байков, А. Несмелов, А. Ачаир, А. Хейдок, М. Щербаков, Б. Юльский и др.). Продолжали работать и писатели старшего поколения (Вс.Н. Иванов, М. Самунин и др.).

Своеобразие творчества местных писателей предопределялось зачастую географическим фактором — близостью к океану, жизнью в тайге, таёжной и морской судьбой героев книг. Морская проблематика находит яркое отображение в произведениях разных жанров, в частности, в таких книгах как романы О. Щербановского «Ловцы трепангов», Л. Князева «Морской протест» и «Капитанский час», повести Г. Халилецкого «Большое плавание», В. Кучерявенко «”Перекоп” ушёл на юг». Особое место занимают книги бывалых людей, создавших произведения на основе своих жизненных путей-дорог: капитана А. Щетининой «На морях и за морями», педагога Е.Я. Терешенкова «Встречи на дорогах» и др.

На протяжении 1960—1980-х гг. писатели с повышенным вниманием обращались к жанру исторического романа. Крупнейшим из дальневосточных исторических романистов считается Н.П. Задорнов (1909—1992 гг.). Писатель долгие годы жил на Дальнем Востоке, в Комсомольске-на-Амуре, неоднократно посещал Владивосток. Впервые это произошло в годы его юности. «С тех пор, — говорил Н. Задорнов, — моя голова на всю жизнь оказалась повёрнутой в сторону Тихого океана». Освоение Дальнего Востока, тихоокеанские плавания отражены в его романах «Амур-батюшка», «Капитан Невельской», «Война за океан», «Цунами», «Симода», «Хэда» и др. «Плавать по морю необходимо» — вот девиз его героев, патриотов России.

Далёкое прошлое края возникает в историко-приключенческих повестях М. Матюшина «Загадка амулета» и «Страна Ангуонов». Освоение таёжного края, подлинное подвижничество первопроходцев раскрыто в самобытных романах И.У. Басаргина «В горах Тигровых», «Дикие пчёлы». Мир взаимоотношений человека и природы, социально-нравственных

противоречий воссоздан в его увлекательной приключенческой повести «Сказ о Чёрном Дьяволе».

В этом же ряду стоит имя Ст. Балабина. Он родился на золотом прииске в Хабаровском крае, после службы в армии остался в Приморье. В 1961 г. вышел его первый роман «Приискатели». По мнению критика А. Лобычева, Ст. Балабин, как и И. Басаргин, представлял собой лучший тип дальневосточного писателя, он не искал сюжеты и героев для своих произведений в угоду той или иной конъюнктуре, а брал их прямо из дальневосточной жизни, которую не просто знал, а понимал и любил. Золотодобытчики, геологи, охотоведы и егеря, просто жители таёжных деревень — вот действующие лица его повестей и романов, в которых автор говорил о реальном Приморье. Ему принадлежат роман «Ягода голубика», повести «Егерь», «Тринадцатый пикет», «Дочь тайги», остросюжетный роман «Тайные тропы Джугдыра».

Историко-революционная проза позднесоветского периода включает в себя целый ряд произведений приморцев — А. Вахова «Адьютант», Ю. Лясоты «Красная осень», Б. Жиденкова «Петля тайги», П. Сычёва «Великий тайфун», Л. Князева «Даль не чужая», М. Матюшина «Повесть о Константине Пшеницыне», В. Дудко «Тень двуглавого орла», Ю. Кашука «Железная берёза» и др. Было издано несколько мемуарных книг, принадлежавших перу участников гражданской войны на Дальнем Востоке — М. Шимановской, В. Бородавкину. В. Элешу. Таким образом, была создана панорама истории Гражданской войны, однако эти книги по понятным причинам были сильно идеологизированы.

Одной из главных тем приморских писателей оставалась природа — её мощь, красота и тайна, особый характер живущих рядом с ней людей. Об этом повести Ю. Вознюка «Таёжная одиссея», «В плавнях Ханки», «Тепло отгоревших костров». Своеобразные по колориту повести и рассказы из жизни удэгейских охотников создал писатель из с. Красный Яр Н. Дункай, автор книг «Легенда о любви», «Скала сокровищ», «Повесть о Джанси Кимонко».

М. Деменок написал книги «Таёжные встречи», «Тропинка в тайге» и др. В его рассказах и повестях — острая наблюдательность, интересные характеры, чувство восхищения красотой природы, делами землепроходцев. Не случайно они входят в хрестоматии для детского чтения. По-своему разрабатывал тему человека и природы В. Тройнин, автор книг о китах, тиграх и бабочках. Краеведческой теме были посвящены выходившие в Дальиздате сборники «Приморье», «Океан и человек». Живописные страницы истории края воспроизвел в книге очерков «Три истории из жизни окраины» Б. Дьяченко.

Новые темы и герои, связанные с современной жизнью, появляются в произведениях писателей, которые пришли в дальневосточную литературу в 1970—1980-х гг. Здесь стоит вспомнить рассказы и повести амурских писателей Вл. Лецика, В. Илюшина, хабаровчан А. Полищука, А. Гребенюкова, приморцев Б. Мисюка, В. Вещунова, А. Лебедева, А. Ильина, В. Щербака, магаданцев В. Христофорова и Г. Ненашева, писателя с Камчатки Б. Агеева и жившего на Сахалине А. Тоболяка. Природа Сахалина и своеобразный характер его жителей стали темой произведений О.П. Кузнецова, автора книг для детей «Роса на водорослях», «Хозяйка рыбного стана», повести для взрослых «Лагуна».

В 1970-е гг. стали выходить книги В.Ю. Янковского, одного из подлинных знатоков дальневосточной природы, в том числе Маньчжурии и Кореи. Он был представителем третьего поколения прославленной семьи Янковских — предпринимателей, охотников, натуралистов и писателей. С конца 1960-х гг. жил в Ярославле, но всё его творчество было посвящено природе и людям Дальнего Востока. Публикация книг этого писателя, бывшего эмигранта в Маньчжурии, репрессированного после возвращения в СССР и отсидевшего много лет в лагерях, стала знаковым явлением, свидетельством смягчения идеологического режима.

Одним из самых значительных дальневосточных писателей является А.Н. Плетнев. В 1973 г. во Владивостоке вышла его первая книга «Чтоб жил и помнил». По рекомендации В. Астафьева, Е. Носова и В. Распутина его

приняли в Союз писателей СССР, а в 1975 г. направили учиться на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького, которые он успешно окончил и продолжил активно работать: появились новые книги — «Дивное дело», «Когда улетают журавли». Первое крупное произведение прозаика — роман «Шахта», опубликованный в 1981 г. в «Роман-газете» неслыханным по сегодняшним меркам тиражом — 2 540 000 экз., не только принёс А. Плетневу известность у нас в стране, но и был издан на многих языках зарубежных стран. Он становится лауреатом Всесоюзных премий им. Н. Островского и ВЦСПС. Роман экранизирован в 2-х сериях на киностудии Мосфильм в 1984 г. под названием «Тихие воды глубоки».

В том же городке Артёме начинал свой писательский путь прозаик В. Пожидаев, первая книга которого «Чистые струи» вышла в серии «Молодая проза Дальнего Востока» в начале 1980-х гг. и сразу стала рождением состоявшегося писателя – со своей темой, героями, индивидуальным чувством языка и стиля. Впоследствии у него были изданы ещё две книги повестей и рассказов – «Костры печальные» и «Поплачем-поплачем, да засмеёмся», где автор, используя приморский колорит, продолжает лирические традиции И. Бунина и Ю. Казакова.

В Приморье состоялся как писатель Б. Можаев, автор известных в русской литературе 1960—1970-х гг. произведений — повести «Живой» и романа «Мужики и бабы». Его первая книга прозы «Власть тайги» была издана в 1959 г. во Владивостоке. В 1968 г. одноимённую повесть экранизировали под названием «Хозяин тайги», и этот фильм стал одним из любимейших в советском кино. Участкового милиционера Василия Сережкина, распутывающего дело об ограблении поселкового магазина, и бригадира сплавщиков Рябого, организовавшего это ограбление, сыграли В. Золотухин и В. Высоцкий. В конце жизни Б. Можаев начал писать роман «Изгой», посвящённый своей дальневосточной молодости, но смерть помешала ему, роман остался незавершённым.

Первую свою книгу — военную повесть «Колокол заговорил вновь» — написал и издал в Приморье ныне широко известный прозаик В. Успенский, автор романов «Неизвестные солдаты», «Тайный советник вождя», повести «Можайское шоссе», отразившей героические действия Хасанской 32-й дивизии на Бородинском поле в 1941 г.

В области драматургии из профессиональных авторов наиболее успешно работал В. Шаврин. Несколько его пьес было поставлено на сцене театров страны. Драматургические произведения создали также В. Александровский, Г. Халилецкий, Н. Максимов.

Региональная специфика края, таёжная экзотика привлекали интерес не только местных, но и всесоюзных читателей. Так, повесть натуралиста и охотоведа Б. Жиденкова «По тигровому следу», опубликованная в журнале «Дальний Восток», а затем изданная в Дальневосточном книжном издательстве, получила одобрительный отзыв «Правды». А книга хабаровского учёного и писателя В. Сысоева о тигрице «Золотая Ригма» многократно переиздавалась у нас в стране, в том числе с иллюстрациями знаменитого дальневосточного художника Г. Павлишина, выходила за рубежом и до сих пор горячо любима читателями всех возрастов[*].

Магаданское книжное издательство в 1960—1980-е гг. выпускало до полусотни изданий в год тиражами до 50 тыс. экз., в том числе и литературу на языках малочисленных народностей Севера. Только в 1970-е гг. в Магадане вышло более 20 первых авторских книг поэтов и прозаиков. Наиболее известны книги В.В. Леонтьева, А.В. Мифтахутдинова, А.А. Пчелкина, Ю.С. Рытхэу; были удостоены литературных премий роман О.М. Куваев «Территория» (1-я премия ВЦСПС и Союза писателей СССР) и сборник Л.Л. Кокоулина «В ожидании счастливой встречи» (3-я премия на Всесоюзном конкурсе на лучшее произведение художественной прозы о современном рабочем классе и колхозном крестьянстве).

[*] В книге «Общество и власть» указаны произведения упоминаемых в отчете писателей

Самым популярным произведением о земле и людях северо-востока России стал роман О. Куваева «Территория». Начиная с 1975 г. он выдержал более 30 изданий, в том числе в «Роман-газете» (дважды тиражом по 1,5 млн экз.). Выходил он и за рубежом: на французском, немецком, испанском, арабском, английском, вьетнамском и польском языках. Книгу переводили в республиках СССР, а в Европе роман напечатали в 17 издательствах. Её экранизировал режиссёр А. Сурин в 1978 г. на студии Мосфильм (в прокате с 1979 г.), фильм был закуплен Союзфильмэкспортом для показа в социалистических странах. Успех фильма в ГДР во многом обусловлен популярностью немецкого перевода романа, издававшегося едва ли не 10 раз в Германии под названием «Золотоискатели» («Золотоискатели в Арктике», «Золотоискатели в Сибири»). Вторая экранизация романа с тем же названием «Территория» была осуществлена режиссёром А. Мельником в 2014 г.

Наиболее сложным считается последний, неоконченный роман О. Куваева, названный при посмертной публикации «Правила бегства». Рассматривая проблемы изменения внутренней самоидентификации, этические вопросы, возникающие при «бегстве» человека (что применимо к широкому кругу ситуаций — от бегства из профессии или социума до вынужденной или добровольной эмиграции из той среды, где он больше не может оставаться), автор во многом использует свой личный опыт ухода из геологии и с Севера в 1965—1966 гг. («Убегая — ты предаёшь»). Подобной проблематике посвящены также рассказ «Кто-то должен курлыкать» и повесть «К вам и сразу обратно».

Другие темы, поднятые в романе — коллективизация на Чукотке, произошедшая только в 1960-е гг. и принявшая там своеобразные формы из-за типа общественного уклада чукчей (отражена также в романе Ю. Рытхэу «Сон в начале тумана»), и тема необходимости доверия к людям, даже находящимся на нижней ступени социальной лестницы, например, к «бичам». Последняя также является основной в рассказах «Анютка, Хыш, свирепый Макавеев», «Через триста лет после радуги» и повести «Весенняя охота на

гусей». Широкую известность получила также повесть «Птица капитана Росса» (1968 г.), глубоко переработанная в 1971—1973 гг. одновременно с созданием сценария для её экранизации (двухсерийный телевизионный фильм «Идущие за горизонт», режиссёр Н. Калинин, 1972).

Трагический опыт репрессий и сталинских лагерей был отражён в литературе дальневосточных (в том числе магаданских) писателей крайне скупо, в виде намёков и отдельных упоминаний. Не только цензурные запреты, но и сама неизжитость этой травмы для магаданцев табуировали данную тему. Она была раскрыта знаменитыми писателями, которые в эпоху сталинского террора сидели в лагерях на Колыме: Е. Гинзбург, В. Шаламовым, А. Жигулиным, и др. Их книги, написанные в основном в 1960—1970-х гг., вышли в печать уже в период перестройки и после падения советского строя.

В литературе Дальнего Востока проявили себя и представители малочисленных коренных народов региона. Были опубликованы романы нанайского писателя Г. Ходжера «Конец большого дома» и «Белая тишина», нивха В. Санги и др В 1960—1980-х гг. появились (на чукотском и русском языке) стихи чукотских авторов А. Кымытваль и В.М. Тымнетувге, эскимосских З. Ненлюмкиной и Ю. Анко. Стал известен корякский поэт и прозаик В. Коянто (Косыгин). Читатели смогли познакомиться с книгами нанайца А.А. Пассара, чукчей В.Г. Кеулькута и Ю.С. Рытхэу, ульча А.Л. Вальдю и др.

Дальневосточные поэты публиковали свои произведения, созданные в той же соцреалистической парадигме, что и прозаики. Официального признания добились поэты старшего поколения, такие как С. Смоляков, П. Комаров, С. Тельканов, и более молодые П. Халов, Б. Лапузин, В. Коржиков, Л. Завальнюк, С. Лифшиц, М. Асламов, Е. Лебков, И. Белоусов, И. Еремин и др. Однако поэзия некоторых авторов расширяла предустановленные властями рамки, что ярко проявляется в творчестве Ю. Кашука, И. Фаликова, В. Еращенко, Н. Тарасова, Г. Лысенко,

А. Романенко, В. Протасова, Ю. Кабанкова, Р. Хе. Женская лирика представлена произведениями Р. Казаковой, Л. Миланич, Р. Мороз, Н. Дьяковой, В. Андриуц и др.

На Дальнем Востоке в 1960—1980-х гг. выросла своя школа критики. Начало систематизации и обобщения опыта местной литературы в целом положил С.Ф. Крившенко — литературовед, критик, профессор ДВГУ. Глубокое понимание творчества дальневосточных писателей, литературный вкус, прекрасный язык отличает работы И. Литвиненко, Ю. Кашука, А. Лобычева.

Дальневосточная тематика и литературные сюжеты нашли отражение и в других видах искусства. Например, значимым культурным событием стал выход в 1975 г. фильма Акиры Куросавы «Дерсу Узала» по повести В.К. Арсеньева, съёмки которого проходили в Приморье. На Дальнем Востоке происходит действие ставшего в 1978 г. лидером кинопроката фильма «Злой дух Ямбу́я» (1977 г.) по одноимённой повести Г. Федосеева.

В целом в 1960—1980-е гг. развитие литературы сопровождалось нарастанием противоречий. С одной стороны, в эпоху «оттепели» расширился круг тем и проблем, повысилось писательское мастерство, появился интерес к человеческой личности. Лучшие дальневосточные писатели и критики достигли высокого уровня и стали полноправными участниками общероссийского литературного процесса. С другой —творчество подвергалось жёсткому контролю со стороны государства на всех уровнях, включая идеологический диктат, неприятие «формализма» и любых отступлений от стиля социалистического реализма, монополизацию издательского дела, цензуру, приоритет лояльности перед талантом.

Идея равенства была сильной стороной системы социализма (доступное жильё, образование, медицина), но в литературе эта уравнительность, требование общедоступности для всех снижали уровень произведений, ограничивали возможности самореализации писателей. «Средний уровень» литературы — это показатель посредственности. Поэтому многие писатели

были в некоторой оппозиции к режиму не по политическим, а по чисто эстетическим мотивам, как представители «аристократии ума и таланта».

У дальневосточных авторов в целом имелось общее качество, отличавшее их от писателей европейской части страны: находясь в экзотических и экстремальных условиях Дальнего Востока, на границе материка и океана, вообще на границе, то есть стыке разных цивилизаций, они невольно уклонялись не только от канонов социалистического реализма, но и от психологически ориентированной городской прозы в сторону эпического повествования, создавая особую литературу путешествий, эпос освоения земель и морей, роман исторических приключений. Масштаб, суровость и красота дальневосточной природы, особенно северной, экстремальность профессии и сам характер дальневосточников — моряков, рыбаков, охотников, геологов — требовали именно эпической формы литературных произведений. И если в Центре попытки создать эпические полотна на тему коллективизации, индустриализации или деяний партийных начальников зачастую отдавали фальшью, то на дальневосточной территории эпичность возникала органично и придавала литературе художественную силу и своеобразие.

В книге «Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг.» трансформация показана через театр, который был трибуна актуальных проблем современности в 1960 е годы. Рассмотрен и вклад дальневосточных режиссеров в русле концепции от остросоциальной драматургии к театру переживаний. Ни один драматический театр на Дальнем Востоке не обошёл вниманием «модных» в то время авторов. Некоторые спектакли прямо или косвенно затрагивали тему политических репрессий.

По-новому в 1960-х гг. зазвучала со сцен региона тема Великой Отечественной войны: героически возвышенные образы сменяются изображением тяжести военных будней. Писателей интересует обыкновенный человек в условиях войны. На смену несгибаемому Маресьеву приходит герой, которому знакомы и страх, и боль, и душевное смятение. Новую правду

о войне дальневосточный зритель узнал благодаря спектаклям по произведениям Ю. Бондарева («Юность командиров», «Батальоны просят огня», «Последние залпы» и др.), К. Симонова («История одной любви», «Под каштанами Праги» и др.), А. Арбузова («Мой бедный Марат», «Неожиданная осень»), М. Шолохова «Они сражались за Родину» (спектакль прошёл в театрах под названием «Полк идёт»), В. Некрасова («В окопах Сталинграда») и др.

Идеологический прессинг набирал обороты, сковывал творческую свободу. В результате рождались, с одной стороны, оппозиция (что на периферии встречается крайне редко), с другой — конформизм в отношениях с властью. Со вторым жить было проще. Уже после июньского Пленума ЦК КПСС по идеологическим вопросам (1963 г.) театры страны «пересматривают» собственный репертуар, обнаруживают в нём «несовершенства», публично каются. Стали исчезать спектакли, смысловой концепт которых мог быть неоднозначно истолкован зрителем, метафорические вещи с философским подтекстом

Неприкасаемой оставалась лишь Лениниана. Абсолютно все театральные коллективы страны, включая дальневосточные, из года в год на протяжении десятилетий ставили спектакли о великом вожде пролетариата. Эта традиция была непреложной в любые времена, а в годы «оттепели» получила ещё большее оживление. Вдохновлённые «шестидесятники» на фоне разочарования культом Сталина активно выступали за «возвращение к ленинским нормам», отсюда художественная апологетика В.И. Ленина. Образ вождя революции и основателя Советского государства в эти годы воплощался в спектаклях в основном по пьесам М. Шатрова («Брестский мир», «Шестое июля», «Именем революции», «Так победим!» и др.) и Н. Погодина («Человек с ружьём», «Кремлёвские куранты», «Третья патетическая» и др.). Эти спектакли, приуроченные к революционным датам, съездам партии, ко дню рождения самого Ленина, присутствовали в репертуарных афишах всех без исключения драматических театров страны.

Актёры, которым было доверено воплотить образ вождя на сцене, входили в касту «избранных» в цеховой среде, это право надо было заслужить. Как правило, роли вождя доставались опытным актёрам, заслуженным и народным, к тому же зарекомендовавшим себя по партийной линии. Ленина играли такие маститые артисты-дальневосточники, как В. Андрианов (Камчатский областной театр драмы), А. Мартынов (Магаданский областной музыкально-драматический театр), С. Харисов (Амурский областной театр драмы), А. Лаврухин (Сахалинский областной драматический театр им. А.П. Чехова) и др.

Местные организации всероссийского театрального общества (ВТО) внимательно отслеживали появление новых писательских талантов, поддерживали творческие связи с теми, чей литературный дар уже послужил театральной сцене, приглашали на прослушивание в краевые и областные секции драматургов и делали всё возможное, чтобы достойные пьесы находили своё сценическое воплощение. Театр и его деятели прошли серьезный этап от конъюнктурного репертуара («производственной пьесы») к Вампилову и деревенской прозе**.**

В амплитуде экономических, идеологических и политических колебаний 1960-х — начала 1980-х гг. творческая интеллигенция приспосабливалась к разным формам существования.

Ярким явлением в сфере литературно-театрального процесса стали творения писателей-«деревенщиков» — В. Белова, Ф. Абрамова, В. Астафьева, П. Проскурина и др.[*] В их творчестве отразилась горькая судьба крестьян, сумевших сохранить, несмотря на все невзгоды и испытания, верность нравственным традициям. Спектакли, инсценированные по прозе «деревенских» писателей, пользовались зрительской любовью. Многие горожане, недавно покинувшие деревню ради городской жизни, были неравнодушны к общечеловеческим проблемам, поднимавшимся в этих

[*] Спектакли по произведениям В. Белова «Над светлой водой» и «Родники» появились на сценах Хабаровска, Петропавловска-Камчатского и Благовещенск в конце 1970-х гг.

спектаклях, где одной из самых болезненных оказалась тема связи поколений. Особая роль в её разработке принадлежала талантливому писателю, актёру и режиссёру В. Шукшину. Его герои оказались непривычными по своему социальному положению и жизненным устоям. Наиболее полюбившимися дальневосточникам спектаклями стали «Здравствуйте, люди!» (Магаданский театр, премьера в 1974 г.), «Печка на колесе» (Амурский театр, 1977 г.), «А по утру они проснулись» (Хабаровская драма, 1979 г.; Сахалинский областной театр, 1980 г.), «Характеры» (Сахалинский театр, 1981 г.) и др.

Для регулирования «поступательного» развития театрального творчества широко практиковались чисто административные методы: художественные советы и комитеты, введение госзаказов на постановки определённых пьес. Слабым местом в работе театров принято считать деятельность художественных советов. На них возлагалась функция контроля над идейным содержанием программы театров, которые, как считалось, работали «не в полную меру и возможность», о чём регулярно сообщалось в местной прессе.

Уровень культуры театра неразрывно связан с достижениями режиссёрского искусства. Развитие советской режиссуры определялось творческими принципами К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, направленными на раскрытие «жизни человеческого духа» как основы сценического образа. И это обстоятельство явилось великим благом для советского театра. Русская драматическая школа сберегла театр истинный, сохранила творчество в высоком понимании этого слова. Колючий политизированный дух, вносимый в театр искусственным способом, натыкался на непреодолимое препятствие — живое искусство драматического театра — театр переживаний, театр человеческих чувств. Этот дух он не утрачивал, независимо от того, по какому поводу эти чувства проявляются на сцене: страдания ли это по несохранённому хлебу, трагедия из-за отнятого у героя партбилета или простое человеческое счастье первой любви.

В эти годы театральную культуру региона развивали И.М. Лиозин и Л.И. Анисимов (Владивостокский ТЮЗ), В.Я. Левиновский и Ю.А. Чернышов (Магаданский музыкально-драматический театр), А.Е. Ребник и В.В. Шубин (Уссурийский драматический театр), Н.И. Басин и Е.Д. Табачников (Приморский краевой театр им. Горького), А.С. Раскин, В.В. Сорвин и С.В. Таюшев (Хабаровский ТЮЗ), Б.Д. Воронов и Е.В. Сахаров (Сахалинский областной театр драмы), И.А. Вознесенский, С.И. Васильев и М.А. Богатырёва (Амурский областной театр драмы) и др.

Эти мудрые руководители сумели в непростых обстоятельствах держать театры «на плаву», выполнять бесконечные указания и при этом вдохновлять людей на созидание, поиски лучшего в актёрской профессии. В них жил неиссякаемый творческий потенциал, стремление к искусству оригинальному, неожиданному.

Сценическое искусство на Дальнем Востоке развивали такие известные в театральной культуре региона артисты, как В. Захаров, А. Губский, В. Бурцев, О. Седлецкая, В. Розанов (Магадан), М. Барашкова, А. Акимов, С. Лычёв, В. Гаврилов, П. Теряев, Л. Теряева, М. Кацель, Е. Паевская (Хабаровск), А. Попов, Н. Колофидин, Г. Антошенков, В. Мялк, А. Присяжнюк, Е. Шальников, Н. Айзенберг, А. Бегреев (Владивосток), В. Андрианов. П. Таванцева, Г. Астраханкина, Н. Эренбург, А. Савельева (Петропавловск-Камчатский), Н. Белоусов, А. Любарский-Ларский, В.Н. Кондрина, П. Селиванов (Уссурийск), А. Лыткин, Н. Коротеева, А. Оськина, Р. Ренёва, К. Кисенкова (Южно-Сахалинск), В. Матвеев, Л. Васильева, А. Лаптева, Ю. Рогалев, Б. Ветров, Р. Фазлееев (Благовещенск), Л. Ярцева, В. Ячменев, В. Уменушкин, Г. Космачевская (Комсомольск-на-Амуре) и др.

Изучение реалий истории дальневосточного театра в советский период, начиная с «оттепели» и до середины 1980-х гг., позволяет сделать важное наблюдение: доминирующую роль в функционировании театральной культуры продолжали играть политические и экономические факторы. При

этом мы не исключаем духовных потребностей общества. Тем более что «оттепель» спровоцировала подъём творческой энергии: в театральный репертуар вернулись лучшие пьесы, созданные писателями начала XX в., были также вдохновлены молодые талантливые авторы. На сценах ожила романтика иной жизни, т.к. театр позволил себе отойти от жёстких канонов социалистической культуры. Пронизавший страну «воздух свободы» довольно скоро заставил «спохватиться» новое партийное руководство, которое незамедлительно вернуло театр к поискам «большой правды жизни». Идеологический прессинг 1970-х гг., хотя уже и не столь беспощадный, привёл на сцены театров новую «художественную» идею — т.н. «производственную тему». Общество нужно было как-то убеждать в том, что смысл жизни — в честном коммунистическом труде, что выполнение пятилетних планов — это общественно значимая задача, и от искусства ждали содействия в этом. Более того, театральное сообщество оказалось внутри процесса: активно участвуя в социалистическом соревновании, служители сцены хорошо понимали, к чему они должны сподвигнуть своего зрителя. К 1980-м гг. в репертуарах дальневосточных театров производственную тему сменяет «деревенская» проза — спектакли «с человеческим лицом», где важнее покосов и надоев человеческие отношения, личные переживания.

1.8.3. Генезис неофициальной культуры: инакомыслие как признак усложнения социокультурной системы

На Дальнем Востоке не было явных проявлений политического протеста, организованного диссидентского движения. Исключение составляет известный диссидент, генерал П.Г. Григоренко (1907—1987), который служил здесь несколько лет (1962—1964). Идейный коммунист-ленинец, вначале он имел несколько небольших столкновений с властями, например, протестовал против антисемитизма в академии Генштаба. Первый серьёзный конфликт

произошёл в 1961 г. после его выступления на партконференции в Москве. Он призвал к демократизации устава партии, в результате чего был лишён делегатского мандата. Почти в то же время Григоренко написал открытое письмо к московским избирателям, критикуя «неразумную и часто вредную деятельность Хрущёва и его окружения». Был немедленно уволен из академии и, спустя полгода, переведён с понижением на Дальний Восток. Здесь он создал «Союз борьбы за возрождение ленинизма» (1963), куда вошли 13 чел. (в том числе два его сына), и написал листовку о возвращении к ленинским принципам. Был арестован и направлен на экспертизу в институт им. Сербского (Москва), где его признали душевнобольным и невменяемым. Он также был лишён воинского звания и военной пенсии. Вышел из психиатрической больницы специального типа весной 1965 г., вскоре после падения Хрущёва и продолжил диссидентскую деятельность.

Однако вне поля прямой политической борьбы существовали проявления свободомыслия, критики режима, конфликты с властями разного уровня. Свободный и творческий дух начала 1960-х гг. иногда на всю жизнь объединял студентов-однокурсников, молодых учёных и писателей, участников строительных отрядов, сотрудников геологических партий. В повседневном дружеском и профессиональном общении на Дальнем Востоке возникали проявления свободной мысли: политически «вредные» высказывания, неофициальные литературные произведения, самодеятельные творческие коллективы и неформальные объединения. И почти у всех этих проявлений свободного духа была общая судьба: «стукач», донос, беседа в ГКБ или другом подобном ведомстве, «оргвыводы» разной степени тяжести.

В 1969 г. секретарь Магаданского обкома КПСС вынужден был признать, что литературные идейно-ошибочные публикации о судьбе бывших заключённых «имеют место в области». Он подверг жёсткой критике редакцию газеты Ольского района «Рассвет Севера», которая напечатала рассказ А. Буйлова «Отшельник». Герой этого произведения отбыл в лагерях Колымы 15 лет, после чего ушёл от людей и стал жить отшельником в избушке

на берегу Охотского моря. Власть обвинила автора в пропаганде крайнего индивидуализма, фатальной предопределённости судьбы как разновидности буржуазной философии[193].

Магаданские писатели пытались поднять тему тяжёлых условий жизни и работы на севере, тогда как существовала официальная установка на показ достижений социализма. Вышел сборник А. Мифтахудинова «Рассказы про Одиссея», где автор без прикрас описывает жизнь на Чукотке, за что был обвинён в крамоле — потере классового чутья. Стремление уйти от идеологического диктата в мировосприятии прослеживалась у северян и в теме «конфликта поколений», которая, например, звучала в стихотворениях А. Пчёлкина:

«А покамест кружит прямая —
сквозь туман, и пургу, и дождь.
Сквозь наветы идёт и ложь, — несговорчивая,
прямая, беспокойная молодёжь»[23]

На Камчатке оппозиционные настроения проявлялись не только среди творческой интеллигенции, но и на производстве. 27 января 1959 г. на митинге коллектива Корфского рыбокомбината, посвящённом открытию XXI съезда КПСС, плановик-экономист Г.И. Трелин обвинил парторганизацию предприятия в обмане рабочих. Арестован как антисоветчик, истолковывавший с враждебных позиций советскую демократию, клеветавший на жизненный уровень народа, заявлявший об отсутствии в СССР свободы слова, восхвалявший действия антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова.

В Петропавловске-Камчатском существовала не раскрытая органами КГБ умеренно антисоветская группа, которая собиралась в доме №86 по ул. Фрунзе у прозаика и философа А.Д. Филимонова. В неё входили В.Г. Новокрещёнов (в настоящее время преподаёт английский, немецкий и

[23] *Цит по:* Ващук А.С. Инакомыслие СССР в проявление крамолы на Дальнем Востоке (1960-1970-е годы)// Колымский гуманитарный Альманах. 2008. Вып. 3. С.168-185.

французский языки в одном из уральских лицеев), студенты Камчатского пединститута, рабочие. Нередко им читал свои новые стихи, направленные против партийно-бюрократического режима, поэт В. Науменков.

Настроения «оттепели» среди художественной интеллигенции попытались выразить и живописцы Сахалина. В начале 1960-х гг. здесь образовалась небольшая группа художников, в основном из числа молодых людей, которые стремились продемонстрировать своё видение окружающего мира с помощью новых приёмов. Осенью 1962 г. состоялась IX выставка их работ. Часть из них была посвящена природе и морю, но, по мнению партийных деятелей, произведения были выполнены под влиянием буржуазной идеологии, и творчество художников оказалось под цензурным запретом.

На Сахалине проявилась оппозиционность Владимира Подошвина — инженера–геофизика, окончившего в 1972 г. Ленинградский горный институт. В детстве он испытал большое влияние бабушки, заведующей партархивом, арестованной в 1937 г. За письма в защиту несправедливо уволенного начальника экспедиции В. Подошвина вместе с товарищами вызвали «для профилактики» в обком КПСС. Эмоциональный толчок для формирования резко оппозиционных взглядов дала продолжительная стажировка в Париже: жизнь на свободе, разговоры с эмигрантами, случайная встреча с В. Высоцким, чтение запрещённых в Союзе журналов и газет. В. Подошвин был одним из основателей и активным участником демократической организации — «Революционного коммунистического союза» (Южно–Сахалинск, 1975), а в 1980—1981 гг. организовал выпуск самиздатовского бюллетеня «Утренняя звезда», посвящённого борьбе польского народа с коммунистическим режимом. Он составлялся из переводов, выполнявшихся в разных городах Союза, из доступных иностранных газет, преимущественно зарубежных компартий — Франции, Англии, Италии, Испании, Польши, Чехословакии, Ирландии. Позже, в годы перестройки, В. Подошвин был активистом «Демократического движения за перестройку» (1988),

Сахалинского народного фронта (1989), сахалинской организации «Демократический союз» (1990)[171; 172].

Самиздатовская литература проникала в самые отдалённые районы страны, в том числе и северо-востока, особенно она читалась геологами, которые в силу своей профессиональной деятельности находились довольно далеко от парткомов. В этих коллективах царил особый дух свободы и романтики. К новому источнику неофициальной информации проявляли интерес не только беспартийные, но и критически мыслящие коммунисты, например, чиновники Чаун-Чукотского горнопромышленного управления. В «чёрные списки» органов государственной безопасности попал руководитель управления (Зайганов), прочитавший «Письма к другу» С. Аллилуевой, по его поручению было изготовлено шесть экземпляров. В число «политически беспечных» были зачислены также директор прииска «Комсомольский» и группа управленцев, куда вошёл председатель месткома.

По официальным данным, этот самиздатовский источник прочитали более 20 чел., которые смогли поделиться со своими родственниками и знакомыми. Все они были подвергнуты публичной критике и наказаны в традициях хрущёвского времени — по партийной линии: получили выговоры или были исключены из рядов КПСС. В Магадане интеллигенция читала как воспоминания и исследования «о жертвах сталинизма», так и письма обращения-протесты в связи с судебными процессами над Синявским и Даниелем. Из рук в руки передавались рукописи А. Солженицына, В. Шаламова, Е. Гинзбург, песен А. Галича и В. Высоцкого. Житель Магадана Г. Павлов рассказывает, что именно тогда он впервые познакомился с книгами Е. Гинзбург «Крутой маршрут», Б. Пастернака «Доктор Живаго» в фотокопиях, которые брал читать у бывших студентов московских вузов.

В ноябре 1968 г. в область были завезены политические листовки, где присутствовала критика советского руководства в связи с событиями в Чехословакии, но они были изъяты работниками КГБ, которые нашли их в подфарниках машины Магаданского театра. Некоторые студенты,

обучавшиеся в горном техникуме, проявляли интерес к зарубежной молодёжной субкультуре, а также к событиям в Чехословакии, высказывали отличающиеся от идеологических официальных оценок мысли. Появились разговоры, в которых ставилась под сомнение идея о возможности построения коммунизма в СССР. Чтение самиздатовской литературы в Магаданской области вышло за пределы интеллигентской среды, и крамольные оценки появились среди рабочих, они складывались под влиянием новых неофициальных источников информации и собственного житейского опыта.

Распространение самиздата в Приморском крае, по сведениям начальника управления КГБ по Приморскому краю Н. Коробкина, началось в конце 1967 г. Контролирующие органы к самиздату относили и стенгазеты, выпускавшиеся в те годы практически во всех учреждениях. В ноябре 1967 г. на химическом факультете Дальневосточного государственного университета появилась стенгазета «Стрихнин», в которой были помещены критические статьи «О кураторах», «О снабжении водой» и афоризмы, отражающие недостатки в системе советской школы и в университете. Авторы материалов — доцент Портнягин, старший преподаватель Каминский, аспиранты Караулов, Сова, Стоник назвали себя «энтузиастами без присмотра». Вызванные на беседу в партком, они проявили стойкость в своих убеждениях, заявив, что в СССР нет «настоящей свободы слова».

Определённая часть студенческой молодёжи стремилась расширить свой кругозор с помощью самиздатовской литературы. Так, Г. Пахтер, студент исторического факультета ДВГУ, ещё до своего поступления в университет (сентябрь 1967 г.) смог установить контакты с редактором нелегально издававшегося в Волгоградской области журнала «Фейерверк» Самойловым, который не признавал основного принципа советской литературы — партийности. Г. Пахтер стал одним из авторов этого журнала. Среди сокурсников он распространял письмо А.С. Солженицына IV съезду Союза писателей СССР, которое записал, слушая зарубежные радиостанции. В мае 1968 г. он, получив один из номеров журнала «Фейерверк», размножил его с

помощью студентки Оранской. События в Польше и Чехословакии Г. Пахтер оценивал критически, делился своими мыслями с некоторыми сокурсниками, хотел организовать выпуск самиздатовского поэтического журнала и с его страниц «дать бой комсомолу». Но работники КГБ оперативным путём пресекли его деятельность. «Крамольник» был исключён из комсомола и университета. С историками и филологами, студентами ДВГУ, партийные органы провели мощную идеологическую работу.

В августе-сентябре 1968 г. инженерно-технические работники 29-й экспедиции Приморского геологоуправления, работавшие в пос. Рощино Красноармейского района, В.Н. Стекольщиков (член ВЛКСМ), С.В. Курышев (литературный сотрудник районной газеты «Коммунист»), А.Ф. Бондаренко (член ВЛКСМ) организовали выпуск рукописного журнала «Новый трутень». В его третьем номере была помещена статья Курышева в связи с событиями в Чехословакии. Автор критически анализировал политику ЦК КПСС и советского правительства и осуждал ввод советских войск для подавления оппозиционных сил в других государствах. В декабре 1968 г. органы политического контроля зафиксировали факты т.н. антисоветского поведения А.Н. Ивакина, который, будучи в командировке в Москве и общаясь с сотрудником всесоюзного научно-исследовательского института гидрологии и инженерной геологии Б.А. Колотовым, получил от него статью академика Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Эту статью прочитали некоторые участники экспедиции, в том числе комсомольцы и кандидаты в члены КПСС.

В декабре 1968 г. житель г. Усть-Каменогорска М.С. Тыцких написал письмо-трактат (объёмом 56 машинописных листов), где называл многие проблемы советской экономики, вызванные существовавшими порядками распределения, формирования стоимости товаров и т.д. В письме делался вывод о том, что в СССР отсутствует не только социалистическая демократия, но и сам социализм. Автор высказал мнение, что фактически в Советском Союзе существует государственный капитализм и власть бюрократии как

класса. В январе 1969 г. копию этого трактата он отправил в адрес председателя Президиума Дальневосточного филиала СО АН СССР академика Б.А. Неунылова, но документ был передан учёному секретарю М.Я. Ямпольской, которая поручила изучить его своему техническому помощнику Т.М. Николаевой, последняя познакомила с письмом свою подругу, ассистента ДВГУ Н.Я. Мельник. В 1968—1969 гг. во Владивостоке, особенно среди научных сотрудников биолого-почвенного Института, ходил размноженный на печатной машинке роман А.С. Солженицына «Раковый корпус». В первой половине 1970-х гг. за копирование этого произведения лишились работы трое учёных Института биологии моря ДВНЦ АН СССР. Магнитофонные записи осуждённых партийно-идеологическими органами стихов и песен Ю. Кима, В. Высоцкого, А. Галича, Е. Клячкина получили широкое распространение на Дальнем Востоке и имели здесь подражателей. В некоторых магазинах даже проигрывались записи этих авторов.

Дух времени выразился в протестных формах поведения среди студенчества, не желавшего мириться с недостатками в организации их быта и библиотечного обслуживания. Так, в декабре 1968 г. активисты четырёх учебных групп филологического факультета организовали массовый невыход на занятия, протестуя против неправильного использования читального зала, который большей частью служил в качестве учебной аудитории. Кроме того, бытовые условия общежития и качество питания в студенческой столовой, которая находилась в том же здании, заставили студентов устроить там бойкот и пикетирование. Такая акция протеста была проведена в университете впервые и заставила ректорат заняться проблемами быта студентов[24].

Хотя официальной статистики о вовлечённости дальневосточников в процесс т.н. «молчаливого инакомыслия» не существует, можно утверждать, что организованных форм диссидентства в регионе не сложилось, оппозиционные настроения носили латентный и ситуативный характер.

[24] Ващук А.С. Инакомыслие СССР... С.168-185.

Впервые в коллективной монографии был поставлен вопрос о творческой интеллигенции в контексте поиска смысла жизни и новых настроений, что нашло отражение в такой постановке как **творческая интеллигенция: советский/антисоветский человек.** На страницах книги «Общество и власть» рассмотрены биографии тех, кто был не равнодушен к официальному диктату, который стремился выровнять литературное пространство, подстричь его и в идеологическом, и в художественном смыслах, но индивидуальный талант, жажда творческой свободы и поэтическая оригинальность авторов всё равно преодолевали его. Особенно характерно это для поэтов трагической судьбы. В качестве примера приводится судьба Г. Лысенко.

В конце 1970-х гг. он руководил творческим объединением «Лира», где молодые поэты и писатели собирались, чтобы учиться, общаться и поддерживать друг друга. После его смерти эту группу молодых литераторов взял под своё крыло Ю. Кашук, поэт, писатель, исследователь народной культуры, во времена перестройки организатор первой независимой дальневосточной газеты «Делин» и яркий публицист. Литературная студия Ю. Кашука под названием «Мастерская» просуществовала с 1978 по 1983 г. и казалась приморским властям довольно подозрительной, едва ли не прозападной и антисоветской, хотя сам Кашук по убеждениям был скорее почвенником и идейным коммунистом-шестидесятником. В «Мастерской» занимались молодые поэты и прозаики, многие из которых стали заметными в приморской литературе: Р. Мороз, Ю. Рудис, Ф. Макаров, А. Радушкевич, Ю. Павленко, Т. Вассунина, Ф. Аксельруд, О. Волошкевич, В. Вещунов, А. Лобычев, А. Куликов и др.

В круг «Мастерской» входили и вполне сложившиеся поэты и писатели. Например, поэта и физика по образованию А. Романенко отличало совершенно уникальное дарование: с одной стороны, его стихи были отмечены философичностью и научной подкладкой, а с другой, он был такой «русский японский поэт», его поэзия питалась как русскими корнями, так и

дзен-буддийским восприятием природы. Судьба А. Романенко оказалась подлинно трагической: в молодости он был инженером-ядерщиком, облучился и заболел лейкемией, чудом спасся, жил на Седанке как отшельник, потерял жену и, в конце концов, погиб в ДТП.

Причины, по которым в то время запрещались художественные произведения, современному исследователю уловить очень сложно. Протестное поведение творческой интеллигенции того времени часто реализовывалось в пьянстве, крайнем эгоцентризме и разочаровании. Эти два полюса (предписанные нормы и протест против них), работая одновременно, разрушали и человеческие судьбы, и творческий потенциал людей того поколения. У многих дальневосточных писателей, сделавших вполне успешную советскую карьеру, были нереализованные творческие идеи и проекты, которые не вписались в генеральную линию партии, но отражали самую глубокую суть их личности.

Реальные, а не декларативные проявления самодеятельности и «активной жизненной позиции» становились предметом внимания соответствующих органов и сразу пресекались.

В отличие от столичных, приморские художники, ступившие на путь творческих поисков вне канонов соцреализма, оставались разобщёнными, они ни разу не предпринимали попыток организовать коллективный показ своих работ, хотя в доперестроечные времена им бы этого просто и не позволили. Поэтому первая выставка приморских нонконформистов прошла только осенью 1988 г., а расцвет творческой деятельности приходится на 1990-е гг.

Парадоксальность ситуации с интеллигенцией того времени заключалась в том, что практически всегда носителями и советских, и антисоветских идей были одни и те же люди. На работе они занимались советской пропагандой (за зарплату), писали и произносили установленные формулы, как требовала политкорректность того времени, а «для души» предпочитали произведения и мысли, не одобряемые властями. Причём эта

двойственность была свойственна не только рядовым интеллигентам, но и начальникам, в том числе партийным, и даже работникам КГБ.

Новизной проекта стало раскрытие в регионе движения авторской песни и бардов [193, с. 591-601], зарождение региональной рок-культуры[144], молодежной субкультуры[193, с. 601-608]. Например, первые официальные выступления групп «Мумий Тролль» и «Депеша» состоялись в том же 1987 г., через несколько месяцев после самого первого рок-концерта. Одним из самых ярких концертных составов тех лет был «Туманный стон». За всю 12-летнюю историю своего существования они записали всего два альбома. Первый из них пользуется спросом до сих пор. Причина популярности группы — умение устраивать яркие и запоминающиеся выступления.

Во второй половине 1980-х гг. в большинстве крупных городов Дальнего Востока были созданы рок-клубы, проведены городские и областные рок-фестивали. Первый Владивостокский рок-клуб появился при Доме молодёжи в 1984 г., его президентом является И. Давыдов (Дэйв). Первый владивостокский рок-фестиваль, на котором группы проходили паспортизацию на право выступления и на самостоятельную концертную деятельность, включал группы «Хоп-н-Хоп — 121 этаж», «Ветер перемен», «Глобус», «Мумий тролль», «Аргумент», «Летучий голландец», «Мастерская», «Резонанс». После проведённого фестиваля владивостокский рок-клуб был разогнан, а все члены комиссии уволены с работы.

В последующее время рок-клуб стал практически подпольным. Поводом для конфронтации с местными властями послужило выступление групп «Мумий-Тролль» и «121 этаж» на мероприятии «Дни международной солидарности» в ТОВВМУ. Члены совета клуба, особо не скрывавшие своих убеждений и принадлежности, были обвинены в «антисоветизме, фашизме и наркомании», а по месту их работы и учёбы были направлены уведомления об их неблагонадёжности.

«Неофициальный период» закончился в августе 1986 г., когда заметно возросшая социальная активность молодёжи города (студенчества и молодых

учёных ДВНЦ в первую очередь) позволила провести первые фестивали неформальных творческих молодёжных объединений под девизом «Самодеятельность или самостоятельность». Музыканты получили возможность выйти на двухтысячную аудиторию, подтвердив тем самым своё существование. Тогда же произошла их «творческая смычка» с молодыми поэтами, позднее породившая «рокнутый театр» В. Шелепчука ПРАВА (Приморский Авангард) и рэп-поэзию В. Калиниченко.

Организаторы этих фестивалей в основном вышли из диссидентского театра С. Пранца, существовавшего с начала 1980-х гг. Большая их часть впоследствии нелегально эмигрировала в Канаду, а те, что остались, ушли в сопредельные сферы высоких технологий или культурного просветительства. Но в конце 1980-х гг. при их активном участии была заложена единственная значимая альтернативная литературно-политическая сцена во Владивостоке — клуб «Дилетант». Исключительно энергией своего основателя В. Калиниченко, клуб и машинописный журнал продержались до начала 1990-х гг. Вскоре был организован второй владивостокский рок-клуб, президентом которого в то время являлся Л. Бородин.

Противостоя идеологическому официозу и житейской пошлости, рок 1970—1990-х гг. был одним из элементов более сложной и высокой системы — культуры зрелого советского общества. В рок-культуре реализовывались не только свойственные молодёжи протестные настроения, но и общекультурные тенденции той эпохи — неудовлетворённость настоящим, поиск новых социальных, моральных и эстетических идеалов, ориентация на западные ценности и образ жизни в том виде, котором их представляли из-за «железного занавеса».

1.8.4. Государственно-конфессиональные отношения

В позднесоветский период, как и ранее, деятельность религиозных объединений была жёстко регламентирована со стороны советского

правительства, однако в разные годы это приобретало различный характер в зависимости от тенденций как во внутренней, так и во внешней политике государства. За соблюдением курса атеистической работы следил главный идеолог страны М.А. Суслов. Под его руководством был организован ряд акций, направленных на затруднение деятельности религиозных организаций, ужесточение контроля над ними. Отношение органов власти Дальневосточного региона к религии и верующим в указанный период полностью соответствовало партийно-государственным установкам как в отношении учёта общин и верующих, так и в целом «профилактической работы» с ними. Авторам Программы удалось установить, что, несмотря на такое регламентированное отношение, на Дальнем Востоке были люди с религиозными взглядами[194], что представлено в ниже приведенных таблицах (Табл. 1.11, 1.12).

Таблица 1.11. – Количество религиозных объединений, групп и верующих на российском Дальнем Востоке (1960—1989 гг.)

	1961		**1970**		**1980**		**1989**	
	общин	верующих	общин	верующих	общин	верующих	общин	верующих
Сахалинская область	1	130	5	115	9	128	11	205
Камчатская область	4	110	5	150	4	160	4	490
Амурская область	40	1240	30	1130	35	1100	30	1360
Магаданская область	7	310	10	82	19	109	19	157
Хабаровский край	40	3079	37	2071	47	2488	53	3031
Приморский край	62	3740	49	4264	51	5455	43	5368
ИТОГО	**154**	**8609**	**136**	**7812**	**165**	**9440**	**160**	**10 611**

Таблица 1.12. – Религиозные конфессии российского Дальнего Востока (1960—1989 гг.)

	1961		1970		1980		1989	
	общин	верующ.	общин	верующ	общин	верующ.	общин	верующ
РПЦ	17	3285	18	3700	18	5200	27	5700
ЕХБ (ВСХЕБ)	65	3190	51	1770	41	1665	41	1979
СЦ ЕХБ	-	-	7	434	13	361	12	352
ХВЕ (50-ки)	33	1043	23	1089	41	1193	30	1064
АСД	17	319	16	346	22	373	21	697
Св. Иеговы	5	60	2	17	6	245	7	415
Старообрядцы	10	518	16	318	6	142	6	140
Иудаизм	1	46	1	40	1	25	1	20
Меннониты	3	108	2	88	2	174	1	202
Молокане	2	30	-	-	1	20	-	-
Язычники		-	-	-	14	42	14	42
ИПЦ*	1	10	-	-	-	-	-	-
Итого:	**154**	**8609**	**136**	**7812**	**165**	**9440**	**160**	**10611**

Как видно из таблицы 1.12, на протяжении всего позднесоветского периода на Дальнем Востоке существовало количественное преобладание протестантских религиозных объединений: в 1961 г. их было 123, в то время как объединений РПЦ — только 17, в 1970 г. —101 и 18 соответственно, 1980 г. — 125 и 18, 1989 г. — 112 и 27. По численности верующих в регионе протестанты в 1960—1970-х гг. также превосходили православных. В 1961 г первых насчитывалось 4 720, а вторых — 3 285, в 1970 г. —3 744 и 3 700 соответственно. В 1961 г. в конфессиональной структуре на Дальнем Востоке общины и группы РПЦ составляли 11% (17 из 154), в 1970 г. — 13% (18 из 136), 1980 г. — 11% (18 из 165), 1989 г. — 16,5% (27 из 160), а доля православных верующих в 1961 г. — 38 %, 1970 г. — 47%, 1980 г. — 55%, в

* Истинно-православная церковь — самоназвание ряда неканонических юрисдикций, считающих себя православными, противопоставляют себя православным церквям, не находятся в евхаристическом общении с ними и, как правило, между собой.

1989 г. — 53,5%. Далее приведём краткую характеристику тех конфессий, которые действовали на Дальнем Востоке в 1960-х — середине 1980-х гг.

Русская православная церковь (Московский патриархат). В годы советской власти православная вера в отсутствии приемлемых условий её возобновления поддерживалась в среде дальневосточников главным образом за счёт сохранения традиций в семьях. Можно утверждать, что в этот период православие, не успев как следует упрочиться на территории Дальнего Востока, было практически искоренено. Из более чем 300 религиозных объединений РПЦ, действовавших здесь до 1917 г., к началу 1970-х гг. осталось только 10[*]: в Амурской области — 3 (300 чел.), Хабаровском крае — 2 (1150), Приморском крае — 5 (3700). Сахалинская, Камчатская и Магаданская области не имели к этому времени ни одного зарегистрированного объединения, а незарегистрированные группы (две в Камчатской и одна в Магаданской областях) были так малочисленны и неактивны, что местные власти просто не принимали их в расчёт. Всё это обусловило снижение религиозной обрядности в регионе, которое шло до середины 1980-х гг. Лишь в первой половине 1980-х гг. дополнительно к существовавшим были зарегистрированы ещё по два объединения РПЦ (МП) в Приморском и Хабаровском краях.

Из-за малочисленности православных верующих Хабаровская и Владивостокская епархия была упразднена ещё в 1949 г., а её приходы перешли в Иркутскую и Читинскую епархию. До 1984 г. на Дальнем Востоке служил только один благочинный — старший священник Хабаровской Христорождественской церкви, Епископ Иркутский и Читинский Ювеналий (С.А. Тарасов). Наличие разных конфессий, их рост в регионе свидетельствует, что влияние официальной идеологии в регионе. далеко не было всеобъемлющим.

[*] Ещё 5 религиозных групп РПЦ существовали в Хабаровском крае и две небольшие — в Камчатской области. Они не имели священнослужителей и собирались только по большим религиозным праздникам.

Выводы по главе. В целом исследование изменений в культуре позволило сделать следующие выводы. Культура зрелого советского общества отличалась высокой степенью универсальности и единообразия на всём пространстве страны. Переехав из Твери или Узбекистана на Дальний Восток, человек мог поселиться в такую же типовую квартиру, устроиться на работу с такой же зарплатой, его дети могли продолжить учёбу в школе по тем же учебникам и общаться с одноклассниками, обсуждая одинаковые мультики, книги, фильмы, которые знали все. Только в СССР могли быть такие тиражи книг и журналов. Вряд ли В. Набоков даже в мечтах мог предположить, что его роман «Дар» будет опубликован в СССР тиражом 1700 тыс. экз.

Советское государство поддерживало определённые культурные стандарты и инфраструктуру: человеку был гарантирован доступ к учреждениям образования и культуры, набор которых зависел от уровня поселения (столичный, республиканский, краевой, областной, районный, городской и сельский). При этом даже в отдалённых посёлках Магаданской, Сахалинской, Камчатской и др. областей действовали школы, библиотеки, киноустановки, «клубы» (где проводились не только официальные собрания, но и вечера с танцами, работали различные кружки, занимались художественной самодеятельностью, куда приезжали артисты в рамках шефской помощи или на гастроли). Именно благодаря государственным стандартам в столицах каждого края или области возникали вузы и научные институты, библиотеки, театры и дворцы культуры, картинные галереи и музеи, художественные и библиотечные училища и т.п. На базе этой же инфраструктуры развивалась и неформальная, неофициальная культура: статьи, книги, песни, картины, музыка, которые не соответствовали канонам социалистического реализма и даже критиковали режим, создавались в лабораториях, кабинетах, на сценах, мастерских и редакциях, предоставленных государством.

Благодаря прямой государственной поддержке и политике выравнивания социокультурных различий на Дальнем Востоке в 1960—

1980 гг., все сферы культурной и духовной жизни достигли достаточно высокого уровня: сформировались кадры профессионалов в СМИ, литературе, театре, изобразительном и музыкальном искусстве, оформились творческие союзы, возникли развитые формы обучения и репрезентации результатов деятельности (выставки, фестивали, конференции, спектакли, концерты и т.п.), взаимодействия с центром и другими регионами. Дальневосточные деятели культуры и искусства занимали свою нишу в общесоюзном культурном пространстве, а произведения некоторых из них приобрели популярность по всей стране и за её пределами.

Вклад Дальнего Востока в российскую (советскую) и мировую культуру определялся тем, что это была территория, порождающая оригинальные ценности и смыслы. Грандиозная и прекрасная природа требует от человека проявления его лучших качеств, служит инструментом самопознания и переоценки ценностей, создаёт глубокие и истинные отношения между людьми. Этот идеал был создан дальневосточными писателями и художниками и оказался востребован в советском обществе, привлекая на Дальний Восток «романтиков» со всей страны.

Позитивной стороной этого сглаживания, выравнивания культурного ландшафта было «подтягивание» отсталых регионов и низших слоёв населения к более высокому уровню, а негативной — ограничение самореализации тех, кто возвышался над общим уровнем. И низшие, и высшие проявления культуры попадали в маргинальную зону, но продолжали существовать на периферии системы.

Культура этого периода демонстрирует высший уровень зрелости и сложности, но в ней уже начинают проступать признаки кризиса и линии будущего раскола. Усложнение и специализация культуры вступали в противоречие с логикой бюрократического контроля. Речь идёт не о сознательной оппозиционности отдельных деятелей культуры, а об объективном противоречии двух культурных систем. Трансформация этой сферы на Дальнем Востоке, как и во всём СССР, проявилась помимо всего

прочего в том, что наряду с официальной культурой стали развиваться иные культурные формы, обладающие альтернативными ценностями, реализующими другую стилистику. Наиболее восприимчивой к новым реалиям была молодёжь, поэтому именно в молодёжной среде возникли такие явления, как субкультура авторской песни (движение бардов) и рок-культура, представлявшая собой контркультурный феномен, т.к. она выражала активный протест против советской моностилистики. К неофициальной культуре можно отнести и религиозную жизнь как в её традиционных конфессиональных формах (православие, старообрядчество, протестантизм и др.), так и в новых проявлениях мистики, эзотерики и т.п.

В изучаемом периоде выделяются два этапа: период хрущёвских реформ (середина 1950-х — 1964) и период «зрелого социализма» (1965—1985). Первый этап носил транзитивный характер, отличаясь бурными инновационными и творческими процессами. Второй этап — период стабилизации: усложнения, дифференциации и усиления консервативных элементов в официальной культуре, а также возникновения неформальных суб- и контр- культур на периферии системы.

1.9. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ И РАЗРУШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ДИНАМИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ (1980-Е)

В данной главе представлены результаты выполнения второго этапа Программы. Они были опубликованы во второй части коллективной монографии[193], в коллективных двух книгах, посвященных социально-политической безопасности[126, 127], в сборнике статей[2], в отдельных главах монографий[1; 3], аналитических Отчетах[62] и серии статей. Особенно важно выделить такой новый аспект как обобщение опыта выявления и обобщения полевого материала при изучении повседневных структур[146].

1.9.1. Ситуация во властных структурах Центра и региона. Социальные настроения населения в годы Перестройки

Трансформация власти в данном параграфе показана в контексте социальных настроений дальневосточников, что позволяет провести сравнительный анализ ответа органов власти на местах к реформам, (получившим в политическом дискурсе и также в научной литературе[11; 23] перестройка), и реакции дальневосточного сообщества на проводимые позднесоветские реформы. Безусловно, без краткого обзора общего материала нельзя обойтись, поскольку многие события в регионе стали ответом на вызов Центра[165, с. 55-58;]. В опубликованных работах по Программе выделена такая общая проблема как «гласность «и новое мышление: деконструкция идеологического канона и ее культурные последствия»[193, с. 661-679].

24 апреля 1985 г. состоялся пленум ЦК КПСС, провозгласивший курс на перестройку советского общества. Руководство партии и государства во главе с М.С. Горбачевым главным направлением своей деятельности определило ускорение социально-экономического развития страны. Реализация этого лозунга выдвинула на первый план тезис о всесторонней демократизации внутрипартийных и общественных отношений, широкое и гласное участие населения в общественно-политической жизни. Наступило время бурных дискуссий об исторических судьбах России, ее либеральных альтернативах, о текущем моменте и путях дальнейшего движения вперед. Этот исторический опыт дальневосточники оценивают по-разному[134; 139].

В сфере государственного управления были поставлены новые задачи, в резолюциях XIX Всесоюзной конференции КПСС принято решение о разграничении компетенции партийных и советских органов. В сфере управления внимание в публикациях сосредоточено на анализе отражения стиля М.С. Горбачёва на политические изменения в регионе.

Предполагалось, что партия будет освобождена от конкретной оперативно-распорядительной деятельности и сосредоточит свои усилия на

разработке политических и идейных программ. В соответствии с этой концепцией были ликвидированы отраслевые отделы в партийном аппарате и, это позволило разных групп советской элиты фактически приступить к приватизации государственной собственности. Партийные управленцы на местах достаточно быстро сдавали свои позиции[162; 168], уступив «руководящую» функцию Советам. После XIX Всесоюзной конференции КПСС на всех региональных партийных форумах отмечались трудности, связанные с неэффективностью работы советов, хотя в результате проведенной реорганизации системы государственного управления политическая и социально-экономическая ситуация в стране стала менее стабильной, высшее партийное руководство упорно продолжало попытки придать советам статус полноценных органов власти. Неспособность партийных организаций Дальнего Востока России к активной и наступательной политической борьбе отчетливо проявилась на выборах народных депутатов СССР (март 1989 г.) и народных депутатов РСФСР (март 1990 г.). И хотя в большинстве случаев партийному руководству удалось провести в новые союзный и российский парламенты своих кандидатов, это была пиррова победа. Как разворачивались события в регионе, как с исторической арены уходила КПСС на местах подробно авторами проекта описано в публикации[126, с. 96-99], раде статей и диссертации А.Е. Савченко[198; 205; 206; 207; 208]. В феврале 1990 г. пленум ЦК КПСС одобрил платформу к XXVIII съезду партии «К гуманному, демократическому социализму». Партия отказывалась от политической гегемонии и заявляла, что целью общественного развития в стране является построение правового государства. Предполагалось продолжить всестороннюю демократизацию общества, в том числе путем перестройки механизма власти. Ставилась задача превратить советы в органы, последовательно выражающие волю народа и сосредоточивающие в своих руках нити государственного управления. Подчеркивалось, что ключевое значение для эффективного управления приобретает разделение властных функций – законодательной, исполнительной и судебной. Однако советы,

давно превращенные в придаток власти Коммунистической партии, при сохраняющейся ее политической гегемонии, не могли стать действительно полновластными органами.

Одной из главных причин глубокого кризиса советского общества была накапливавшаяся многие десятилетия противоречия во внутренних отношениях в КПСС[168].

Один из аналитиков ЦК КПСС в начале 1991 г. такими словами суммировал проявления этого процесса: в партии преобладает одностороннее влияния руководящего состава на рядовых партийцев, вышестоящих структур на нижестоящие. Воздействие же рядовых коммунистов на руководящий корпус было незначительным и неэффективным. Во-вторых, была налицо оторванность верхов от партийных низов. Многочисленные лозунги и декларации о связи руководителей всех рангов с простыми коммунистами и беспартийными массами воспринимались, как правило, в пропагандистском плане. В-третьих, в КПСС сложилась атмосфера чинопочитания, а подчас и идолопоклонства, годами культивировалась психология маленького человека, винтика. Это порождало ощущение безысходности ситуации, собственного бессилия что-либо поменять. В-четвертых, значительно усилилась теоретическая и политическая апатия, пассивность многих коммунистов. В-пятых, в КПСС в целом существовала обстановка подавленности, молчания, отсутствия критики, требовательного взаимного спроса. В результате развитие событий все больше выходило из-под контроля партии, ее регулирующие советское общество «приводные ремни» все чаще отказывали. Утрата авторитета партии в обществе сразу же отразилась на управленческой функции партийного аппарата[126, с. 94-100; 206] и на появлении взаимной критики Центра и регионов. А.Е. Савченко пришел к выводу: «в реальности региональный уровень власти оказался под прицелом критики партийных лидеров из ЦК КПСС за неумение организовать преобразования на местах и даже за сознательное сопротивление реформам, что означало конец брежневского консенсуса между разными уровнями власти и потенциальную

угрозу для стабильности всей системы взаимоотношений Центра и регионов. Однако взгляд высшего руководства на региональный уровень как на оплот консерватизма не подтверждается»[126, с. 100].

Кроме общего призыва к коммунистам «выйти из окопов», от руководства КПСС и позднее от КП РСФСР на места не поступало четких указаний, инструкций, заданий, что еще более усиливало растерянность, идейный и организационный разброд в партийных низах, которые оказались совершенно не готовыми к работе в условиях жесткой политической конкуренции. На восточной территории страны партийные организации оказались один на один с все крепнущей оппозицией правящему режиму, что подробно описано в упомянутой диссертации, в частности в разделе «Противоречия мобилизационной системы государственного управления и складывания потребительского общества»[126, с. 80-100].

В условиях разрастающегося кризиса советского общества номенклатура стала быстро слабеть и терять свою прежнюю эффективность. В отсутствие формально прописанных правил, регулирующих движение кадров, чрезвычайно большую роль играл субъективный фактор. Штаты аппаратов набирались, передвигались и повышались по протекции, принципу личной преданности, землячества, кумовства, родства или свойства. Равным образом наказания и смещения с должности тоже зависели в основном от позиции (часто предвзятой) того или иного руководителя. На январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС приводились факты «серьезных нарушений партийной этики» и даже «преступных действий» со стороны руководителей многих республик, краев и областей страны.

Политическое управление уже давно подменялось решением организационно-хозяйственных вопросов. Качество советской элиты постоянно ухудшалось на протяжении десятков лет, но с началом перестройки стало ясно, что эта проблема требует безотлагательного решения. В стране началась «кадровая революция». Свои места покинули большинство секретарей дальневосточных партийных комитетов, получивших должности

еще при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневе – А.А. Авраменко (1985 г.); Н.И. Мальков (1986 г.); Д.И. Качин (1986 г.); Л.Б. Шапиро (1987 г.); П.И. Третьяков (1988 г.); А.К. Черный (1988 г.). Но им на смену приходили представители все того же номенклатурного типа, которые несли с собой груз устаревших представлений о своем начальственном предназначении, и том, как управлять подчиненной им территорией, хотя некоторые из них пытались обновить стиль партийного руководства и собственного. Так, 29 июня 1985 г. на пленуме Амурского обкома КПСС был отправлен в отставку С.С. Авраменко. Его место занял Л.В. Шарин. В первые дни после своего приезда в Благовещенск он немало удивил горожан новым «демократическим» стилем поведения. Л.В. Шарин запросто ходил по магазинам и колхозному рынку, стоял в очереди в магазинах, жил некоторое время в гостинице, где собственноручно нарезал хлеб и огурцы на скромных трапезах с обслуживающим персоналом. Впоследствии выяснилось, что это был лишь хорошо разыгранный спектакль. В мае 1988 г. в Южно-Сахалинске произошли события, завершившиеся отставкой первого секретаря обкома партии П.И. Третьякова и, положившие, по сути, начало публичной политике в регионе. В условиях объявленной демократизации внутрипартийной жизни выборы делегатов от Сахалина на XIX Всесоюзную конференцию КПСС были проведены по старой схеме (на 13 мест баллотировалось 13 кандидатов) несмотря на то, что активным самовыдвижением впервые занялись «альтернативные» кандидаты. Материалы собкорра Гостелерадио СССР В. Мезенцева с критикой «сахалинского варианта» выборов вышли в эфир Всесоюзного радио 16 и 17 мая. Но 21 мая на площади вместо обещанной съемки (к тому времени ее организатор был срочно вызван в Москву) состоялся первый за годы советской власти стихийный митинг. Выступавшие на нем сахалинцы выразили протест против состоявшихся выборов, приводили многочисленные примеры нарушения социальной справедливости, жилищного законодательства, экологической ситуации на островах[170; 173; 175; 176].

Специфической формой политического участия населения в советское время (одной из немногих доступных и эффективных) являлись различные способы апеллирования к власти, которые реализовывались, главным образом, через обращения в партийные органы разного уровня, Советы народных депутатов и средства массовой информации. О том, что в регионе усиливаются новые общественные настроения, свидетельствовали в первую очередь темы обращений во властные структуры. В 1987 г. среди них доминировали такие вопросы как медленный переход советских и хозяйственных органов под условия, заданные перестройкой. В обращениях порой содержались требования подотчетности избираемых и назначаемых должностных лиц перед населением и большего доступа к информации, особенно при решении затрагивающих интересы людей вопросов[173]. Наибольшее число писем и обращений в партийные комитеты было посвящено социальным проблемам, особенно состояния жилищной сферы и обеспеченности жильем[173; 174].

Партийные деятели на местах, все-таки пытались реагировать на новую ситуацию и расширять связи с «низами», помимо традиционных форм налаживали другие, дополняющие каналы связи с населением. Организовывались дни открытого письма, сходы граждан, подворные обходы, вечера вопросов и ответов, общественные приемные при редакциях газет, выездные приемы граждан. В газетах, на радио и телевидении появлялись рубрики «Вы спрашивали», «Дискуссионная трибуна», «Резонанс», «Дайте слово!», «Открытый объектив», «Прямой вопрос». Эти плановые мероприятия усиливались в преддверии подготовки к общесоюзным и региональным партийным съездам, выборам разного уровня. В те годы дальневосточники демонстрировали интерес к партийной власти и своими предложениями надеялись усовершенствовать управление, чтобы улучшить условия жизни. В обсуждении «Тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции» приняло участие более 700 тыс. приморцев, 112 тыс. членов партии, более 40 тыс. человек выступили на разных собраниях. Было высказано свыше 17 тыс. замечаний, предложений и дополнений.

Кроме вовлечения населения в широкое обсуждение предложенных властью тем, они должны были снимать и назревавшую социальную напряженность, но, как отмечали сами работники партии, действенность их по ряду причин (в том числе из-за отсутствия должного анализа и учета мнения и запросов населения) оставалась невелика. Согласно данным анкетирования на Сахалине (откликнулось 1065 чел., из которых 848 коммунистов) наиболее слабым звеном в работе обкома была признана слабая связь с населением (41% опрошенных). Недостатки в подборе и расстановке кадров и упущения в социально-экономическом развитии территории отметили 38,3% и 37,9% жителей соответственно.

Новой формой, возникшей «снизу» стало и создание дискуссионных политических клубов, но инициативу в определении тем для которых вскоре перехватили коммунисты – сторонники демократических преобразований. Они ставили своей целью разработку конкретных рекомендаций по проблемам региона. Также работали «круглые столы», «трибуны актуальных проблем», исторические чтения. Организация диалога с властью, а также выбор тех или иных способов коммуникации, реализовывались, прежде всего, в пределах существовавших политических возможностей. В дальневосточном обществе уже был накоплен необходимый для перехода к решительным действиям потенциал.

Категория «социального настроения» в современном социологическом прочтении позволяет применительно к описываемому историческому периоду выявить не только элементы сознания массового, но и присущие отдельным группам населения. Способное «опережать процесс познания общественной жизни», их мнение, «несанкционированное» и не вписывавшееся в рамки установленных норм, оказало важное влияние в целом на трансформацию общественно-политического сознания населения региона. Следует исходить из того, что социальные проблемы – это не только сама по себе ситуация, но и деятельность индивидов и групп, выдвигающих утверждения и требования.

Роль выразителей общественных настроений взяли на себя новые политические движения. Большой общественный резонанс имело возникновение в студенческой и интеллигентской среде крупных городов центральной России неформальных группировок культурно-просветительного толка, экологической направленности, которые во второй половине 80-х гг. постепенно стали втягиваться в политику. Таким примером стали сахалинцы.

Основной целью «Демократического движения за перестройку» (ДДП) провозглашало восстановление ленинских принципов социализма и создание подлинного народовластия. Первоначально Движение взяло на себя роль активного помощника перестройки, предлагая свое содействие и поддержку горкому КПСС в налаживании диалога между населением и властью, в борьбе с бюрократизмом и номенклатурными привилегиями. Формы работы включали в себя: собственные расследования фактов социальной несправедливости, сбор (в том числе через обращения граждан) и доведение актуальной информации до населения, разработка различных предложений и рекомендаций для государственных, хозяйственных и партийных органов, проведение тематических митингов, городских собраний и регулярных «гайд-парков» (правовая неопределенность такого «уличного «парламента» позволила властям вскоре их запретить), налаживание сотрудничества с заинтересованными группами (молодежными, экологическими), обращения в СМИ, ЦК КПСС.

Достижение необратимости демократических преобразований, по мнению участников ДДП, было возможно через создание механизмов непосредственной демократии, многообразие политических форм активности граждан, обеспечения прямого участия широких масс в решении ключевых вопросов жизни страны через общенародные обсуждения и референдумы. Содействие реализации этих задач, наряду с обеспечением интересов и защитой прав и достоинства людей труда, проведением в жизнь принципа гласности и доступности информации — избраны были основными

направлениями деятельности организации. Хабаровский народный фронт также признавал, что единичные усилия граждан и отдельных групп не способны изменить существующее положение и выступал как «форма проявления общественной инициативы и ответственности граждан».

Но вместе с тем, контролирующие органы общественную обстановку, использовали различные методы дезорганизации ДДП: запрет на проведение мероприятий, увольнения активистов с места работы. Кроме того, Движение в отсутствие единства превращалось в «пятое колесо в бюрократической телеге», «вспомогательную службу горкомхоза.

Движение вышло за рамки Южно-Сахалинска, аналогичные группы стали возникать и в других городах области. ДДП включилась в широкую сеть информационных каналов. Были установлены связи с Демократическим Союзом, Московским народным фронтом, Дальневосточным народным фронтом, Владивостокским политическим клубом «Демократ» и многими другими. Нараставшие разногласия и противостояние в Движении и специализация его отдельных направлений послужили выделению из его состава уже в качестве самостоятельных нескольких групп, на основе которых были впоследствии созданы новые общественно-политические движения и партии.

В отсутствие собственной организационной и концептуальной базы объединения демократов на востоке страны возникали спонтанно либо в результате усвоения московского опыта дальневосточниками, побывавшими в столице, либо как следствие агитационно-пропагандистской деятельности эмиссаров из центральных городов страны. В стане дальневосточных демократов находилась самая разная публика: активисты политических клубов, объединений, движений, партий, комсомольские работники, творческая и научно-техническая интеллигенция, отставные военные, всякого рода неформалы, лица пострадавшие от сталинских репрессий, представители национальных меньшинств, казачества и т.п.

Первые неформальные объединения в регионе испытывали на себе все недостатки самоорганизации «снизу»: немногочисленность активных членов, трудности мобилизации и расширения социальной базы, нехватка собственных финансовых и административных ресурсов. Осуществление реформ требовало массовой поддержки «снизу», а советской элите (той ее части, что уже осознала свой корпоративный интерес) были необходимы политические союзники.

После выборов народных депутатов СССР и с образованием Межрегиональной депутатской группы (МДГ) у демократов появился единый центр. МДГ обратила особое внимание на подготовку к выборам народных депутатов местных советов и с этой целью в июле 1989 г. в Москве, а затем в других городах были созданы объединения избирателей. 20-21 января 1990 г. на учредительной конференции ряда кандидатов в народные депутаты РСФСР было решено создать избирательный блок «Демократическая Россия», который девять месяцев спустя оформился в широкое общественное движение. Сахалинский народный фронт, созданный весной 1989 г. прежде всего для увеличения сторонников движения в преддверии выборов в Советы народных депутатов области просуществовал чуть более года.

Наиболее рельефно процесс консолидации оппозиции правящему режиму проявился в Хабаровском крае. Здесь в конце 80-х гг. возникло множество организаций демократической направленности, представлявших как местные инициативные группы, так отделения, ячейки и ответвления столичных партий и движений

В Приморье началом истории политических неформальных движений можно считать 10 декабря 1988 г. В этот день было провозглашено создание во главе с И.К. Гринченко клуба «Демократ», имевшего целью объединить жителей в борьбе за построение демократического общества[193, с. 711-738]. Партийные и комсомольские структуры принимали деятельное участие в создании некоторых неформальных движений в крае. Экологическое движение в крае было представлено Приморским обществом экологических

действий, зарегистрированным в мае 1988 г. при Географическом обществе АН СССР. Участники проводили работу по контролю за состоянием прибрежных вод Амурского залива, были заняты организацией экологических экспертиз различных проектов, способствовали развитию экологической гласности. Поддерживали контакты с экологическими группами Приморского края (г.г. Арсеньев, Дальнегорск, Дальнереченск, Находка, Уссурийск, Рощино). В Находке действовал «Экологический центр», который совместно с политклубом "Гласность" (пос. Врангель) и «Клубом интернационального морского братства» участвовал в проведении разного рода экологических мероприятий (общественно-политические дискуссии, митинги, работа с властями по решению проблем).

Некоторое представление о характере и масштабах демократического движения на Дальнем Востоке дает анализ состава участников региональной конференции народных фронтов и других формирований, проходившей 23-24 сентября 1989 г. в Комсомольске-на-Амуре 26-27 января 1991 г. в Комсомольске-на-Амуре состоялась краевая учредительная конференция движения «Демократическая Россия», в которой участвовали 48 делегатов от 20 партий, организаций и движений и 128 гостей, среди которых были народные депутаты СССР и РСФСР, депутаты краевого, городских, районных и сельских советов, члены республиканского координационного совета движения «Демократическая Россия», представители ассоциации малочисленных народов Севера, комитета солдатских матерей, уссурийского казачества. В документах конференции подчеркивалось, что основным препятствием для национального и демократического возрождения России является КПСС, поэтому все демократы должны объединиться и вытеснить ее с политической арены.

В Амурской области неформальные организации впервые проявили себя в ходе кампании по выборам народных депутатов СССР. К концу 80-х гг. они стали заметной силой в местной политической жизни. 19 января 1991 г. в Благовещенске состоялась учредительная конференция Демократического

блока «За возрождение России», в которой приняли участие 52 человека. В постановлении конференции было записано: «В целях объединения всех демократических движений и групп граждан, действующих в городах и селах Амурской области учредить общественно-политическую организацию Демократический блок «За возрождение России» с координационным советом в Благовещенске». Вскоре Демократический блок перешел к проведению публичных мероприятий. 10 марта 1991 г. им был организован на самом большом стадионе Благовещенска массовый митинг, посвященный предстоящим союзному и российскому референдумам[193, с. 711-738]. После этого амурские демократы сосредоточили свои усилия на агитации за Б.Н. Ельцина на президентских выборах, намеченных на 12 июня 1991 г. Формы этой работы были разнообразны: изготовление и распространение листовок, встречи с избирателями, беседы по месту жительства.

В Магаданской области в пос. Билибино с 1987 г. действовал общественно-политический клуб «Гражданская позиция», который вел активную работу по вопросам местной жизни, производственным вопросам, экологии, законотворческой и правозащитной деятельности. В июле 1988 г. в ходе митингов была создана организация «Демократическая инициатива», определявшая своей целью контроль за партаппаратом, органами МВД, борьба за права человека, экологию, участие в проекте «Мемориал». Она явилась инициатором создания весной 1990 г. «Антикоммунистической лиги». Для содействия на выборах демократически ориентированным кандидатам осенью 1989 г. была организована Ассоциация избирателей Магадана. Зарегистрированная в октябре 1989 г. общественно-политическая организация «Содействие перестройке» осуществляла гражданский контроль в различных сферах, совместно с представителями властей участвовала в обсуждении проблем города. Летом 1989 г. в Магадане был образован Северо-восточный народный фронт.

В Петропавловске-Камчатском в период предвыборной кампании 1989 г. по выборам народных депутатов СССР была создана инициативная

группа. Геологи выдвинули кандидатом в народные депутаты Т.Х. Гдляна. Однако он, так же, как и некоторые другие кандидаты, не был зарегистрирован окружным избирательным собранием. Против оставшихся после собрания трех кандидатов по территориальному округу группа развернула активную кампанию. 25 марта 1989 г. в городском районе "Сероглазка" на площадке перед зданием объединения "Камчатгеология" состоялся митинг под девизом "Избиратели должны знать правду о своих кандидатах" (участвовали около 2 тыс. человек). Перед первым туром ИГ призывала вычеркивать всех трех кандидатов. Перед вторым (остались П.П. Зиновьев и В.И. Киселев) – бойкотировать выборы. Народным депутатом СССР стал П.П. Зиновьев. Объединение "Инициатива" выступило за решение общедемократических задач. Весной 1989 г. оно включало в себя около 100 членов и оказывало большое влияние на общественно-политическую жизнь в городе [193, с. 718-719].

У дальневосточников в те годы вызывали повышенный общественный интерес печатные издания неформальных движений (самиздат) и прежде всего как альтернативный источник информации, разрушавший монополию государства на истину. Главной своей миссией самиздатовские издания провозглашали реализацию прав населения на свободу слова и мысли[193], содействие росту политического правосознания.

Дальневосточники оказались неравнодушными и возникновению межэтнических проблем, в том числе взаимоотношениям местного населения с иностранной рабочей силой, прибывавшей по Межправительственным соглашениям и организованному набору (гражданами КНДР, СРВ, КНР), с корейским населением.

Спектр социальных настроений дальневосточников включал и рефлексию на сложную социально-экономическую ситуацию у коренных народов Севера – невозможность ведения ими полноценной хозяйственной деятельности. В те годы обсуждалась проблема гласного обсуждения на альтернативной основе проектов развития региона, требование

необходимости обязательного проведении референдумов при принятии всех важнейших решений (из обсуждавшихся: по строительству АЭС, ГЭС на Амуре, размещения военных объектов, ИТУ, повышения административного статуса районов, о снятии погранзоны в Приморском крае, в Сахалинской области и прочее.

Как и в других регионах поднималась тема борьбы с привилегиями и восстановление принципов социальной справедливости, но в специфической проблематике, например, так называемые «круизы для своих» – это поездки в Японию профсоюзного, партийного руководства из Приморья и Сахалина. В на Дальнем Востоке целом проявлялась реакция на злоупотребления служебным положением. В периодической печати тех лет приводится так много подобных фактов, что отметим только те, которые получили большой общественный резонанс. В конце 1989 г. громкую известность получила некрасивая история с туристической поездкой в Японию некоторых руководителей Приморского края для приобретения автомобилей, и получившей в прессе характерное название «круиза для своих». Подобное имело место в феврале 1990 г. на Камчатке и Сахалине. В 1990 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел действия группы руководителей Амурской области, использовавших служебное положение для реализации остродефицитных товаров (автомашин, видеосистем) с грубыми нарушениями установленного порядка. Тогда же в Магаданской области были вскрыты случаи нарушения жилищного законодательства со стороны ответственных работников обкома партии.

Социальные настроения дальневосточников усиливали напряжение в регионе за счет обсуждения политической проблематики, в частности законодательного упорядочения льгот для граждан, проживающих в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним.

Неформальная печать будоражило дальневосточников и острой дискуссионной идеей независимости Дальнего Востока от центра (создания Приморской республики, Независимой Демократической островной

республики, ДВР, Дальневосточной Демократической Республики, Еврейской автономной республики, Национальной автономии коренных малочисленных народов Сахалина).

Характерно, что в условиях демонополизации, усилившейся неэффективности управления, снижения авторитета коммунистической партии, неспособной на местах влиять на развитие событий, население страны (согласно опросу 1989 г.) видело способы решения проблем, прежде всего в наказах депутатам (68,6%), использовании СМИ в поддержку своих требований (67,7%), в обращениях в органы власти (66,1%), политических дискуссиях (63,5%), санкционированных митингах (57,1), проведении референдумов – (49,7%). Жители Приморского края (опрос 1990 г.) связывали свои надежды на улучшение ситуации в крае также на вновь избранные Советы (56%:) и СМИ (44%).

Социальный протест на российском Дальнем Востоке был в целом набором злободневных вопросов: экологического характера, приграничными территориальными вопросами (например, Курильская проблема, снятие статуса пограничных территорий. Причем, мнения у протестующих были разные, даже противоположные). Некоторых беспокоили отношения с мигрантами. Выдвигались требования по ликвидации номенклатурных привилегий. Социальные настроения дальневосточников усиливали напряжение в регионе за счет обсуждения политической проблематики, в частности законодательного упорядочения льгот для граждан, проживающих в районах Крайнего Севера и местностях приравненных к ним.

Неформальная печать будоражила дальневосточников и острой дискуссионной идеей независимости Дальнего Востока от центра (создания Приморской республики, Независимой Демократической островной республики, ДВР, Дальневосточной Демократической Республики, Еврейской автономной республики, Национальной автономии коренных малочисленных народов Сахалина. Дальневосточники в совместных действиях разных групп порой добивались результатов, приобретали опыт гражданской солидарности.

География протеста и тематика менялись. Хотя социально-политическая обстановка в регионе отличалась меньшей степенью обострения отношений общества и власти, тем не менее, она является свидетельством, что и далекий от центра регион входил в кризис. Другим признаком вхождения в кризис стало утрата власти над регулированием социальных процессов в регионах, в том числе и на Дальнем Востоке.

1.9.2. Кризис социальной политики советского типа, назревание социальной напряженности в регионе

В годы перестройки социальный курс осуществлялся преимущественно по инерционному сценарию. К концу 80-х годов на Дальнем Востоке структура формирования совокупного дохода городской семьи и сельской по основным источникам сближалась. Средний совокупный доход в городской семьи превышал уровень сельской семьи уже незначительно, всего на 34 руб.

Проводимые реформы командой Горбачева усилили процесс разрушения централизованной системы распределения. «Теневая» экономика становилась своеобразной формой не только экономического, но и социально-политического консенсуса между руководством (ЦК КПСС и Правительством) и населением страны. Можно даже сказать, что теневое перераспределение были тем социальным клапаном, через который выпускалось недовольство людей кризисными явлениями и нарастающим дефицитом потребительских товаров[177]. К теневому перераспределению приспосабливались люди разных профессий и должностей. «Достать по блату» была самая распространенная фраза тех лет, независимо от места жительства и принадлежности к социальной группе[178].

К середине 80-х годов во многих регионах страны, в том числе и дальневосточном сложилась весьма своеобразная ситуация, по мере роста заработной платы развивалась ситуация дефицита продуктов и потребительских товаров[91]. Из 211 видов продовольственных товаров

свободно можно было купить лишь 23 наименования. Остальные часто распределялись по талонам, или перешли в пространство теневого рынка. Принятая в 1982 г. Продовольственная программа практически не изменила положение на колхозных и совхозных полях и животноводческих фермах. Правда, на территориях сохранялись еще совхозы, которые снабжали городское население сельскохозяйственной продукцией. Например, на Камчатке, в Хабаровском крае – это были хозяйства птицеводческой направленности. В 80-е гг. с Камчатки даже поставляли яйцо в Якутию и Магадан. Однако в растениеводстве снизились показатели, по производству овощей и картофеля. На юге Дальнего Востока также ухудшалась обстановка в аграрной сфере, создание агропромышленного комплекса не улучшило положение дел для создания стабильности в обеспечении продуктами. Катастрофически сужалась материальное обеспечение распределительной системы советского типа, но росли потребительские ценности[161]. Спрос населения на многие продовольственные и товары повседневного быта не удовлетворялся.

И этот факт вынуждены были признать центральные власти, что и было зафиксировано в документе по анализу реализации мер Долговременной государственной программы, комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. Правительству все сложнее было выполнять социальные обязательства. Если в 1950-е гг. расходы на образование в СССР были самые высокие в мире – 10% национального дохода, то в середине 80-х годов они снизилась до 7%.

На динамике уровня жизни дальневосточников и, следовательно, на деформации общественных отношений советского типа все больше сказывались реформы, начатые М.С. Горбачевым. Политическое наступление идеолога Перестройки на министерства, начатое им, а также складывающиеся новые отношения с региональными элитами, привели к нарушению системы централизованного снабжения и распределения. Технократическая политика

курса «ускорения» и внедрение рыночных элементов оказались явным катализатором разрушения социальных отношений, существовавших в стране в позднесоветский период[38].

Результатом проведенных реформ стала и так называемая «революция менеджеров». Советские хозяйственники по-прежнему получали государственные ресурсы на производство продукции, но уже имели возможность более свободно ее распределять. Директорский корпус достаточно часто прибегал к «перекачке» ресурсов предприятий сначала в кооперативный, а затем в частный бизнес. В 1988–1990 гг. началось формирование «номенклатурной буржуазии»[190] и появись признаки остановки промышленных производств и разрушения агарного сектора советского типа[62].

В это же время расстановка политических сил в политической элите была такова, что отодвинула на второй план социальные проблемы, и социальная политика осуществлялась больше под влиянием саморегулирующихся процессов в обществе и остатков старого реализационного механизма. В условиях падения экономических показателей, всеобщего дефицита, на общем фоне борьбы против номенклатурных привилегий рождались идеи необходимости изменить характер социальной политики[24]. Власть сделала ставку на развитие кооперативов[93].

Рост заработной платы во второй половине 80-х годов, показываемый статистикой, в том числе и на Дальнем Востоке окончательно уже перестал быть показателем уровня жизни населения. Так начались задержки ее выплат и наступала инфляция. Падение уровня жизни населения в регионе стало явным с 1989 г., когда обозначился галопирующий рост цен на все продукты и товары повседневного спроса. Денежные доходы на душу населения увеличились в среднем на Дальнем Востоке на 49%, а индекс цен почти в два раза. В 1990–1991 гг. произошел новый скачек цен, а в июне 1991 – декабре 1992 гг. опять произошел небывалый всплеск цен на все платные услуги, особенно на Северо-Востоке страны. Стали развиваться повсеместно

бартерные отношения. Население, чтобы выжить, стало больше заниматься огородничеством и выращиваем овощей, картофеля на дачных участках. Так, число семей, занимавшихся садоводством и огородничеством в Приморье (в статистике это явление называется коллективное), увеличилось за пять лет с 188,7 тыс. до 318 тыс., а обрабатываемая ими площадь составила 39,1 тыс. га, увеличившись более чем в два раза[25]. Такой «огороднический» бум был характерен для только для послевоенного времени.

Темпы прироста предметов потребления в 1986–1990 гг., как в целом РСФСР, так и в дальневосточном регионе в частности, в рублевом исчислении даже выросли по данным официальной статистки, что произошло за счет выпуска дорогой продукции и «вымывания» доступной дешевой продукции[26]. На общем фоне роста официальной заработной платы у дальневосточников, в структуре семейных расходов упала доля затрат на покупку товаров и оплату услуг, но увеличилась доля прироста сбережений во вклады. Нарастающий дефицит заставлял людей нести деньги в сберкассы, которые еще доверяли государственной финансовой системе. И что примечательно, все это происходило на общем фоне снижения доходов населения над его расходами. Данная тенденция свидетельствовала о снижении уровня жизни как городского, так и сельского населения. На местах создавалась ситуация социальной напряженности.

Политическое руководство, чтобы разрядить социальную напряженность в обществе, предприняло очередную попытку «окончательно решить жилищную проблему»[90; 94; 95; 96]. В ряде партийно-правительственных документах были провозглашены положения программы «Жилье 2000», где ставилась задача к 2000 г. обеспечить каждую семью отдельной квартирой или домом. Правительство решило задействовать все способы и ресурсы – государственное строительство, хозяйственный способ

[25] Народное хозяйство Приморского края в 1991 году. Владивосток. Госкомстат России. Приморское краевое управление статистики С.182.

[26] Показатели экономического и социального положения областей дальневосточного региона за 1990 год. С.16–19.

(строительство жилья силами производственных коллективов), частную инициативу (в рамках индивидуального строительства[79]) и энтузиазм молодежи в рамках молодежных жилых комплексов (МЖК). И на Дальнем Востоке даже произошёл всплеск строительства[88]. Если в 1980 г. в эксплуатацию сдали 2,997 млн кв. м жилой площади, в 1985 г. – 3,190 млн кв. м, то в 1988 г. – 3,587 млн кв. м, в 1989 г. – 3,716 млн кв. м. Это был максимум того, что удавалось строить в течение года в советский период в регионе. Никогда ранее в таких объемах жильё на Дальнем Востоке не строили. Однако это начатое масштабное строительство было остановлено и незавершенность его оставило на Дальнем Востоке большое число памятников перестройки в виде недостроенных домов и разграбленной сантехники, и других материалов зданий[62]. В дальнейшем из-за нарастания социально-экономических проблем, усиления борьбы за власть на всех уровнях с программой «Жилье–2000» было покончено. Эта программа стала своеобразной «лебединой песней» советской государственной жилищной политики, у которой были свои плюсы и минусы. К концу советской эпохи ландшафт многих малых городов и рабочих поселков Дальнего Востока, который формировался преимущественно объектами жилья, был на столько пестрым, что по нему можно судить о нарастающей имущественной дифференциации в регионе.

Таким образом, результаты универсализации социальной политики оказались далеки от идеальных планов партийного руководства и советского правительства, правительственная политика уравнительности 70-х годов, хотя и приветствовалась подавляющей массой советских людей, но она, как это не парадоксально, стимулировала у ряда людей проявления индивидуалистических настроений. Ориентации на расширение источников доходов зачастую принимало форму поиска «теневых доходов». Кроме того, уравнительность активно стимулировала и рост потребления в СССР, в то время как снижались экономические возможности его обеспечения. Таким образом, политика уравнительности в определенной степени оказалась и катализатором развития инфляционных процессов.

Основным результатом трансформации общественных отношений, стало изменений в уровне и образе жизни на Дальнем Востоке, что свидетельствовало о формировании и развитии потребительского общества. В 1960–1970-х годах этот процесс испытывал значительное влияние социальной политики, которая внедряла «потребительские идеалы», но по мере приближения к 80-м годам усиливались саморегулирующиеся явления практически во всех социальных группах. С конца 70-х годов потребительское общество стало развиваться на своей собственной основе.

1.9.3. Дальневосточное сообщество в «зеркале правонарушений»

Криминальная обстановка в любом государстве отражает духовно-культурное и социально-экономическое состояние общества. Кроме того, раскрывая причины роста или снижения преступности, можно показать различные взаимосвязи, которые существуют в общественной жизни. Преимущественно эта проблема Проекта нашла отражение в первой книге, посвященной историческим проблемам социально-политической безопасности, подготовленной Л.И. Крушановой. Также возникает ряд познавательных вопросов, поиски ответа на них отличаются особой актуальностью. Во-первых, важно установить характер изменений девиаций в обществе, и ответить на вопрос – как влияют разные формы рефлексии власти на снижение преступности или они могут способствовать приспособлению девиантных групп к ситуациям. Во-вторых, учитывала ли власть специфику состояния дальневосточного сообщества, устанавливая режима социальной безопасности. В-третьих, в рамках проекта важно выявить, как влияли социальные и экономические изменения на преступность в дальневосточном регионе. В определенной степени уровень преступности можно рассматривать как совокупный индикатор трансформационных процессов. В-четвертых, актуально поставить и другой познавательный вопрос: как рассматривать преступность в условиях политической и социальной модернизации. В-пятых,

для понимания трансформационных процессов необходимо выявить, существовали ли взаимосвязи между демографической средой, миграциями и характеристиками преступности. Хотя обозначенные вопросы трудно анализировать на основе имеющейся источниковой базе, тем не менее исследование в данном направлении показывает, что позднесоветские реформы создали условия для роста девиантного поведения, что отражалось и на росте преступности, накоплении в обществе социально-психологического негативного «капитала».

Данную тенденцию политическое руководство страны осознало еще в начале 1980-х гг. озаботилось растущей преступностью в СССР и, более того, проявило стремление понять её характер. В 1982 г. в СССР численность заключенных составляла 1 678 623 чел., или 622,4 чел. на 100 тыс. населения, тогда как в 1961 г. – 360 034 и соответственно коэффициент – 406 чел. Но в тоже время, по идеологической традиции были обозначены и задачи обществоведов в области изучения развития советских отношений. Новый политический лидер Ю.В. Андропов, пришедший на должность Генерального секретаря ЦК КПСС в 1982 г. обнародовал новые идеи, воплощение которых должны были укрепить советские общественные отношения: в центр своей стратегии он поставил задачу обеспечения социально-политической безопасности социалистического общества. Эти идеи не отличались новизной, но после брежневского периода, когда партийные и государственные органы уже привыкли к формализму и «правильной» отчетности, курс по ужесточению дисциплины и наведению порядка в стране, в том числе по борьбе с пьянством, многим функционерам показался новым. Активизацию акций по противодействию нарушения законов в советском обществе, борьбу с обманом государства, воровством и взяточничеством новый лидер считал важнейшей задачей устранения угроз развития социалистического общества. Понимание ситуации в стране бывшего шефа КГБ было близко к ее реалиям, которые отражались статистикой, и естественно она была в распоряжение у Андропова.

Советские реалии были следующие. По мере того как нарастали трудности в распределительных отношениях и проявлялись признаки социально-экономического кризиса в СССР увеличивался коэффициент преступности. Если в 1961–1965 гг. на 100 тыс. населения старше 14 лет было зарегистрировано 480 преступлений, то в 1966 – 1980 гг. соответственно – 664, т.е. прирост составил 63%[126, с. 244-245].

На первом этапе Андропов поручил соответствующим органам заняться чисткой управленческого аппарата, в том числе его сокращением, борьбой с хищениями и взяточничеством среди чиновников высшего ранга. В целом центральная власть и местные органы располагали достаточной информацией, свидетельствующей о растущих масштабах хищений, особенно в торговле, в том числе и по отдельным регионам. Эти сведения часто становились объектом докладных записок на имя первых секретарей в дальневосточных краях и областях и предметом специальных заседаний крайкомов и обкомов. Органы внутренних дел, выполняя свои профессиональные функции – выявление расхитителей – пытались привлечь внимание общества к этой проблеме. Фактически, это было продолжением советских традиций второй половины 1960-х годов, когда повсеместно были созданы органы народного контроля. В Хабаровском крае только за 4 дня в апреле 1981 г. (в канун майских праздников) совместными усилиями ОВД и общественности было выявлено, что в 12 магазинах были спрятаны мясопродукты, колбасные изделия, сливочное масло, сыры, конфеты, икра лососевая, лимоны, яблоки и вино-водочная продукция. После разбирательства продукты «выбрасывали» (это советский термин очень емко отражает суть явления») в продажу в тот же день или днем позже. Проверяющие также установили факты продажи водки по завышенной цене. Виновных привлекли по статье «мелкая спекуляция» и наказали штрафом.

Работники советских, партийных и правоохранительных органов в условиях нарастающего товарного дефицита уделяли повышенное внимание работе госторговле, т.к. наибольшее количество различных злоупотреблений

было в магазинах. Сокрытие товаров, продажа по завышенным ценам, некачественной продукции и были явлениями повседневных будней многих точек торговли. Одна часть обывателей приспосабливалась к таким нормам, другая продолжала возмущаться, в основном обращаясь к власти. Неслучайно, на втором месте по количеству обращений (после «жилищных» писем) стояли жалобы на работу торговых организаций. Местные руководители реагировали различными способами. Так, директоров и товароведов магазинов, в которых часто продавцы нарушали правила торговли (КоАП РСФСР, ст. 146–157) заслушивали на заседаниях контролирующих органов, и в зависимости от обстоятельств наказывали (устный выговор, выговор с занесением в личное дело, понижение в должности).

Особое внимание правоохранительные органы уделяли массовым хищениям в торгующих организациях. В 1983 г. в Хабаровском крае к уголовной ответственности привлекли 1623 чел., участвовавших в хищениях товаров и продукции на сумму 1150 тыс. руб., в том числе в сельском хозяйстве – 161 тыс. руб., потребкооперации – 116 тыс. руб. и т.д. То есть, каждый из привлеченных к уголовной ответственности похитил государственного имущества, т.е. у общества, на 708 руб. Эта сумма равнялась трехмесячной средней зарплате работающего в крае.

Среди всех зарегистрированных преступлений на территории Приморского края и Магаданской области более половины составляли имущественные. Более 50% от общей суммы выявленных недостач (преступление против социалистической собственности, ст. 92 или 93 УК) и порчи ценностей (ст. 98, 99 УК) приходилось на долю работников материально-технического снабжения[126, с. 24-246].

Рост хищений, охвативший все регионы страны, был следствием целого комплекса факторов. Одной из таких важнейших причин были катастрофически быстрые темпы разрушения идеологии и распространение двойных стандартов у значительной части управляющего сословия. Идеологические запреты, как инструмент-регулятор порядка для многих

управленцев, а также людей, занятых исполнительским трудом, все чаще и чаще становился социально-политическим пережитком. Распределительно-нормированная аппарат системы в лице работников материально-технического снабжения и торговли при слабеющем контроле со стороны различных контролирующих органов и растущем дефиците потребительских товаров, оказалось благоприятной средой для повседневного бытового воровства независимо от территории проживания.

Следующий Генсек ЦК КПСС К.У. Черненко, приступивший к своим обязанностям после Андропова в 1984 г., также считал необходимым дать оценку состояния советского общества и ориентировать обществоведов на изучение трудностей, которые нарастали в обществе. Продолжающийся рост преступности в СССР и политики, и администраторы пытались остановить развитием системы наказания лишением свободы за преступления, ужесточением уголовного законодательства. Обеспечения этого направления безопасности в регионе исходило из жестко централизованной системы. В судебной практике утвердилась точка зрения, что лишение свободы является универсальным средством исправления и перевоспитания всех осужденных.

Повышенная требовательность к правоохранительным органам в годы лидерства Андропова сразу же отразилась на статистке учтенной преступности в СССР в виде прироста на 21,7%. В 1984 г. с уходом «требовательного вождя» показатели учтенной преступности снизились, но судимость (дела предшествующего года) возросла на 5,3. Советское общество все больше и больше двигалось по линии деструктивности в сфере законопослушания и девиантности. Государство отвечало расширением системы тюремного наказания.

Дальний Восток входил в число территорий, где угрозы со стороны преступности нарастали катастрофически быстрыми темпами

Таблица 1.13. – Динамика и коэффициент преступности на Дальнем Востоке в 1963–1991 гг.[126, с.248]

	1963	**1970**	**1991**

	чел.	коэф.*	чел.	коэф.	чел.	коэф.
Дальний Восток	**24524**		**30608**		**140353**	
Приморский край	7181	478	9219	535	55 763	2424
Хабаровский край	6429	516	8706	646	35 361	1910
Амурская область	3158	417	2648	333	16 638	1549
Камчатская область	1575	622	1725	599	8 509	1799
Магаданская область	1911	650	2420	686	9 003	1686
Сахалинская область	4270	676	5890	956	15 079	2101

* *коэффициент – количество преступлений на 100 тыс. чел.*

С 1963 по 1991 гг. рост преступности составил от 5 до 8 раз, а коэффициент – от 3,5 до 6 раз. Максимально быстро по двум показателям рост шел в Приморье, наименьшими темпами в абсолютных показателях – в Магаданской области, коэффициента – в Амурской области.

Советские общественные отношения саморазрушались под влиянием растущих масштабов хищений государственной собственности. По сравнению с отдельными годами 1970-х гг. этот показатель увеличился: в 1982 г. на 5%, в 1983 г. – на 7,6%, в 1984 г. – на 6,8%, в 1985 г. – на 9,2%. Органы правопорядка не могли остановить нарастающий как снежный ком процесс перехода государственной собственности в личную собственность за счет всех форм хищений. Распределительно-нормированная система в виде материальных ресурсов в 1980 г. 42,1 млн. руб., в 1985 г. – 72 млн. руб. В РСФСР удельный вес так называемых корыстных преступлений в общей структуре всех зарегистрированных случаев составлял в 1986 г. – 51%, в 1990 г. – 63%, что свидетельствовало о полнейшей неспособности государственного аппарата предотвратить крах советской распределительной социальной системы.

Дальневосточный регион входил в число территорий, где угроза обвала советской системы распределения за счет хищений нарастала быстрыми темпами. Например, в 1985 г. в Хабаровском крае к виновным в недостачах, хищениях и бесхозяйственности предъявлено 1540 исков на сумму более 1,5 млн. руб., что в 1,5 раза больше, чем в 1982 г. Еще 432 чел. приговорили к административной ответственности. В 1983 г. за хищения и воровство лишены были свободы столько, что они составили 60% от всех привлеченных к

уголовной ответственности. В процесс хищений втягивались люди не зависимо от профессии. К длительным срокам заключения была приговорена группа проводников Хабаровского винзавода, совершивших хищения в особо крупных размерах. В Сахалинской области в 1986 г. было совершено 383 хищений на общую сумму 153 166 руб., или 643 руб. похитил каждый участник преступлений. Безусловно, нельзя причины распространения хищений сводить главным образом к девиантным наклонностям россиян. Существовали объективные причины, которым правоохранительные органы не могли противостоять, нарастал дефицит потребительских товаров.

Кризис на потребительском рынке в дальневосточном регионе проявлялся весьма остро, сказывались последствия неразвитости отраслей, производивших товары широко потребления и большое отставание сельскохозяйственного производства от нужд населения[*]. В свободной продаже часто отсутствовали мясо, колбасы, фрукты, другие продукты. «Ситуация» дефицита на фоне разложения идеологии, все нарастающий разрыв между громкими партийными заявлениями и социально-бытовыми реалиями, кризис системы управления создали «питательную среду» для увеличения различных форм правонарушений в торговле. Службы ОБХСС УВД дальневосточных краев и областей, оценивали масштабы социальной угрозы, могли тогда только расширить зону своих проверок, в том числе за счет привлечения общественных ресурсов – народных контролеров. В борьбе с мелкой спекуляцией проверкам подвергались не только магазины, но сельхозрынки[126, с. 249-251].

Однако как показывает анализ практики наказания за спекуляцию, в 1980-х гг., изменилось отношение власти к мелкой спекуляции. Она стала считаться преимущественно административным правонарушением. Тем не

[*] По производству товаров народного потребления в 1985 г. Дальний Восток занимал от 43 (Приморский край) до 73 места (Магаданская область), а также 59 место по производству мяса, 11 – соответственно по молоку и 4 – масла. [См. подробно: Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40-х – 80-е годы XX в.). Владивосток, 1998. С. 178].

менее, власти некоторых городов пытались перенести такие «черные» несанкционированные рынки, чаще всего, где перепродавались промтовары, подальше от города. Послабления наказания за спекуляцию и дефицит товаров повседневного спроса в 1980-е гг. способствовали росту спекуляции. Отсутствие в госторговле таких товаров, как яркой и красивой одежды, модных очков и сумок, женской и мужской косметики и т.д. и их возможность приобрести на черных рынках, не могло, безусловно, решиться числом рейдов. В 1980-х гг. «вчерашние» юнцы, фарцовщики становились лицами, ведущими незаконную предпринимательскую деятельность. Во второй половине 1980-х гг. советский «черный рынок» превратился в целую систему с разделением труда, ролей и оборотами в десятки тысяч рублей.

В СССР зарождался и набирал обороты новый класс, идеологически не вписывавшийся в советскую систему ценностей – предприниматель. Используя предпринимательскую «жилку», фарцовщики искали возможность «достать» товар. Одни контактировали с иностранцами, выменивали у них вещи, другие – моряки загранплавания – рискуя закрытием визы, привозили чаще всего небольшими партиями вещи и отдавали их на реализацию молодым предприимчивым людям, третьи – выступали посредниками между моряками и молодыми предприимчивыми людьми; четвертые – используя свои возможности (сотрудники гостиниц, ресторанов, практиканты интерклубов и т.д.).

Правоохранительные органы, а в некоторых случаях и органы госбезопасности, подобному явлению уделяли не менее пристальное внимание, чем хищениям в госторговле. На «карандаш» брали работников торговли, задержанных за продажу товаров по завышенным ценам, приобретенных в магазинах, сотрудников оптовых баз, студентов вузов, особенно языковых факультетов, моряков загранплавания, чьи члены семьи были задержаны за спекуляцию. В случае задержания за спекуляцию следовали санкции в виде привлечения к административной или уголовной ответственности, наказание в виде штрафа. Обязательно «сигнализировали»

по месту работы или учебы. В ряде случаев сотрудников торговых организаций могли уволить, а студентов отчислить из вуза. Несмотря на столь жесткие меры, снизить количество занимавшихся перепродажей товаров по завышенным ценам, не удавалось. Наиболее жесткие меры государство применяло в отношении моряков загранплавания. Имея возможность привозить наиболее востребованные товары, в своих действиях они были ограничены таможенным и уголовным кодексами. Тем не менее, некоторые из них шли на нарушение закона.

Однако в годы перестройки, с ростом кооперативного движения и тотальным дефицитом товаров повседневного спроса перепродажа товаров, если она не носила оптового характера, перестала властями рассматриваться как спекуляция, хотя данная статья из уголовного кодекса РФ не исчезла. Таким образом, в Советском государстве действовали специфические двойные стандарты: с одной стороны, власть давала возможность имущей части населения выбирать, с другой – предприимчивым людям в рамках разумного зарабатывать на этом.

Другой угрозой социальной стабильности и развитию советских отношений политическая элита считала по-прежнему наличие асоциальных элементов. Спецификой тех лет, особенно в годы лидерства Ю.В. Андропова стала очередная кампании по выявлению асоциальных элементов, к которым причисляли нарушителей трудовой дисциплины и тех, кто уклонялся от работы в общественном производстве. Новшеством андроповских акций было периодическое дежурство сотрудников милиции около кинотеатров, промышленных и продуктовых магазинов, где выявляли людей, которые в рабочее время находились не на рабочих местах, а посещали магазины. Сотрудники милиции вследствие таких акций в СССР в 1983 г. выявили 390 тыс. взрослых людей, не занятых в общественном производстве. Кампании по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины в андроповском стиле прекратились после его смерти, но проблемы, поднятые Андроповым, перешли в новый этап истории – годы перестройки. После того, как с середины

1960-х гг. было отменено выселение асоциальных элементов, в отношении них применялась судебная репрессия. В 1980-е гг. правоохранительные органы к «тунеядцам» относились более лояльно, чем в 1970-е гг. В годы реформ, инициированных М.С. Горбачевым, был дан политический старт новой кампании, которая была направлена на борьбу с преступностью, но с акцентом на резкое снижение алкоголизации населения. Угроза распространения алкоголизма в общества в целом была реальной, и политиками тех лет оценивалась уже как угрозы существованию Советского государства и демографическому развитию, особенно РСФСР, Украины, прибалтийских республик. Смертность от алкоголизма «уносила» ежегодно 600 – 700 тыс. чел. И, хотя сами меры оказались неоднозначными и имели последствия в виде вырубки виноградников, но в целом они позволили сохранить 919,9 тыс. мужских и 463,6 тыс. женских жизней. Всего: 1383,4 тыс. чел.

Исследования, проводившиеся Институтом экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) в 1984 г., дают основания утверждать, что на Дальнем Востоке уровень потребления алкоголя населением превышал средние показатели по РСФСР в два раза. Так, в районе им. П. Осипенко Хабаровского края продажа алкоголя на 1 чел. выросла с 19,3 л в 1972 г. до 22,0 л в 1976 г., в Биробиджане – соответственно с 33,0 до 36,7 л. (по РСФСР – около 11 л). В Сахалинской области в пересчете на абсолютный алкоголь продажа в 1984 г. составила 16,65 л, 1985 г. – 16,60 л, 1986 – 7,04 л. Ежегодно при стабильности цен увеличивались расходы на его покупку.

Органы власти боролись с пьянством разными организационными методами, убирали пьяных с улиц, помещали их в медвытрезвители становили на учет хронических алкоголиков. В борьбе с этим социально-психологическим пороком органы милиции совместно с общественностью использовали традиционную форму – принудительное лечение алкоголиков, т.е. лечение по решению суда. Впервые за много лет руководство страны призывало применять и другие методы. Суды вернулись к практике удовлетворения заявлений об ограничение дееспособности. Так, на Сахалине

в 1987 г. судами было удовлетворено 84 заявления, в 1988 г. – 83. Кроме того, 80 чел. были лишены родительских прав. В общей массе осужденных в Приморском крае на долю «алкоголиков» приходилось 24%. За 13 лет (в период 1972 – 1985 гг.) такая часть асоциальных людей возросла в 30 раз. Новая антиалкогольная кампания началась с наведения порядка правил торговли алкогольной продукцией[58]. Определенное время по талонам (по 1 *л* водки или коньяка в «руки» в месяц лицам, достигшим 21-летнего возраста). На некоторое время эта «ограничительная» акция приостановила потребление алкогольных напитков населением, и даже позволила снизить показатели преступности в среднем по стране. Однако в дальнейшем эта мера оказалась бесполезной. В Приморском крае в 1985 г. регистрация нарушений, связанных с нарушением антиалкогольного законодательства, выросла по сравнению с 1984 г. почти в 4 раза (с 35 до 131 чел.), в 1986 г. – 1204 чел. На Сахалине в 1987 г. за изготовление, сбыт и хранение крепких спиртных напитков к уголовной ответственности привлекли 229 чел., в 1988 г. к штрафу – 27 840 чел., в том числе 1 245 чел. – за самогоноварение. На 13,2% (в 1987 г. – 2507 чел., 1988 г. – 2838 чел.) увеличилось количество лиц, задержанных в состоянии алкогольного опьянения во время управления транспортным средством. В причинах последнего немаловажную роль играли нарушения правила продажи алкогольной продукции[58].

Вся пропагандистская машина, государственный аппарат, общественные организации были ориентированы на решительное и быстрое достижение успеха. В ЦК КПСС была создана комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом во главе с Е.К. Лигачевым и М.С. Соломенцевым. Е.К. Лигачев от секретарей крайкомов, обкомов и республиканских ЦК требовал решительных мер по «искоренению». Борьба с пьянством доходила до анекдотического уровня. Секретари соревновались – кто больше закроет вино-водочных магазинов, быстрее переориентирует заводы по производству вин и пива на выпуск соков и безалкогольных напитков. В течение короткого времени были закрыты вино-водочные заводы, остановили строительство

запланированных пивоваренных заводов, а дорогостоящее оборудование оставляли ржаветь на свалках, в южных республиках стали вырубать виноградники.

Правительство добилось сокращения производства алкогольной продукции, за период с 1985 по 1987 г. ее производство упало на 24,5 млрд. руб. или 60,1%. За три года экономика страны не досчиталась, по крайней мере, 67 мдрд. руб., нанеся непоправимый ущерб экономике, который так и не был преодолен до конца существования СССР. Это заставило руководство страны менять тактику борьбы с пьянством, смещая акценты с запретительных мер на разъяснительную работу, рассчитанную на дальнюю перспективу. Но навести порядок в торговле оказалось не под силу даже постоянными проверками и ревизиями. Нарушение «сухого закона» превращалось в обычное повседневное явление. И привлечение к ответственности за его нарушение превращалось в «декоративную процедуру» для отчетности. В связи с антиалкогольной компанией бюджетный дефицит проявился и на Дальнем Востоке. Для его сокращения местные власти сознательно шли на нарушение указа, стали увеличивать продажу спиртных напитков.

В середине 1980-х гг. власть и общество начинают осознавать наступление новой угрозы социальной стабильности и общественному порядку: стало наблюдаться увеличение людей употреблявших и производивших наркотические средства. Это опасное явление быстро распространялось по всем регионам страны, несмотря на проведение мер по борьбе с наркоманией в предыдущие годы. Этот вид угрозы нарастал быстрее, чем реагировали органы власти и общество на опасность, исходившую от наркомании. Возросли масштабы незаконной торговли наркотиками кустарного производства, а также число лиц, употреблявших их. Незаконный оборот наркотиков приближался к опасной черте – превращение в национальную угрозу. Успешное решение проблемы становилось возможным лишь при условии скоординированных общегосударственных и общественно-политических мер превентивного, организационного, социально-

психологического, медицинского и правового характера. В 1970-е гг., меры, принятые в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией» от 25 августа 1972 г., в том числе и на Дальнем Востоке, дали лишь временный результат. Этот печальный итог правительство вынуждено было признать уже в октябре 1982 г., приняв новое закрытое постановление ЦК КПСС «Об организации борьбы с наркоманией».

На Дальнем Востоке власти, чтобы помочь больным наркоманией, стали увеличивать сеть наркологических отделений. Другой мерой местных органов власти по противодействию распространения наркотиков стало сокращение аптек, реализующих по рецептам наркотические препараты и усиление контроля над выдачей рецептов. Так, на Сахалине около 10% преступлений, связанных с хищением и сбытом наркотических средств 8 были совершены в учреждениях здравоохранения, в т.ч. в 7 случаях хищениями занимались сами медработники.

Но перечисленные выше меры оказались неадекватными масштабам назревающей опасности. «Ответ» государства не смог остановить рост наркомании в дальневосточном регионе, как и в других районах СССР. 30 января 1986 г. ЦК КПСС вновь принимает очередное постановление «О серьезных недостатках в организации борьбы с наркоманией». Такие политические меры уже оказались устаревшим инструментом в борьбе с этим социальным злом, а других мер руководство не могло принять. Результаты борьбы с наркоманией можно проследить по данным статистики о привлечении таких людей к уголовной ответственности по статьям, связанным с наркотиками (ст. 224 – 226 УК РСФСР). Например, с 1975 по 1986 гг. рост числа привлеченных к уголовной ответственности по ст. 224–226 УК РСФСР вырос с 16 до 1762 чел.

К концу советского периода наркомания охватывала новые районы Дальнего Востока. Начиная с 1987 г. уровень наркотизации населения в двух дальневосточных краях – Хабаровском и Приморском – превышал

аналогичные показатели по России в 3–4 раза. В Хабаровском крае 1985 г. было возбуждено 501 уголовное дело, связанное с наркотиками, в 1986 г. – 919 уголовных дел. Однако следственным органам не всегда удавалось доводить дела «о наркотиках» до суда. В борьбе с этим явлением власти использовали те же методы, что и в борьбе с алкоголизмом – привлечение к административной и уголовной ответственности и принудительное лечение. Причем, лечение осужденных было обязательным и проводилось в специальных колониях. Однако властям не удавалось эффективно бороться с распространением наркотиков, хотя и предпринимались меры по уничтожению и изъятию наркосодержащий растений. В 1986 г. в Хабаровском крае было выявлено и уничтожено конопли на площади в 633 га или в 4 раза больше, чем пятилеткой раньше. В 1985 г. было изъято 900 кг наркотического сырья, в 1986 г. – 1744 кг заготовленной конопли, 69 кг соломки мака, почти 3 кг гашиша. В Хабаровском крае сотрудники специальных подразделений обследовали более 200 тыс. га площадей, и уничтожили 154 га дикорастущей конопли. В Сахалинской области спустя два десятилетия вновь началось возделывания опийного мака. В 1986 г. ДНД и сотрудники ОВД обнаружили и уничтожили 6 посевов опийного мака общей площадью 380 кв.м и 2 посева конопли на площади 40 кв. м.[126, с.256-258].

Однако, не смотря на увеличение количества наркоманов в регионе, количество привлеченных лиц, употребляющих наркотики или их распространявшие, число привлеченных к уголовной ответственности снижалось, что дает основание сделать вывод. Органы правопорядка на Дальнем Востоке оказались не в силах противостоять столь широкомасштабному и губительному явлению. Завершающим актом в вопросах противодействия распространению наркомании стало создание в 1991 г. в системе органов внутренних дел самостоятельной службы противодействия незаконному обороту наркотиков. Правительство пошло на создание единого «правового поля», чтобы объединить усилия министерств и ведомств, отвечающих за обеспечение безопасности в данной области.

На общую криминальную ситуацию в стране власти попытались ответить очередным ужесточением уголовного законодательства. К середине 1980-х гг. за всю историю советской власти оно оказалось самым жёстким. В результате такой политики тюрьмы и колонии оказались переполнены.

Наблюдалось падение трудовой дисциплины и в самих правоохранительных органах, в том числе и прокуратурах. За недобросовестное отношение к своим обязанностям к дисциплинарной ответственности в Хабаровском крае привлекли 31 прокурорских работников, что составило 15% от всего численного состава. По сравнению с 1982 г. «отмеченных» в 1983 г. оказалось в 2 раза больше. Вышестоящие органы вынуждены были принимать и более серьезные наказания. «За недостойное поведение в быту» с должности был снят прокурор г. Амурска. Некоторые следователи были уличены в получении взятки.

Борьба с коррупцией, начатая в годы лидерства Андропова, хотя несколько ослабла при следующих Генсеках Черненко и Горбачеве, но не прекращалась. Специфика ситуации состояла в том, что поддерживалась борьба в верхних эшелонах власти с коррупцией, так в обществе усиливались антиноменклатурные настроения. Население зачастую связывало привилегии с коррупцией, но пока это выражалось преимущественно в латентной форме. В 1984 г., т.е. за год до начала Перестройки, в ЦК КПСС поступило 74 тыс. анонимных писем с жалобами на произвол чиновников и мелкую коррупцию.

Начатая «Перестройка» как комплекс реформ затрагивала и управленческую сферу производством, появление нового законодательства было направлено на легализацию ряда явлений, стимуляцию инициативы снизу, и власть понимала необходимость такой меры, что проявилось в реанимации кооперативов. Сбыт продукции должен был стать легальным и удалось сократить хищения. В 1987 г. был принят Закон СССР о государственном предприятии, являвшийся новым шагом к возвращению к рыночным отношениям. В 1988 г. вышел Закон СССР «О кооперации в СССР», который окончательно разрушал складывавшуюся десятилетиями

советскую экономическую систему. Этап первоначального накопления капитала вошел в активную свою стадию. Произошел резкий рост личных доходов вне всякой связи с производством. На фоне растущей инфляции развитие кооперативов позволило «теневому» сектору экономики стать легальным явлением. В 1980-х гг. в «теневом» секторе участвовало до 30 млн. чел. с объемом денежных оборотов от 90 до 500 млрд. руб. Такой рост «теневой» экономики стал возможен на государственных предприятиях, так как борьба с данным явлением уже была атавизмом советской стратегии обеспечения социальной безопасности. Хотя продолжалась практика взыскания, но ее эффект был низким. На 1 января 1986 г. по приговорам судов РСФСР было взыскано 4 266,8 тыс. руб., что составило лишь 37% от суммы похищенного. Дальний Восток относится к территориям, сильно «пораженным» этим деструктивным социальным явлением[126, с. 259-261]. Так, в Амурской области и в Приморском крае сумма похищенного на одного осужденного выросла с 415 руб. в 1980 г. до 624 руб. в 1986 г.

В 1989 г. завершились расследования «узбекского» или «хлопкового» дела, начатые еще в конце 1970-х гг., но получившие большой общественный резонанс. Количество дел, подобно «узбекскому», были и в РСФСР, правда, меньшего масштаба*. Но только по делам, начатым еще в конце 70-х, власти впервые публично озвучили, что на скамье подсудимых оказалось 144 высших должностных лица Узбекской ССР и партийно-государственной управленцев Советского Союза. По итогам «хлопкового» дела было возбуждено более 800 уголовных дел против коррупционеров**. Коррупция становилась прямой причиной обвала советской системы. Но вслух об этом никто не решался сказать. Политическая оппозиция либеральных реформаторов окончательно еще не сформировалась, в Советском Союзе признавались преступления,

* «Рыбное дело», «краснодарско-сочинское дело», «дело Елисеевского гастронома».

** В это же время по телевидению показывали культовый итальянский сериал «Спрут», в котором герой Микеле Плачидо в роли комиссара Корродо Катани ведет борьбу с сицилийской мафией и коррупцией в высших эшелонах власти Италии. В итоге у советского зрители, с учетом сложившейся ситуации, сформировалось представление, что «у нас» теперь также, как и «у них».

характерные больше для социальных групп, которые не входили в политически господствующий класс – трудящиеся. Эти социальные риски в совокупности с общей преступностью вели страну к социально-политической катастрофе. Органы милиции и КГБ располагали информацией о разных видах преступлений не только, которые были традиционными в СССР, но возникших новых. Официальное признание получила и организованная преступность. На втором Съезде народных депутатов СССР было издано специальное постановление «Об усилении борьбы с организованной преступностью» (1989 г.). 12 января вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», по которому была усилена ответственность за вымогательство. В результате в Уголовный кодекс 1960 г. в редакции 1989 г. было внесено более 350 изменений.

Рост преступности заставлял руководство страны искать новые пути и методы борьбы. Но фактически они являлись повторением прошлого советского опыта. Правда, политическое руководство страны отреагировало на напряженную ситуацию созданием новых силовых подразделений. В 1987 г. были организованы подразделения специального назначения (спецназ). В октябре 1988 г. в структуре МВД СССР создали отряды милиции особого назначения (ОМОН), на которые возлагались задачи по охране общественного порядка, когда проводились общественно-политические, спортивные, культурно-зрелищные или другие мероприятия. Они должны были действовать и во время стихийных бедствий, эпидемий, крупных производственных аварий, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств; предупреждение причин групповых нарушений общественного порядка, массовых беспорядков; участие в мероприятиях по задержанию вооруженных преступников. Рост экономических преступлений нашло свое отражение в создании в декабре 1991 г. Главное управление по борьбе с хищениями социалистической собственности (ГУБХСС). МВД СССР реорганизовано в Бюро по преступности в экономике криминальной милиции МВД СССР.

Таким образом, с 1970-х годов в регионе, как и в целом по стране усиливались деструктивные явления, особенно стала развиваться наркомания гг., но в силу идеологических причин власти пытались скрывать от общества эту угрозу. В дальнейшем репрессивность законодательства в борьбе с наркоманией приводила к обратным результатам. Однако к концу советского периода в условиях политической противодействие наркомании отошло на второй план. Внимание органов внутренних дел было сконцентрировано на экономических преступлениях, росте организованной преступности и хищениях государственного имущества и личной собственности в период тотального дефицита. Но с этими преступлениями в условиях кризиса всей системы дальневосточным властям удавалось достичь лишь отдельных результатов, и с трудом удавалось сдержать ситуацию под контролем.

Время 1990 – 1991 гг. характеризуется новым витком увеличения количества законов, регламентировавших работу органов внутренних дел. 18 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон РСФСР «О милиции». Изменилась и структура милиции: появилась криминальная милицию и милиция общественной безопасности (местная милиция). Важнейшей чертой периода 1985–1990–1991 гг. стала смена кадров органов МВД, что с одной стороны было закономерным явлением времени реформ, а с другой приход новых кадров требовал отвлечения органов на внутренние проблемы от выполнения задач по охране порядка. Смена руководящего состава произошла и в прокурорских рядах региона. Реформы не избежали и суды. Согласно Закону РСФСР «О судоустройстве РСФСР», принятому 8 июля 1981 г. менялась их структура.

Во второй половине 1980-х гг. власть, занятая реформированием политического, государственного и экономического устройства СССР отодвинула на второй план вопросы борьбы с подростковой преступностью. Созданная еще в 1960 – 1970-х гг. система профилактики и предупреждения правонарушений несовершеннолетних начинает распадаться, но властью этот риск не осознается и он перерастает в стадию угрозы социальной стабильности

на отдельных дальневосточных территориях. В Приморском крае в 1980-х гг. в структуре общей преступности удельный вес несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, поднимается 15,1% в 1980 г. до 17,3% 1986 г. при незначительном снижении общей. Но в годы перестройки в Приморском крае с 1988 г. вновь начинает расти показатели общей преступности, что в определенной степени было связано и со сворачиванием антиалкогольной кампании.

В число неблагоприятных районов роста детской преступности входил и Хабаровский край, где каждое десятое преступление совершалось подростками, а по линии уголовного розыска – каждое шестое.

Анализируя общую динамику преступности на Дальнем Востоке почти за 30 последних лет советской эпохи, можно сделать вывод: число, совершаемых преступлений в Приморском крае, выросла в 8 раз, в Хабаровском крае – в 6 раз, в Амурской области – более чем в 5 раз, на Камчатке – в 5,5 раз, Магаданской области – в 8 раз, на Сахалине – почти в 4 раза. В целом по Дальнему Востоку рост составил в 5,8 раз[126, с. 262].

Таким образом, несмотря на то, что руководство страны осознавало преступность как фактор дестабилизации советского строя, возникшая политическая ситуация со сменой лидеров, и соответственно конкуренция за место в политической команде в дальневосточном регионе снижала потенциал государства в сохранении сложившейся социально-экономической системы и концу перестройки власть оказалось беспомощной перед накопившейся отрицательной общественной «энергии» виде преступности. Выход многих политических и правовых документов, направленных на обеспечение общественного порядка, а также привлечение ресурсов общества к обсуждению проблем пьянства, наркомании, спекуляции и других в условиях разрушения идеологии и формирования потребительского общества оказались бессильными остановить разрушающую энергию преступности советской системы.

Политика советского руководства и деятельность органов правопорядка в области противодействия преступности с опорой то на либерализацию, то на ужесточение свидетельствовало о стремлении проводить превентивные меры, но фактически власть все равно оказывалась в ситуации «тушения пожара». Усиление кризисных явлений в советской экономике с конца 1980-х гг. провоцировало рост преступности в целом. Меры, дававшие определенные результаты в те годы, перестали быть действенными. По сути, регион погружался не только в экономический хаос на фоне роста преступности.

2. ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

На третьем этапе реализации программы использовались общие методы исторической науки: историзма, проблемно-хронологический, системный, причинно-следственный, компаративный, структурно-функциональный, историко-типологический методы, микроанализ, антропологический и конструктивистский подходы.

Объединяющей теоретической платформой участников программы стали концепции трансформации кризисного социума и кризисной экономики[8; 37; 133; 137; 191; 209; 235; 238].

Для уяснения региональной специфики и общемирового контекста социальной трансформации в 1990-е гг. в публикациях по проекту использовались концепции А. Юрчака, Г. Дерлугьяна, Н. Зарубиной, М. Буравого, П. Бурдье, И. Крастева Д. Поукока, Н. Коровициной, И. Каспэ и др.

Анализ трансформации власти проводился на базе синтеза социальной политологии и социальной антропологии. Для выявления исходных предпосылок формирования в регионе новой постсоветской элиты и ее социальной опоры — бюрократии — использовались такие критерии, как уровень образования и номенклатурных позиций, а также характер самоопределения данных слоев. Последнее напрямую связано с видоизменением моделей поведения в переломные эпохи, для глубокого анализа которого на уровне региона применена методика Кошарной Г.Б. и доработанная методика гайд-интервью[10; 160; 164; 167; 168].

Исследование базируется на методе исторического нарратива, контент-анализе источников и методе устной истории, который, по определению С. Шмидта, является «практикой научно-организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами». Кроме того, использован ситуативный анализ трансформационных процессов во властных структурах и теория политической модернизации М. Вебера.

Составной частью концепции исследовательской программы является исходный тезис о «политической установке» пришедшей к власти команды реформаторов — курс на разрушение экономической и социальной модели советского типа. Необходим был учет таких факторов, как наличие мощного натиска либеральной идеологии, распространение ценностей потребительского общества, использование федеральной властью разнообразных ресурсов для реализации на территории региона политических и законодательных инициатив в русле рыночного реформирования[20; 51].

Концепция опирается также на положении о характере модернизации в России как неорганичной, осуществляемой традиционно для страны «сверху». Неотъемлемым элементом методологии является определение временны***х*** рамок реформ, которые важны при изучении предпосылок и состояния социума. Социальная жизнь в России, особенно начиная с середины 1980-х гг., складывалась в условиях постоянных реформ, представлявших собой попытки власти быстро получить результат.

В ходе реализации программы было использовано положение, высказанные П. Бурдье: деиндустриализация, радикальное изменение социальной политики, рост неравенства являются следствием внутриполитических решений, которые отражают изменение баланса сил в пользу владельцев капитала. Участники проекта развивают идею А. Юрчака о шоковой реформе, ядро которой — приватизация, определившая социальную и политическую трансформацию, и изменения структур повседневности. Процесс приватизации был прожит всеми, но последствия для россиян были различными[133].

Следующий исходный тезис вытекает из теории повседневности. В интерпретации участников проекта повседневность понимается как процесс жизнедеятельности индивидов, который развертывается в общеизвестных ситуациях, в рамках определенных структур и практик на базе самоочевидных ожиданий. Это такой «мир опыта», в котором человек эмпирически действует ради достижения своих целей, строит картину реальности, исходя из своего

«я» как из субъективно ощущаемого центра, погружен в эмоции, занят трудовой деятельностью и размышляет об этом.

2.1. ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В области изучения трансформации конца XX — начала XXI в. сформировалось несколько основных направлений, большинство из них носит междисциплинарный характер, отражая научный интерес экономистов, географов, политологов, социологов, историков к этой теме. Особенность историографической ситуации заключается в фокусировании на общероссийском контексте и роли центра в трансформационных процессах.

2.1.1. Изучение трансформационных процессов на Востоке России в отечественной литературе

В отечественной историографии выявлены основные подходы, темы и дискуссионные вопросы. К настоящему времени исследование политических процессов и реализации радикально-либеральных реформ стало новым самостоятельным направлением, которое можно определить как историко-политическая регионалистика. Концептуальной базой этого пласта литературы является идея изменения отношений Центр–регион как основное проявление трансформаций. Важное место в тематическом ряду занимает попытка трансформации и прекращение деятельности института Советов в 1985–1993 гг., дискуссия об эволюции сущности местного самоуправления в условиях пореформенной России. Для современного этапа развития исторической науки характерен процесс интегрирования разноплановых, на первый взгляд, подходов, созданных в различных гуманитарных науках[8; 27; 28; 149; 160]. Зеркалом такой ситуации является новое направление изучения реформ 1990-х в регионах России.

Обращение к разным теориям и концептам создало предпосылки для возникновения центров научных исследований по проблеме политико-административных отношений регионов. Концентрация научных исследований по таким регионам как Урал, Сибирь и Дальний Восток — важное доказательство самостоятельного характера нового направления в российской историографии 2000–2020 гг. и вообще развития исторической науки в начале XXI в. Достижения представителей уральской школы и дальневосточной, сибирской групп ученых создали достаточно яркую и детальную картину реакции региональной политической элиты на революцию «сверху». Гуманитарии, несмотря на некоторые дискуссионные точки зрения, показали общие моменты в процессе смены институтов власти на территории от Урала до Тихого океана и выявили разные сценарии ухода с исторической арены крайкомов и обкомов КПСС, исполкомов Советов — главных управленческих звеньев. В целом в литературе преобладает точка зрения на завершающий этап их истории как на процесс саморазрушения. Региональные исследователи раскрыли картину судьбы Советов, отметив, что в некоторых регионах было достаточно жесткое противостояние старой элиты и нарождающейся новой. Смена институтов власти на местах прошла через череду кризисов, протекавших на территориях с разной остротой. Историки выявили сложную и пеструю рефлексию регионов на стиль и методы, которые использовал Ельцин со своей командой, опираясь на постоянную смену окружения и назначенцев, российского правительства[27].

В отечественной литературе показано влияние политических событий федерального уровня на распределение полномочий между ветвями государственной власти в субъектах РФ в 1990-е гг. Появился даже термин «стихийная децентрализация», что, по мнению большинства историков, в значительной степени было реакцией на борьбу Президента и институтов представительной власти Российской Федерации. В публикациях 2000-х гг. наибольший плюрализм прослеживается по отношению к концепции «сепаратизма». В целом проблема отношений Центра и регионов в контексте

парадигмы политической модернизации оказалась ядром становления дальневосточной историографии[28; 27; 33; 37; 56; 179].

При изучении социальных трансформационных процессов как в отечественной литературе в целом, так и в региональной, возникли также такие направления, как «реформа собственности и возникновение малого и среднего предпринимательства — процесс формирования нового класса собственников»[20; 130], «трансформация повседневности и социальная природа постсоветского общества»[146] и др. Авторами проекта проанализирована научная дискуссия 1990-х гг. о дефиниции «государственно-конфессиональные/церковные отношения» и ее значение для осмысления вероисповедной политики государства и деятельности религиозных объединений[219].

Историографический обзор дает основание для вывода о развитии исторической науки в России в целом и роли дальневосточных историков в изучаемом направлении.

2.1.2. Основные результаты изучения зарубежной литературы

Анализ зарубежной историографии был сфокусирован на основных направлениях изучения западным научным сообществом специфики начального этапа постсоветской трансформации общества и власти в регионах России с акцентом на дальневосточных территориях. Было выявлено, что в 1990-е гг. иностранные аналитики этой сферы оказались в более выгодной позиции, чем российские, имея солидный теоретико-методологический опыт анализа рыночных отношений, мощную материальную поддержку от своих правительств и заинтересованных структур, широкую открытость для них России, а также собственное участие в стратегическом консультировании проведения реформ. В результате в западной историографии сформировалось новое направление исследований — пореформенная российская регионалистика. Среди накопленного в 1990-е – начале 2000-х гг. гг.

значительного пласта трудов выделяются публикации американских (А. Шлейфер, Р. Вишни, Дж. Блази, М. Голдман, А. Вакру и др.) и британских (Ф. Хэнсон, М. Брэдшоу, П. Киркоу и др.) авторов. При этом дальневосточный регион не является объектом активного внимания западной науки. Имеющиеся исследования рассматривают здесь трансформацию власти, как правило, в рамках центр-периферийных отношений с акцентом на роли политической региональной элиты в реализации системных реформ[227; 231; 236]. Особое место в публикациях занимает проблема состояния военной сферы на Дальнем Востоке в 1990-е гг., которое оценивалось западными аналитиками как масштабное падение с соответствующими последствиями — не только стратегическими для России, но и социальными для региона[228].

Наиболее изучаемыми аспектами в целом по России были экономические режимы, трансформация ветвей власти, выборы, приватизация. Выявлено понимание англоязычными авторами объективных и субъективных факторов региональных различий в характере, скорости и интенсивности реформирования. Особое внимание они уделили оценке роли региональной элиты в этом процессе, динамике конфигурации политических сил, лежащей в основе формирования новых институтов власти. В этом контексте обнаружен интерес аналитиков к Приморскому краю как примеру сложившегося в 1990-е гг. авторитарного режима губернаторской власти. В целом итоги изучения регионов России зарубежными учеными сводились к тому, что в 1990-е гг. по всей стране широко развивались патрон-клиентские отношения, корпоративизм, коррупция, авторитарный и популистский стиль губернаторского правления, что тормозило прогресс реформ, особенно на уровне субъектов РФ.

Выявлено, что к концу 1990-х гг. в западном научном сообществе произошла переоценка первоначальной стратегии российских реформ, которая, по мнению большинства, оказалась провальной. Одной из главных причин стали называть стремление реформаторов быстро и бесповоротно разрушить существовавшие структуры государственного контроля прежде,

чем смогли появиться новые рыночные институты и механизмы, что делало невозможным справедливое и эффективное перераспределение собственности.

При оценке существа концептуальных подходов зарубежных исследователей сделан общий вывод о том, что в 1990-е гг. в центре их внимания находилась проблема отклонения российских реформ от западных стандартов, где на первом месте стоят институты и механизмы власти, преобразование форм собственности. При этом слабо учитывались исторические особенности развития России, степень готовности населения к этому, возможные альтернативные пути, а также масштабы жертв, на которые системная трансформация обрекала основную массу «обычных» людей[231].

2.2. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ РОССИИ И ОТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ К РЕФОРМАМ

2.2.1. Дальний Восток в политической российской повестке

В ходе изучения литературы по трансформации управленческих структур на Дальнем Востоке 1991–2000 гг. было установлено, что проблема участия региональных элит в процессе распада СССР и выстраивании Б.Н. Ельциным новой властной вертикали на Дальнем Востоке по-прежнему остается актуальной. Выявлено, что «парад суверенитетов» касался не только союзных республик, но и регионов, однако в последних он носил иной характер. Органы государственной власти и местного самоуправления действовали в условиях чрезвычайного положения, угроз распада государства, межнациональных и межрегиональных трений внутри, массовых протестных движений и гражданских беспорядков[37; 198; 200; 212; 215].

В 1991 г. были распущены структуры КПСС с отчуждением партийного имущества. На примере Приморского края выявлено, что перераспределение материальных ресурсов, принадлежавших партийным органам, носило бюрократический характер. Реформаторы продемонстрировали изъятие партийного имущества как законную формально-бюрократическую процедуру, хотя большую роль здесь сыграли неформальные практики. Определено, что более глубокий анализ последнего аспекта нуждается в дополнительных источниках[117].

После 1991 г. в дальневосточном регионе началась активная реорганизация системы Советов, повлекшая за собой изменения всей системы управления. В 1991–1993 гг. Советы вошли в так называемый институциональный кризис. Это проявлялось в идеологической сфере, несовершенстве нормативно-правовой базы, системных недостатках структуры Советов и исполнительных органов, недостаточно четком разграничении полномочий между разными уровнями власти и управления.

Депутатский корпус и управленцы исполкомов местных Советов были далеки от понимания конечного результата преобразований, не имели единой позиции по отношению к противоборствующим политическим силам в Центре, наблюдалось столкновение интересов исполнительной и представительной власти на местах.

Московские события 1993 г. привели к ликвидации Советов народных депутатов, что стало началом этапа построения нового института власти со своими формальными и неформальными правилами. Дальнейшие изменения не касались базовых принципов функционирования системы. Активные процессы трансформации государственной власти и элит происходили на региональном уровне. Они развивались в русле общероссийских тенденций, но отличались ярко выраженными особенностями, обусловленными положением региона в России и его социально-экономической реальностью. В результате этого многие политические силы и лидеры получили доступ к властным ресурсам, успеху этого способствовали личные связи с президентским окружением и самим Б.Н. Ельциным[114; 160; 168].

Региональные элиты в условиях становления новой государственности находились в крайне нестабильном состоянии и вырабатывали свою «дипломатию» общения с командой Ельцина. В контексте постановки проблемы корректно упомянуть события, которые в политическом дискурсе и литературе тех лет назывались «дальневосточным сепаратизмом». Сегодня тезис о его развитии меняется на концепт о «мифе»[27]. Признавая, что интерпретация событий 1993–1995 гг. в регионе как явление сепаратизма была не совсем корректной, мы использовали метод ситуационного анализа, дополняя его приёмом «вызов–ответ».

В 1990–1995 гг. в окружении Президента складывалось мнение о Дальнем Востоке как протестной территории. Центр сначала судил по электоральной статистке. На выборах президента 12 июня 1991 г. оказалось, что население Амурской, Магаданской, Сахалинской областей, Чукотки в меньшей степени доверяло Ельцину, чем в среднем по России. Более высокие

показатели поддержки были в Приморском и Хабаровском краях. Определённые моменты усиления регионалов Центр увидел и в создании Дальневосточной ассоциации Советов народных депутатов, которая была образована в 1990 г. (в 1993 г. переименована в Межрегиональную ассоциацию экономического взаимодействия субъектов Федерации Дальнего Востока и Забайкалья). Ельцин, как и Горбачев, для укрепления позиций использовал многочисленные поездки, свои и членов правительства, в регионы, где он давал местным политикам и чиновникам щедрые обещания в ответ на лояльность[8].

В статьях авторов программы раскрыта ситуация, когда президент почти сразу же начал назначать глав администраций, иногда учитывая мнение Советов, но ориентируясь, прежде всего, на абсолютную лояльность нового руководителя лично президенту. Таким образом, политическое поле (в трактовке П. Бурдье) в региональном измерении к концу 1993 г. представляло собой пространство законодательно заданных, но ещё не до конца оформленных институтов. На уровне федерации был закреплён приоритет президента над парламентом: новое Федеральное собрание имело подчинённый статус. На уровне взаимоотношений центра и регионов местное самоуправление было отнесено к сфере совместной компетенции (72 ст. Конституции РФ). Однако в сложившихся условиях ведущие фигуры в регионе понимали, что лояльность к центральной власти в обмен на невмешательство в дела региона остаётся ведущим трендом политических отношений на долгие годы[160].

Ельцин сразу же использовал «дальневосточную тему» для укрепления своих позиций, но на протяжении всех лет правления его отношение к проблемам региона было непоследовательным и порой жёстким: он мог быстро изменить свое решение под влиянием мнения советников или возникших новых обстоятельств. Чтобы выйти победителем в более серьезных ситуациях, ему часто приходилось идти на компромиссы в дальневосточной повестке. Стратегия «испытания на прочность» представляла собой

двусторонний политический процесс. Региональная бюрократия, прикрываясь интересами населения территории, проявила одну из своих основных ментальных черт — перманентные надежды на централизованные программы развития.

В начале XXI в. произошла относительная внутриэлитная стабилизация, что вкупе с фактором демографической безопасности актуализировало дальневосточное направление политики, способствуя внедрению новой модели развития региона, в основе которой лежало программно-целевое планирование и ориентация на концепцию «точек роста»[8; 20; 31; 37; 70; 115; 233; 234; 235; 237; 245; 246].

Авторами сделан вывод о том, что в постсоветскую эпоху региональная политическая элита обладала низким модернизационным потенциалом, а экономическая модернизация проходила на базе преимущественно советской производственной инфраструктуры[204].

Переход к новой модели управления сопровождался не только деиндустриализацией, но и новыми социальными последствиями. Противоречие между властью и обществом заключалось в том, что общество ждало от законодательной власти активных действий на благо всем, однако этого не происходило. Разочарование дальневосточного общества в социальных переменах привело к тому, что в новых условиях исполнительная власть фактически оставалась единственной формой власти, способной на реальные действия, общественный интерес к законодательной власти резко снизился.

2.2.2. Реформы собственности в России и отношение региональных политиков к ней

Социально-экономическая ситуация осложнялась падением уровня благосостояния дальневосточников, гораздо более серьёзным, чем жителей европейской части России. Основной акцент в наших исследованиях был

сделан на выявлении отношения политической элиты Приморского края к проведению приватизации, а также анализе хода приватизации в отдельных сферах. Архивные документы изучались на базе синергетического подхода и ситуационного подходов, контент–анализа текстов, зафиксированных в виде стенограмм, депутатских запросов и обращений граждан[20; 32; 51; 116; 231].

Было установлено, что взгляды приморской политической элиты на курс приватизации, избранный руководством России в переходный к постсоветской системе период, формировались под воздействием разного уровня факторов и событий, в том числе происходящих во властных структурах федерального центра. Участниками программы проанализирован процесс подготовки нормативно-правовой базы разгосударствления и приватизации в Приморском крае, его городах и районах.

Большинство местных политиков с энтузиазмом восприняло начало приватизации, находясь как под влиянием мифа о возможности честной, справедливой приватизации, так и под воздействием собственных интересов и идейных убеждений. В ходе проведенного анализа выявлена роль личности в истории разгосударствления на местах, что, в частности, показано на примере первого постсоветского губернатора Приморья В.С. Кузнецова и депутатов местных Советов[20; 51; 116].

На сессиях Приморского краевого Совета некоторые народные депутаты уже в 1991–1992 гг. давали весьма критические оценки предлагаемой реформы собственности. Краевая программа приватизации была принята в марте 1992 г., и тогда же поднимался вопрос о льготах трудовым коллективам при приватизации. Депутаты настаивали на сохранении льгот, пребывая в плену иллюзий силы социальной защищенности, и поддержали путь ускоренной приватизации. На сессии проявилась и критика условий проведения реформ. Депутат А.А. Исаев считал, что либерализация цен, начатая еще до приватизации, привела к обесцениванию вкладов простых граждан, то есть к понижению их стартового капитала для участия в приватизации. Депутат Н.В. Черемисин, подметивший

«лёгкость» процедуры обсуждения программы приватизации, говорил: «…У меня создается впечатление, что здесь все сидят будущие капиталисты, у которых имеются денежные средства». Он даже призвал депутатов обратиться к шестому съезду Советов с просьбой приостановить приватизацию государственной и муниципальной собственности: «Мы растаскиваем уже Россию, что останется нашим потомкам? Мы и так до принятия закона о приватизации растащили много. Так для кого приватизация?». Однако он, как и большинство, не подозревал, что «отцы приватизации» отводили реформе не экономическую, а политическую роль[51].

Региональная элита в лице местных органов власти в соответствии с официальными документами создала соответствующие управления, на которые было возложено управление имуществом, подготовка и проведение приватизации[116].

Авторами исследовательского проекта рассмотрена первая программа приватизации государственного и муниципального имущества в Приморском крае. На основе анализа нормативных документов показаны цели и задачи приватизации, заявленные реформаторами, механизмы их достижения и прогнозы, сопоставлены ожидания и реальные результаты. Исследования проводились преимущественно на базе материалов делопроизводства Приморского краевого и Владивостокского городского Советов народных депутатов, представленных в фондах Государственного архива Приморского края.

Определена специфика приватизации в транспортной системе региона в 1990-е гг., в том числе акционирования дальневосточных портов. На примере первой в России частной компании на железнодорожном транспорте «Золотое звено» (Приморский край) установлены факторы негативного опыта включения частного капитала в транспортные международные связи (противоречия интересов акционеров, технологическая и правовая неподготовленность)[32].

Проведенный анализ во многом подтвердил вывод, озвученный в докладе Счётной палаты РФ и характерный для всей страны: правовая база отставала от реальных процессов приватизации и не принимала в расчёт непредусмотренные законом альтернативы — стремительно развивавшиеся неформальные практики. Первый опыт приватизации в Приморье вскоре раскрыл тёмную сторону передела собственности. Так, в ноябре 1992 г. ответственные за проведение приватизации должностные лица вынуждены были признать, что уже на начальном этапе этот процесс оказался под пристальным вниманием криминальных структур.

Новые реалии перехода к рынку сделали неактуальными прежние методы управления имуществом. Создание специальных органов управления, призванных координировать усилия в подготовке и проведении приватизации, таких как Комитет по управлению государственным имуществом и краевой Фонд имущества, не сопровождалось коренными изменениями в методах работы.

Российская региональная элита 1990-х гг., внешне пытаясь дистанцироваться от советских стандартов поведения, при обсуждении приватизации по-прежнему демонстрировала преимущественно директивный путь разгосударствления собственности, использовала властно-административный ресурс. В образе мыслей творцов и исполнителей программы приватизации по-прежнему преобладали сугубо бюрократические и командные подходы, не замедлившие проявиться в принятых решениях и действиях региональных властей. Кроме того, ожидание быстрой экономической отдачи и идея создания нового слоя собственников возобладали над социальными аспектами приватизации и представлениями о справедливом распределении имущества, а принятые региональными и местными властями меры не сумели предотвратить большие злоупотребления в ходе дальнейшей массовой приватизации.

2.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАДИКАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РЕГИОНЕ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ СТРУКТУР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

2.3.1. Вопросы развития дальневосточной территории в российской политике

В 1990-е гг. российская политическая элита не имела четкой стратегии развития Дальнего Востока. Для центральной власти регион выступал в основном в роли «геополитического бремени», то есть стратегически важной территории, на содержание и, тем более, развитие которой не хватало государственных ресурсов[9; 203]. Начавшаяся реформа государственных органов власти стимулировала поиск новых практик в региональной политике. Однако это влияние проявилось только после установления стабильной структуры власти по линии Центр-регион. В 1990-е гг. продолжала существовать инерционная модель идеологии отношения к Дальнему Востоку, в частности, позднесоветская стратегия развития региона: основной целью нового политического руководства, пришедшего к власти, по-прежнему декларировалось (в целой серии официальных документов) комплексное развитие территории за счет равномерного освоения ее природных богатств, а также строительства и размещения новых предприятий. Но для этого в ситуации разрушения прежней системы планирования была утрачена политическая и экономическая основа[6; 30].

В рассмотренный период экономика Дальнего Востока находилась в глубоком кризисе. В результате смены устаревшего технологического уклада, трансформационного кризиса от «шоковых реформ» и формирования экстрактивных институтов (дискриминационных практик изъятия ресурсов) здесь шел процесс деиндустриализации. Пришли в упадок основные отрасли – машиностроение и судоремонт, горнорудная промышленность. Объём промышленного производства в ДФО достиг низшей точки в 1998 г. — 43,3%

от уровня 1990 г. Безработица и ухудшение условий жизни породили массовый отток населения[133].

В условиях экономического коллапса у президента России появился дополнительный шанс лично контролировать финансовые отношения Центра с Дальним Востоком. К тому же в его окружении возникла идея саморазвития регионов, предполагающая перекладывание ответственности за социально-экономическое развитие с центра на регионы. Самофинансирование стало способом испытания Центром руководства на местах. В итоге обращение к Президенту за помощью оказалось обратной стороной такого саморазвития[8; 137].

Тогда же перед территориями была поставлена еще одна задача — развивать собственные внешнеэкономические связи, привлекать иностранные инвестиции, создавать совместные предприятия. На примере Приморского края определено, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. попытки развития такой деятельности наталкивалось на ограничительные факторы — зависимость от предшествующего периода изолированного развития, отсутствие компетенций у хозяйственной бюрократии, стремление Центра сузить полномочия местных органов власти. Исследования российско-китайских межрегиональных взаимодействий выявили дефицит институализации приграничного сотрудничества, в результате которого оно носило фрагментарный и, часто, бессистемный характер, оставаясь слабо связанным с задачами развития региона[211; 213].

На примере строительной индустрии региона показана эволюция китайского фактора в российской экономике в конце XX – начале XXI вв.: постепенное вытеснение китайской рабочей силы мигрантами из среднеазиатских стран СНГ, увеличение роли китайских инвестиций и совместных проектов, при этом предпочтение китайских инвесторов отдается центральным регионам страны[86; 102].

В аграрной сфере приграничных территорий Дальнего Востока за годы реформ произошло существенное расширение и усложнение форм китайского

присутствия — от экспорта рабочей силы до фермерских хозяйств, а затем и крупных агропредприятий. Данные процессы имеет противоречивые последствия для сельских районов российского приграничья в условиях экономической и демографической деградации последних[229].

Под влиянием либерально настроенных экономистов, приближенных к политикам высшего ранга, в систему территориального развития была инкорпорирована идея, заимствованная из опыта других стран, — создание зон свободного предпринимательства или свободных (особых) экономических зон (СЭЗ, ОЭЗ). На Дальнем Востоке в 1990–1993 гг. высшими властными инстанциями были утверждены СЭЗ «Находка», СЭЗ «Сахалин», ОЭЗ «Курилы». Однако в условиях неразработанности необходимой нормативно-правовой базы, отсутствия финансовых ресурсов, наличия коррупционных явлений, конкуренции между структурами власти и бизнеса эти СЭЗ и ОЭЗ, как и другие аналогичные в стране, оказались нежизнеспособными[8; 115; 210; 235].

Особым направлением в дальневосточной политике стала разработка федеральных целевых программах развития региона и его отдельных районов[8; 209; 235]. Первой из них в 1993 г. была утверждена ФЦП «Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области» на срок 1994–2000 гг. (в 2001 г. продлена до 2005 г.). Основными мотивами ее принятия были необходимость преодоления острого социально-экономического кризиса на Курилах и актуализация их геополитической значимости. Реализация программы шла крайне тяжело в связи со значительным недофинансированием, управленческими издержками и др. факторами. В итоге она не достигла ни одной из концептуальных целей, в основном решая «точечные» проблемы производственной, транспортной и энергетической инфраструктуры. На примере Курильской программы сделан вывод о том, что в рассмотренный период программно-целевой метод управления территориями, провозглашенный государственными реформаторами «сверху», на практике настойчиво проталкивали «снизу»

региональные управленцы, используя его главным образом не как регулятор развития, а как источник дополнительного бюджетного финансирования для преодоления критических состояний. Успеху этого «проталкивания» в значительной степени способствовал геополитический фактор. Однако разработчикам программы не удалось соотнести приоритетные социально-экономические задачи с ресурсными возможностями государства, области и районов, а также создать действенные механизмы привлечения частных инвестиций[240].

Схожую судьбу имела более широкая президентская целевая программа развития Сибири и Дальнего Востока (1996), принятая в условиях ослабления позиций Центра, усиления региональных элит и обострения социальной напряженности на Дальнем Востоке. Скорее это был не реальный механизм поддержки, а попытка заигрывания с элитой и населением региона накануне вторых президентских выборов в России. На самом деле для выполнения данной программы не было ни денег, ни политической воли, в результате она оказалась провальной и имела наихудший результат из всех принимавшихся до этого проектов развития Дальнего Востока[196].

Эта и последующие программы развития Дальнего Востока в целом (2013) и его приграничных территорий (2015—2016 гг.), основанные на государственно-частном партнерстве, имели низкую экономическую эффективность и не смогли повлиять на одну из главных проблем дальневосточного региона — отток населения, который продолжался в течение всех лет в рамках истории РФ. Наши исследования показали, что реальные результаты реализации всех таких программ в сфере народонаселения не только были далеки от намеченных целей, но и всегда оказывались хуже, чем ситуация на начальном этапе их действия[233].

Наиболее уязвимой оказалась крайняя периферия региона, в частности, муниципальные приграничные районы юга Дальнего Востока. Со сменой политической системы в 1990-е гг. и «разгосударствлением» приграничья здесь началась экономическая и демографическая деградация, остановить

которую не смогли специальные программы развития 2015–2016 гг.[233; 234; 237].

Высокие темпы демографических потерь наблюдались на Северо-Востоке, Камчатке, Курилах. Самым главным следствием реформ здесь стало разрушение советской системы закрепления населения. Каких-либо специальных мер для перехода на новую модель регулирования в сфере демографических процессов и трудовых ресурсов до 1996 г. не было принято. Старая система преференций для жителей территорий юридически не отменялась. Но она просто теряла своё значение под воздействием перехода экономики на рыночные отношения, изменений в социальной политике. Реформы обесценили и нивелировали большую часть имевшихся на то время преимуществ и льгот для жителей «северов». В таких условиях преференции для дальневосточников по существу оказались утраченными[37].

В 1990-е гг. оказалась провальной для России и политика освоения Арктики, которую лоббировала группа российских экспертов. В результате в тот период входящие в арктическую зону дальневосточные районы Северо-Востока не получили дополнительных возможностей развития[243].

К концу 1990-х гг. регион стал депрессивной территорией. В итоге Б.Н. Ельцин в Президентском послании Федеральному собранию 1999 г. оценил Дальний Восток как отягчающий фактор в процессе перехода к рыночной экономике и программно-целевому методу в России[8].

В 2000-е гг. Центр попытался внедрить новые методы в управлении развитием территорий, опираясь на новые доктринальные принципы «пространственной экономики» («точки роста» и т.п.), и создать на Дальнем Востоке «государственно-капиталистическую модель»[9]. В 2004 г. создаётся Министерство регионального развития. Однако высший слой управленцев не был готов к реализации нового дальневосточного курса по ряду обстоятельств, в том числе из-за состояния кадровой политики, о чём говорит смена шести министров за 10 лет работы Минрегионразвития.

Начиная с 2005–2006 гг. команда Президента В.В. Путина, предприняла фактически мозговой штурм в поиске новых решений в области национальной идеи поворота России на восток. Ставка была сделана на новые подходы прогнозирования и планирования. В 2005 г. Министерство регионального развития РФ рассмотрело «Концепцию стратегии социально- экономического развития регионов Российской Федерации». На первый план была выдвинута постановка вопроса о приоритетном развитии (то есть государственной поддержке) регионов двух типов — «опорных» и «полюсов роста». Первые — это наиболее крупные, экономически развитые регионы России, вторые — динамично развивающиеся средние и небольшие[70].

Концепция пространственной экономики с воодушевлением была воспринята управленческим аппаратом, и в 2010-е гг. (к этому времени уже произошло его обновление) в политическом дискурс тезис об особой роли Дальнего Востока в обеспечении национальных интересов приобрел масштабное распространение. В управленческую практику вошла идея территорий опережающего развития, были законодательного оформлены ТОРы, а также создана зона «Свободный порт Владивосток» как механизмы стимулирования предпринимательства. В наших исследованиях выявлено, что в процессе внедрения данных инновационных проектов создан механизм отбора резидентов, уточнены территориальные рамки специальных режимов. Однако процесс тормозится наличием санкций для привлечения иностранного капитала, отсутствием опыта взаимоотношений муниципальных структур с компаниями-резидентами, дороговизной технического оборудования Свободной таможенной зоны, различием между отечественными и зарубежными методиками бухгалтерского сопровождения[6; 70].

Дальний Восток стал позиционироваться как «окно в АТР», мультикультурный регион с развитой логистикой, привлекательный для международного туризма[105]. Но первый опыт внедрения такой модели показывает, что в реальности наблюдаются противоречия в интересах двух социальных сил (власти и предпринимателей) по «выводу» территории из

кризиса. Бюрократия развития сосредоточена на расширении привлечения иностранных инвестиций, а предприниматели заинтересованы в получении преференций[237; 247]. Этот вывод подтверждает анализ принятия и реализации проекта «Приморье–2» — международного транспортного коридора, действующего с середины 1990-х гг. по настоящее время на территории Хасанского района и отражающего «поворот России на восток». Установлено отсутствие единства в понимании властью, бизнесом, локальным сообществом модернизации как общего блага, что привело к преимущественно точечным, несистемным изменениям и крайне противоречивым социальным последствиям для населения[14; 246].

В рассмотренный период региональная политика государства на Дальнем Востоке отражает, прежде всего, построение в России единой и согласованно действующей бюрократии. С другой стороны, сама конфигурация дальневосточных проблем (следствие совместного действия таких факторов, как геополитическая значимость и уязвимость территории, её ресурсное богатство при слабой освоенности) побуждает государство к управленческой импровизации. В XXI в. Россия пытается создать на Дальнем Востоке «капиталистическое сплочённое государство», в котором бюрократия стремится осуществить индустриальный рост и выход на внешние рынки, опираясь на новый класс предпринимателей[195; 214].

Таким образом, проблема развития Дальнего Востока в политической повестке России постоянно присутствовала, но результаты принятых документов оказывались провальными, что усиливало социально-демографические угрозы. Замена региональной политики Центра советского типа (основанной на «выравнивании социально-экономических индикаторов») на «рыночную» постсоветскую (базирующуюся на «точках роста») в целом для дальневосточников оказалась «шоковой»[30; 198; 203].

2.3.2. Влияние реформ на социальные процессы. Трансформация структур повседневности

Трудовые ресурсы, миграции. В конце 1980 – начале 1990-х гг. правительство инициировало проведение трёх реформ, оказавших значительное влияние на качественные и количественные характеристики дальневосточного социума, в частности, на трудовые ресурсы Дальнего Востока, — это конверсия производства, кооперативная реформа и приватизация. Конверсия привела к значительному сокращению как военного, так и гражданского производства военно-промышленного комплекса, доля которого в экономике региона занимала одно из ведущих мест. Реформа кооперативов и приватизация положили начало разрушению производственных отношений советского типа, развитию института частной собственности и слоя предпринимателей, перераспределению трудовых ресурсов из государственного сектора в частный, из производственной сферы в непроизводственную, быстрому увеличению предприятий-посредников и предприятий сферы услуг. Обратной стороной реализации этих преобразований стало не только сокращение производства в целом во всех отраслях экономики Дальнего Востока, но и уменьшение численности трудовых ресурсов, отток населения[150; 169; 180; 186]. Данный процесс продолжается по настоящее время. Особенно неблагоприятным на перспективу фактором выступает убытие из региона молодых кадров. Исследование выявило, что одной из основных причин их оттока является отсутствие на Дальнем Востоке возможностей высокого уровня профессионального образования и последующего профессионального роста молодежи[244].

На примере Приморского края и Амурской области исследовано проведение аграрной реформы в 1990-е гг. Сделан вывод о неравномерном развитии многоукладности в дальневосточном селе. Трансформация шла не только в форме перерегистрации колхозов и совхозов, но и за счёт малых

групп, которые продуцировали многообразные практики хозяйствования и самоорганизации. Возникновение фермерства происходило путём шоковой терапии[47].

Авторами Программы проведен анализ специфического сегмента профессиональных ресурсов дальневосточного сообщества в контексте задач военной реформы на современном этапе (перевода на контрактный набор в армию). Под этим ресурсом понимается потенциал формирования кадров Вооруженных сил РФ, которые в регионе традиционно занимают значительное место в связи с его стратегической значимостью. На основе данных статистики и соцопросов среди молодежи сделан вывод о том, что этот социальный ресурс на Дальнем Востоке отличается неустойчивостью с прогнозным усилением негативного тренда — сокращением соответствующих демографических когорт. Ограничивающими факторами являются также нравственно-идеологические характеристики молодежной среды: доминирование прагматических ценностей в ущерб патриотизму, более высокая, чем в среднем по стране, степень распространения деструктивных практик. Исследование показало, что политика повышения престижности социально-профессионального статуса военнослужащих-контрактников наряду с мерами материальной заинтересованности должна подкрепляться глубинным (а не только «парадным») патриотическим воспитанием и предварительной морально-психологической подготовкой молодежи. Именно качественные характеристики могут повысить значимость социального ресурса набора на контрактную службу и в определенной мере компенсировать демографические ограничения на дальневосточных территориях [64; 65; 67; 68; 185].

Особенностью трансформационных процессов на Дальнем Востоке является характер усложнения общественных отношений за счет появления массовых потоков иностранных трудовых мигрантов[42; 46]. Политика федерального Центра и региона по отношению к ним в течение 1990–2000-х гг. неоднократно менялась в попытках решить перманентные прагматичные

задачи — справиться с дефицитом трудовых ресурсов в регионе и одновременно обеспечить социальную безопасность, — однако так и не смогла выйти на уровень баланса между ними [21; 25; 29].

Проблемными точками реализации миграционной политики на Дальнем Востоке являются: формирование законопослушности мигрантов и правовой культуры принимающего общества, трудности регулирования отношений властных структур с институтами гражданского общества, решение социальных проблем мигрантов, противоречивое влияние роли экспертов на региональную политику, появление новых тенденций в поведении мигрантов по мере внесения поправок в миграционное законодательство [16; 26; 39; 53; 54; 71; 72].

Одной из исследовательских задач было выявление взаимосвязей между миграционной политикой, изменениями масштабов трудовой миграции и коммуникациями в условиях общества, находящегося на этапе социальной трансформации, который рассматривается как «общество травмы». Так, на примере трудовых мигрантов из Узбекистана показано, что в начале XXI в. они стали одним из источников формирования нового класса – прекариата – в дальневосточном регионе. Решение политиками проблемы дефицита рабочей силы за счет иностранной трудовой миграции усиливало состояние «социальной травмы» в местном социуме. Практики коммуникации не были достаточными для предотвращения конфликтности между принимающим сообществом и трудовыми мигрантами, хотя в изучаемый период конфликтность носила латентный характер[55].

Последствия трансформации социальных обязанностей государства, кризис повседневности. Исследование факторов трансформации социальной сферы в период реформ показало, что в 1990-е гг. произошло фактическое сокращение социальных обязанностей государства по обеспечению базового уровня благополучия. В первую очередь исчезла всеобщая занятость, появилась безработица, минимальная заработная плата

перестала соответствовать реальному минимуму материальной обеспеченности [61].

В постсоветский период изменилось качество и доступность одной из базовых потребностей человека – в жилье. Переход к рынку и либеральной социальной политике сопровождался резкой отрицательной динамикой в строительстве жилья «эконом-класса», что усугубило социальную напряженность среди таких категорий населения как молодые семьи, военные, обитатели ветхого жилья. Анализ результатов реформы ЖКХ в краях и областях Дальнего Востока (1992–2017 гг.) привел к выводу: цели реформы не были достигнуты, отрасль не переведена на полную самоокупаемость, продолжает частично финансироваться из федерального и региональных бюджетов, имеет нерешенные проблемы (долги потребителей, изношенность инфраструктуры, недостаточность местных бюджетов для ликвидации аварийного жилья и др.). Качество оказываемых услуг в малых и средних городах отличается в худшую сторону по сравнению с крупными городами [73; 77; 87; 90; 97; 98; 99; 100; 101; 157].

Доказано, что кризис повседневных структур (основных систем жизнедеятельности) в 1990-е гг. привел к маргинализации значительных слоев населения Дальнего Востока, что проявилось в резком снижении рождаемости, росте инвалидности и социальных болезней, травматизма, деградации человеческого капитала [138; 145]. В постсоветской России социальная политика стала крайне избирательной: государство оказывало в основном поддержку новому социальному слою — предпринимательству — на законодательном уровне и лишь незначительную адресную помощь, право на получение которой необходимо было доказывать посредством сложных бюрократических процедур. Это затруднило доступ к социальной помощи для самых обездоленных людей — проживающих в отдалённых малодоступных местах, находящихся в трудных жизненных ситуациях.

Кризис производства и перераспределение природной и социальной ренты в пользу Центра привели к истощению не только внешней (отдалённой

от столицы государства), но и внутренней периферии или глубинки, депопуляции сельских и отдаленных населенных пунктов, их выморочности и деградации социокультурной сферы, инволюции социального пространства и повседневных практик [см. Приложение Г]. В 1990-е гг. коммерциализация производства и социальной сферы без учета объективных условий Дальнего Востока вызвала на периферии не просто деиндустриализацию, а редукцию к доиндустриальному образу жизни. Основным источником выживания стала природа, самые примитивные формы ее использования: рыбная ловля, охота, сбор дикоросов, натуральное хозяйство на приусадебных участках. Это изменение образа жизни сопровождалось разрушением цивилизованной среды обитания — дорог, систем ЖКХ, здравоохранения, образования и культуры [15; 106; 137; 138; 140; 146].

Выявлено, что в обыденном сознании реформы 1990-х гг. воспринимаются как «революция перераспределения», «инволюция» (отсутствие развития), в которой Дальний Восток как регион и большинство его жителей стали жертвами экстрактивных институтов (недофинансирование территорий и социальной сферы, снижение зарплат, «ножницы цен» и др.) и утратили значительную часть материальных и символических ресурсов. Постсоветское неравенство воспринимается дальневосточниками как чрезмерное и несправедливое [132; 134; 142; 143]. Обнаружено противоречивое отношение предпринимателей к проблемам модернизации и преобладание тенденций общего пессимистического настроя дальневосточников [57].

Модели адаптации населения. Проведен анализ моделей адаптации отдельных групп населения к рискам повседневности, возникшим в период реформ [107; 112; 143]. Так, основной практикой адаптации к ним женщин на Дальнем Востоке было создание преимущественно горизонтальных сетей взаимодействия, направленных на поддержание социокультурной среды (социальная поддержка в семейных, соседских и трудовых коллективах, благотворительность, благоустройство территории и т.д.). Сделан вывод, что

непоправимая деградация среды обитания делает женщин инициаторами отъезда семей с Дальнего Востока [140; 141].

Люди, часто с достаточно высоким уровнем образования и профессионального статуса, имевшие ранее стабильную работу, лишившись её, перетекали в несвойственные им сферы занятости и образовывали новые социально-профессиональные группы, имевшие временный характер. Так появились «челноки», продавцы подержанных японских автомобилей, рыночные торговцы и т.п. [150] (см. Приложение В). Научной новизной анализа этого явления стало обращение к концепту «кризисного гомеостаза», позволяющего раскрыть специфическую характеристику социальности — относительную стабильность в условиях быстрой и непредсказуемой социальной динамики. На базе антропологического анализа владивостокских оптово-розничных продуктовых рынков 1990-х гг. показано, что они воспроизводили модель случайного, временного и относительно изолированного сообщества, пытавшегося выжить в агрессивной и динамично изменяющейся внешней среде. Работники таких рынков тесно взаимодействовали между собой внутри него, но эти связи часто не имели корней в прошлом и обычно не продолжались после ухода с рынка или за его пределами. Для многих участников постсоветской рыночной торговли — «коммерсантов поневоле» — этот этап был вынужденным, временным и достаточно травматичным, после преодоления трансформационного кризиса они вернулись на прежние социальные позиции [135].

Особенности криминальной сферы в годы реформ. Важнейшим индикатором социальной трансформации является уровень преступности и распространение разных форм деструктивного поведения людей в условиях социально-экономической и политической нестабильности, которая была вызвана радикальными реформами в России [181]. Участниками исследовательской программы были проанализированы реформы антикоррупционного законодательства как фактора динамики коррупционной ситуации в Приморском крае (1990–2010-е гг.). Было установлено, что эта

динамика прошла этапы роста (1990 – сер. 2000-х гг.) и снижения (сер. 2000-х – 2019 г.). Данная тенденция прослеживалась на общероссийском и региональном уровнях. В Приморском крае наибольшее распространение получила бытовая и политическая коррупция, в меньшей степени – экономическая, характерно распространение браконьерства. Формальные показатели места коррупции в структуре общей преступности в Приморье относительно невелики, что объясняется, прежде всего, высоким уровнем ее конспиративности. Свой вклад в снижение регистрируемых коррупционных преступлений внесло ужесточение уголовного наказания за эти виды преступлений. Характерной особенностью коррупции является ее гибкость, умение приспосабливаться к меняющимся условиям общественного развития [177; 187] (См. табл. 2.1.).

Таблица 2.1. – Динамика по расследованию уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности в Приморском крае в 2013 - 2018 годах[29, с. 286]

	По статьям УК РФ	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**
1.	ст. 159 (мошенничество)	28	25	23	26	17	17
2.	ст. 160 (присвоение, растрата)	17	16	4	2	6	2
	ст. 201 (злоупотребление полномочиями)	н.д	н.д	3	4	4	н.д.
3.	ст. 204 (коммерческий подкуп)	4	13	56	1	2	2
4.	ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями)	43	15	8	6	1	4
5.	ст. 285.1 (нецелевое расходование бюджетных средств)	1	36	н.д.	н.д	н.д	н.д
6.	ст. 286 (превышение должностных полномочий)	34	1	2	4	0	0
7.	ст. 289 (незаконное участие в предпринимательской деятельности)	1	1	н.д	н.д	н.д	1
8.	ст. 290 (получение взятки)	42	72	83	31	18	21
9.	ст. 291 (дача взятки)	24	74	87	60	33	27
10.	ст. 291.1 (посредничество во взяточничестве)	4	2	4	6	10	6
11.	ст. 291.2 (мелкое взяточничество)	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	23

	По статьям УК РФ	2013	2014	2015	2016	2017	2018
11.	ст. 292 (служебный подлог)	79	264	42	1	3	1
12.	ст. 309 (подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу)	2	н.д.	н.д.	н.д	н.д.	н.д.
13.	ст. 303 (фальсификация доказательств)	н.д.	н.д.	1	н.д	н.д.	н.д.
14.	ИТОГО	279	519	314	265	243	289
15.	Размер причиненного ущерба, тыс.	47 584	н.д.	148 561	н.д	н.д.	н.д.
	Возмещено	38 783	н.д.	14 808	н.д	н.д.	н.д.

Влияние реформ на сферу образования. В рамках программы проведен анализ состояния системы высшего педагогического образования в периферийных регионах Дальнего Востока России (Магаданская область, Сахалинская область и Камчатский край) в годы реформ, как важнейшего фактора, влияющего на будущее молодого поколения дальневосточников и условия гуманитарной безопасности России.

Эти территории связаны с материковой частью морским, а зачастую только воздушным транспортом, и население страдало от осознания своей удаленности. Во времена СССР политики учитывали данные обстоятельства, и проблема обеспечения кадрами педагогических вузов составляла часть внутренней государственной политики. Для задач индустриального освоения и повышения уровня жизни населения государство основало в административных центрах этих областей педагогические институты.

В условиях радикальных реформ 1990-х гг. произошло снижение ценности труда педагога, сократилась заинтересованность абитуриентов в получении педагогических специальностей. Однако руководство педагогических вузов отдалённых регионов Дальнего Востока предпринимало меры, чтобы сохранить накопленный потенциал образовательной деятельности, более того, институты продолжали осуществлять свою просветительскую функцию, при этом пошли на радикальные эксперименты. Но реформы привели к далеко не однозначным последствиям [124; 125].

Новизной анализа влияния реформ на образование стало исследование такого важнейшего его элемента как историческое, которое в период «социального шока» должно было учитывать достижения науки и выполнять функцию коллективной памяти. Данный двусторонний процесс был сложным и противоречивым. В период с 1991 г. по 2012 г. на развитие высшего, в том числе исторического, образования на Дальнем Востоке России оказывали влияние множественные факторы, которые были связаны с системным кризисом. Дальневосточная высшая историческая школа пережила значительную «утечку умов» – квалифицированных преподавателей, талантливых студентов и аспирантов, лишилась части основных фондов, уникального научного и учебного оборудования и даже ряда объектов социально-бытовой инфраструктуры. С начала 1990-х гг. ведущая роль в образовании была отдана рыночным интересам и механизмам их реализации в системе высшего образования. Была подвергнута разрушению патриотическая функция исторического образования.

Разработка и практическая реализация новой, «рыночной» парадигмы — это и есть основная особенность состояния российского высшего, в том числе исторического, образования в начале XXI века. В 1992–1993 гг., в ответ на углубляющийся социально-экономический кризис и неспособность государства в дальнейшем обеспечивать финансирование образовательной сферы в полном объеме, в вузах Российской Федерации, в том числе на Дальнем Востоке, возникло платное высшее образование. Одной из главных проблем высшего исторического образования в 1990-е гг. оказалась его меньшая востребованность среди молодежи.

С 1991 г. ушла в прошлое система распределения выпускников. Молодые специалисты-историки не шли на работу в школу, несмотря на востребованность педагогов. С другой стороны, преобразования отразились на характере научно-исследовательской работы. Хотя диапазон исследований расширялся, прежде всего, в региональной проблематике, при изучении исторических, политических, социальных, культурных и иных процессов,

происходивших в прошлом на российском Дальнем Востоке, акцент был сделан на истории и современности зарубежных стран АТР.

В то непростое время для всей страны были полностью переработаны учебные курсы, программы учебных и производственных практик, семинаров исторического факультета ДВГУ: стали читаться новые дисциплины, такие как основы маркетинга, макроэкономики, философия религии, социология, основы ЭВМ. Коллектив исторического факультета ДВГУ направил все свои усилия не только на привлечение абитуриентов, но и на модернизацию учебных процессов и планов, на открытие новых специальностей и специализаций. Исторический факультет открыл набор студентов по двум новым специальностям — «Философии» и «Регионоведению», последняя включала в себя и такую специализацию, как «Историк-регионовед по англоязычным странам АТР» (США, Австралия, Новая Зеландия и Канада) [129].

Одним из последствий реформирования системы образования стала тенденция к ее десекуляризации. Со второй половины 1990-х гг. РПЦ начинает получать государственные преференции и стремится войти в систему государственного образования. В частности, одной из новых форм десекуляризации образовательной сферы стало внедрение в программы государственных школ курса «Основы православной культуры»[222].

Трансформационные процессы в культурной сфере. Впервые в историографии исследована региональная специфика трансформационных процессов 1990-х гг. в сфере творческих профессий. Показано, что в годы радикальных реформ произошёл распад единого общероссийского культурного пространства. Несмотря на обилие печатной продукции и активизацию клубной деятельности, профессия писателя утратила свой престиж и перестала приносить заработок. Прекратилась господдержка книжного дела. Социальная группа литераторов стала размываться. Чтобы выжить в трансформирующейся социально-экономической реальности, писатели, как и другие жители дальневосточных территорий, осваивают новые

профессии и виды трудовой деятельности, пробуют силы в бизнесе, ведут натуральное хозяйство на дачах и огородах, занимаются собирательством, охотой, рыболовством, практикуют взаимообмен товаров и услуг, взаимопомощь в кругу родственников и знакомых, мигрируют в другие российские регионы и страны. Процессы трансформации в литературной сфере остались незавершенными. Старые институты — союзы писателей — еще существуют, но уже не оказывают ощутимого влияния на литературный процесс, а новые до сих пор не сформированы: если ориентироваться на западные образцы, то до сих пор в России, и на Дальнем Востоке в частности, нет ни развитой структуры литагентов, ни сильных писательских профсоюзов [109; 110].

Другая исследованная группа представителей творческих профессий на Дальнем Востоке — художники (живописцы, графики, скульпторы, монументалисты, мастера декоративно-прикладного искусства). Период радикальных реформ 1990-х гг. для них ознаменовался не только взлётом творческой активности, информационным прорывом, зарубежными выставками и поездками, но и драматической трансформацией социально-профессиональных и повседневных структур. Как и другие деятели культуры, они оказались в сложной социально-экономической ситуации, характеризующейся отсутствием гарантированной занятости, высоким уровнем безработицы, низкими заработками и постоянным ростом цен. Художественное творчество из государственного дела становится делом частным, система госзаказа уходит в прошлое. Утрачена социальная защищённость данной группы.

На примере художников Приморского края показано, что в постсоветский период начинается формирование арт-рынка, становится возможной свободная купля-продажа произведений искусства, интерес к ним проявляют не только отечественные, но и зарубежные покупатели — именно последние для приморских художников с течением времени начинают играть ведущую роль. Однако данный вид дохода не был гарантированным.

У многих художников в переходный период было несколько источников дохода, ни один из которых не мог претендовать на роль единственного. Широкое распространение получила непостоянная занятость (работа по срочному контракту или по договору на выполнение определённого объёма работ, занятость на основе устной договорённости, случайная занятость). Как и литераторы, художники использовали адаптивные практики трансформационного периода, искали спонсоров, некоторые полагались на помощь более успешных родственников, другие последовательно сокращали потребление и постепенно скатывались к нищете (порой этот процесс сопровождался алкогольной зависимостью). Многие художники говорят о профессиональном братстве и взаимной поддержке, которая выручала их в трудные годы.

Исследование позволяет выявить медленный переход от посттравматического синдрома 1990-х к постепенной стабилизации 2000-х гг. В других регионах России имели место сходные процессы. Специфика Приморского края — близость азиатских стран, где дальневосточное изобразительное искусство оказалось востребованным, — позволила смягчить эти процессы и, возможно, преодолеть кризисную ситуацию с меньшими потерями. Важно отметить, что Приморскому отделению Союза художников России в начале XXI в. удалось в какой-то степени восстановить и актуализировать свою роль в культурном процессе, обеспечив своим членам не только моральную поддержку (приморское отделение Союза писателей России в сравнении с ним, безусловно, проигрывает) [см. Приложения Д; Е, Ж]. Ещё одна черта, характерная для всех дальневосточных территорий – отток творческой интеллигенции на запад, в более благополучные регионы России [108].

Изменение конфессионального пространства Дальнего Востока в период реформ. Проанализировано изменение религиозного ландшафта российского Дальнего Востока в 1990–2000-е гг. Сделан вывод о ревитализации религии в регионе. Установлены основные черты

неправославного «религиозного ренессанса» на Дальнем Востоке 1991 г. – начале XXI в. в результате поэтапного изменения государственно-конфессиональных отношений в современной России и под влиянием глобальных процессов: 1) произошел всплеск, а затем затухание новых для региона религиозных течений, созданных при активном участии иностранных миссионеров и финансовой иностранной поддержке; 2) протестантские организации с конца 1990-х гг. приобретали устойчивый характер в социокультурном пространстве Дальнего Востока и начали самостоятельные миссионерские программы в странах АТР, однако с 2016 г. на фоне давления, связанного с принятием антитеррористических законов РФ, они снизили свою активность; 3) в постсоветский период сформировалась исламская составляющая в религиозной жизни Дальнего Востока [118; 119; 121; 122; 123; 218; 223; 242].

На примере Приморского края авторы проанализировали процесс возрождения православия в 1990-е гг. В целом оно шло в русле общероссийских традиций (раскола внутри православия на сторонников Московского Патриархата и Русской православной церкви за рубежом, недостатка профессиональных кадров священнослужителей, отсутствия стройной системы религиозного образования и монастырской жизни, недостатка храмов и молитвенных домов и пр.). Отношения структур Владивостокской и Приморской епархии с органами власти складывались по-разному. Если краевая администрация практически всегда поддерживала начинания Владивостокского и Приморского епископа, священников и клириков, приходы получали поддержку и на уровне муниципальных образований, то с мэрией краевого центра и мэрами (Ю.М. Копыловым и В.И. Черепковым) отношения были скорее недружественными. Несмотря на существующие проблемы, епископу Владивостокскому и Приморскому Вениамину, епархиальному управлению РПЦ (МП) удалось за 10 лет возродить в крае православную традицию, практически уничтоженную в годы советской власти. Во многих населенных пунктах были открыты приходы с

действующими при них воскресными школами; начата профессиональная подготовка священников, установлены отношения с Вооруженными Силами, созданы собственные СМИ и отдел по работе с молодежью и пр. Все это заложило основу дальнейшего развития православной традиции в крае и деятельности Владивостокской и Приморской епархии как одного из структурных элементов гражданского общества [120; 225].

Авторы проекта установили, что ревитализация религии на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. сопровождалась всплеском социальной активности и других религиозных объединений. В условиях свободы слова они не только приступили к открытой проповеди своего учения, но и, получив материальную помощь от единоверцев из-за рубежа, организовали социальную помощь жителям региона. Анализируя социальное служение неправославных христианских религиозных организаций Дальнего Востока в 1990-е гг., авторы проекта отмечают, что оно носило миссионерский характер.

В результате исследования выделены формы социальной помощи и те группы населения, на которые она была направлена. В зависимости от социальной группы использовались различные формы помощи: продуктовые и лекарственные наборы, создание патронажной службы, ремонт и улучшение условий проживания и лечения, психологическая помощь, организация обучающих мероприятий и детского отдыха и т.д. Финансирование программ социального служения шло не только за счет собственных средств, но и при помощи иностранных миссионеров.

Хотя социальное служение неправославных христианских организаций носило миссионерский характер и ставило своей целью привлечение новых верующих, помощь оказывалась всем нуждающимся, независимо от мировоззренческого выбора. Именно поэтому в 1990-е гг. благотворительная деятельность неправославных христианских церквей поддерживалась краевыми и областными властями Дальнего Востока, органы власти активно шли на контакт с религиозными объединениями и рассматривали их как

партнёров в решении социальных вопросов в субъектах Дальнего Востока [224].

Особой формой социальной работы религиозных объединений стала образовательная деятельность. Однако в 1990-е годы процессы десекуляризации образования переживали трансгрессию (под которой понимается частичный отказ от светского характера образования в результате включения в образовательные программы знаний о догматике и вероучительной практике религий в качестве обязательного, либо дополнительного компонента); шло формирование негосударственной системы образования, создаваемой религиозными объединениями с целью обучения и подготовки кадров священнослужителей. На Дальнем Востоке России, в отличие от западной части РФ, этот процесс имел свои особенности: неправославные христианские учебные заведения были более активными, отчасти благодаря большой финансовой и организационной помощи единоверцев из-за рубежа [222].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1960—1980-х гг. основной вектор трансформации регионального социального, политического, культурного и хозяйственного пространства находился в плоскости взаимосвязи изменений в партийно-государственной номенклатурной системе и определённых циклов реализации дальневосточной политики. Во властном пространстве был установлен переход от тоталитарного режима в СССР к авторитарному, что уже проявилось в регионе со второй половины 1960-х годов. Переход сопровождался активной фазой развития дальневосточной номенклатурной элиты, постепенно менялись и внутренние правила номенклатурной системы. В позднесоветский период социальный процесс в регионе имел волнообразный характер, причём стадии активных социально-политических и экономических и культурных изменений чередовались со временами стабильности или торможения процессов.

Как показывают дальневосточные источники в сравнении с материалами Центра, импульсы для изменений давали политические инициативы партийного руководства, которые отражали групповые интересы политически господствующего класса как в конце 1950-х – начале 1960-х, так и середине 1960-х годов. Катализатором изменений стала активизация интересов в разных структурах власти за ресурсы между разными группами политической и хозяйственной элиты на рубеже 70–80-х годов. Региональная партийная и административная страта как социальная база политического руководства Центра к концу советского периода значительно изменилась и по численности, и по источникам пополнения. Стиль управления с учётом меняющихся партийных лидеров, ставка на поощрительные меры социальной базы в регионе в 1970–1980 гг. способствовали развитию регионалов и быстрой динамике уровня образа жизни. Падение исполнительности стало одной из основных причин ухода с исторической арены партийной власти, кризиса в социальных отношениях на местах, остановки экономического развития в

регионе. Но при этом региональная элита не утратила главной черты своего ментального комплекса — ориентации на финансовые преференции и покровительство политического лидера при решении вопросов хозяйственного развития региона и социальных проблем дальневосточников. Такое поведение вносило новые правила во взаимоотношения с Центром. С проникновением и распространением либеральных идей среди политически господствующего класса в конце 1980-х – начале 1990-х гг. происходил процесс самоопределения внутри элиты, её социальной базы – бюрократии. Эти изменения достаточно быстро привели к фазе открытого противостояния в Центре.

Планы по освоению ресурсных территорий в СССР оказались весьма привлекательными для разных поколений руководителей. Это активизировало и консолидировало разные группы управленческого слоя для оформления новых «сигналов» в Центр с целью поддержания преференций дальневосточникам, и, в первую очередь, самим себе. Несмотря на большие проявления технократизма, планы индустриального развития Дальнего Востока и своеобразный механизм привлечения кадров всё-таки находили отклик у советских людей, значительная часть которых ориентировалось на улучшение материального достатка.

До середины 1980-х гг. «сигналы» с Дальнего Востока, в т.ч. о необходимости усиления мер по закреплению трудовых ресурсов, не только обеспечивали стабильное поступление капиталовложений в развитие Дальнего Востока, но и определяли роль и статус хозяйственного регионального комплекса в экономике страны. Начиная с 1960-х гг. представители советской политической и интеллектуальной элиты убеждались в том, что важно не только продолжать хозяйственное освоение региона (строительство новых предприятий, БАМа, жилья, школ, кинотеатров, больниц и т.д., развитие Северо-Востока и Сахалина), но и использовать его как площадку для развития научных знаний в целях укрепления позиций СССР на берегах Тихого океана. Сложившаяся система коммуникаций

партийной власти и науки объясняет специализацию и степень участия учёных-дальневосточников в общих интеллектуальных достижениях и открытиях в СССР.

Концентрированным отражением этого является политика периода 1970-х гг. по развитию здесь фундаментальной науки с учётом значимости природных ресурсов региона. Так, политической волей советских лидеров в 1970 г. был создан Дальневосточный научный центр. Но геополитическая уязвимость территории блокировала многие нестандартные варианты её развития, связанные с международной кооперацией в экономике и науке.

В 1960—1970-е и даже ещё в начале 1980-х гг. на Дальнем Востоке, в рамках всей советской перераспределительной системы и государственной социальной политики, наблюдался своеобразный потребительский бум, чему способствовала благоприятная динамика мировых сырьевых рынков. Территория с благословения Центра приобрела относительно неплохое место в системе распределения товарных потоков и завоза потребительских товаров. К тому же в эти годы произошёл рост потребления продуктов питания населением Дальнего Востока, в т.ч. и за счёт собственной произведённой продукции. Это было достигнуто ценой высоких затрат всех видов ресурсов на развитие аграрного производства. Кроме того, с развитием транспорта и ростом денежных доходов дальневосточники хорошо освоили «культуру личного завоза» новых товаров массового спроса, используя частные поездки, командировки и отпуска в регионы, где такая продукция была более доступна.

Исследование позволило определить и другие важнейшие черты трансформационных процессов в дальневосточном пространстве. В частности, здесь постоянно проявлялись взаимосвязи между социально-политическими изменениями, экономическими и демографическими, миграционными процессами. Естественная смена поколений активно дополнялась результатами целенаправленной демографической и миграционной политики. Это ускоряло смену жизненных стратегий разных социальных слоёв и групп общества. Менялся профессиональный состав

занятого населения Дальнего Востока. Денежные льготы, установленные на более раннем этапе, постепенно утрачивали свою значимость для закрепления жителей. Усиливалась роль жилищного фактора и комплексных условий проживания. Это можно отметить как одну и особенностей проявления в регионе трансформационного сценария советского типа.

Эволюция взаимосвязей между демографическими, социально-политическими и экономическими процессами во второй половине XX в. шла в русле общих закономерностей, присущих обществу с активной социальной динамикой при доминировании партийного государства. Так, со второй половины 1950-х гг. на Дальнем Востоке, как и в целом по стране, происходили перемены в сфере семейных отношений, при этом роль партийного государства в повседневно-бытовой жизни оставалась значительной. С начала 1960-х гг. в СССР был принят и постоянно выдерживался прагматически-рациональный принцип, согласно которому минимальная заработная плата составляла не менее полутора минимальных потребительских бюджетов, она обеспечивала воспроизводство работника и «половину» иждивенца. С одной стороны, партийное государство постепенно уходило из сферы регулирования демографических процессов, когда, например, оно облегчило процедуру развода, но с другой — оно увеличивало свое «присутствие» путём мер регулирования, которые соответствовали ценностям уже потребительского общества: денежными выплатами и разными формами натуральной помощи. Всё это способствовало консервации патерналисткой ментальности дальневосточного населения, что в дальнейшем сказалось на трудностях адаптации к условиям перестройки и либерально-радикальных реформ.

Важно отметить, что модернизация института семейных отношений в регионе проходила в условиях универсализации социальных стандартов, что относилось ко всем сферам жизни общества. Этот процесс оказал решающее влияние и на малочисленные коренные народы Дальнего Востока, которые в течение 30 последних лет в истории СССР были полностью интегрированы в

советский уклад жизни. Последствия этого были неоднозначны: для коренных народов Севера открылись новые экономические и социальные возможности развития, активизировалось их участие в политической системе, модернизировалось традиционное хозяйство и культурно-бытовая сфера, был ликвидирован разрыв в грамотности со средним уровнем по стране, завершился переход от социально-профессиональной однородности к широкой дифференциации общества и т.д. Однако эти же процессы оказывали негативное воздействие на характер внутрисемейного общения разных поколений, приводили к утрате молодёжью родного языка, ассимиляционным тенденциям и др. Тем не менее в современном восприятии коренными народами региона исторические приобретения того времени перевешивают потери, и даже сейчас они считают позднесоветский период лучшим в своей жизни.

Модернизационные преобразования и изменения на Дальнем Востоке соответствовали сценарию развития общества с государственной формой собственности и условиям регулирования общественных отношений, ядром которых была единственная политическая партия — КПСС — и повсеместный командно-административный стиль управления как в производственной, так и в культурной сферах. Специфика времени состояла в том, что в отношениях власти и общества в регионе появились черты, которые сигнализировали о наступлении нового этапа истории советской системы: достигнув определённого пика или расцвета, она приобретала первые признаки разрушения.

Но до перестройки эта тенденция на Дальнем Востоке находилась в латентной форме. В целом обеспечивались управляемость общественными процессами и сохранение советских порядков, несмотря на то что появились «ниши», где партийные органы утрачивали своё надзирающее значение. В частности, такие признаки проявлялись в сфере идеологии и культуры, перераспределении доходов в пользу слоя номенклатуры и отдельных её вассальных групп.

Разрушение советских норм особенно отражалось в расширении сегмента теневых источников доходов. Тем не менее, партийная номенклатура в регионе сохраняла уверенность в том, что она обеспечивает управляемость на территории, а Центр — тотально все контролирует. Это отождествлялось с контролем различных сфер общественной жизни: благосостояния, дозирования и цензуры информации, пропаганды преимуществ социализма, организационных мер и форм подавления преступности, в частности, связанной с распространением алкоголизации и наркомании.

В результате выполнения проекта сделан вывод о специфической тенденции общественных трансформаций на Дальнем Востоке, где проявлялась регионализация исторического пространства: стремление местной элиты и провинциального политического сообщества одновременно вырабатывать механизмы поддержки своих групповых интересов и представлять интересы территории на высшем уровне власти, используя геополитический фактор, проявляется на протяжении всего позднесоветского периода, но при этом меняются практики и баланс деятельности в сторону первой составляющей.

В изучаемый период региональная бюрократия ещё оставалась в числе приоритетных субъектов внимания со стороны партийной власти, хотя в начале 1980-х гг. и во время перестройки эффективность контроля над этой частью общества резко упала. Именно высший и средний слой управленцев являлся и главным инструментом дальневосточной политики, и главным же препятствием для адекватных ответов на возникавшие социально-политические вызовы.

Методология многослойного анализа позволила сделать следующий фундаментальный вывод. К концу советской эпохи в дальневосточном регионе сложился смешанный тип общественных отношений, при котором черты индустриального общества проявлялись во взаимодействии с политическим фактором, в первую очередь — этакратизмом, а формирование т.н. потребительской культуры первоначально испытывало большое влияние

политики уравнительности, а затем её кризиса. К рубежу 1980-х и 1990-х гг. дальневосточное сообщество находилось на стадии социальной энтропии.

В своей совокупности процессы трансформации в разных сферах жизнедеятельности дальневосточников протекали в общесоюзном русле, но отличались формами проявлений, масштабами и темпами, конкретными событиями. Анализ источников в рамках принятых концепций среднего уровня «социальной многослойности» и микроуровня позволил сформулировать вывод о влиянии политических факторов на социальную динамку «класса управляемых». Так, политика Центра, направленная «на комплексное развитие производительных сил» в совокупности с социальной политикой стимулировала численные изменения в составе рабочих, сельского населения, а демографическая политика усиливала естественный («человеческий») ресурс. Признаками трансформации социума на Дальнем Востоке были увеличение доли управленцев, служащих и неравномерное сокращение рабочих, как во временном, так и территориальном пространстве, а наиболее радикальным явлением стало фактическое исчезновение группы колхозного крестьянства к концу советской эпохи. За 30 лет в дальневосточном регионе изменился образовательный, профессиональный облик класса управляемых. Однако универсализация социальных ценностей привела к противоречивым последствиям в этой среде.

Специфической характеристикой общественных трансформаций в регионе явилось изменение характера миграционных потоков и форм трудоиспользования прибывающего населения. В условиях либерализации политического режима, расширения прав граждан на свободу передвижения с одной стороны, и модернизации производства, которому требовались квалифицированные работники, — с другой, государство отказалось от мобилизационно-принудительной модели обеспечения Дальнего Востока населенческими и трудовыми ресурсами, характерной для 1930-х — начала 1950-х гг., и стало опираться на свободно-мобилизационную модель, при которой доля неорганизованных миграций и свободного трудоустройства

неуклонно возрастала, а таких форм, как оргнабор и сельскохозяйственное переселение, — падала. При этом мобилизационные методы в рамках существовавшей экстенсивной экономики себя ещё не исчерпали, но власти пришлось модернизировать их, делать более гибкими и опираться на социальные источники, доступные на позднесоветском этапе, что проявилось, в частности, в активном использовании молодёжного призыва на «ударные комсомольские» стройки, в стройотрядовское движение, а также в расширении смягченной формы пенитенциарного труда — в рамках условно-досрочного освобождения и условного наказания осуждённых.

Один из главных выводов исследования состоит в том, что внутренняя политика в регионе была реализована путём построения разветвлённой партийной и бюрократической сети взаимных согласований, уступок и обязательств на разных уровнях власти, в т.ч. по линиям: партийные функционеры — хозяйственники, Центр — Дальний Восток. Из таких отношений было очень трудно, если вообще возможно, выбраться без политических потрясений, что нашло своё подтверждение в дальнейшем, в период горбачёвских реформ.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод об унификации социальных стандартов жизни в регионе и в тоже время о нарастании кризиса социальной политики в 1980-е гг., об исчерпании её исторических ресурсов и вхождении в противоречие с ценностями потребительского общества, которое сформировалось во многом благодаря той же советской социальной политике. Это общество отличалось одновременным присутствием патерналистских настроений и нарастающими признаками социального расслоения, что особенно ярко проявлялось вдали от Центра. В середине перестроечного периода население явно ощутило наступление общего кризиса в стране и регионе.

В советский 30-летний период проявлялись разновекторные социальные и политико-идеологические явления. Так, несмотря на снижение доли рабочих в составе занятого населения и возрастание доли управленцев и инженерно-

технических работников, что отражало объективный процесс изменений производства и технологий, власть на идеологическом уровне по-прежнему выделяла ведущую роль рабочего класса. Она поддерживала этот идеологический статус регулированием зарплаты рабочим-дальневосточникам и «рациональной схемой распределения трудовых ресурсов», что также определяло особенности регионального исторического пространства и трансформационного процесса.

Социальная структура советского общества, включая его дальневосточную составляющую, не была классовой в классическом понимании западной социологии, хотя по внешним параметрам походила на неё. Учитывая установленные характеристики, по которым распределялись заработная плата и выплаты из общественных фондов потребления, можно утверждать, что дальневосточное сообщество напоминало «слоёный пирог». Отличительными признаками социальных групп в регионе, как и в целом в СССР, являлись особые функции, оформленные в виде правового и неформального неравенства этих групп. Такое неравенство постепенно трансформировалось в уничтожение «социальных лифтов» для восходящей социальной мобильности» класса трудящихся, в замкнутость партийно-государственной номенклатуры. Соответственно всё более знаковый характер приобретали быт и потребление элитных групп, воспринимавшихся в обществе как «престижные».

В результате исследования авторский коллектив пришел к новому выводу. Дальневосточники осваивали «культуру» потребительского общества уже в условиях проявления отдельных признаков разрушения распределительной социальной системы. Функционирование системы держалось на отдельных, скрепляющих её управленческих звеньях. К ним можно отнести следующие:

– сохранение элементов государственной поддержки рабочих, но лишь определённых профессий и занятых в конкретных отраслях;

– искусственное подтягивание оплаты работников аграрной сферы при отсутствии экономического механизма;
– регулирование численности и зарплаты управленцев на местах;
– сохранение частичного контроля над «объёмами» преференций партноменклатуре на отдалённых территориях страны;
– развитие системы образования в регионе, как компенсация за сохранившиеся бытовые различия.

Дальневосточные материалы доказывают, что разрушение советской социально-экономической системы началось «запуском» в 1970-е гг. политики уравнительности, разрастанием различных процедур согласований и формированием бюрократического рынка, быстрым ростом «теневых» форм доходов. В своей совокупности эти процессы и составляли вектор трансформации общественных отношений в СССР, но на Дальнем Востоке отличались от других регионов формами проявлений, масштабами и темпами.

Процессы трансформации на Дальнем Востоке приобретали общий характер, типичный для всего советского сценария. Показательны изменения в культурной сфере, которые также определяли специфику вклада региона в развитие советской цивилизации. 1960—1991 гг. — период наибольшей интеграции Дальнего Востока в общесоветское (российское) культурное пространство. Наряду с официальной культурой в регионе начинают развиваться суб- и контркультурные формы, обладавшие альтернативными ценностями, другой стилистикой. Таким образом, культура всего изучаемого периода демонстрирует высший уровень зрелости и сложности в рамках советской системы, но в ней уже начинают проступать признаки кризиса и линии будущего раскола.

В изучаемый период ярко проявились и другие тенденции в культурной сфере. В театральной жизни — это попытки преодолеть провинциализм. Несмотря на сохранение идеологического контроля, театральное искусство постепенно разворачивалось от «производственных» и «общественных» тем к

проблематике внутреннего состояния человека, расширяя своё пространство внутренней свободы.

Реализация проекта позволила сформулировать фундаментальный вывод относительно региональной культуры. Объединяющей скрепой являлась художественная проблематика Дальнего Востока как оригинальной «территории смысла», сущность которой заключалась в том, что грандиозная и прекрасная природа требует от человека проявления его лучших качеств, служит инструментом самопознания и переоценки ценностей, создаёт глубокие и истинные отношения между людьми. Этот идеал был создан дальневосточными писателями и художниками и оказался востребован в советском обществе, привлекая на Дальний Восток «романтиков».

Системный анализ регионального прошлого вывел авторский коллектив на итоговый результат трансформации в регионе. Дальневосточное сообщество перешло от стадии кратковременного (по историческим меркам) сбалансированного развития в рамках советской системы при наличии ряда противоречий к фазе расшатывания всей советскости. Дальневосточный социум продемонстрировал некоторый провинциализм в политической активности в годы перестройки по сравнению с центром и другими регионами, но показал рост активности по сравнению с предшествующими годами, что выражалось во «всплеске» социальной инициативы и определённом давлении на власть через публичное выражение своих позиций, недовольства и требований. К концу перестройки отношения власти и общества ощутимо менялись. Особенностью ситуации на Дальнем Востоке, осложнявшей диалог между ними, было то, что на местах власть воспринималась населением, прежде всего, как проводник интересов Центра. Соответствующей была и тематика запросов, направленная на защиту прав граждан, — доступ к равным возможностям получения материальных благ и свобод, часто на фоне критики номенклатурных преференций.

В регионе проявился классический сценарий потери власти органами КПСС и зарождение многопартийности, но со своей спецификой. Идейная и

административная дезориентация, потеря рычагов управления политическими и социально-экономическими процессами, кадровая проблема, непреодолимый разрыв между верхушкой и рядовыми членами, растрата социального капитала (что проявилось в ходе альтернативных выборов 1989—1990 гг.) привели к ослаблению позиции региональных партийных структур, потере легитимности и, в конечном счёте, уходу коммунистической партии с исторической арены. Однако бывшая «номенклатура» в большинстве своем успешно вошла в постсоветское политическое пространство в обличье уже новых привилегированных слоёв.

Таким образом, дальневосточный материал доказывает, что структурные и институциональные элементы советской общественной системы видоизменялись постепенно и с разной скоростью. К числу быстро трансформирующихся социальных подсистем можно отнести политически господствующий класс, который после свёртывания реформ в первой половине 1960-х гг. вошёл в очередную фазу жизненного цикла. Партийно-государственная система управления территорией в традиционном формате существовала до тех пор, пока сохранялось её наследственное ядро — генотип управленца, сформировавшегося на идеологической основе. С развитием потребительских ценностей этот институт разрушался, за ним шли изменения в других подсистемах, но в разных временных диапазонах. К наиболее консервативным можно отнести жизненные стратегии класса управляемых, ориентированные на распределительную социальную политику.

Дальневосточный регион, как и в предыдущие времена, выполнял историческую миссию в обеспечении государственной безопасности СССР, продолжая оставаться советским форпостом в геополитическом пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Во многих дальневосточных событиях отразилось участие СССР в сохранении мира и территориальных параметров в этой части Земли, сложившихся на базе итогов Второй мировой войны. Одним из условий обеспечения региональной безопасности являлась защита государственных границ СССР на Дальнем Востоке.

Трансформационные процессы в регионе, как и в целом в СССР, сдерживались устойчивостью положения властной элиты («номенклатуры»), вынужденной в поисках «катализаторов» социально-экономического развития проводить реформы, ставшие своеобразным социальным «клапаном», открывавшим путь для её трансформации. Однако инкорпорация либеральных идей в разные слои общества, особенно в среду политиков-интеллектуалов и учёных в период социальной бифуркации политически господствующего класса открыла уже второй «клапан» для системной трансформации.

Выводы, полученные в результате реализации третьего этапа, несут печать незавершённости исторического процесса, они соответствуют современному историческому горизонту, степени выявления исторических источников и поставленным научным задачам. В результате исследований третьего этапа Программы были сформулированы следующие фундаментальные выводы.

Влияние реформ на дальневосточный социум проходило по сценарию разрушения всей системы советскости. Трансформация органов власти шла на институциональном уровне в условиях противостояния за административные и хозяйственные ресурсы. Уход с исторической арены Советов и создание новых законодательных органов, муниципальных органов и администраций субъектов привели к формированию новой конструкции власти в дальневосточном регионе на институциональном уровне. В подавляющем большинстве случаев прослеживалась ориентация регионалов на реформаторский блок правительства, что отразилось на ходе реформ на местах. При формировании новых органов власти часть территорий отличалась более острой внуриэлитной борьбой, другие – менее острой. Политико-административные отношения Центра и регионов преимущественно складывались под влиянием президентского стиля управления.

Изменения в социальной повседневности свидетельствуют о длительном периоде «травматического социального шока». Повседневная

адаптация граждан на Дальнем Востоке осложнялась неблагоприятными макросоциальными трендами: смещением России с позиции полупериферии капиталистической мир-системы на позиции сырьевой периферии, изменением региональной политики Центра с советского «выравнивающего» типа на «рыночный» постсоветский. Основной вектор трансформации лежал через деиндустриализацию, конверсию производства, радикальную аграрную реформу, приватизацию, а также производные от них бюрократические инструменты. В своей совокупности они коренным образом меняли социальные отношения.

Анализ дальневосточной политики в общей российской повестке доказал следующее: изменения в составе региональной политической элиты и в отношениях центра и региона в течение более чем 10 лет привели к ситуации отсутствия развития региона, к преобладанию на практике тактики «выживаемости». Реформирование экономики и социальных отношений советского типа в 1990-х гг. в условиях политической нестабильности как в Центре, так и на территориях, вышло за рамки допустимого «шага новизны» и дало результат, противоположный ожидаемому властью, хотя отдельные группы местного сообщества в тех условиях получили дополнительные источники обогащения. Так, на уровне хозяйственного комплекса региона произошла обвальная деиндустриализация в базовых отраслях дальневосточной экономики со всеми негативными последствиями «ржавого пояса»: безработицей, застойной бедностью, деградацией городской среды. В 1990-е гг. под влиянием реформ «сверху», ориентированных на капиталистические принципы организации хозяйствования и обустройства общества, произошла утрата прежних экономических оснований и принципов управления дальневосточными территориями.

Этот путь реформ в рассматриваемый период вызвал на территории Дальнего Востока упрощение и архаизацию хозяйства и человеческого капитала: закрытие и перепрофилирование специализированных производств, деквалификацию рабочей силы. Архаизация социальных практик была

прямым путем к отчуждению дальневосточного сообщества от социальных и экономических инноваций.

Реформы в России, а также их тяжелые последствия для дальневосточного социума растянулись и на последующее десятилетие, хотя Дальний Восток вышел на передний план политической повестки. В 2000-е годы с новым витком разработки региональной политики в России начался поиск путей преодоления кризиса региональной хозяйственной системы и разрушительных последствий деиндустриализации.

Проведенный анализ позволяет сформулировать суть новой модели территориального управления: под воздействием радикально-либеральных реформ власть пытается опереться на научные идеи пространственной экономики (организовать в регионе «точки роста») и создать на Дальнем Востоке «государственно-капиталистическую модель». Дальний Восток стал позиционироваться как «окно в АТР», мультикультурный регион с развитой логистикой, привлекательный для международного туризма.

Первый опыт внедрения такой модели показывает, что в реальности в процессе «вывода» территории из кризиса наблюдаются противоречия в интересах двух социальных сил (власти и предпринимателей). Бюрократия развития сосредоточена на расширении привлечения иностранных инвестиций, а предприниматели заинтересованы в получении преференций.

Трансформацию дальневосточного социума можно определить как крайне медленный переход от посттравматического синдрома 1990-х гг. к постепенной стабилизации 2000-х гг. В начале XXI в., несмотря на внедрение новых форм развития территории и объявленного национального курса поворота России на восток, так и не были преодолены признаки кризисного состояния дальневосточного социума. В 2000-е гг. уровень социального неравенства и расслоения общества, а также большой приток новых трудовых мигрантов привели к усложнению социума и неустойчивости социальных процессов и сферы повседневности. Но при этом в 1990-е гг. региональная

идентичность трансформировалась в сторону большей открытости, культурного и религиозного плюрализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Белоглазов Г.П., Ващук А.С., Ларин В.Л. § 5.2. Иностранные мигранты и миграционные процессы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 346 – 387.

2 В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – 276 с.

3 Ващук А.С. Глава 4. Миграция в годы перестройки и системного кризиса. Разд. 4.2. Дальний Восток // Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 278 – 310.

4 Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX – начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. Т.10. – № 3/1. – С.30-45

5 Ващук А.С. Дальневосточная политическая элита в 50–60-е гг. XX в. // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы междунар. науч. конф. – Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал.ун-та, 2012. – С. 317 – 321.

6 Ващук А.С. Дальневосточный вектор России в контексте диалога власти и научного сообщества (XX в. и современность) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – № 22. – С.9-29.

7 Ващук А.С. Дальневосточный фактор в социально-демографических процессах России во второй половине XX в. // Россия и АТР. – Владивосток, 2012. – № 3. – С. 80 – 90

8 Ващук А.С. Дальний Восток в политической повестке России (90-е годы XX в.) // Клио. – 2020. – № 5 – (161). – С. 110-117

9 Ващук А.С. Западные идеи в проектах развития Дальнего Востока России в начале XXI в. // Расширение Западной цивилизации и смена Восточной цивилизации: материалы междунар. конф. (на кор. яз.). – Сеул: Университет Сунгсиль, 2019. – С. 347-350 (на кор. яз.); 351-360 (на рус. яз.).

10 Ващук А.С. Изучение образовательного уровня советской номенклатурной элиты как инструмент анализа социальной трансформации общества во второй половине XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – №1. – С. 77-91.

11 Ващук А.С. История Дальнего Востока России 1960-х – 1991 гг. в освещении отечественных исследователей // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй междунар. науч. конф. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – С. 234–247.

12 Ващук А.С. К вопросу о законопослушности трудовых мигрантов из КНР в Приморском крае // Первый круглый стол по вопросам экономического сотрудничества провинции Цзилинь Китая и Тихоокеанской России. Брошюры конференции. Чанчунь, АОН пров. Цзилинь. КНР. – Чаньчунь, 2015. – С.81 – 92.
13 Ващук А.С. Международный круглый стол «Российская идентичность: дискуссии в региональном пространстве Дальнего Востока» // Россия и АТР. – 2019. – № 1. – С. 184-190
14 Ващук А.С. Международный транспортный коридор «Приморье –2»: идеи, проекты, реалии в русле «тихоокеанского разворота» // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2016. – № 3. – С. 121-138.
15 Ващук А.С. Миграционная политика России в конце XX – начале XXI века: надежды управленцев и реалии сельской глубинки юга Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. – 2012. – № 4. – С. 24 – 31.
16 Ващук А.С. Миграционные тренды и проблемные точки реализации миграционной политики на Дальнем Востоке России (2007–2014 гг.)// Восьмые Гродековские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Дальний Восток России: история и современность. 15—17 апреля 2015 г. – Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2015. – Т.1. С.188–196.
17 Ващук А.С. Научные поиски: Аналитико-библиографический обзор //Россия и АТР. – 2011. – № 2. – С. 74 – 95
18 Ващук А.С. Новые тенденции в политике привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России (2012–2018) // Дальний Восток в зеркале этнополитики: материалы Всерос. науч. конф. / под ред. Е.Н. Спасского, О.А. Рудецкого. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2019. – С. 53-57.
19 Ващук А.С. Образовательный фактор в трансформации советской политической элиты (вторая половина XX в.) // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. – Хабаровск: Тихоокеанский гос. ун-т, 2016. – № 1. – С. 82-91.
20 Ващук А.С. От идеи приватизации времени перестройки к радикальной российской реформе: точки зрения отечественных и англоязычных авторов // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 96-111
21 Ващук А.С. Отношения России и КНР в миграционной сфере и их значение для Дальнего Востока в 90-е годы XX в. начале XXI в. // Материалы IV международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхе – Харбин, 14-19 мая 2014 г.). – Вып. 4. – Благовещенск: БГПУ, 2014. – С.60-65.

22 Ващук А.С. Переселенцы-соотечественники в дальневосточном приграничье в начале XXI в.: ситуационный анализ и особенности адаптации старообрядцев и граждан из Восточной Украины // Современные проблемы регионального развития: материалы VII Всеросс. науч. конф. – Биробиджан, 2018. – С. 303–306.
23 Ващук А.С. Перестройка на Дальнем Востоке в освещении российских исследователей // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 41–53.
24 Ващук А.С. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. – 2014. – №4. – С. 5-22.
25 Ващук А.С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.) // Ойкумена. – 2019. – № 4. – С. 122-134.
26 Ващук А.С. Политика России в привлечении иностранной рабочей силы в конце XX – начале XXI в. в Дальневосточном регионе: факторы, выгоды, проблемы // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2013. – С.147 – 155.
27 Ващук А.С. Политические реформы конца XX – начала XXI в. в регионах России: новое направление в отечественной историографии // Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.13-28.
28 Ващук А.С. Предисловие // Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.7-12.
29 Ващук А.С. Проблемы использования иностранной рабочей силы в условиях модернизационных процессов на российском Дальнем Востоке (2006–2012 гг.) // Wschodniepartnerstwo – 2013 (Восточное партнерство – 2013): материалы междунар. науч.-практ. конф. – Vol.10. – Politologija. Przemysl (Польша): Nauka i studia, 2013. – С. 80 – 94.
30 Ващук А.С. Проблемы управления Дальневосточным регионом в советский и постсоветский периоды // Вестник ДВО РАН. – Владивосток, 2013. – №1. – С. 21–28.
31 Ващук А.С. Проекты «точек роста» на приграничных территориях Приморья, первые результаты (2015-2017 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. – Вып. 9. – Ч. 2. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С.32-42.

32 Ващук А.С. Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX – начале XXI вв. // Региональные проблемы. – 2017. – Т. 20. – № 3. – С. 39–49.
33 Ващук А.С. Регионы России в эпоху перемен. Представление рубрики // Россия и АТР. – 2020. – № 1 (107). – С. 5-13.
34 Ващук А.С. Роль архивных источников в изучении истории российской приватизации // Архонт. – 2018. – № 3 (6). – С. 10–24.
35 Ващук А.С. Роль первого секретаря в реализации политики хозяйственного освоения советского Дальнего Востока в 60-е гг. XX в. // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности (Шестые Крушановские чтения, 2009 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2011. – С.145 – 153.
36 Ващук А.С. Северные корейцы в дальневосточном приграничье: исторические сценарии второй половины XX века и новые вызовы XXI века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 2018. – Т.15. – № 3. – С. 40-48.
37 Ващук А.С. Северо-Восток России: региональная политика и поиски выхода из кризиса (1990-е годы – начало XXI в.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы X междунар. науч.-практ. конф. – Вып. 10. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. – С. 37-45.
38 Ващук А.С. Социальная ответственность власти в условиях реформ и реализации модернизационных проектов // У карты Тихого океана: информац.-аналит. бюллетень. – 2016. – № 43 (241). – С. 6–11.
39 Ващук А.С. Социальные проблемы мигрантов из стран СНГ на Дальнем Востоке России (конец XX – начало XXI вв.) // Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность: Сб. науч. трудов по итогам работы регион. науч.-практ. конф. / под ред. В.В. Романовой. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманит. ун-та, 2011. – С. 140–149.
40 Ващук А.С. Социальные проблемы приватизации в России 1990-х гг. в современной историографии // Гуманитарные и исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017. – № 4. – С. 46-52
41 Ващук А.С. Судьба Дальнего Востока или вклад региона в развитие России: исследовательский опыт//Диалог со временем. М.: Институт всеобщей истории РАН. Центр интеллектуальной истории. Российское общество интеллектуальной истории. – 2015. – № 52. – С. 303-322.
42 Ващук А.С. Трудовые мигранты в сельском хозяйстве на юге Дальнего Востока России (конец XX – начало XXI вв.) // Россия и страны АТР: исторический опыт аграрного развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск. ДальГАУ, 2013. – С. 149 – 154.

43 Ващук А.С. Трудовые мигранты из КНДР в России: ситуационный анализ // Russie – 2018: Regards de l'Observatoire franco-russe. – Paris, 2018. – С. 330-334 (Обзоры Аналитического центра Обсерво при Франко-российской торгово-промышленной палате).
44 Ващук А.С. Трудовые мигранты из КНДР на Дальнем Востоке России в 2007–2017 гг. // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: сб. трудов междунар. научно-практ. конф. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. – С. 216-221.
45 Ващук А.С. Трудовые мигранты из КНДР на российском Дальнем Востоке во второй половине XX в. – начале XXI в. // Клио. – Санкт-Петербург, 2012. – №5. – С. 72 – 75.
46 Ващук А.С. Трудовые мигранты из КНДР на российском Дальнем Востоке во второй половине XX – начале XXI вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1 (17). – С. 76 – 81.
47 Ващук А.С. Формирование многоукладности в дальневосточном селе (конец XX – начало XXI вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – №4. – С. 7–19.
48 Ващук А.С. Что мы знаем о причинах и предпосылках перестройки. (Концепции и дискуссии 1989—2015 гг.)// Россия и АТР. – Владивосток, 2015. – № 4. – С.18-33.
49 Ващук А.С., Булдыгерова Л.Н. Актуальные проблемы отечественной истории второй половины XX в. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность: сб. науч. тр. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. – Вып. 9. – С. 93 – 104.
50 Ващук А.С., Булдыгерова Л.Н. Политическая элита СССР во второй половине 1960-х – 1970-е гг. и ее влияние на социально-экономическое развитие страны // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность: сб. науч. тр. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. – Вып. 9. – С. 105 – 118.
51 Ващук А.С., Воронцов Н.С. Отношение политической элиты Приморья к приватизации в 1990–1992 гг. По материалам Государственного архива Приморского края // Вестник архивиста. – 2020. – № 2. – С. 590-601.
52 Ващук А.С., Дударёнок С.М. Историческое образование на Дальнем Востоке России: этапы столетнего пути // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 4/2. – С. 67-82.
53 Ващук А.С., Ермак Г.Г. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. – Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2016. – Т. 19. – № 4. – С. 117-124.

54 Ващук А.С., Ермак Г.Г. Русский язык в повседневных практиках этнических мигрантов в Приморском крае // Приморье: народы, религии, общество. – Владивосток, 2017. – С. 77–87.
55 Ващук А.С., Ермак Г.Г. Трудовые мигранты из Узбекистана в Приморье: власть — мигранты — принимающее сообщество (начало XXI в.) // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – 2020. – № 27. – С. 194-210.
56 Ващук А.С., Коваленко С.Г. [Рец.] Мерцалов В.И. Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством 1957—1965 гг. // Вопросы истории. – 2020. – № 7. – С. 282-287.
57 Ващук А.С., Коваленко С.Г. Проблемы модернизации и отношение к ним предпринимателей Дальнего Востока (некоторые результаты исследовательского проекта) // Россия и АТР. – 2013. – № 4. – С. 80 – 95.
58 Ващук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы Перестройки и ее последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С.94-108.
59 Ващук А.С., Савченко А.Е. Дальний Восток РСФСР в контексте социально-политической безопасности (1946 – середина 1960-х годов)// Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статьей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – С. 94-102.
60 Ващук А.С., Савченко А.Е. Преодолеть историю? Макросоциологический подход к пониманию прошлого и проектированию будущего России // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. – 2011. – № 3. – С. 184 – 189.
61 Ващук А.С., Савченко А.Е. Социальная реальность Дальнего Востока как проблема современной истории: постановка задач // Вестник ДВО РАН. – Владивосток, 2013. – №4. – С. 3-8.
62 Ващук А.С., Савченко А.Е., Коняхина А.П., Крушанова Л.А, Ковалевская Ю.Н., Коваленко С.Г., Заровнева Н.В. Тридцать лет перехода: К оценке вектора социальной трансформации на примере Приморского края (1985–2014 гг.): «Приморский край: потенциал модернизации региона в свете итогов социальной трансформации 1985–2010 гг. – Владивосток, 2014. – 89 с. [Электронный ресурс]. URL: http://ihaefe.org/publishings/publications/online-page3 (дата обращения: 12.02.2020).
63 Ващук А.С., Чернавская В.Н. Российская массовая приватизация (1992–1994 гг.) в отечественной и англо-американской исторической литературе // Страницы нашей истории: сб. науч. статей, посвященный 50-летию д-ра ист. наук Анатолия Ивановича Широкова. – Магадан, 2017. – С. 22-41.
64 Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н. Молодежная политика и патриотическое воспитание в Приморском крае в контексте задач комплектования

Российской армии // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 5 (107). – С.9-25.
65 Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н. Молодежная политика и патриотическое воспитание в Приморском крае в контексте задач комплектования Российской Армии // Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации. Т. 8. / коллект. моногр. Ред. и сост. Е.Л. Рябова. – М.: Междунар. издат. центр «Этносоциум и межнациональная культура», 2018. – С. 65-84.
66 Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н. О некоторых проблемах изучения принудительных миграций и «власти терминов» в науке: отклик на статью Н.Ф. Бугая // Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар, 2014. – № 3. – С. 70–76.
67 Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н. Социальные ресурсы Приморского края для службы по контракту в Вооруженных силах России // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2019. – Т. 11. – № 2. – С. 169–187
68 Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Крушанова Л.А. Проблемы анализа демографических ресурсов военной службы по контракту в дальневосточном регионе // Геосистемы в Северо-восточной Азии: территориальная организация и динамика. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2017. – С.240–247.
69 Ващук А.С., Шишкина О.Е. Законопослушность иностранных трудовых мигрантов в Тихоокеанской России: опыт междисциплинарного анализа // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. – Вып. 12. Ч. 3. / РАН ИНИОН; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – С. 97–102.
70 Ващук А.С., Шишкина О.Е. История создания Свободного порта Владивосток: от идей к реализации закона // Россия и АТР. – 2019. – № 3. – С. 161-179.
71 Ващук А.С., Шишкина О.Е. К вопросу о законопослушности трудовых мигрантов из КНР в Приморском крае // Первый круглый стол по вопросам экономического сотрудничества провинции Цзилинь Китая и Тихоокеанской России. – Чаньчунь (Китай), 2015. – С. 81 – 92.
72 Ващук А.С., Шишкина О.Е. Состояние административной деликтности в сфере миграции в 2010–2014 гг. (на материалах Приморского края и Амурской области // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право. – 2015. – Т. 17. – № 3. – С.90-100.
73 Власов С.А. Государственная жилищная политика и её реализация в Дальневосточном федеральном округе (на примере Приморского края) // Жилищные стратегии. – 2015. – № 1. – С. 61 – 74.
74 Власов С.А. Государственная политика по производству товаров народного потребления в Приморском крае (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) //

Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в XIX–XX вв.: сб. науч. статей. Кн. 5. – Владивосток: ДВО РАН, 2012. – С. 59-76.
75 Власов С.А. Деятельность органов местного самоуправления в Приморском крае по развитию жилищного строительства (конец 1950-х – 1985 г.) // Россия и АТР. – 2013. – № 1. – С. 57 – 65.
76 Власов С.А. Жилищное строительство в Сахалинской области // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования Сахалинской области: материалы науч.-практ. конф. – Южно-Сахалинск: ГУП «Сахалинская областная типография», 2012. – С. 276 – 281.
77 Власов С.А. Жилищное строительство в Сахалинской области: исторический опыт, современные проблемы // Сахалинская область: История, современность, перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2012. – С. 26 – 30.
78 Власов С.А. Из истории жилищного строительства в Амурской области (1946–1991 гг.) // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко: материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2012. – С. 39 – 45.
79 Власов С.А. Индивидуальное строительство как средство решения жилищной проблемы в РСФСР в 1946–1991 гг. (на примере Дальнего Востока) // Известия Иркутского государственного университета. – Серия «История». – 2016. – Т. 15.– С. 101–109.
80 Власов С.А. Исторический опыт использования рабочих из стран АТР в стройиндустрии Дальнего Востока России // Общественные науки. – 2011. № 5. – С. 464 – 469.
81 Власов С.А. История жилищно-гражданского строительства во Владивостоке // Владивосток: история и современность: материалы науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд-во ГОБУ ДПО ПИППКРО, 2011. – С. 43 – 48.
82 Власов С.А. К вопросу о государственной социальной политике в селах Дальнего Востока (начало 1960-х – середина 1980-х гг.) // Россия и страны АТР: исторический опыт аграрного развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск. ДальГАУ, 2013. – С. 140 – 144.
83 Власов С.А. К вопросу о роли телевидения в повседневной жизни населения Дальнего Востока (1955–1985 гг.) // Чтения памяти профессора А.А. Сидоренко: материалы регион. заочн. науч.-практ. конф. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. – С. 35 – 47
84 Власов С.А. К вопросу об особенностях урбанизации на Дальнем Востоке России во второй половине XX в. // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011). – Владивосток: Дальнаука, 2013. – С. 133 – 138.

85 Власов С.А. Кинематограф в системе культурных ценностей дальневосточников в годы хрущевской «оттепели» // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Уссурийск, 2011. – С. 52 – 55.
86 Власов С.А. Китайский фактор в развитии стройиндустрии Дальнего Востока России // Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия: сб. Восточного центра. – Вып. 16. – Ч. 1. – Чита: ЗабГУ, 2015. – С. 27 – 33.
87 Власов С.А. Ликвидация аварийного жилья как важный фактор повышения качества жизни населения Приморского края // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2017. – № 1. – С. 63–67.
88 Власов С.А. Массовое жилищное строительство на севере Дальнего Востока (1960–1980 е гг.) // Чтения памяти академика К.В. Симакова: материалы докладов Всеросс. науч. конф. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2013. – С. 246 – 248.
89 Власов С.А. Н.С. Хрущев и развитие Владивостока // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности (Шестые Крушановские чтения, 2009). – Владивосток: Дальнаука, 2011. – С. 139 – 144.
90 Власов С.А. Обеспечение жильём населения Приморского края как социальная проблема // Общество, государство и человек в XXI столетии: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд. дом ДВФУ, 2013. – С. 46 – 54.
91 Власов С.А. Производство и потребление товаров повседневного спроса в условиях советской плановой экономики в 1956–1991 гг. (на примере Хабаровского края) // Общественные науки. – М., 2013. – № 1. – С. 138 – 147.
92 Власов С.А. Развитие городов на Дальнем Востоке во второй половине XX в.: тенденции, особенности, проблемы // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: сб. науч. ст. – Владивосток: ООО «Рея», 2014. – С. 44 – 51.
93 Власов С.А. Развитие кооперативов и их роль в борьбе с товарным дефицитом на Дальнем Востоке в годы перестройки // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Владивосток: ДВФУ. – 2016. – № 1(35). – С. 100–106.
94 Власов С.А. Развитие крупнопанельного домостроения на Дальнем Востоке в годы массового жилищного строительства (1960–1991 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 12. – Ч. 3. – С. 40 – 45.
95 Власов С.А. Реализация государственной жилищной политики в СССР на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.) // Седьмые Гродековские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. – Т. II. – С. 240 – 250.
96 Власов С.А. Реализация государственных социальных программ на Дальнем Востоке в годы перестройки // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации сб. научных статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 81 – 89.
97 Власов С.А. Реформа жилищно-коммунального хозяйства в Амурской области: основные тенденции и проблемы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Вып. 7. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – С. 46–50.
98 Власов С.А. Реформа жилищно-коммунального хозяйства Приморского края: основные тенденции, проблемы, перспективы // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. – Хабаровск, 2017. – С. 254–260.
99 Власов С.А. Реформирование жилищно-коммунального хозяйства Приморского края в 1990-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5. – С. 49–54.
100 Власов С.А. Решение жилищной проблемы в Дальневосточном федеральном округе в начале XXI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7. – Ч. 2. – С. 44 – 47.
101 Власов С.А. Решение жилищной проблемы в Приморском крае в современных условиях // European social science journal. – 2014. – № 1. – С. 459–465.
102 Власов С.А. Российско-китайское сотрудничество в строительной отрасли Дальнего Востока России (конец XX – начало XXI вв.) // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния: материалы VI заочной междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. – С. 3 – 10.
103 Власов С.А. Становление и развитие городов на Дальнем Востоке России во второй половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования.– Владивосток, 2013. – № 2. – С. 103 – 111.
104 Власов С.А. Студенческие отряды Приморского края в 1960–1980-е гг.: создание, деятельность, вклад в социально-экономическое развитие региона // Исторические, философские, политические и юридические

науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 7. – С. 40 – 44.

105 Власов С.А. Экологический туризм на российском Дальнем Востоке и перспективы международного сотрудничества // Природоохранное сотрудничество в трансграничных экологических регионах: Россия – Китай – Монголия. – Вып. 3. – Ч. 1. – Чита: Поиск, 2012. – С. 72 – 77.

106 Волкова Е.С. «Криминальные и погостные» 1990-е в художественных произведениях дальневосточных литераторов // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – №. 22. – С. 116-134.

107 Волкова Е.С. Жизнь после реформ: практики выживания дальневосточников на рубеже XX-XXI вв. в зеркале художественной литературы // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 3-1. – С. 46-57.

108 Волкова Е.С. Практики адаптации художников в Приморье в условиях рыночных реформ в конце XX — начале XXI в. // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.218-234.

109 Волкова Е.С. Процессы трансформации в литературной сфере на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. // Региональные проблемы. – 2017. – № 4. – С. 86-94.

110 Волкова Е.С. Трансформация социальной группы деятелей культуры на Дальнем Востоке России в постсоветский период (на примере литераторов) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – № 23. – С. 114-126.

111 Волкова Е.С. Художественная литература как источник по социальной истории постсоветского Дальнего Востока // Архонт. – 2018. – № 3 (6). – С. 25-39.

112 Волкова Е.С. Художественные произведения дальневосточных авторов как источник изучения повседневности 1990-х гг. // Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985–2015 гг.): материалы круглого стола / отв. ред. Ю.Н. Ковалевская. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – С. 71-78. [Электронный ресурс].

113 Волкова Е.С., Чернавская В.Н. Рец. на монографию: Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. — 940 с. // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. – Владивосток, 2017. – № 2. – С. 98–102.

114 Воронцов Н.С. Изучение проблем реорганизации местной власти и самоуправления в переходный период (1985—1993) // Научное осмысление реализации российских реформ конца XX – начала XXI в. на Дальнем Востоке: материалы круглого стола (23 ноября 2018 г.) / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 8–15.
115 Воронцов Н.С. Нереализованные проекты свободных экономических зон в Приморье: исторический очерк // Россия и АТР. – 2018. – № 3. – С. 31–44.
116 Воронцов Н.С. Подготовка приватизации в Приморье (1990-1992 гг.): по материалам делопроизводства региональных и местных органов власти и управления // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.120-129.
117 Воронцов Н.С. Судьба объектов партийного имущества в период роспуска структур КПСС в Приморье // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – №. 22. – С. 44-56.
118 Дударёнок С.М. «Религиозное возрождение» на российском Дальнем Востоке и его культурная составляющая // Дальний Восток в зеркале этнополитики: материалы Всерос. науч. конф. / под ред. Е.Н. Спасского, О.А. Рудецкого. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2019. – С. 169-174.
119 Дударёнок С.М. Осмысление результатов «исламского возрождения» в России и на Дальнем Востоке // Научное осмысление реализации российских реформ конца XX – начала XXI в. на Дальнем Востоке: материалы круглого стола (23 ноября 2018 г.) / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 56-62.
120 Дударёнок С.М. Православная Церковь и власть в Приморском крае в ходе трансформации вероисповедной политики в 1990-е гг. // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.350-365.
121 Дударёнок С.М., Федирко О. П. Церковь христиан адвентистов седьмого дня Дальнего Востока России (1910-1990-е гг.) / отв. ред. С. М. Дударёнок (Религиозная жизнь Дальнего Востока России). – М.: Терция, 2019. – 472 с.
122 Дударёнок С.М., Федирко О.П. Возрождение и развитие протестантизма и католицизма на Дальнем Востоке России в 1990-е годы // Журнал фронтирных исследований. – 2020. – № 4. – С. 173-208.
123 Дударёнок С.М., Федирко О.П. Религия [раздел статьи «Приморский край»] // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2020. – Т. 58. – С. 213-226.

124 Зайцев Р.М. Высшее педагогическое образование на Северо-Востоке СССР: история создания // Общество: философия, история, культура. 2020. – № 6. – С. 123-128

125 Зайцев Р.М. Периферийные педагогические вузы Дальнего Востока в период перестройки и рыночных реформ // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.400-407.

126 Исторические проблемы социально-политической безопасности Российского дальнего Востока (вторая половина XX-начало XXI в.). Кн.1. Дальневосточная политика: стратегия социально-политической безопасности и механизмы реализации / под общей ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 360 с.

127 Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн.2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 224 с.

128 Карелова Е.В. Постсоветская модель высшего исторического образования на Дальнем Востоке России в 1991–2012 гг. // Современная научная мысль. – 2020. – № 2. – С. 119-125.

129 Карелова Е.В., Федирко О.П. К вопросу о выделении моделей исторического образования на советском Дальнем Востоке // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. – Вып. 9. – Ч. 1. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 125-129.

130 Клименко Г.С. Освещение в отечественной литературе проблем малого и среднего предпринимательства на Дальнем Востоке в переходный период // Научное осмысление реализации российских реформ конца XX – начала XXI в. на Дальнем Востоке: материалы круглого стола (23 ноября 2018 г.) / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая.– Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 42–47.

131 Клименко Г.С. Освещение проблем малого и среднего предпринимательства на Дальнем Востоке в переходный период к рынку в отечественной литературе // Общество, философия, история, культура. – 2020. – № 4. – С. 76-82.

132 Ковалевская Ю.Н. «Мы» и «те, кто свыше»: обыденное восприятие социального расслоения на постсоветском Дальнем Востоке // Россия и АТР. – 2018. – № 2. – С. 178-194.

133 Ковалевская Ю.Н. «Ржавый пояс» Дальнего Востока России: специфика деиндустриализации в 1990—2010 гг. // Россия и АТР. – 2020. – № 1 (107). – С. 58-71.
134 Ковалевская Ю.Н. «Эпоха перемен» (1985–2000 гг.) в обыденном сознании: публичная и частная версии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – № 4 (35). – С. 55-64.
135 Ковалевская Ю.Н. Антропология владивостокских оптово-розничных продуктовых рынков (1990-е гг.) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.250-260.
136 Ковалевская Ю.Н. Кризис повседневности в 1990-е гг. как фактор маргинализации населения северо-востока России // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: Уроки истории: материалы междунар. науч. конф. – Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. – С. 334 – 338.
137 Ковалевская Ю.Н. Кризис повседневности на дальневосточной периферии в 1990-е гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – № 22. – С. 94-115.
138 Ковалевская Ю.Н. Маргинализация населения Дальнего Востока России как феномен кризисной повседневности (1990-е – начало 2000-х гг.) // Россия и АТР. – 2012. – №3. – С. 101–111.
139 Ковалевская Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С.66-79.
140 Ковалевская Ю.Н. Повседневная адаптация дальневосточных женщин в период рыночных реформ (1985-2015 годы) // Исторические записки. – 2018. – № 17 (135). – С. 270-290.
141 Ковалевская Ю.Н. Повседневная адаптация как фактор формирования и динамики национальной идентичности сахалинских корейцев (1945–2012 гг.) // Сахалинская область: История, современность, перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2012. – С. 138 – 141.
142 Ковалевская Ю.Н. Постсоветский переход на Дальнем Востоке России в вербальных и визуальных источниках: сходство и различия. // Архонт. – 2018. – № 3 (6). – С. 40-56.
143 Ковалевская Ю.Н. Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – №4. – С. 64 – 70.
144 Ковалевская Ю.Н. Рок-культура на юге Дальнего Востока России в 1970–1990 гг. // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток –

Запад: материалы регион. науч. конф. – Владивосток: РИО ДВГАИ, 2013. – Вып. 18, 19. – С. 45 – 49.

145 Ковалевская Ю.Н. Социальные трансформации 1990-х гг. как фактор формирования кризисной повседневности дальневосточников (по результатам полевых исследований) // Региональные проблемы. – 2016. – Т.19. – № 4. – С. 109-116.

146 Ковалевская Ю.Н. Трансформация повседневности на Дальнем Востоке России в 1990-е гг.: основные подходы к изучению // Научное осмысление реализации российских реформ конца XX – начала XXI в. на Дальнем Востоке: материалы круглого стола (23 ноября 2018 г.) / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 64–67.

147 Ковалевская Ю.Н. Трансформация повседневных структур в период рыночных реформ: методы сбора материалов, эмпирического и теоретического обобщения // Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985–2015 гг.): материалы круглого стола / отв. ред. Ю.Н. Ковалевская. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – С. 38-46. [Электронный ресурс]

148 Ковалевская Ю.Н. Трансформация повседневных структур и практики выживания населения малых городов Сахалина в конце 1980-х – 2013 гг. (на примере Углегорского района) // Вестник ДВО РАН. – 2014. – № 6. – С. 54-63.

149 Ковалевская Ю.Н. Федерализм или феодализм // Состояние и перспективы развития российского федерализма в массовом сознании и экспертных оценках (по материалам круглого стола) // У карты Тихого океана. Информ.-аналит. бюллетень. – 2011. – № 21 (219). – С. 26 – 31.

150 Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 – начале 1990-х гг.: от барахолки к рынку // Россия и АТР. – 2013. – №4. – С. 96 – 112.

151 Коваленко С.Г. 20 лет советских реформ: Была ли модернизация на Дальнем Востоке? – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 228 с.

152 Коваленко С.Г. Аграрная политика Н.С. Хрущева на Дальнем Востоке // Наследие П.А. Столыпина в контексте истории Дальнего Востока России: сб. науч. статей. – Владивосток: Мор.гос. ун-т, 2012. – С. 108 – 121.

153 Коваленко С.Г. Гайд-интервью как источник анализа и поведенческих моделей постсоветстской региональной элиты // Архонт. – 2018. – №3 (6). – С. 57-66.

154 Коваленко С.Г. Государственные кампании как средство борьбы с патримониальными отношениями советской системы управления середины 1970-х – 1991 г. на примере Дальнего Востока // От СССР к РФ: 20 лет — итоги и уроки: материалы всеросс. науч. конф. – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 486 – 497.

155 Коваленко С.Г. Институциональная матрица России и неформальные управленческие практики // У карты Тихого океана: информац.-аналит. бюллетень. – Владивосток, 2016. – № 43 (241).
156 Коваленко С.Г. К оценке модернизационных структурных преобразований на Дальнем Востоке в 1965–1980 гг. // Ойкумена. – 2013. – №4. – С. 7 – 18.
157 Коваленко С.Г. Квартира в жизни семьи: счастье или необходимость? // Материалы российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай Япония. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – С. 101–104.
158 Коваленко С.Г. Неформальные экономические практики на Дальнем Востоке в период активного формирования бюрократического рынка 1950–1960 гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2013. – № 4. – С. 164 – 169.
159 Коваленко С.Г. Применение методов исторической психологии в изучении советской элиты // Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985–2015 гг.): материалы круглого стола / отв. ред. Ю.Н. Ковалевская. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – С.22-27. [Электронный ресурс]
160 Коваленко С.Г. Распад СССР и новая вертикаль власти: 1990–1993 гг. (на примере Дальнего Востока России) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.46-56.
161 Коваленко С.Г. Советская экономическая модернизации на Дальнем Востоке в эпоху перестройки: замысел и результат // Национальные интересы приоритеты и безопасность. – 2014. – № 37 (322). – С. 12 – 21.
162 Коваленко С.Г. Среднее звено управленческой элиты Приморья в годы перестройки: реакция на местах // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С.80-93.
163 Коваленко С.Г. Управление на Дальнем Востоке в 1945–1965 гг.: особенности и результаты // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. – Владивосток, 2015. – С. 52-58.
164 Коваленко С.Г. Управленческая элита Дальнего Востока в эпоху системных трансформаций 1990-х: ценностная самоидентификация как взгляд изнутри // Власть. – М., 2017. – №10. – С. 123–128.
165 Коваленко С.Г., Захаров В.К. Исконная синтетичность общества как фактор преобразования советского строя // Национальные интересы приоритеты и безопасность. – 2014. – № 33 (270). – С. 47 – 59.
166 Коваленко С.Г., Пискунов С.А. Внутриполитические процессы в СССР и их отражение в управлении сельским хозяйством // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – №10 (76). – С.87 – 99.

167 Коваленко С.Г., Поповкин А.В. О значении морального фактора в социально-политических трансформациях эпохи перестройки // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – М., 2017. – Т. 6. – № 1А. – С. 129–141.
168 Коваленко С.Г., Поповкин А.В. Трансформация источников социальной власти в России в период распада СССР (конец 1980-х — начало 1990-х гг.): приоритет идеологического аспекта // Труды института истории ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – № 22. – С.30-43.
169 Коваленко С.Г., Шестак О.И. Гл. 1. Проблемы и перспективы развития малого и среднего предпринимательства на региональном уровне (на материалах Приморского края) // Факторы устойчивого развития регионов России. Кн. 19. / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015. – С. 9–38.
170 Коняхина А.П. Власть и реформы: взгляд из дальневосточной глубинки (1985–2015 гг.) // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 102 – 110.
171 Коняхина А.П. Гражданская активность на юге Дальнего Востока России (1980–1990-е гг.) // Россия и АТР. – Владивосток, 2013. – №4. – С. 113 – 127.
172 Коняхина А.П. К истокам гражданского общества на Дальнем Востоке России: от человека недовольного к человеку действующему // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – С. 174 – 179.
173 Коняхина А.П. Общественно-политическая жизнь в Сахалинской области в условиях нестабильности 1980 – 1990-х гг.: вызовы и реакция населения// Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад: материалы науч. конф. – Владивосток: РИО ДВГАИ, 2013. – Вып. 18, 19. – С. 49 – 55.
174 Коняхина А.П. Практики гражданского участия на Дальнем Востоке (От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности) // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С.38-55.
175 Коняхина А.П. Социально-политический процесс на Сахалине в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: от прямых коллективных действий к институциональной политике // Сахалинская область: История, современность, перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2012. – С. 46-49.
176 Коняхина А.П. Социальный протест в Сахалинской области (1980-е – первая половина 1990-х гг.): очаги напряженности и реакция населения // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования

Сахалинской области: материалы науч.-практ. конф. – Южно-Сахалинск: ГУП «Сахалинская областная типография», 2012. – С. 323 – 329.
177 Крушанова Л.А. Браконьерство на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI века // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (52). – С. 70-78.
178 Крушанова Л.А. Взятка как историко-социальное явление в 1985 – 2005 гг.» // Современные проблемы регионального развития: тезисы междунар. науч. конф. – Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВПО «ПТУ им. Шолом-Алейхема», 2016. – С. 409 – 412.
179 Крушанова Л.А. Власть в регионе как условие суверенитета государства, или Дальний Восток в 1990 – 2014 гг.: движение от сепаратизма к централизации // Проблема суверенности современной России: матер. Всеросс. науч.-обществ. конф. – М.: Центр научной политической мысли и идеологии, 2014. – С. 421–429.
180 Крушанова Л.А. Влияние реформ 1990-х годов на динамику трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – Т. 22. – С. 57-75
181 Крушанова Л.А. Девиации и деструкции в советском и постсоветском обществе во второй половине 1980-х — 1990-е гг. как отражение социальных трансформаций (на примере Дальнего Востока) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – № 4. – С.20-35.
182 Крушанова Л.А. Демографическое развитие Дальнего Востока в 1960–1980-е гг. // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2013. – С. 138 – 147.
183 Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-1970-е гг.). – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 268 с.
184 Крушанова Л.А. Особенности демографических процессов на Дальнем Востоке в 1980-е гг. // Россия и АТР. – 2012. – № 2. – С. 19 – 30.
185 Крушанова Л.А. Реализация молодежной политики в Приморском крае в контексте задач военной реформы в Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 6. – С. 93–107.
186 Крушанова Л.А. Реформы 1990-х гг. как фактор динамики трудового потенциала на Дальнем Востоке России в отечественной историографии // Научное осмысление реализации российских реформ конца XX — начала XXI в. на Дальнем Востоке: материалы круглого стола (23 ноября 2018 г.) / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 33-40.

187 Крушанова Л.А. Реформы антикоррупционного законодательства как фактор динамики коррупционной ситуации в Приморском крае (1990–2010-е гг.) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.275-289.
188 Крушанова Л.А. Роль статистических источников в формировании представлений о состоянии преступности в отечественных исторических исследованиях // Архонт. – 2018. – № 3 (6). – С. 67–76.
189 Крушанова Л.А. Экономическая преступность в России и её проявления на Дальнем Востоке (1985–1991 гг.) // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 168 – 177.
190 Мир после войны: дальневосточное общество в 1945-1950-е гг./под общей ред. В.Л. Ларина, отв. ред. А.С. Ващук (История Дальнего Востока России. Т.3 кн.4). – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 696 с.
191 Научное осмысление реализации российских реформ конца XX – начала XXI в. на Дальнем Востоке: материалы круглого стола (23 ноября 2018 г.) / отв. ред. Е. Н. Чернолуцкая. – Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2019. – 74 с.
192 Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Изд. 2-е, перераб. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 904 с.
193 Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. — 940 с [Электронный ресурс]. URL: http://ihaefe.org/publishings/publications/on-line
194 Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – 350 с.
195 Савченко А.Е. 2000 нэндай но кёкуто ни тайсуру мосукува но тихосэсаку // Сэнрякутэки ёсэй ни тайсуру тайо ка, сорэ томо дзёкётэки ни тайсуру тайо ка? (Региональная политика Москвы на Дальнем Востоке в 2000-е гг.: ответ на стратегические или конъюнктурные вызовы? // 28-й Японо-российский научный симпозиум по проблемам Дальнего Востока, г. Киото). – Осака: Нитиро кёкуто гакудзюцу корюкай, 2013. – С. 64 – 68. (на яп. яз.)
196 Савченко А.Е. Бег на месте. Почему не работают программы развития Дальнего Востока? // Свободная мысль. – 2014. – №1. (1643). – С. 95 – 108.
197 Савченко А.Е. В поисках ключа. Программный подход к развитию Дальнего Востока в конце XX – начале XXI века // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. – 10. – № 3-1. – С. 104-113.

198 Савченко А.Е. Взаимоотношения Центр-периферия в России во второй половине XX – начале XXI вв.: основные факторы политической динамики // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 2 «История». – Вып. 4. – СПб., 2012. – С. 211 – 214.

199 Савченко А.Е. Взаимоотношения Центр-регион в России 1985–2000 гг. как проблема эффективности государства // Россия и АТР. – 2011. – № 2. – С. 108 – 117.

200 Савченко А.Е. Взлёт и падение российского федерализма. 1992 – 2012 // Пути России. Новые языки социального описания: сб. статей. – Т. XIX. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 86 – 99.

201 Савченко А.Е. Взлёт и падение российского федерализма: конец 1988 – 2012 гг. Взгляд с Дальнего Востока // К новой модели российского федерализма / под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2013. – С. 219 – 232.

202 Савченко А.Е. Власть и гражданское общество: есть ли запрос на диалог? //Развитие парламентаризма в Приморском крае: опыт и современные практики: сб. материалов регион. науч-практ. конф. – Владивосток, 2015. – С. 69-72.

203 Савченко А.Е. Дальний Восток в региональной политике Центра в 1990-е гг. (на примере Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. –2013. – № 3 (39). – С. 146–151.

204 Савченко А.Е. Дальний Восток во второй половине XX – начале XXI в.: место и роль региона в процессах модернизации страны // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее. (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2013. – С. 153 – 166.

205 Савченко А.Е. Задачи развития и проблемы политической управляемости (середина 1960-х – конец 80-х гг.) // Россия и АТР. – 2011. – № 1. – С. 30 – 39.

206 Савченко А.Е. История административно-политических отношений центра и регионов юга Дальнего Востока (середина 1980-х – 1990-е гг.): Дисс. …канд. ист. наук. – Владивосток, 2011. – 285 с.

207 Савченко А.Е. К пониманию исторического опыта перестройки // В зеркале Перестройки: к осмыслению российских трансформаций. Сб. научных статей. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 11-19.

208 Савченко А.Е. Коллапс государства в СССР в 1985–1991 гг.: возможности системного анализа на материалах дальневосточных архивов // Документальный опыт прошлого – будущему России: материалы регион. науч.-практ. конф. – Владивосток: РГИА ДВ, 2011. – С. 119 – 124.

209 Савченко А.Е. Кризис развития Дальнего Востока конца XX века: перспективы компаративного анализа // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.91-102.
210 Савченко А.Е. Между желаемым и возможным: специальные экономические зоны на Дальнем Востоке в 1987 – 2015 гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 6. – С. 83 – 91.
211 Савченко А.Е. Недостающие элементы: чего не хватает в экономическом сотрудничестве Дальнего Востока и Северо-Востока Китая // Третий круглый стол по экономическому сотрудничеству провинции Цзилинь КНР и Дальнего Востока РФ: сб. докладов. – Чанчунь (КНР), 2017. – С. 51–54.
212 Савченко А.Е. Перспективы федерализма в России в свете проблем и задач российского государства // У карты Тихого океана. Информ.-аналит. бюллетень. – Владивосток, 2011. – №21. – С. 42 – 48.
213 Савченко А.Е. Преодолеть границы: поиск новых форм внешнеэкономических связей для развития Дальнего Востока в 1985–1993 гг. // Россия и АТР. – 2018. – № 3. – С. 45–67.
214 Савченко А.Е. Региональная политика в России и Бразилии как поле для сравнительного исследования // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – № 22. – С. 150-151.
215 Савченко А.Е. Федерализм в свете проблем эффективности российского государства в 2000-х гг.: Взгляд с Дальнего Востока // К новой модели российского федерализма: Взгляд из регионов: доклады проекта – 2012 г. Междунар. фонд соц.-экон. и политол. исслед. (Горбачёв-Фонд). – М.: Горбачёв – Фонд, 2012. – С. 70 – 80.
216 Савченко А.Е. Циклы дальневосточной политики Центра: к поиску порождающих факторов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2012. – №3. – С. 22 – 28.
217 Савченко А.Е. Эффективность государства в России в середине 1950-х – 2000-х гг.: фактор «нефтяного проклятия» // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы междунар. конф. – Владивосток: Изд. Дом Дальневост. федерал.ун-та, 2012. – С. 356 – 364.
218 Федирко О.П. Влияние процессов глобализации на изменение конфессионального ландшафта российского Дальнего Востока в период с 1980-х до 2019 г. // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 11. – С. 50-55.
219 Федирко О.П. Дефиниция «государственно-конфессиональные / церковные отношения» в историографии 1990-х гг. // Научное осмысление реализации российских реформ конца XX — начала XXI в. на Дальнем Востоке: материалы круглого стола (23 ноября 2018 г.) / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 49-54.

220 Федирко О.П. Документы государственных учреждений и политических партий как источник по религиозной ситуации в России в 1990-е. // Архонт. – 2018. – № 3(6). – С. 77–87.
221 Федирко О.П. Проблема государственно-конфессиональных отношений в истории России: краткий обзор историографии 1990-х гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – Т. 22. – С. 135-146.
222 Федирко О.П. Процессы десекуляризации системы образования на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.378-391.
223 Федирко О.П. Ревитализация религии на российском Дальнем Востоке в 1980—2000-е гг. // Россия и АТР. – 2020. – № 2. – С. 117-130.
224 Федирко О.П., Дударёнок С.М. Социальное служение неправославных христианских религиозных организаций Дальнего Востока в 1990-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2020. – Т.12. – № 6. – С. 53-63.
225 Федирко О.П., Дударёнок С.М. Участие дальневосточных епархий Русской православной церкви в социокультурной жизни Дальнего Востока в 1990- е годы // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 12. – С. 89-93.
226 Чернавская В.Н. Дальний Восток России 1990-х гг. в дальневосточной журнальной периодике: аналитико-библиографический обзор // Архонт. – 2018. – № 3 (6). – С. 88–102.
227 Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография о политических трансформациях на Дальнем Востоке России в 1990 – начале 2000-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 3-1. – С.114-123.
228 Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография о состоянии военной сферы на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. // Архонт. – 2018. – Вып. 3 (6). – С. 103–114.
229 Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография об участии граждан Китая в аграрной отрасли юга Дальнего Востока России в 1990–2010-е гг. // Региональные проблемы. – Биробиджан, 2017. – Т. 20. – № 3. – С. 50–57.
230 Чернолуцкая Е.Н. Военнослужащие в структуре населения, миграционных процессах и трудоиспользовании на Дальнем Востоке в позднесоветский период // Страницы нашей истории: сб. науч. статей, посвященный 50-летию д-ра ист. наук Анатолия Ивановича Широкова. – Магадан, 2017. – С. 183-189.

231 Чернолуцкая Е.Н. Вхождение российских территорий в эпоху системных трансформаций 1990-х гг.: оценки зарубежных аналитиков // Россия и АТР. – 2020. – № 1. – С. 14-27.
232 Чернолуцкая Е.Н. Государственная миграционная политика на Северо-Востоке СССР: цели, механизмы, результаты // Человек в истории: Северо-Восточный фронтир России в контексте политических, экономических, этносоциальных и этнокультурных процессов XVII – начала XXI вв.: сб. науч. ст. XI ежегод. межрегион. науч.-практ. конф. – Петропавловск-Камч.: КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. – С. 130 – 142.
233 Чернолуцкая Е.Н. Государственные программы развития Дальнего Востока и демографическая динамика в дальневосточном приграничье в конце XX – начале XXI в. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2019. – № 22. – С. 76-93.
234 Чернолуцкая Е.Н. Демографическая динамика в дальневосточном приграничье в конце XX – начале XXI в.: государственные программы и жизненные реалии // Современные проблемы регионального развития: материалы VII Всерос. науч. конф. – Биробиджан, 2018. – С. 407–410.
235 Чернолуцкая Е.Н. Курилы в 1990-е гг.: рыночные реформы и «пограничный вопрос» // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – № 27. – С. 162 – 178.
236 Чернолуцкая Е.Н. Политические процессы на Дальнем Востоке России в 1990 — начале 2000-х гг. в оценках западных экспертов // Научное осмысление реализации российских реформ конца XX — начала XXI в. на Дальнем Востоке: материалы круглого стола (23 ноября 2018 г.) / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 26-31.
237 Чернолуцкая Е.Н. Приграничная политика России и этнодемографическая динамика в Хасанском районе Приморского края // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2019. – № 3 (64). – С. 49-56.
238 Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920—1950 е гг. — Владивосток: Дальнаука, 2011. — 512 с.
239 Чернолуцкая Е.Н. Факторы и особенности изменения этнического состава населения российского Дальнего Востока в 1960–1980-е гг. // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: мат-лы Второй междунар. науч. конф. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – С. 371–376.
240 Чернолуцкая Е.Н. Федеральная целевая Курильская программа: хроника, достижения и провалы первого этапа (1994–2005 гг.) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный

аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. – С.103-119.

241 Чернолуцкая Е.Н. Численность китайских трудовых мигрантов на Дальнем Востоке СССР во второй половине 1940-х — 1950-е гг.: дискуссионный вопрос историографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. – С. 120—123.

242 Fedirko O. P., Dudarenok S. V. Features of the confessional situation in the Russian Far East in the context of globalization // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2019. – T. LXXVI. – C. 941-947

243 Kovalenko S.G., Yanchev D.V., Shestak O. I., Boldyreva S. Y., Boldyrev R.Y. The state policy of the Russian Federation on the Northern and Arctic territories in the 1990s: stages, priorities, mechanisms and results // Humanities and Social Sciences Reviews. – 2019. – Vol. 7. – No. 6. – P. 154-159.

244 Petruk G.V., Kim A.G., Vaschuk A.S. Regional aspects of Russian migration: on the example of Primorsky region // Religation – Revista de ciencias y humanidades. – 2019. – Т. 4. – Вып. 18. – С. 170-175.

245 Seck Tan, Savchenko A.E. Chapter 9. Comprehending Singapore's development and its relevance to free port of Vladivostok // Political economy of Pacific Russia. The regional developments in East Asia. – Springer International Publishing AG, 2016. – P. 223–242.

246 Vaschuk A.S., Konyakhina A.P. The Modernization of Khasanskii raion in the Russian Far East: Potential, problems, and perspectives // Asian Perspective (Institute for Far Eastern Studies, Kyungnam University. Lynne Rienner Publishers). 2016, July-September. – Vol. 40. – №. 3. P. 435–463.

247 Vashchuk A., Shishkina O. The History of the Creation of the Free Port of Vladivostok: From Ideas to Law Implementation // Siberian studies (Heilongjiang province Academy of Sciences). – 2020. – Vol. 47. – No. 4. – P. 106-120. (на китайском яз.) (Ващук А.С., Шишкина О.Е. История создания свободного порта Владивосток: от идей к реализации закона // Изучение Сибири. – Харбин, 2020. – №4. – С.106-120)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН
РОССИЙКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Программа всероссийской научной конференции

«РЕФОРМЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В. НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ»

Владивосток
8-9 декабря 2020 г.

Рисунок А. 1. Программа конференции ««Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект»

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Рисунок Б. 1. Обложка сборника ««Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект»

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Рисунок В.1. Челноки в ожидании автобуса.

Рисунок В.2. Торговая улица, г. Владивосток

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Рисунок Г.1. Обогатительная фабрика, г. Партизанск Приморского края

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Рисунок Д.1. Художник А. Камалов в арт-салоне «Ностальгия» (Владивосток)

Рисунок Д.2. Художники Ф. и Л. Морозовы, искусствовед М. Куликова на открытии выставки в Приморской государственной картинной галерее

Рисунок Д.3. Художник Л. Козьмина в Лхасе

***

Художница рисовала газету про грипп в поликлинику. Рядом стоял горячий чайник, чтобы на его боках греть руки[*]. Пришёл знакомый, принёс 50 рублей за картину “Сирень”, нищему столько подают. Будет странно, если она умрёт своей смертью… За газету заплатили бутылкой шампанского, имея в виду наступающее новогодье. На улице было теплее, чем дома, художница повеселела и ринулась на выставку какого-то авангардиста…

Алёшина Т. Жизнь удалась! Рассказы. Владивосток, 2001. С. 57.

***

Весело перепробовав все выработанные прежними художниками варианты безбожного модернизма, отрицавшие традицию, к концу XX века Пырков[*] очнулся и увидел, что живёт совсем в иной Эпохе – постмодернизма, девальвировавшей искусство как таковое. Что-то вроде дефолта 1992 или 1998 годов. Раз – и всего стало в три раза меньше! Солнца, любви и денег. Но не рассмеялся, как другие, а впал в депрессию. Живопись была его, если и не единственною любовью, то привязанностью и смыслом жизни – точно. Обездушенная, десакрализированная, живопись уходила сквозь чёрный квадрат Малевича в дизайн. «Арбайтен, арбайтен, арбайтен»! Товар – деньги – товар (вернее, картинка, или формализованная абстракция художника к изобретению инженера, бренду торговца и тд). Как белка в колесе.

Член Союза художников, преподаватель Академии искусств, а главное – мой приятель и дизайнер Александр Глинщиков – так и существует. Как белка в колесе.

Шепета И. Победитель солнца // Литературная Россия. 2017. № 35

[*] Перебои с подачей отопления, воды и электричества во Владивостоке 1990-х стали приметой времени.

[*] Речь идёт о приморском художнике А.А. Пыркове (1946—2014).

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

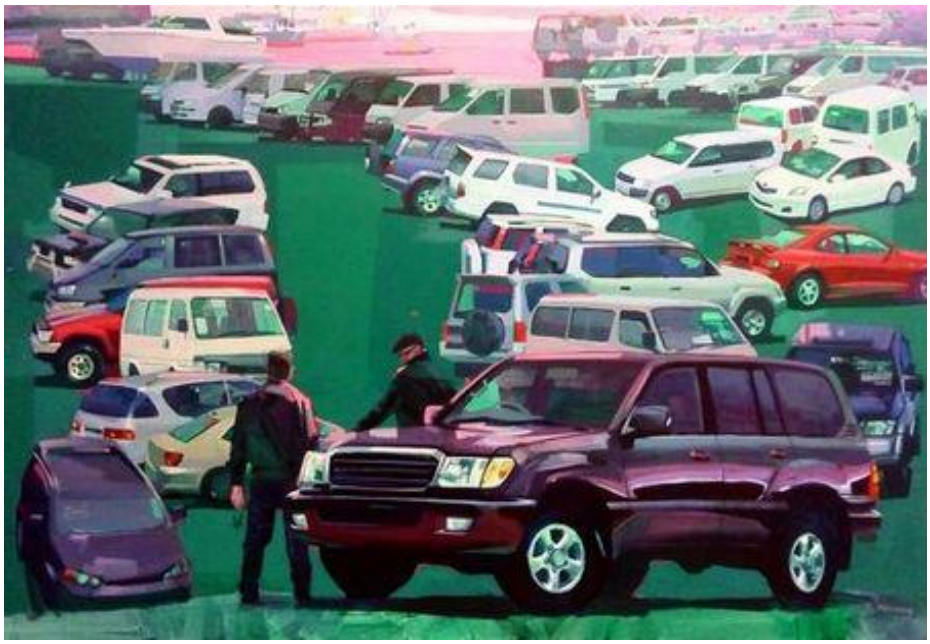


Рисунок Е.1. Лучинин Д. «Зелёнка»

***

Когда смотрю я на тебя,
Ты так красива и чиста,
И гибкий стан ласкает глаз,
И взгляд твой манит каждый раз.
Любимая моя,
Нет жизни без тебя.
И нет ее с тобой,
Забрала мой покой.
Мой аппетит и сон,
Наверно я влюблён.
В тебя и навсегда,
Любимая моя
Toyota Celica!*

Панфилов И. Любимая моя Тойота Целика // Songs PRO: тексты песен, переводы песен, видео, клипы. URL: http://songspro.ru/9/Ivan-Panfilov/tekst-pesni-Lyubimaya-Moya-Toyota-Tselika (дата обращения: 12.12.2020)

***

По мере того как кораблей ТОФ становилось всё меньше, поголовье иномарок, напротив, прирастало… Город наводнили существа с другой планеты. Когда количество «японок» перешло в качество, они избавили облик Владивостока от одной из черт, присущих провинциальным городам. Как если бы на улицы вместо хмурых, серых, сонных людей («Russian smile», – иронически замечал, гостя в России, американский друг нашей семьи профессор Рональд Фрост при виде очередного смурного аборигена) вдруг вышли сплошь улыбающиеся, энергичные, броские. Лучше пир во время чумы, чем чума без пира.

Авченко В.О. Правый руль: докум. роман. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 75-76.

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Рисунок Ж.1. Хрустов В. «Начальный период войны», «Конечный период войны» (диптих)

Рисунок Ж.2. Погребняк В. «Нашествие»

Рисунок Ж.3. Шаронов С. «Ветеран. Май 1993»

Рисунок Ж.4. Мягков А. «Алсиб. Фото на память»